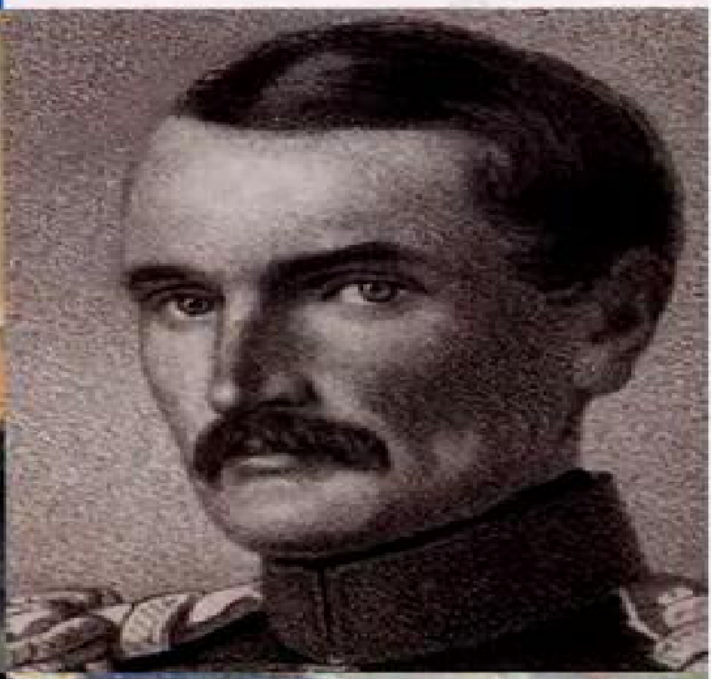
АДМИРАЛ КОРНИЛОВ



Светлана Кузьмина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Героическая гибель вице-адмирала В.А.Корнилова, возглавившего в сентябре 1854 года оборону Севастополя, которую современники назвали «русской Троей», а самого Корнилова «героем, достойным Древней Греции», — произвела сильнейшее впечатление и на участников обороны, и на императора Николая I, и на всё русское общество, и даже на тогдашнюю Европу. Но многие важнейшие события биографии вице-адмирала до драматических событий Крымской войны (1853–1855), его деятельность как выдающегося военного организатора, теоретика, стратега, новатора военного искусства на море, готовившего российскому флоту новое славное поприще, оставались как бы в тени серьёзного интереса (за исключением редких специалистов военной истории). Настоящая книга с успехом восполняет этот пробел. Это — первое в нашей историографии подробное исследование жизни и деятельности выдающегося флотоводца и человека, патриота России.

- Светлана Кузьмина
  - ОТ АВТОРА
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ ВИЦЕ-АДМИРАЛА В.А.КОРНИЛОВА
  - КРАТКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
  - Иллюстрации
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89

- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133

- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177

- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185

Светлана Кузьмина
Адмирал Корнилов

ОТ АВТОРА

Последние дни жизни этого человека, словно взятые из древнегреческого эпоса, поразили воображение его современников… Восемнадцатый век, век Просвещения, утвердил в русском сознании античную аллегорию: живопись, скульптура, литература наполнились образами греко-римских богов и богоподобных героев. Идеал греков — гармония духа и тела; человек должен быть столь же прекрасен душой, как красив внешне. Сила неотделима от мужества, ловкость от благородства, быстрота — от разума [1]. И у XIX века не было сравнения выше и прекраснее; так, Лев Толстой в рассказе «Севастополь в декабре месяце» написал: «…этот герой, достойный Древней Греции, Корнилов, объезжая войска, говорил: «Умрём, ребята, а не отдадим Севастополь» — и наши русские, неспособные к фразёрству, отвечали: «Умрём, ура…»»

В ряду немногих прижизненных изображений Владимира Алексеевича Корнилова есть литография А.Петерсена (сделанная, полагаю, с фотографии адмирала), на которой сорокавосьмилетний Корнилов — усталый, с запавшими и воспалёнными от бессонниц глазами, обременённый многотрудной службой, обширными заботами, неудачами и властью, человек, перед чьим проникающим в душу взглядом умных глаз не солгать, не смалодушничать. Это портрет храброго русского офицера, весь склад лица и выражение его свидетельствуют о решимости, чуть отстранённой вежливости, благородстве и честности. И, глядя на портрет, понимаешь, что именно такой человек должен был первым геройски погибнуть в апокалипсисе обороны Севастополя, города, который с начала обороны современники назвали «русской Троей». И что именно он, худощавый, с впалой грудью, чуть сутулый, заметно лысеющий и совсем не похожий на мраморные изваяния греческих богов, нарушающий понятия о красоте телесной, станет Героем, достойным Древней Греции, нет, выше — русским героем величайшей обороны, которому благодарные потомки простили несоответствие канонам античной красоты.

Но существует другой портрет, с которого началось моё восхождение к постижению судьбы адмирала.

Однажды (тогда мне было четырнадцать лет), разбирая книги в своём шкафу, я взяла серийный том «Жизни в искусстве» о Карле Брюллове, раскрыла блок иллюстраций. Перевернула несколько страниц, невнимательно и бегло просматривая хорошо известные картины. Помню, что уже вечерело и в комнате было

довольно сумрачно, но и без помощи лампы я увидела маленькую, 5,5 х 7,5 см, фотографию и… вдруг застыла на месте. На портрете роскошной кистью Брюллова был изображён молодой греческий бог… в мундире русского морского офицера. Подпись была не менее ошеломляющая, потому что я ничего не знала об этом человеке: «Портрет В.А.Корнилова. 1835». И всё. Будущему адмиралу здесь всего 29 лет, и ещё девятнадцать останется прожить юноше — полубогу античной красоты с этого редкого портрета. Описывать портрет словами так же бессмысленно, как описывать порыв ветра, трепет сердца, сияние божества. Редчайший для Брюллова (влюблённого в итальянский кареглазый, смуглый типаж и капризного при выборе натуры), этот голубоглазый, незавершённый пастельный военный портрет, написанный в Греции на борту брига, носящего имя древнегреческого героя Фемистокла (!), кажется почти пророческим.

Брюллов любил приукрашивать портретируемых. Пусть так. Но мастер, по рассказам, отказался писать портрет первой красавицы Натальи Николаевны Гончаровой, аргументируя тем, что она косая. Каким же должен был быть молодой Владимир Корнилов, если художник — в тот момент занемогший — за несколько дней плавания написал его?!

Летом 2002 года в Галерее на Крымском валу многие увидели этот портрет, привезённый Русским музеем, долго хранившим его в своих «запасниках».

Тайком, с радостью наблюдая за действием брюлловско-корниловских чар на посетителей, я вспоминала слова Аристотеля о том, как передал Гомер неземную красоту Елены Прекрасной в «Илиаде»: «Покажите нам действие красоты на других, и вы увидите саму красоту».

Девятнадцать лет — немалый срок, и поэтому неудивительно, что ко времени выхода литографии Петерсена от былой красоты не осталось следа. Но завораживающий портрет великого художника неожиданно придаёт загадочность человеку на литографии, лишая нас привычки одномерно подходить к представлению о «слуге царю, отце солдатам», выдающемся военном деятеле, о необыкновенной исторической личности. Не предъявляем же мы, в самом деле, претензий к Суворову за малый рост и тщедушную комплекцию, к Кутузову — за тучность и одноглазие; к Нельсону за однорукость, и, наконец, к Бонапарту — за лысину! Гениям и героям не нужна красота, ведь они герои и гении. И не будь брюлловской акварели, благодарные потомки с гордостью и благоговением смотрели бы на одинаково суровые корниловские литографии, бюсты и памятники. Но появился

когда-то и зачем-то этот портрет — греза, портрет — пророчество, совершая чудо воссоединения красоты и героики внешней и внутренней. В той страшной войне, трагически претендующей на звание Первой мировой, в которой Россия была унижена перед врагами политикой своего же правителя, — ей нужно было искупление, первой высокой жертвой которого и стал Владимир Алексеевич Корнилов.

> *«Будем драться до последнего. Отступать нам некуда — сзади море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой! Барабанщики должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой — заколите такого начальника… Товарищи! Если бы я приказал ударить отбой — не слушайте, и тот подлец будет из вас, кто не убьёт меня!»*

Четырнадцатилетнего Алексея Апухтина, воспитанника 5–го класса Императорского училища правоведения, поразили эти слова из речи Корнилова, передаваемые осенью 1854 года из уст в уста. Под сильным впечатлением он написал через двадцать дней после гибели Корнилова своего «Эпаминонда», напечатанного «Русским Инвалидом» в начале ноября:

Когда на лаврах Мантинеи
Герой Эллады умирал
И сонм друзей, держав трофеи,
Страдальца ложе окружал, —
Мгновенный огнь одушевленья
Взор потухавший озарил.
И так, со взором убежденья,
Он окружавшим говорил:
«Друзья, не плачьте надо мною!
Недолговечен наш удел;
Блажен, кто жизни суетою
Ещё измерить не успел,
Но кто за честь отчизны милой
Её вовеки не щадил;
Разил врага, — и над могилой
Его незлобливо простил!
Да, я умру, и прах мой тленный
Пустынный вихорь разнесёт,
Но счастье родины священной
Красою новой зацветёт!»
Умолк… Друзья ещё внимали…
И видел месяц золотой,

Как, наклонившися, рыдали
Они над урной роковой.
Но слава имени героя
Его потомству предала,
И этой славы, взятой с боя,
И смерть сама не отняла.
Пронзён ядром в пылу сраженья,
Корнилов мёртв, в гробу лежит…
Но всей Руси благословенье
И в мир иной за ним летит.
Ещё при грозном Наварине
Он украшеньем флота был;
Поборник славы и святыни,
Врагов отечества громил
И Севастополь величавый
Надёжней стен оберегал…
Но смерть поспорила со славой,
И верный сын России пал,
За славу, честь родного края,
Как древний Грек, он гордо пал,
И, всё земное покидая,
Он имя родины призвал.
Но у бессмертия порога
Он, верой пламенной горя,
Как христианин, вспомнил Бога,
Как верноподданный — царя.
О, пусть же ангел светозарный
Твою могилу осенит
И гимн России благодарной
На ней немолчно зазвучит!

…Несколько лет назад сбылась моя, как мне казалось, самая неосуществимая мечта: директор Русского музея В.А.Гусев оказал мне великую честь подержать в руках оригинал акварельного портрета В.А.Корнилова кисти Карла Брюллова. Я знала, что художник писал его с натуры, иначе говоря, сам Владимир Алексеевич стоял рядом, а потом этот портрет висел у него в кающе… Я не могла унять дрожь в руках и всё же именно в эти минуты вспоминала крохотную чёрно-белую репродукцию этого портрета, которая в четырнадцать лет полонила меня на всю жизнь.

Помню, как впервые стояла на вершине Малахова кургана и рука дрожала, сжимая последние, ноябрьские, холодные белые

хризантемы. Опьянение счастьем — так назову своё тогдашнее состояние, и тот или та, кто влюблён в русскую историю через её несравненные образы, наверное, поймут мои чувства.

И с тех пор каждую осень, ожидая наступления 5 октября (по старому стилю), вижу перед собой это место, чистилище русской души, где я дала клятву вечно умирающему адмиралу — пусть не сразу, не скоро, но собрать все материалы о его жизни, какие только смогу. Ведь смерть — это всегда только смерть Человека, — а потом уже Героя, — без надежд, оправданий, осмысления и успокоения, как ни льнут к ней определения «преждевременной», «нелепой», «красивой», «величественной», «славной», «мучительной», «лёгкой», «угодной Богу». Виной ли его гибели стала предсказанная злая судьба той роковой шашке его адъютанта Железнова, которая была с ним 5 октября? Или это Всевышняя воля, которая рано забирает самых лучших? Или что-то случайное, злое, глупое… И каждый раз так помучившись и истерзав сердце, я понимаю, что мои предположения о дальнейшей жизни Корнилова навсегда останутся неизвестностью с безнадёжными «если» и «бы». Но живым всегда нужно хоть какое-то, пусть метафизическое, пусть философское, пусть религиозное или атеистическое, пусть наивное, пусть неуклюжее, временное, — утешение.

И я нашла для себя утешение — в написании этой книги. Тогда я думала, что она будет о войне. А вышло — о любви.

«Любое истинно историческое событие совершается как бы дважды: первый раз в реалии, второй — в литературе», — сказано у одного историка[2]. И если один человек, однажды сражённый неповторимым образом исторического персонажа, захочет продлить ему жизнь в веках или хотя бы в своём сердце, он может написать о нём, чтобы, воссоздавая жизнь героя, выплеснуть своё сочувствие, сопереживание и тем самым дать своему сердцу мучительную радость, которую нам дарит любая возможность снова и снова говорить о предмете своей Любви другим людям.

А если другой, прочтя это, сможет ощутить преданную Любовь и воочию представить себе вдруг ожившего Человека, который словно сойдёт с мраморного пьедестала, из рамки картины или страницы книги и осветит его мир, то тогда будет понятно, насколько тесно мы связаны с Прошлым, что все мы оттуда родом; что Прошлым становится наше вчерашнее Настоящее, и насколько понятны, похожи, близки и неразгаданны для нас те, от которых когда-то зависели судьбы, которым подчас, увы, в школьных учебниках истории отведена всего-то одна строка, но о которых сказано в одной книге: «Такие люди долго не держатся на свете, а свет стоит на них вечно».

Глава первая

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона читаем: «Корниловы — русский дворянский род, происходящий от Ждана Товарищева, сына Корнилова, убитого в 1607 г. под Тулой. Один из его внуков, Фёдор Иванович, убит под Смоленском в 1634 г…»

«Корниловы — род древний и славный в Российской истории — всегда, как правило, служил отечеству «мышцей бранной», как сказал о своём предке Пушкин… Так было до самого конца Российской Империи, — рассказывает Галина Васильевна Корнилова, потомок В.А.Корнилова по боковой линии [3]. — Осенью 1914 года, когда уже состоялись первые и жёсткие схватки с неприятелем, газеты поместили такое сообщение: «… Есть имена, неразрывные со славным прошлым русского оружия — имена, звучащие, как ликующий медный голос военной трубы, как победный клич тысяч солдатских голосов. Одно из таких имён только что промелькнуло в списках павших воинов. 26 августа в Галиции пал славной и почётной смертью капитан Фёдор Юрьевич Корнилов, внук знаменитого героя Севастопольской обороны адмирала Корнилова и потомок известных героев Отечественной войны братьев Корниловых. Внук адмирала капитан Фёдор Юрьевич — это мой дед, который в числе первых отправился на фронт великой войны в составе 7–го Самогитского графа Тотлебена полка. Свой воинский долг он понимал так же, как все Корниловы, и свято выполнил его.

…Хочу уточнить: мой дед, капитан Корнилов, был правнуком генерала Петра Яковлевича Корнилова (1770–1828). Почти сорок лет служил этот потомок воинов и сам воин под началом Суворова, Барклая-де-Толли, Кутузова, Блюхера, участвовал в войнах со Швецией, Польшей и Турцией. Но особенно велики его заслуги в Отечественной войне 1812 года.

Помните, у Пушкина:

> У Русского Царя в чертогах есть палата:
> Она не золотом, не бархатом богата;
> Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
> Но сверху донизу, во всю длину кругом,
> Своею кистию, свободной и широкой,
> Её разрисовал художник быстроокий.
> Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
> Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жён,
> Ни плясок, ни охот: а всё плащи да шпаги,
> Да лица, полные воинственной отваги.

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года…

Среди этих «начальников народных сил» знаменитой Галереи 1812 года в Зимнем дворце есть и портрет Петра Яковлевича Корнилова: высокого роста, тучный, но крепкого телосложения, хотя всю жизнь страдал от боевых ран. Вся грудь в орденах — кресты, звёзды и золотая шпага с алмазами и надписью «За храбрость».

Надпись на шпаге весьма точно характеризует Петра Яковлевича. Ещё великий Суворов так аттестовал его: «Отличаясь неустрашимой храбростью, был примером подчинённым».

Вот несколько эпизодов боевой биографии генерала Корнилова в памятный для России год. В сражении под Городечно Пётр Яковлевич во главе трёх батальонов бросился в штыки на неприятельскую колонну и опрокинул её. При Выжве он был окружён целым вражеским корпусом, но пробился к своим врукопашную и спас отряд от пленения. Особенно трудно пришлось генералу при Березине. Он первым обнаружил переправу французской армии, на успех которой так надеялся Наполеон. Войска адмирала Чичагова шли наперерез отступавшей армии императора французов, но корпус Удино заставил русский авангард остановиться. И на правом берегу Березины остался только отряд генерала Корнилова. Три часа под жесточайшими ударами главных сил французов он удерживал позиции и помешал спокойной переправе, на что так рассчитывал неприятель. А потом, преследуя французов, отряд Корнилова отбивал орудия и обозы, брал пленных и вернул награбленное в Москве серебро, которое было отправлено из армии обратно в Первопрестольную для восстановления Успенского собора в Кремле.

Уже во Франции при Шампобери дивизия генерала Корнилова снова была окружена главными силами Наполеона, но дивизия и тут пробилась к своим, взяла пригород столицы неприятеля Сен-Дени, а на следующий день вошла с остальными войсками в Париж.

После взятия Парижа генерал Корнилов прожил ещё четырнадцать лет и скончался в турецкую войну на поле боя. Памятник ему благодарное отечество поставило у крепости Рущук близ Бухареста…

…Несколько слов о сыновьях героя 1812 года. Пётр Петрович

был военным, как и отец, и служил одно время Московским комендантом; Фёдор Петрович (1809–1895) стал членом Государственного Совета, а Иван Петрович (род. в 1811 г.) — почётным опекуном Николаевского сиротского приюта и членом совета Министра народного просвещения. Его помнят в Вильне, где он основал отделение Императорского географического общества, открыл Публичную библиотеку и ввёл в литовской школе учебники на родном языке. По его инициативе даже в православное богослужение был введён литовский язык…

Представителем второй линии рода Корниловых был двоюродный брат героя 1812 года военный моряк Алексей Михайлович»…

* * *

Алексей Михайлович Корнилов имел двух сыновей: Александра и Владимира, будущего героя Севастопольской обороны и героя этой книги, и сам был человек многогранный, одарённый, просвещённый, деятельный, честный, благородный и скромный — сплав удивительный для того времени, особенно если учесть, что он занимал значительные государственные посты.

Алексей Михайлович родился через два года после воцарения Екатерины II, в 1764 году; в Морской кадетский корпус определён в 1775–м, а в апреле 1778 года произведён в гардемарины. Через десять лет после выпуска лейтенант Корнилов, командуя гребным: «секретным» судном «Наступательный», принял участие в Роченсальмском сражении 13 августа 1789 года, за которое был награждён орденом Святого Георгия 4–го класса и был произведён в капитан-лейтенанты.

Следующие десять лет Корнилов продолжал службу на Балтийском море, командуя гребными судами и отрядами. В 1779 году, уже при Павле I, Алексей Михайлович, капитан 1-го ранга, за манёвры эскадры гребного флота, в присутствии самого императора, был награждён орденом Святой Анны 2–й степени. В это же время вице-президент Адмиралтейств-коллегии адмирал граф Кушелев поручает Корнилову составление книги сигналов и наставлений для гребного флота. Разработанный А.М.Корниловым проект был дважды (летом 1779–го и в 1800 году) проверен практически под его личным командованием и в присутствии императора, утверждён и издан для руководства флоту под названием «Сигналы, посредством коих производятся тактические действия гребного флота». В этот капитальный труд

Корнилов внёс весь свой продолжительный, почти двадцатилетний боевой опыт службы на флоте, но из-за своей скромности всю часть его составления приписал графу Кушелеву.

При жизни Павла I Корнилов получил от него ещё один орден — Святого Иоанна Иерусалимского. Затем, при восшествии на трон Александра I, Алексей Михайлович ещё два года командовал 2–й гребной эскадрой при петербургском порту, а в 1803 году вышел в отставку в чине капитан-командора. Тут судьба делает удивительный поворот: почти всё время правления Александра Павловича Алексей Михайлович Корнилов проводит в Сибири. Сначала в должности Иркутского губернатора при Сибирском генерал-губернаторе Пестеле, затем и Тобольского губернатора. Результатом его двадцатилетней службы на окраине империи стала написанная книга «Замечания о Сибири», изданная в Санкт-Петербурге в 1828 году.

Это — труд государственно мыслящего деятеля недюжинного и проницательного ума и широких политических взглядов на задачи своих преемников по управлению далёкими окраинами. Корнилова глубоко интересовало и не оставляло равнодушным почти всё, что он видел и с чем столкнулся в губерниях, будь то бедственное положение кочевых народов Сибири; улучшение судоходства на Иртыше и Оби; усовершенствование местной промышленности; увеличение числа городов; раздача крестьянам пустующих земель и многое другое. И в каждой строке этой книги — заботливая и внимательная любовь к России.

Как станет похож этим проникновением в самую суть вопроса, глубоким и всесторонним анализом и взвешенным практическим решением Владимир Алексеевич на своего отца! Какое восхитительное постоянство передачи и сохранения генов внутри этого корниловского рода, столько лет подпитывавшего своё Отечество!..

В 1823 году действительный статский советник Алексей Михайлович Корнилов вернулся в Петербург по настоянию Александра I и назначен сенатором.

Он скончался в 1844 году в возрасте 81 года в своём родовом имении Ивановское.

Ни младшему его сыну, Владимиру, ни старшему — Александру, не суждено будет прожить столь же долгую жизнь.

Александр (1801–1856) поступил в Царскосельский лицей в один год с А.С.Пушкиным.

И.И.Пущин в «Записках о Пушкине» вспоминал: «Когда кончилось представление виновников торжества (19 октября 1811 года открылся Лицей. — *С.К.*), царь, как хозяин, отблагодарил всех, начиная с министра, и пригласил императрицу осмотреть

новое его заведение. За царской фамилией двинулась и публика. Нас между тем повели в столовую к обеду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрев заведение, гости Лицея возвратились к нам в столовую и застали нас усердно трудящимися над супом с пирожками. Царь беседовал с министром. Императрица Марья Фёдоровна попробовала кушанье. Подошла к Корнилову, опёрлась сзади на его плечи, чтобы он не приподнимался, и спросила его: «Карош суп?» Он медвежонком отвечал: «Oui, monsieur!» Сконфузился ли он и не знал, кто его спрашивал, или дурной русский выговор, которым сделан был ему вопрос, — только всё это вместе почему-то побудило его откликнуться на французском языке и в мужском роде. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не делая уже больше любезных вопросов, а наш Корнилов сразу попал на зубок; долго преследовала его кличка: «monsieur»».

По словам других лицеистов, Александр был «полный бутуз с большой головой, добродушный, очень словоохотливый, остроумный. Его кличка была «Сибиряк». У него была светлая голова и хорошие дарования. В Лицее он ленился и притом вышел оттуда чрезвычайно молод; но после сам окончил своё образование и сделался человеком очень нужным и полезным».

По окончании Лицея Александр поступил в гвардию. 14 декабря 1825 года он был арестован по подозрению в причастности к восставшим, но новый император Николай I, разобравшись в его деле, велел отпустить офицера и оставить в том же полку. В 1828 году, при штурме Варны, он был легко ранен в лицо и контужен в живот. Через четыре года перешёл на штатскую службу в чине действительного статского советника. Был губернатором в Киеве, затем в Тамбове и Вятке. В Тамбове Александра Алексеевича помнят до сих пор как строителя земской больницы, основателя публичной библиотеки и учредителя первой в городе газеты «Тамбовские ведомости». «О нём слава отличная», — писал Е.А.Энгельгардт Ф.Ф.Матюшкину.

В Вятке в период деятельности там А.А.Корнилова жил ссыльный А.И.Герцен, оставивший о губернаторе следующее свидетельство — вполне в духе своего желчно-саркастического склада, но всё же сохранившее проблески необходимой нам достоверности описания:

> «Высокий, толстый и рыхло-лимфатический мужчина, лет около пятидесяти, с приятно улыбающимся лицом и с образованными манерами. Он выражался с необычайной грамматической правильностью, пространно, подробно, с ясностью, которая в состоянии

была своею излишностью затемнить простейший предмет. Он покупал новые французские книги, любил беседовать о предметах важных и дал мне книгу Токвиля о демократии в Америке на другой день после приезда. Он был умён, но ум его как-то светил, а не грел. К тому же он был страшный формалист, — формалист не приказный, а как бы это выразить?.. Его формализм был второй степени, но столько же скучный, как и все прочие».

О Лицее А.А.Корнилов всегда вспоминал с большим восторгом, и одна дама даже сказала после беседы с ним: «Если бы у меня был сын, я не была бы спокойна, пока не узнала бы, что он принят в Лицей». Едва ли человек с «формализмом второй степени» и с «негреющим» умом смог бы передать другим такое же воодушевление…

* * *

«Старица, Старицкий уезд Тверской губернии… От Москвы до Старицы зимней дорогой можно доехать за сутки. По крутому скату лошади выносят сани к Волге. Дух захватывает от заснеженных просторов, от яркого солнца» [4].

Старицкий уезд был изъезжен лицейским товарищем Александра Корнилова — другим Александром, Пушкиным — на многие сотни вёрст. Из Малинников он мчался в Берново, Павловское, Курово, Соколово, Нивы, Глинкино — по берегам Нашита, Рачайны, Тьмы. Узкие просёлочные дороги, уездные почтовые тракты, тропинки, сбегающие с крутых берегов, аллеи старинных парков, — всё было знакомо, и эти пленительные простые строки поэт написал о Тверской земле:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит,
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит…

«…С правого берега Тверды, из древней части города, можно было рассмотреть величественные храмы,

подивиться живописному наряду новоборок, спешивших в многочисленные лавки торгового двора. В Кузнечном ряду чинили экипажи, ковали лошадей, делали телеги, дровки, гнули обода и полозья. День-деньской стоял стук молотков, визг пилы, звонкая дробь железа о наковальню. Это была рабочая улица Правобережья, завершавшаяся постоялым двором на развилке дорог у ручья Здоровец: одна сворачивала направо и вела по Михайловской улице к Ржеву, другая, начинавшаяся с крутого подъёма, выходила к самым стенам Борисоглебского монастыря, открывая путь на Старицу.

На самом берегу Волги, с видом на устье Тверцы, стоял двухэтажный дом с мезонином — усадьба Бакуниных. Семейство это поселилось в Твери в 10–е годы XIX века. С Александром Бакуниным учился в Лицее Пушкин, а в Екатерину был влюблён.

Село Грузины Новоторжского уезда, мимо которого проходила почтовая дорога на Старицу, было родовым поместьем Полторацких; Малинники — имение П.А.Осиповой-Вульф; Павловское — П. И.Вульфа; в деревне Борисцево поселились Оленины.

…Шумит, перекатывая камешки, говорливая Тьма — приток великой Волги. До своей могучей сестры ей бежать и бежать. Начинается Тьма из небольшого озера возле села Денежное, сначала струится тоненьким, беспомощным ручейком, потом потихоньку набирает силу. Правый берег крутой, высокий, дно реки каменистое, порожистое. Образует река мели, перекаты, плёсы, глубокие омуты — Стёпинский брод, Лёшин крест, Водорская бухта, Берновский омут.

Говорят, что Пушкин любил подолгу стоять на берегу Тьмы у красивой излучины, смотреть, как сливаются её светлые струи, огибающие песчаные отмели. Может быть, мелодичный шёпот своенравной Тьмы помог ему найти слова для песни, которая звучит в драме «Русалка»:

Как по камушкам, по жёлтому песочку,
Пробегала быстрая речка,
В быстрой речке гуляют две рыбки,
Две рыбки, две малые плотицы…» [5]

…А по левому берегу Тьмы — низкому, застланному осокой у самой воды, а дальше, выше — заросшему мягкой травой, стоит

окружённое лесами село Рясна. Бывал ли великий поэт в этом селе, прямых свидетельств нет. Но его тверские знакомцы Полторацкие и Вульфы могли сказать, между прочим, что владелец этого небольшого поместья — Алексей Михайлович Карнилов (до 30–х годов XIX века фамилия писалась так), бывший Иркутский и Тобольский губернатор, сенатор и отец Александра Корнилова.

Богаты Корниловы не были: кроме Рясни и Ивановского в Старицком уезде, Алексей Михайлович владел деревней Сельники (три двора) в Ржевском уезде и деревней Овсянниково совместно со своим братом Петром Михайловичем (1762–1834).

Владимир Алексеевич, получивший свою часть наследства вместе с братом, до конца своей жизни испытывал денежные затруднения: к примеру, Ивановское было дважды заложено в Государственном заёмном банке в 1841 году на сумму в 2880 рублей и в Петербургском опекунском совете в 1845 году — в 5760 рублей.

В конце 1851 года В.А.Корнилов был назначен в свиту Его Величества, а в 1852 году царь пожаловал его в генерал-адъютанты с производством в вице-адмиралы. Полученный вензель на эполеты, кроме зачисления в царскую свиту, позволял получать дополнительные столовые деньги на представительство. Но, к большому огорчению Владимира Алексеевича, по обычаю того времени, за полученную им звезду ордена Святого Станислава I степени ему надлежало ещё уплатить в капитул орденов стоимость ордена. Он пишет брату:

> «…Насчёт аренды я совершенно согласен. Тысяча рублей будет для меня манною, только вряд ли будет удача. **Я убеждён, что деньги — не корниловский элемент**. Признаюсь, я теперь в таком положении, хоть продавай лошадей и экипажи. Потребности растут, пятеро детей, двое требуют учения. Место, на котором нельзя жить на запор дверь. Если Василий Сергеевич не пришлёт должные им тысячу серебром, да Лукин [6] окажется неаккуратным, то я не знаю, как заплачу долги, которых, кроме тебя и Матюшкина, набралось более тысячи рублей серебром. Поговори с Василием Сергеевичем о моём положении. Ты не можешь себе представить, чего мне стоило это знакомство с царской фамилией и вообще нынешний год. Да и будущий не предвещает меньших расходов. Одни деньги с отопления и освещения и приличие в декоруме, хоть я и в Николаеве, поглощают всё, что я от казны получаю…»

В другом письме — то же:

> «…Теперь же перейду к другой стороне нашей жизни, к моим финансовым обстоятельствам: плохи они; скажи, есть ли надежда на аренду. Ведь моё содержание то же, а чтобы разыгрывать роль лейтенанта Paul, приходится тратить более, чем прежде.
>
> Эти поездки, в которых я по прошлому обычаю, как старший, всех кормлю и пою! Да и дом нельзя же запереть, приходится раз в неделю позвать кого-либо, а то со всеми раззнакомишься. Да, очень плохи финансы. Лукин что-то не посылает. В.Львов грозит голодом крестьян. В.Сергеевский только что обещает. А между тем я должен здесь 700 р. серебром и не знаю, как пополнить. Тверскову поручил распродать высочайшие табакерки [7], да не знаю, что он сделает…»

Не были Корниловы и знатны.

…В грамоте от 21 апреля 1785 года Екатерина II потребовала от дворян вписываться в Родословную книгу той губернии, где они владели имением. Для этого требовалось доказать уездному предводителю дворянства соответствующие права, а уже засвидетельствованные ими документы, в том числе ходатайство дворянина, передавались в губернское дворянское депутатское собрание. Губернские родословные книги делились на шесть частей. Нетитулованное дворянство стремилось внести свой род в шестую часть книги, содержащую записи о родах древнего, столбового (в отличие от жалованного по чинам и орденам) дворянства. И первоначально, в соответствии с определениями Тверского дворянского собрания, род Корниловых был внесён именно в шестую часть книги. В 1846 году Временное присутствие герольдии Правительствующего сената сочло имевшиеся основания для внесения Корниловых в шестую часть Родословной книги недостаточными, и их переписали в 1–ю часть.

В наши дни в архивном фонде Тверского дворянского депутатского собрания имеются всего два дела, содержащие сведения о Владимире Алексеевиче Корнилове. Первое дело — «По прошению надворного советника Александра Петровича Корнилова о внесении двоюродных братьев его: действительного статского советника Александра и флота капитана 1-го ранга Владимира Алексеевых Корниловых в дворянскую родословную книгу Тверской губернии и выдачи им грамот» за 1845–1852 годы. Второе — «По прошению начальника штаба Черноморского флота и портов генерал-адъютанта вице-адмирала В.А.Корнилова

о причислении к роду детей его Владимира и Екатерины» за 1853–1854 годы.

И это всё.

Обнаружить документы о рождении, детстве и юности В.А.Корнилова не удалось. Даже точная дата и место его рождения до последнего времени не установлены. Из его формулярного списка следует лишь, что он родился в 1806 году; в это время А.М.Корнилов был губернатором Иркутска. Возвращалась ли его семья в это время в Тверскую губернию — неизвестно, но в переписке самого В.А.Корнилова ни Иркутск, ни Тверская губерния не упоминаются, хотя когда в 1846 году ему потребовалось метрическое свидетельство и родословные документы, он обращался не в Иркутск, а в Тверь и в Петербург. Считается, что все документы семьи Корниловых бесследно пропали в 1812 году, когда во время вторжения французских войск архив дворянского депутатского собрания был перевезён из Твери в Бежецк.

…В 1846 году для контр-адмирала Корнилова это решение Сената стало неожиданным; в 1852 году для вице-адмирала и генерал-адъютанта свиты Его Величества, лично попросившего Николая I о восстановлении прежнего статуса и не получившего ответа, — оно стало унизительным. Долгие годы беспорочной службы, личная храбрость, высокие награды и заслуги перед Отечеством самого Владимира Алексеевича и его предков уже, очевидно, не годились после 1846 года. Хотелось бы думать, что со стороны Герольдии это было очень своевременная и необходимая мера, долженствовавшая восстановить историческую справедливость. Но как ни переписывай из одной книги в другую, самого главного в этом роду не смогло бы уже изменить никто и ничто: корниловской генетики, которой всегда была сильна Россия в грозную пору.

Глава вторая

> …«Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович, самодержец, всероссийский Государь Всемилостивейший.
>
> Просит недоросль из российских дворян грекороссийского исповедания Владимир Алексеев, сын Карнилов, о нижеследующем.
>
> Отец мой родной — действительный статский советник Алексей Михайлов, сын Карнилов, службу Вашего Императорского Величества продолжал во флоте, ныне мне отроду двенадцать лет, обучен по-российски и по-французски читать и писать, и арифметике, но в службу Вашего Императорского Величества никуда ещё не определён; а желание имею вступить в Морской кадетский корпус в кадеты, а потому всеподданнейше и прошу к сему прошению, дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие моё прошение принять именованного по желанию моему в Морской кадетский корпус в кадеты определить, а что я действительно из дворян, и помянутому действительному статскому советнику Алексею Карнилову законный сын, в том представляю при сём свидетельство. Из помещичьего состояния Тверской губернии, крестьян за отцом моим тридцать душ. Недоросль из дворян Владимир Карнилов».

Прошение датировано 1818 годом. Можно представить, сколько юных мечтаний и трепетного ожидания было связано с этими строками! И сколько разочарования, когда получен ответ: юноша был записан лишь в кандидаты воспитанников Морского корпуса 1 февраля 1818 года.

Известно, что хотя бы один раз в жизни Судьба даёт шанс каждому человеку, но иногда мы не распознаём знаков её приближения или, обманутые в своих надеждах, слишком быстро сдаёмся. Смирись Александр Васильевич Суворов со своим слабым здоровьем, кто знает, как бы сложилась российская история? Не откажи И.А.Заборовский [8] Наполеону Бонапарту в его прошении служить в русской армии, — что стало бы с историей мировой?..

Трижды испытывала Корнилова Судьба, прежде чем он сам захотел стать тем, кем стал впоследствии. Но и расплатилась тремя щедрыми дарами, облегчавшими отпущенный ему

жизненный путь: любящей, взыскательной, преданной любовью родительского дома; разделённой любовью к женщине, которая родила ему детей, и редким честолюбием, превратившим дарования в талант, талант — во всеобщую пользу.

Какой великолепный, самодостаточный и самооплодотворяющийся, сходный с секретной химической лабораторией механизм — честолюбие этого сорта! Здоровое самолюбие, не уязвлённое, не завистливое, жаждет всё новых горизонтов знаний и ощущений; богатая восприимчивость, огранённая домашним воспитанием, добротой, любовью и строгостью близких, привитыми понятиями о морали, чести и долге и разносторонними увлечениями — обрабатывает эти *знания* и *ощущения.* Талант переплавляет из этой руды железное зерно новых знаний; богатая генетика находит смысл их применений, сомневается в успехе и требует нового притока знаний; а истинолюбие, наконец, воплощает открытие в жизнь, борется за него и находит силы отказаться от своего детища, если требует польза дела, которому служит честолюбивый человек. **Польза** и была целью корниловского честолюбия, **самим его честолюбием.**

Итак, *первое испытание* судьбы Корнилов пройдёт: он поступит в Морской кадетский корпус, правда только через три года, — в 1821 году, но зато сразу в старший класс, потому что, по свидетельству капитан-лейтенанта Н.П.Буцкого, «Владимир, живя в родительском доме, посещал беспрерывно классы Морского корпуса (в пансионе капитана 1-го ранга Ф.И.Деливрона. — *С.К.*); под надзором просвещённых родителей он усердно занимался изучением французского и английского языков и политических наук».

* * *

«Не стану говорить о том, судьба или наши наклонности заставляют избрать род службы, — писал морской офицер, декабрист Николай Бестужев, — жребий мореходца делается в самой юности и в десять лет должно быть записану в морской корпус».

Для будущих адмиралов Нахимова, Корнилова и Истомина такой Судьбой стало решение их отцов, а потом, вкусив моря, они и сами в полной мере испытали магическое притяжение «жребия мореходца». Другой Бестужев — Александр, известный как Марлинский, увековечил это ощущение: «Море, море! Тебе хотел я вверить жизнь мою, посвятить способности. Я бы привольно

дышал твоими ураганами; валы твои сбратались бы с моим духом».

Осуществить эти мечты мог только Морской кадетский корпус.

…Своё начало Морской кадетский корпус ведёт с Навигацкой школы, учреждённой Петром I в Москве. Указ об устройстве этой школы был подписан 14 января 1701 года, и с этого дня должно считаться начало обучения русских юношей морским математическим наукам. Указ говорит, что «Великий Государь, Царь и Великий князь Пётр Алексеевич указал повелением в государстве своея Державы на славу Всеславного имени Всемудрейшего Бога и своего царствования, во избаву же и пользу Православного христианства быть математических и навигацких, то есть мореходных, хитростно наук учению».

Первоначально для школы было отведено помещение на Полотняном дворе в Замоскворечье, но потом Пётр I отдал под Навигацкую школу Сухареву башню. Вскоре после Гангутской победы, одержанной царём, указом от 1 октября 1715 года Пётр решил перевести школу поближе к морю, в новую столицу — Санкт-Петербург, и дал ей статус Морской академии. Сначала она размещалась в доме Кикина напротив Адмиралтейства, а потом — на Васильевском острове.

Учреждённое Петром I звание гардемарина было взято у французов (garde de marine — морской страж, гвардеец). В России звание гардемарина служило переходным от младшего ученика Морской академии — кадета — к чину мичмана.

С 15 декабря 1752 года по приказанию императрицы Елизаветы Петровны, Морская Академия преобразована в Морской шляхетный кадетский корпус. Это было привилегированное учебное заведение, принимавшее до 60–х годов XIX века только столбовых дворян.

В 1771 году сильный пожар на Васильевском острове уничтожил здание корпуса и учебное заведение перевели в Кронштадт. В 1783 году, с завоеванием Крыма и с зарождением Черноморского флота, а также с увеличением мощи флота Балтийского, число воспитанников в 360 человек сделалось недостаточным; Екатерина II указала составить новый штат на 600 человек.

Вступивший на престол Павел I пожелал, чтобы корпус был «близко к императору» и перевёл его обратно в Петербург: прикупили соседние со сгоревшим корпусом дома, сделали необходимые перестройки, и здание Морского корпуса приобрело почти тот же вид, что и теперь.

В царствование Александра I было приказано «не

именоваться более корпусу шляхетным», штат увеличили до 700 человек.

Со времени основания корпуса неустанными попечителями его были императорские особы: Павел I, бывший шефом Корпуса; Александр I, ни разу не посетивший его, но щедро повысивший его содержание до 436 тысяч рублей ассигнациями; Николай I всякого иностранного принца, посещавшего Петербург, привозил непременно полюбоваться Морским корпусом как образцом военного учебного заведения.

В тот период, когда в Корпус поступил Корнилов, директором его был П.К.Карцев [9]. Современники считали, что ««карцевский» период Морского корпуса впоследствии возбуждал много споров, трудно примиримых». Но одним из безусловных достоинств директора Морского кадетского корпуса Петра Кондратьевича Карцева, полного адмирала, сенатора и члена Государственного Совета, было умение подобрать достойных наставников своим подопечным.

Карцев управлял Корпусом 25 лет. «В 80 лет, конечно, не от всякого человека можно требовать и ожидать высшей деятельности, но он был высоко честен и с глубоким желанием справедливости, — вспоминал корпусный преподаватель Д.И.Завалишин, — а назвав имена воспитанников того времени (все севастопольские герои в их числе), должно будет признать, что карцевское время было действительно одно из замечательнейших в истории Морского корпуса». Из-за своей занятости на других должностях П.К.Карцев «редко обходил корпус, редко посещал классы, но знал обо всём, что делается в корпусе; его чтили, как царя» [10].

Карцев предъявлял высочайшие требования к кандидатам в наставники будущей флотской элите. При корпусе была гимназия, которая готовила для него учителей. Русский просветитель А.Ф.Бестужев (отец декабристов Николая и Михаила Бестужевых) писал в трактате «О воспитании»: «Надобно стараться определять (в учителя. — *С. К.*) таких, кои бы всё то заключали, что составляет честного и благородного офицера, чтоб служба их была ознаменована опытами нескольких кампаний, поведение их совершенно изведано. Офицеры же, только что вышедшие из училища и в то же время определённые к воспитанию, есть зло ощутительное и вред юношеству немалый приносящее». Но и сам автор трактата, и его сын Николай Бестужев нарушили эту педагогическую заповедь: А.Ф.Бестужев, окончив в 1779 году Артиллерийско-инженерный кадетский корпус, был оставлен в нём преподавателем, а Николай, едва успев примерить мундир мичмана по окончании Морского

корпуса, уже через неделю получил неожиданное назначение — остаться при корпусе воспитателем и преподавателем. Ему было лишь 19 лет! Однако корпусное начальство давно имело Бестужева на особом счету и уведомило о его блестящих способностях высшие морские круги. И вот, на выпускных экзаменах, морской министр маркиз де Траверсе пришёл в восторг от ответов выпускника и тут же решил отправить его в Париж в Ecole Polytechnique, эту всемирно известную цитадель подготовки военных, морских и гражданских кадров. Но поездке не суждено было состояться: вмешалась политика, уже появился призрак «грозы 1812 года».

В разноголосице пожелтевших страниц воспоминаний бывших кадет о Морском корпусе поражает единство в оценке преподавателей. Князья Сергей и Павел Шихматовы, А.К.Давыдов, П.С.Нахимов (старший брат адмирала), И. В. Кузнецов, М.Ф.Горковенко, И.Ф.Крузенштерн, совершивший первое в России кругосветное плавание, — вот немногие имена тех офицеров, о которых бывший воспитанник написал: «Эти достойные памяти господа высоко держали не только знамя обучения, но и нравственности».

…Корнилов был знаком с некоторыми моряками — декабристами, а с Михаилом Бестужевым установились дружеские отношения. Будущий декабрист стал, по сути, опекуном Корнилова по просьбе его матери. В одном из писем, уже из сибирской ссылки, Бестужев писал: «С почтенным семейством В.А.Корнилова я познакомился по возвращении из Архангельска… Я уже был лейтенантом, когда В.А.Корнилов вышел из корпуса на службу, а нежно любящая его мать просила меня не оставить её сына добрыми советами. Но судьба решила иначе. Милый наш Володя (как мы его все называли) отправился в кругосветный вояж, а я перешёл в гвардию, где служил в одном батальоне со старшим его братом — благородным, умным Александром».

Одним из тех, кого Карцев выбрал в корпусные учителя, был и 16–летний, необыкновенно одарённый выпускник — Дмитрий Иринархович Завалишин [11], книгой воспоминаний которого зачитывался сам Л.Н.Толстой. Будучи всего двумя годами старше В.А.Корнилова, он стал его преподавателем в Морском кадетском корпусе.

> «В 1820 году я был назначен на фрегат «Свеаборг», который должен был перевозить великого князя Николая Павловича для осмотра приморских крепостей в качестве главного начальника инженеров. Но в это самое время,

когда следовало нам выступить в море, я получил назначение кадетским офицером в Морской кадетский корпус, что было сделано с целью поручить мне и преподавание астрономии и высших математических наук. Меня поразило это чрезвычайно неприятно. Я стремился к деятельной, морской и боевой службе и вовсе не чувствовал желания, запрятав себя в учителя в корпусе, пропустить случай к походу. К тому же мне казалось, что мне будет затруднительно, едва вышедши из корпуса, сделаться, с одной стороны, товарищем бывших начальников, а с другой — начальником бывших товарищей, из которых иные были старше меня летами. Но отец мой не позволил мне и заикнуться даже об отказе. «Походы от тебя не уйдут, — писал он мне, — а это небывалая честь, чтобы в твои лета и в твоём чине отечество доверило бы кому воспитание своих сограждан. Я запрещаю тебе отказываться, потому что надеюсь, что ты с честью исполнишь и эту обязанность, как исполнял все до сих пор».

…Прежде всего, разумеется, пришлось приложить на практике иное обращение с кадетами… Я по собственному опыту знал, что вовсе не нужно важничать, чтобы приобрести уважение, потому, конечно, немногие офицеры и были так уважаемы, как я, бывши ещё гардемарином. Поэтому, явясь в первый раз в роту, я сказал всем, что не только вовсе не забыл, что был недавно их товарищем, но что желаю и впредь им быть и только по этому самому надеюсь, что и они могут понять, что для того, чтобы мне была возможность быть им товарищем, необходимо, чтобы это не могло навлечь на меня упрёки, что такие отношения ослабляют дисциплину и службу. Установив подобное правило, я всегда был в роте не только в дни своего дежурства, но и во всякую свободную минуту, дозволяя приходить к себе и на квартиру. Я постоянно беседовал с воспитанниками, стараясь всегда вывести их мышление из тесного круга сухих школьных учебников, и особенно старался показать тем, которые считались (невероятно, и сами себя считали) звёздами первой величины, до какой степени недостаточно школьное учение.

Я начал давать им путешествия и исторические книги и рассуждать с ними о предметах, лежавших вне школьного обучения, стараясь брать точкою отправления известные им практические случаи и показывая им

необходимость для правильного решения возводить всё к общим началам. Нечего и говорить, что я был вполне заботлив о тех воспитанниках, которые находились в моей непосредственной ответственности, в моей части, в роте и в моём классе. Я следил за их учением и помогал им во всех других классах. Всякий мог приходить ко мне и спрашивать меня по какому-нибудь предмету. Я вёл переписку с родными воспитанников и помогал в случайных нуждах, насколько мои средства позволяли это…

Я требовал от учеников прежде всего уразумения сущности дела, чему явным свидетельством всегда было умение решать задачу. Тогда он должен был у большой доски объяснить и производство, и доказательство, а если кто-либо в классе не понимал его объяснения, должен был его останавливать, а он обязан был выразить непонятное определённее и яснее. Если он не был в состоянии этого сделать, помогал другой, третий и т. д., пока не были присланы точные выражения, понятные средства и объяснения, — всё это чрезвычайно занимало весь класс, поддерживало общее внимание, и под конец весь класс не только знал сущность дела, но и умел выразить её разнообразно, так что мысль никогда не была скована безусловно мёртвою формою какого-нибудь одностороннего, относительного, условного способа выражения… Оказалось, что даже последние ученики в моём классе разрешали всякую задачу правильнее и быстрее (что также весьма важно на море), нежели даже старшие и лучшие в других классах. Вследствие этого мой класс «в виде опыта» изъят был совершенно из заведения инспектора, а при последнем выпускном экзамене отличился самым блестящим образом. Из 15 унтер-офицеров от гардемарин, производимых из целого выпуска, в моём одном классе было девять, и последний из моего класса стал 34-м из целого выпуска в сто человек.

С первого же гардемаринского экзамена по вступлении моем в корпус кадетским офицером я приобрёл репутацию строгого, но беспристрастного экзаменатора. Поэтому, помня ещё и собственный мой экзамен, генерал-цейхмейстер флота Назимов вошёл с представлением о назначении меня главным экзаменатором артиллерийских учеников, а вслед за ним и инженер-генерал, главный кораблестроитель Брюн,

потребовал назначения меня экзаменатором математических наук в кораблестроительном училище, где высшие вычисления требовались ещё строже, чем от морских офицеров.

…Между тем слухи о моей неумолимой строгости привели и к забавному случаю. Однажды докладывают мне, что приехал ко мне сенатор Корнилов. Хотя я и пользовался высоким уважением и у знакомых своих, и у своих начальников и посещения важных особ в оплату за мои посещения были для меня не редкость, однако же первый визит со стороны такого значительного лица такому молодому офицеру, как я, не мог не показаться мне странным. Но вот входит ко мне в кабинет человек с двумя звёздами и рекомендуется, что вот он — сенатор такой-то, и был прежде губернатором в Сибири, что очень желал со мною познакомиться и пр., затем переходит к предмету своего посещения. Он сказал мне, что у него есть сын в корпусе и что по расписанию ему досталось экзаменоваться у меня в гардемарины.

«Что же вам угодно?» — спросил я.

«А вот видите ли, — отвечал он, — сын у меня мальчик способный, но немножко резов, поэтому я и решаюсь попросить вас быть к нему поснисходительнее, если он по рассеянности что-нибудь не так будет отвечать».

«Плохую же услугу, — сказал я ему на это, — оказали вы вашему сыну, я и оказал бы ему сам по себе снисхождение, но теперь после вашей просьбы обязан буду быть ещё особенно строгим, чтобы не допустить ни у него, ни у других мысли о возможности влияния какой-нибудь протекции и просьбы».

«Ах Боже мой, — сказал он, вскочив с кресла, — так сделайте одолжение, забудьте, что я вам говорил что-нибудь».

«Вы знаете, — отвечал я, — что это невозможно, и поэтому самое лучшее, что вы можете сделать, это рассказать всё сыну вашему, чтобы и он понял, что ему не только нечего надеяться на снисхождение, но он ещё наверное должен ожидать большей строгости, посоветуйте ему лучше приготовиться».

Старик ушёл от меня в большом смущении, но это послужило в пользу сыну. Он, как говорится, засел вплотную, день и ночь, и выдержал экзамен хорошо. Это и был впоследствии прославившийся под Севастополем

адмирал Корнилов».

…Эта сцена, которой в книге Завалишина отведено всего несколько строк, трогает меня до глубины души тем, что, по природе своей самоуверенный, злоречивый, нетерпимый Завалишин, сам того не желая, обрисовал своего нежданного гостя совсем в духе Льва Николаевича Толстого — с ему одному только присущим, почти сверхчеловеческим даром описать Любовь. А в этой мизансцене Любовь отца к сыну, любовь семьи, стыдливая, безмерная и согревающая везде и всегда, затопляет холодную натуру мемуариста, не оставляя и следа от его присутствия. Вспоминаешь созданный Толстым чарующий образ Семьи в «Детстве. Отрочестве. Юности» и конечно же семью Ростовых в «Войне и мире»; и невольно задумываешься: а не поэтому ли ещё так оценил эти «Воспоминания» Лев Толстой, называя их «самыми важными» и «открывающими глаза», что и эти несколько строк заставили забиться его великое сердце Творца и Человека, который превыше всего ценил в жизни Любовь? И так ли уж случайно потом он выберет Корнилова, этого мальчика — кадета у Завалишина, которого взрастили в такой трепетной, безграничной, защищающей Любви, — для слов, которыми он обессмертит его раз и навсегда: «Корнилов, этот герой, достойный Древней Греции»? Судеб людских таинственная вязь…

…Если такое смятение чувств обнаружил 60–летний сенатор, не раз побывавший в бою, то что же тогда должен был ощущать совсем юный Владимир, когда после окончания подготовительных классов в пансионе Деливрона при корпусе его наконец-то зачислили в самоё колыбель флота Морской кадетский корпус?!

> …«— Отведите его во вторую роту!
>
> Как гром раздались эти слова. Вся моя храбрость пропала, что-то жуткое защемило сердце, я разом почувствовал, что всё старое порвано и я вступаю в новую жизнь.
>
> Ещё четверть часа тому назад я с радостью ехал с отцом в Морской корпус, куда я три дня тому назад блистательно выдержал экзамен в один из старших классов. Я гордился, что надену морской мундир — что же смутило меня?
>
> — Учись и служи хорошо, помни, что ты мой сын… — говорил мне отец дорогой.
>
> Вот эти слова меня и смутили при первой команде, которую я услыхал. Я понимал, что учиться нужно,

понимал, что и служить надо хорошо. А как? Способен ли? Смогу ли я всё исполнить?

Растерянный, я подошёл к отцу. Он меня благословил:

— Помни, ты поступил теперь на царскую службу. Ну, Бог с тобой, ступай» [12].

Вот именно так мог чувствовать и резвый кадет Володя Корнилов, и тысячи таких же мальчиков за всё время существования Морского кадетского корпуса.

Что ожидало их там, за этим строгим серым фасадом?

Вспоминает Д.И.Завалишин:

«…Я был назначен в 3–ю роту, которою командовал капитан-лейтенант Магнус Матвеевич Генинг, бывший впоследствии главным командиром Астраханского порта. Это был очень горячий и суровый, но честный немец, и его рота, по чистоте и порядку во всём, была образцовая. Он очень заботился об опрятности помещения и об удобстве и доброкачественности обмундирования, в его роте не было неуклюжих и рваных мундиров, тесных сапог, нечистого белья, грязных стен и полов, как в иных других ротах.

Рота делилась на четыре части, и тою, в которой я находился [13], начальствовал лейтенант Алексей Кузьмич Давыдов, бывший впоследствии, кажется, адмиралом. Он был первый в своём выпуске и был учителем высших математических наук, навигации и астрономии в том классе, в который я поступил. Помещение нашей роты было лучшее в целом здании корпуса, а наша комната лучшая во всей роте: она была просторная, светлая, во втором этаже, окнами на Неву, и таким образом, когда я сделан был старшим гардемарином в своей части (что после называлось фельдфебелем), то мне пришлось иметь лучшее помещение в лучшей в корпусе комнате и быть первым в лучшей части лучшей роты, а следовательно, первым и в целом корпусе.

Корпус был в то время очень многолюден. Кроме воспитанников, назначавшихся собственно для морской службы и для морской артиллерии, куда, наоборот, в сравнении с армией назначались неспособные [14], в корпусе были помещены два училища, в которые поступали не из столбовых дворян, как требовалось то для поступления в Морской корпус. Одно было училище

корабельных инженеров, другое так называемых гимназистов, приготовляющее для корпуса собственных учителей, дослужившихся, впрочем, и до генеральских чинов, т. е. до действительного статского советника.

С этими обоими училищами число воспитанников доходило в корпусе до тысячи человек, а всех живущих до двух тысяч. Корпус имел свою полицию. Содержание этих двух училищ было, однако, гораздо хуже, и наше детское чувство очень оскорблялось этим. Их даже обедать приводили после нас, и можно судить, каков был их стол, когда и наш, хотя пища была и здоровая, был не особенно роскошен, несмотря на то, что Морской корпус, как и Пажеский, пользовался высшим окладом. У нас, впрочем, были хороши ржаной хлеб, квас и булки, которые давали поутру и вечером. Эти булки и квас славились в Петербурге. Чаю тогда не полагалось, кто хотел, мог иметь свой собственный, но в роте пить его запрещалось, чтобы не возбуждать у других зависти. Пить чай ходили в людскую. Корпус был богат посудою: не только ложки, но и солонки и стопы (род огромного бокала) для кваса были серебряные и последние притом позолоченные».

Вспоминает П.В.Митурич [15].

«Столовая зала. Не видавши никогда такой огромной залы, я пришёл в величайший восторг. Действительно, зала эта была едва ли не единственная в Петербурге. Ширина её позволяла развёрнутому кадетскому дивизиону проходить церемониальным маршем и по сторонам оставалось ещё довольно места для начальства и музыкантов; длина же её такова, что стоя на одном конце, при хорошем только зрении можно было узнать лицо на другом конце залы, а между тем в ней не было ни одной колонны, так как потолок держался на винтах, подвешенных к стропилам… Обедали за раз 5 рот, а также корабельное училище и Морская гимназия… В конце залы помещалась огромная модель корабля.

Когда все заняли свои места, то по барабану прочитана была молитва, и по барабану же мы сели и принялись за обед. Обед состоял, как и обыкновенно в будни, из 3-х блюд: щей или супу, соуса и жаркого. Чаще, впрочем, вместо соуса, которого вообще кадеты не любили, давали кашу… Ужин был постоянно из 2-х блюд: горячего и каши или, вместо каши, говядина под

соусом. Вообще, стол был простой, но сытный; недовольны были воспитанники одной только «говядкой», как они называли жаркое, порции которого были действительно до того мизерны, что большинство кадет проглатывало их целиком».

Вспоминает А.П.Беляев [16]:

«…Наверху корпусного здания была домовая церковь и очень хорошие певчие. Каждую субботу была всенощная и все роты фронтом приводились в храм, где и стояли при старших и младших офицерах; в таком же порядке слушалась литургия по воскресеньям и большим праздникам. В праздники обыкновенно за обедом играла своя корпусная музыка и в эти дни за обедом давали сладкие слоёные пироги. Торты, жареные гуси были только в Рождество и Пасху».

Д.И.Завалишин:

«Корпус имел отличную музыку, первую в Петербурге, потому что бальная музыка обыкновенно приглашалась из Морского корпуса. Она играла при парадах, в танцевальных классах и во время обеда каждый праздник. В корпусе была огромная зала, первая в Петербурге, нечто вроде манежа. Батальон маневрировал в ней свободно. Все внутренние караулы занимали кадеты. Мне досталось стоять на часах в первый раз ночью, в глухом и ночью пустом коридоре третьего этажа у корпусной церкви; я вызвался на эти часы добровольно.

Зимою устраивался каток, где заставляли кататься на коньках в одних мундирах. Галош мы не знали, шинели были холодные, суконные, без подкладки, галстуки суконные. Зимою каждая неделя — баня, летом каждый день — купанье. Танцевать и фехтовать обязаны были обучаться все, музыке только желающие, которые, впрочем, за это ничего не платили. Летом кадеты выходили в лагерь на так называемом лагерном дворе (место, занимаемое корпусом, огромное, целый квартал, но сада нет), а гардемарины в две смены в поход. Это время употреблялось обыкновенно на поправку комнат, в которых каждый год стены белились, а полы красились. Только парадные комнаты, и в роте у нас стены, красились цветною краскою и разрисовывались…

> Учились зимой от 8.00 до 12.00, весной и осенью от 7.00 до 11.00; после обеда всегда одинаково — с 14.00 до 16.00. Прилежным ученикам дозволялось заниматься и после 21.00 до 23.00 ночи в дежурной комнате. Вставали в 5.00 всегда; в 6.00 была молитва и завтрак, в 7.00 классы, а зимой репетиции уроков до 8.00, а в 8.00 шли в классы. В 12 часов обедали, в 20.00 ужинали, в 21.00 — молитва и ложились спать. В 22.00, 00.00 и в 2 часа ночи ходили дозором по всему корпусу дежурные офицеры и гардемарины».

Учебный курс разделялся на кадетский (начальный) и гардемаринский. Кадетом можно было пробыть неопределённое число лет, но попав уже в гардемарины, воспитанники проходили курс за 3 года. Табель кадетского курса включал 12 предметов:

Закон Божий;
арифметика;
алгебра;
геометрия;
плоская и сферическая тригонометрия;
история;
география;
русский язык;
иностранные языки;
чистописание;
рисование;
танцы.

Рекомендовалось «из логики сообщить отнюдь не обширные, но вместе и достаточные сведения о понятиях, суждениях». На уроках истории занимались: определением истории у древних и новых народов; исторической критикой; историческими источниками (разделением их на письменные и неписьменные); объяснением преданий, государственных актов древности, летописей; хронологией (формой измерения года у древних народов и связанными с этим затруднениями, средствам избежать таковых).

В курс истории входили также такие дисциплины, как:

археология и статистика;
генеалогия;
геральдика;
нумизматика;
дипломатия;
достоинство и польза греческой истории в политическом, научном и художественном аспектах;

топографическое описание Древней Греции;
мифология;
сравнение законов Ликурга и Солона.

Старший гардемаринский курс отличался необыкновенной сложностью.

Д.И.Завалишин:

> «Число учебных предметов было чрезвычайно велико в последний год перед выпуском. Некоторые предметы, даже не входящие в состав собственно морских наук, как, например, артиллерия и фортификация, проходились пространно, как в специальных для этих предметов заведениях. Курс артиллерии был у нас обширен, потому что, кроме полевой и крепостной, обнимал и морскую, которая не преподавалась в сухопутном артиллерийском училище… От воспитанников требовалось… необыкновенно много, так что, не считая иностранных языков, приходилось 22 предмета…»

В обучении иностранным языкам использовался обширный спектр методов: «…сочинять один раз в неделю на заданную тему или писать из головы повествование, избираемое на такой или другой род слога, дабы приучать воспитанников к хорошему выбору слов и выражений»; «изучать историю языка, перемены его, влияние на другие языки»; «составлять обзор жизнеописаний иностранных сочинителей»; «переводить с российского на иностранный остроумные анекдоты или короткие басни»; «3 раза в неделю по получасу надобно употреблять на разговаривание с учениками…»

Летом, в каникулярное время, гардемарины отправлялись в практическое плавание, продолжавшееся посменно два месяца. Ходили на учебных корпусных судах «Малый», «Симеон и Анна» или с эскадрами. Один бывший гардемарин вспоминал, что «плавание ограничивалось только взморьем между Петербургом и Кронштадтом, которое называлось «маркизовой лужей», по имени морского министра маркиза де Траверсе» [17]. Завалишин пишет об этом подробнее: «По обычаю, в этом походе осматривают всегда в подробности Кронштадт как главную морскую, военную и торговую гавань, посещают Стрельну, Лисий Нос, Ораниенбаум, Петергоф…» Самых лучших гардемаринов отправляли во все порты Балтийского моря с посещением шведского и датского королевских дворов. В плавании гардемарины исполняли все матросские работы, а к концу обучения осваивали штурманское дело. Во время практики все должны были вести свои журналы, которые представляли корпусному начальству по возвращении.

Учителям было предписано «с полным критическим разбором рассматривать записки, ведённые гардемаринами во время морских кампаний, и направлять разбор к той цели, чтоб дать воспитанникам руководство и образец, по коему сочинения сего рода должны быть обрабатываемы и на будущее время».

> …«По окончании каникул к 1 августа возвращались в корпус, где снова начинались классы, игры, шалости. Игры были разнообразны и многочисленны, скучать было невозможно и некогда», — умильно вспоминал бывший гардемарин редкие часы досуга, выпадавшие воспитанникам. А вообще-то, они не имели даже отпусков по будням, и «даже в праздничные дни отпускались только к надёжным родственникам, да и то требовался личный приезд или присылка надёжного лица с письмом, и возвращение в корпус было обязательным в 7 часов вечера накануне учебного дня. И ни один предмет, может быть, не подвергался так часто обсуждению, как отпуск из корпуса; и каждый раз, когда заявлялось требование об ослаблении строгости по сему пункту, решение было отрицательным, на том основании, что для людей с недостаточными средствами, как большая часть воспитанников, недоступно посещение таких мест, где они могли бы получить пользу или благородное удовольствие, и потому дозволение отпусков ведёт к посещению таких мест, от которых кроме вреда ничего ожидать нельзя. Несмотря, однако же, на всю строгость в этом отношении, для лучших учеников было исключение. Им дозволялось ходить на физические опыты, посещать Академию художеств, Медико-хирургическую академию, Кунсткамеру, Горный музей. Летом остававшиеся в корпусе в тот месяц, когда не были в походе (поход разделялся на две смены: с 1 июня по 1 июля первая, а затем по 1 августа вторая), отпускались гулять на острова, на взморье» [18].

Такими строгими мерами корпусное начальство, возможно, хотело застраховать себя от внешних проблем, могущих возникнуть из-за недозволенного поведения учеников, но внутри корпусной жизни их хватало с избытком. Впоследствии один из бывших гардемарин писал, что «нравственного воспитания в корпусе не было; кто был хорошо воспитан дома до 11 лет, тот мог пройти все искушения корпусной жизни невредимым…»

Д.И.Завалишин:

«Нравственный надзор был, однако же, очень слаб. Так как не было особых надзирателей, то и трудно было, чтобы даже дежурные, а не только все частные офицеры, находились постоянно при воспитанниках. Поэтому не только отдельным шалостям, но и целым заговорам легко было развиваться, как это происходило при так называемых корпусных бунтах или сражениях одного выпуска с другим. Бунты происходили всегда за дурную пищу и состояли в общем мычании, стучании ногами и ножами и, наконец, в бомбардировании эконома бомбами, состоящими из жидкой каши, завёрнутой в тонкое тесто из мякиша, так, чтобы, ударяясь обо что-нибудь, тесто разрывалось и опачкивало бы человека кашею. Поводом же к сражению бывало всегда то обстоятельство, когда какой-нибудь младший выпуск не хотел признавать власти старшего.

В Морском корпусе было чрезвычайно развито то, что называется в английских школах и университетах «fagging», т. е. прислуживанье младших старшим, хотя и далеко не в таком виде, как в Англии, потому что если и были злоупотребления силы, то это в том же смысле, как и между равными, как вообще мальчик, который посильнее, прибьёт слабейшего. Идти в другую роту за книгою, с запискою, с поручением считалось обязанностью, но чистить сапоги, платье, пуговицы и пр. исполнялось более теми, кто сам брался за то, за некоторые представляемые ему льготы. Впрочем, право требовать это предоставлялось только старшему выпуску, и то относительно кадет только, а отнюдь не гардемарин. Вечные же спорные пункты права состояли в том: имеют ли право старшие гардемарины подчинять младших тому же порядку, что и кадет? (например, вставать вместе с кадетами) и второе, имеют ли младшие гардемарины такое же право требовать от кадет услуг, как и старшие?

Впрочем, надо сказать, что исследование этих прав являлось большею частью как благовидный предлог, между тем как истинная сущность побуждений состояла почти всегда в тайном желании помериться силами и прославиться подвигами в корпусной истории, вследствие чего вопросы о праве возбуждались, очевидно, умышленным задиранием с той или другой стороны. Честь требовала не относиться на суд к начальству, а решать дело рукопашным боем на заднем

дворе, что, равно как и приготовление к бунту, было бы, разумеется, немыслимо, если бы надзиратели постоянно находились при воспитанниках.

Неблагородные поступки были, впрочем, редки в корпусе. Высшими проступками были курение табаку в закоулках, уход из корпуса без спросу и некоторые пороки, оскорбляющие нравственность. Случаи пьянства были очень редки, и во всё время двукратного моего пребывания в корпусе был только один случай воровства из кондитерской конфет, и то, впрочем, не доказанный следствием. Похищение огурцов в огородах составляло более проказы, нежели воровство, потому что главная цель была всегда посмеяться над огородниками и одурачить их. Тут в заговоре были всегда кадеты разных корпусов, которые переодевались в чужие мундиры, и поэтому, как бы хорошо огородники ни заметили лицо, но, разумеется, в том корпусе никогда не могли найти виновного, в котором искали его, основываясь на мундире, и поэтому нередко ещё сами попадали в полицию за напраслину, возведённую на корпус. Здесь не включаются непослушание, дерзость, леность, буйство, составляющие проступки особого разряда. При мне выключение из корпуса, как и наказание при корпусе, случилось только один раз, в бунт, при котором кроме эконома были оскорблены неприличными криками и некоторые офицеры».

Как же наказывали в Морском кадетском корпусе?

Дети адмиралов, генералов, юные графы, князья и не очень родовитые юноши — все в стенах корпуса становились равны между собой и перед начальством. А.Ф.Бестужев в своём трактате утверждал, что «должно предупредить пустую гордость породы, величающейся родословною своих предков и уверяющей благородных, что кровь их чище прочих сограждан». И «предупреждали». Розгами, без разбора.

Д.И.Завалишин:

«…Те из преподавателей, кто употреблял телесные наказания, не были дурные или бессердечные люди; многие были, напротив, очень доброго и мягкого характера. Это была тогда общепринятая и даже как бы обязательная система. Убеждение в необходимости её поддерживалось отчасти грубостью нравов значительной доли воспитанников.

В Морской корпус, хотя и «шляхетный», требовавший

доказательства столбового дворянства, поступали тогда, однако же, преимущественно дети дворянства мелкопоместного, где более нежели у кого-либо развиты были все привычки и злоупотребления крепостного права и где маленький барич, находясь постоянно среди мальчишек дворни, привык ко всякого рода расправе с ними…

Розги были в общем употреблении, хотя иные начальники за хладнокровное приложение слишком сильных наказаний и заслуживали строгое порицание, как например, племянник директора Овсов, дававший по 300 ударов. Известно, что я один только составил исключение, когда был корпусным офицером и преподавателем. Я не наказывал никогда телесно, даже не ставил и на колени, а между тем меня всегда слушались, тогда как офицерам, щедрым на наказание, не только не повиновались, но часто умышленно грубили. Привычка к телесному наказанию ожесточала, и считалось молодчеством выносить и самое ожесточённое наказание молча и не только не попросить прощения, но ещё вновь грубить. Наказание розгами разделялось на три степени: келейное (большей частью в дежурной комнате), при роте (только с разрешения уже директора) и при целом корпусе, что сопровождалось всегда и выключением из корпуса».

«Так протекали дни нашей корпусной жизни с учением, играми и шалостями, горем, радостью, дружбой и враждой. Дружба наша была идеальная, а вражда безмерная», — подытоживал свои мемуары один из бывших воспитанников.

Но вот наступила горячая пора в жизни каждого гардемарина: выпускные экзамены.

Д.И.Завалишин:

«В течение двух месяцев, с 15 января по 1 марта, а если спешили, то по 1 февраля, шли непрерывные экзамены разного рода. Испытания у нас были очень строгие. Надлежало пройти через несколько комиссий: свою домашнюю, флотскую, артиллерийскую, астрономическую, духовную и главную. Первая, состоявшая из всего состава кадетских офицеров (учителя из гимназического состава не участвовали в комиссии и даже не могли присутствовать при экзамене) под председательством помощника директора, экзаменовала из всех предметов очень долго и подробно,

как называлось «от доски до доски». Для второй назначались от министра именные адмиралы, капитаны и кораблестроители. Для третьей — артиллеристы ведомства военно-сухопутного и морского, под председательством морского генерал-цехмейстера, для четвёртой — астрономы из академии и обсерватории, для пятой — члены синода и законоучителя по их выбору, — наконец, в главной присутствовали министры и другие высшие сановники, и допускалась публика… Для отметок баллы тогда не употреблялись, а приняты были выражения: «отлично», «хорошо», «весьма» и «очень хорошо», «довольно хорошо» и «посредственно»; при этом получивший отметку «посредственно» выпускался также в мичманы, как и те, кто получил отметку «отлично», но ставился ниже в выпускном списке, в каком порядке считалось и старшинство при производстве».

Из воспоминаний А.П.Беляева:

> «…Наконец отворились двери конференц-зала; у столов экзаменаторов расселись гардемарины, — конечно, не без страха: несколько дней продолжалась операция и затем объявлены громогласно удостоившиеся быть «представленными к производству в офицеры»».

…Владимир Корнилов обладал большими способностями, учился легко, даже играючи: всего два года потребовалось ему, чтобы успешно закончить Морской корпус. Выпускные экзамены по всем специальным и общим предметам сдал на «отлично», по иностранным языкам (английскому, французскому и немецкому) получил оценки «хорошо» и «очень хорошо». В выпускном списке из 86 человек, составленном по результатам обучения и поведения в корпусе, унтер-офицер Корнилов состоял девятым — сразу вслед за своим родственником Михайлой, сыном капитана 1-го ранга Петра Корнилова. В начале февраля 1823 года Владимир Корнилов вышел из корпуса мичманом.

…73–летний бывший воспитанник Морского кадетского корпуса Н.А.Энгельгардт сидел за столом в своей петербургской квартире и писал статью в «Русскую старину». Заканчивал он её так: «…Как теперь выражаются, из прежних кадетских корпусов «фабриковались» офицеры; может быть, и так, но никак не анархисты, не нигилисты, а верные слуги государю и Отечеству! Кто были главные защитники Севастополя? Старые кадеты:

Нахимов, Корнилов, Истомин и многие другие».

Был конец 1884 года. Только 29 лет прошло после Крымских событий и 3 года после гибели Александра II, и читатели «Русской старины» — современники Энгельгардта — поняли его иронию.

«Без сомнения, — утверждал его былой сотоварищ, — результаты тогдашнего учения будут много слабее нынешних, но это оттого, что тогда и средства научные были не те. Но всё же надо вспомнить, что из этой школы вышли Нахимовы, Дали, Корниловы, Новосильские, Глазенапы, Путятины, Бутаковы, все эти питомцы того времени, и все эти герои, краса и гордость России».

Из записок А. Сатина:

> «…В первый же день моего поступления в корпус я понял, что надо вырабатываться самому, что наука и учение без опыта и собственного «я» ничего не могут дать… Помню, что сказал мне мой незабвенный командир и друг Лев Иванович Будищев уже после, на службе:
>
> — Забудьте, батенька, что вы учились; учитесь, батенька, снова, и много учитесь, и надейтесь только на себя.
>
> И действительно, как странно казалось всё с первого же года службы. Всё пошло вверх дном. Что казалось почти ненужным и у нас преподавалось поверхностно, как, например, фортификация, а в ней-то и пришлось искать спасение. Мне казалось, что я хорошо знаю артиллерию, по крайней мере то, что нам преподавали. А преподавали нам следующее:
>
> «Вопрос: Какой должен быть снаряд?
>
> Ответ: Круглый.
>
> Вопрос: Почему?
>
> Ответ: Потому что снаряд, вылетая из дула, вертится и представляет одну и ту же поверхность сопротивления. Другая форма этого дать не может».
>
> И первая же пуля, прилетевшая и убившая первого севастопольца, капитан-лейтенанта Тироля, что было на моих глазах, — была коническая. Первая же бомба с Ланкастерской батареи 5 октября — была коническая.
>
> Учиться было поздно, надо было грудью отстаивать достояние России. Тут-то и пришлось брать пример с наличных учителей — героев.
>
> Когда я в корпусе смотрел на портреты и читал о

героях прежних войн, как недосягаемы, как величественны они мне казались. Я тогда ещё не был знаком с Нахимовым, Корниловым, Новосильским, Тотлебеном, Перелешиным, Керном, Зориным. Я не знал, что величие в простоте.

С какой любовью мы были им преданны, с каким самоотвержением мы исполняли их приказания, подчас пересаливая от усердия. Только эти люди могли довести состав офицеров до того, что Нахимов вынужден был отдать приказ, небывалый в анналах военных историй. Нахимов упрекал офицеров, что они слишком пренебрегают опасностью и недостаточно берегут себя. «Бравировать преступно, — говорил он, — когда жизнь принадлежит отечеству; никто не смеет заподозрить храбрость офицера».

Да, это было».

* * *

В своих «Воспоминаниях» А.П.Беляев писал: «По окончании последнего выпускного экзамена в корпусе первая шалость состояла в том, что некоторые достали себе трубки и начали курить, хотя и секретно, так как это не дозволялось. Наступили приятные мечты о будущей свободной жизни и службе. Перед производством, обыкновенно, начальники отбирали желание, кто в какой порт желает поступить: в Севастополь, Кронштадт, Архангельск, Астрахань или Свеаборг. Тут начались бесконечные разговоры о тех местах, кто куда записался: Севастополь и полуевропейская, полуазиатская Астрахань, с их фруктовыми садами, виноградниками, чудной природой. Беломорцы представляли себе хладный Архангельск с его морозами, длинными или короткими ночами, весёлыми катаньями с горы, а затем — плаванье океаном. Свеаборгцам рисовалась Финляндия с её чудными скалами, озёрами, водопадами, живописными посёлками и прелестными девицами».

Утомлённый последними неделями, потребовавшими от него полной отдачи сил для сдачи трудных экзаменов и вслед за этим чередой торжеств среди своих родных, обязательными визитами с отцом к петербургским знакомым и бурным прощальным ужином с товарищами по корпусу, — счастливый, восемнадцатилетний, красивый, в новом, только что пошитом мундире, полный надежд и мечтаний, Владимир Корнилов тоже грезил: о подвигах в военной кампании, о скором, может быть, командовании

собственным бригом, о том, как ловко и вовремя он применит полученные блестящие знания в каком-нибудь славном деле и отличится среди товарищей, а потом, стоя в строю, услышит своё имя среди награждённых. Уж тогда он точно объяснится с Ней… А если доведётся исполнить свой долг офицера, спасая вверенный ему корабль и людей, но погибнуть, то о нём тогда узнают все (и Она!), и как будет, конечно, плакать матушка… Но Отечество наверное не забудет его…

Он так молод, что не знает закона жизни, нигде не изучаемого и никем не обойдённого: именно тогда, когда ты полон надежд и сил, Судьбе бывает угодно сковать эти надежды томительными оковами тщетных ожиданий, а силы уходят на невидимый миру подвиг — пережить ожидания без обещания награды. Однажды *потом,* к изменившемуся, охладевшему и трезвомыслящему, она снова поворачивается, вновь маня и дразня несбывшимся, потому что точно знает: именно теперь выбор будет действительно труден, ибо вы уже узнали цену поражения и смирения. Теперь вы, искушённый и разочарованный, стали интересны Судьбе, и можно поставить на вас, стоящего, и ставка велика: если в Начале пути вы проигрываете только иллюзии, то во Второй Попытке, не рискнув начать всё сначала, вы можете потерять всё, так никогда и не узнав, что потеряли.

Корнилов не мог знать, что на пороге уже *второе испытание.* Жаждущий поскорее изведать опасностей в дальних походах, он не подозревает об опасностях куда более страшных и близких, чем воображаемые им кораблекрушение или геройская гибель. Он ещё не знал тогда, что для неокрепшей, незакаленной и непривитой от грядущих жизненных коллизий юности, его юности, самыми опасными станут подводные рифы *разочарования* и *равнодушия.*

Фактов немного: три назначения в период с 1823 по 1825 год, и это самые скудно описываемые события в любой из известных биографий В.А.Корнилова. Первым кораблём, на котором начал службу молодой офицер, стал фрегат «Малый» на Балтийском флоте. Именно на нём, ещё гардемарином, он дважды проходил учебную практику, так что это не стало новым, неизведанным и познавательным плаванием, но, правда, и длилось недолго, всего полгода. Надежды мичмана ожили вместе с новым переводом на шлюп «Мирный», которым командовал опытный офицер капитан-лейтенант П.А.Дохтуров. Шлюп готовился к длительному походу в Петропавловск-Камчатский. Владимир уже считал, что ему повезло. 27 сентября 1824 года «Мирный» покинул Кронштадт и направился через Балтийское и Северное моря в Атлантический

океан. Но экипаж ждали суровые испытания. В Северном море корабль попал в жестокий шторм и получил настолько серьёзные повреждения, что дальше идти не мог и вынужден был после зимней стоянки в небольшом норвежском порту Арендаль в мае 1824 года вернуться в Кронштадт для капитального ремонта. В начале 1825 года Корнилов был прикомандирован к Гвардейскому экипажу.

Гвардейский экипаж был учреждён к тому времени уже 15 лет [19], в 1810 году. Когда в 1807 году состоялись мирные переговоры императоров Александра I и Наполеона Бонапарта, встреча их происходила в прусском Тильзите, посередине реки Неман, в специально выстроенном плавучем павильоне. Императоры прибывали к месту встречи на шлюпках, гребцами у Александра I были лейб-казаки, а у Наполеона — матросы французской гвардии.

Щегольская выправка и форма французских матросов-гвардейцев понравились русскому царю, и он повелел сформировать из прежней Придворной гребецкой команды, созданной ещё при Петре I, особый морской экипаж, причислить его к гвардии и назвать Гвардейским.

Весь 1810 год в Гвардейском экипаже шло обучение строевой службе, хождению на яхтах, проводились артиллерийские и фронтовые учения, а 6 января 1811 года состоялся высочайший смотр всему экипажу. Александр I остался чрезвычайно доволен блестящим видом моряков и пожаловал всем офицерам ордена, а матросам — по десять рублей ассигнациями.

С началом Отечественной войны 1812 года Гвардейский экипаж выступил из Санкт-Петербурга в составе 20 офицеров и 476 нижних чинов. Экипажу поручалось устраивать переправы, наводить понтонные мосты, исправлять дороги, а при отступлении русских войск уничтожать в тылу армии запасы. В сражении под Бородином добровольцы экипажа разрушили мост через реку Колоча, остановив наступление неприятеля. Но особенно отличился Гвардейский экипаж в боях под Кульмом 16–18 августа 1813 года, получив от императора Александра I высшую боевую награду — Георгиевское знамя с орденской Андреевской лентой и надписью «За оказанные подвиги в сражении при Кульме». Кампанию 1813 года экипаж провёл в походах, участвовал в «битве народов» под Лейпцигом, а 20 марта 1814 года вместе со всей гвардией вступил в Париж. Пробыв во французской столице два месяца, Гвардейский экипаж вернулся в Россию на фрегате «Архипелаг»; после краткого отдыха в Ораниенбауме 30 июля вступил в Санкт-Петербург через Триумфальные Нарвские ворота, и вскоре моряки вновь занялись

обслуживанием императорских яхт.

В 1815 году состав Гвардейского экипажа увеличили до восьми рот, он получил новые казармы у Калинкина моста через Фонтанку и, неся гарнизонную службу в столице, участвовал во всех смотрах и парадах в Петербурге и Петергофе. Все пять яхт экипажа: «Россия», «Паллада», «Церера», «Нева» и «Торнео» сопровождали императора в его морских прогулках на катере из Ораниенбаума в Кронштадт.

…И вот из этого элитного, придворного Гвардейского экипажа вскоре после зачисления был уволен молодой офицер Владимир Корнилов *«за недостаточной для фронта бодростью».*

Каждый раз перечитывая эту формулировку, я словно проходила через некий смысловой барьер, каждый раз мучаясь ощущением, что мне не удаётся ухватить ни динамики происходившего, ни внутренней связи этих событий со следующим этапом жизни Корнилова. А ведь всем известно, что всего через два года он будет одним из любимейших учеников М.П.Лазарева, что начнётся блистательный взлёт его карьеры, талант начнёт раскрываться… Но вот здесь, в этих строках, непостижимым образом обрывается путь, ещё не начавшийся. Что же случилось с многообещающим выпускником Морского корпуса за те несколько лет, что лежат за рубежом данной ему бесперспективной оценки на исходе 1825 года? Ещё полтора столетия до меня этим мучился один из современников адмирала Корнилова, видимо, хорошо знавший и любивший его, и характеристика, которую дал мичману командир Гвардейского экипажа, привела его в горестное негодование:

> «Так поняли мичмана, который через 30 лет появлением своим вселял уверенность в сердца робкие, незакаленные ещё в бою, и поражал мужественным спокойствием людей, чаще его подвергавшихся опасности. Так угадали восторженного вождя, который в минуту явной гибели, в присутствии врага, сильного числом и искусством, при недостаточных, детских средствах в борьбе с ним, произнёс памятные слова: «Отступления не будет, сигналов ретирады не слушать, и если я велю отступать, коли меня!»»

Прежде всегда утешавшая созвучностью с моими собственными мыслями, именно эта фраза однажды и стала ключом к пониманию явной несообразности вышеописанных событий. Я вдруг осознала, что разобраться во всём мне «мешает» образ адмирала, каким он явился в зрелые годы, и что биограф тоже находился под сильным впечатлением от личности

Корнилова, а посему в своей высокопатетичной речи делает акцент на позицию «вождь». Как обаятельно возвышающ и заразителен этот порыв возмущения, как трогательно восхищение, как наивен хор защиты! Благородство того, о ком пишут, сопрягается с благородством пишущего, и грустно становится: в наш век *так* уже не пишут…

Современника осудить невозможно. Но: сместив акцент, вопреки ему, с «вождя» на «мичмана», мы видим событийность совсем в ином ракурсе — не «вождь», будущий герой, адмирал, а «мичман», пока ещё только бывший корпусный воспитанник, нуждается в понимании и «защите».

Одним из самых сильных потрясений, которое переживает человек, только что перелистнувший поэтические главы Детства и Юности с их утопическими идеалами, является момент, когда открывается новая глава — Проза жизни.

Для благополучного сына сенатора, избравшего поприще военного моряка, увиденное им в Гвардейском экипаже за порогом величественного имперского фасада, губительно повлияло на его идеальные представления о воинском долге и о высшем предназначении своей службы на флоте. Береговая служба, где невозможно было применить свои профессиональные знания, а, напротив, требовалась безукоризненная строевая выправка и плац — парадная отупляющая муштра; злоупотребления властью начальства, откровенно хамское пренебрежение и издевательства многих офицеров над нижними чинами; лицемерие, подлость и выслуживание, — всё вызывало в душе новичка кипящее возмущение, отвращение и отторжение происходящего и усиливало протест, который камуфлировался очень по-юношески: Корнилов откровенно пренебрегал своими обязанностями, выказывал показное равнодушие к недовольству начальства, дерзил и проводил время на балах, театрах и шумных пирушках. Очевидно, что всю недостающую «бодрость для фронта» юноша растрачивал вне фронта.

И тогда выходит, что решение командира Гвардейского экипажа (по мнению биографа, которое легко читается между строк, — этакого недальновидного тупицы) оказывается вполне оправданным, а гипотетическая вина его состоит не в том, что он «не угадал вождя», а в том именно, что «не понял мичмана» с его недавней цепью служебных разочарований, главным звеном которой и стало пребывание в Гвардейском экипаже; не понял, что из корниловского теста нужно лепить что-то другое и, возможно, совсем в другом месте, с другим начальником, не говоря уже о душе. Вот только навряд ли этот командир стал бы разбираться в такой неуставной возмутительной чепухе.

И слава Богу! — хочется воскликнуть теперь, через 180 лет. Но нам-то виднее…

С мичманом всё обстояло гораздо сложнее. Он молод и виноват в том, что… молод. Для него демарш равнодушия — протест, способ сохранить своё достоинство, подчеркнуть свою непринадлежность, непохожесть. Корнилов уволенный — как никогда ещё в его восемнадцатилетней жизни как бы *равноудалён* от своего, известного нам, будущего: как никогда *близок* и вместе с тем *далёк* от уготованного ему жребия «вождя». Судьба его в тот год была похожа на слепое Правосудие с чашами весов, которые замерли в страшной неподвижности перед приговором, всё ещё не получая последнего, но самого весомого доказательства в *пользу* ничего не ведавшего Корнилова.

Глава третья

Судьбу человека, избравшего военное поприще, во все времена решает ultima ratio regnum [20].

«Прошло двадцать лет с тех пор, как флот России под командованием адмирала Д.Н.Сенявина [21] одержал блистательную победу над турецким флотом в Афонском сражении в 1807 году… Но обстановка на Балканах снова обострилась. Греция в 1821 году восстала против турецких угнетателей. Потерпев неудачу в борьбе с восставшими греками, турецкий султан призвал на помощь своего вассала египетского пашу, который направил в Грецию для помощи туркам войска и флот. Это вызвало негодование общественности многих европейских стран. Прогрессивные слои общественности требовали от своих правительств оказать давление на Турцию и заставить её прекратить варварскую войну против греческого народа. Правительства Англии, Франции и России вмешались в освободительную борьбу греческого народа, но каждое из них стремилось использовать эту войну в своих интересах, цель которых — усилить своё влияние на народы, населяющие Балканский полуостров. Если Россия заняла твёрдую позицию на стороне Греции и всемерно поддерживала её, то Англия и Франция, стремившиеся не допустить усиления влияния России на Балканах, проводили двойственную политику. С одной стороны, они делали вид, что поддерживают освободительную борьбу греческого народа, а с другой — закулисно поощряли турецкую агрессию и восстанавливали Турцию против России. Подобная политика вызвала возмущение общественности этих стран: под её давлением английское и французское правительства вынуждены были 24 июня 1827 года подписать в Лондоне договор с Россией о совместном выступлении против Турции с целью заставить её прекратить войну против греков и предоставить им автономию под турецким протекторатом.

Однако Россия, ведя эти переговоры, ещё с 1826 года начала подготовку к посылке на Средиземное море Балтийской эскадры, в которую были включены наиболее боеспособные корабли Балтийского флота и два линейных корабля — «Иезекииль» и «Азов». Командиром «Азова» в феврале 1826 года был назначен капитан 1-го ранга Михаил Петрович Лазарев [22], которому было поручено также следить за ходом строительства и ускорить постройку вверенного ему корабля» [23]. По завершении строительства «Азов», лучший линейный корабль российского флота, в составе отряда других кораблей, построенных в

Архангельске, был переведён в Кронштадт.

Лазарев стал подбирать личный состав корабля. Алексей Михайлович Корнилов хлопочет через адмирала Сенявина о назначении Владимира на «Азов», и Лазарев, всегда отбиравший известных ему способных и хорошо знающих своё дело офицеров, совершает удивительный прозорливый поступок: он берёт недостаточно бодрого для фронта новичка к себе. Но молодой мичман не знает, что это — Фортуна, доселе обращённая к нему спиной, обернулась и одарила его ослепительной улыбкой. Он не знает, что его новый командир — исключительное явление в истории Российского военно-морского флота; то, кем Пётр I был для России, Михаил Петрович Лазарев стал для Черноморского флота и лично для него, Корнилова: и выдающийся мореплаватель, и талантливый флотоводец, внёсший большой вклад в исследование и освоение Мирового океана и открытие Антарктиды; и прекрасный тактик, и теоретик-новатор, а главное, неотъемлемой частью флотоводческого искусства Михаила Петровича являлся его особый талант и умение воспитывать и обучать личный состав флота, и особенно молодых офицеров. Созданная им черноморская школа воспитания и обучения офицеров так и называлась — «лазаревская», и была особым явлением в николаевской России. Глубокий патриотизм, верность воинскому долгу, никакого преклонения перед иностранщиной, уважение человеческого достоинства матросов и солдат — вот что преподавалось в этой школе.

Способность открывать таланты — тоже талант, и редкий. А Михаил Петрович им обладал: его ученики, способнейшие морские офицеры, будущая гордость России, «питомцы лазаревского гнезда», П.С.Нахимов, В.А.Корнилов, В.И.Истомин, Г.И.Бутаков продолжили его дело, а лучшие из них в минуту своей славы вспоминали прежде всего своего великого учителя и с этим именем на устах умирали. Тем, кем стал Владимир Алексеевич Корнилов — прекрасным флотоводцем, ярким организатором, ценным военным теоретиком, — он обязан Лазареву.

Лазарев скажет позже: «Контр-адмиралов у нас много, но легко ли избрать такого, который соединил бы в себе и познания морского дела и просвещение настоящего времени, которому без опасения можно было бы в критических обстоятельствах доверить и честь флага и честь нации? В Корнилове достоинства эти выражались и прежде, а теперь… ещё больше усовершенствовались».

И мичман конечно же не может знать, что он сам напишет о своём учителе после его смерти, что жизнь Лазарева «удивляет

своей полнотой и послужит отрадным примером на пользу будущих поколений».

«Капитан «Азова», — свидетельствует современник, — принадлежал к числу немногих людей, отличающихся прекрасными качествами души и редким постоянством. Прекрасная, недоступная неправде душа указывала ему человека, познания и опытность — способного офицера, а постоянство характера и светлые понятия побуждали вести за собой однажды избранных, заботясь об их усовершенствовании. Таким «избранным» на этот раз был молодой Корнилов».

…А поначалу отношения учителя и ученика складывались совсем не благоприятно. На борт «Азова» молодой офицер ступил «скептиком»: он хотел сражаться с турками, но повседневная служебная лямка казалась ему бессмысленной тягостью, — это было «наследство» его юношеского протеста против муштры Гвардейского экипажа. Лазареву случай отдал молодого мичмана, «колебавшегося между желанием трудиться и весело жить, между охотою к занятиям и приятным бездельем, между долгом и заманчивым удовольствием». Он привёз с собой усвоенные в Петербурге светские манеры и привычки, отличавшие его от сослуживцев и мешавшие сближению с ними. Лазарев встретил Корнилова дружественно, присматривался, прислушивался к мыслям, которые тот высказывал, наблюдал и выжидал. Нет, он, Лазарев, держит этого мичмана не ради высокой протекции. В нём, этом красивом, немного высокомерном бонвиване, он безошибочно распознал талантливую натуру, природный ум, редкие способности, а тот… Капитан «Азова» снова нахмурился — мичман весь досуг проводит за чтением французских романов!

Лазарев требовал не такой, «петербургской», службы, а разумной, непосредственно связанной с жизнью на корабле, боевой готовности его команды; он требовал, чтобы офицер всего себя отдавал морскому делу. Так служить Корнилову не приходилось; полностью окунуться в будничную службу, жить только ею казалось ему невозможным, строгость и высокая требовательность командира корабля воспринимались как чрезмерные. А Лазарев становился всё требовательнее: не оставлял без внимания ни одного упущения по службе молодого мичмана, воздействуя на него не только своими убеждениями, но и строгими наказаниями. Если вначале Корнилов считал капитана суровым, но безукоризненно справедливым, то вскоре был склонен находить, что тот пристрастен, придирчив и несправедлив. В минуту горячности мичман подумал было о переводе на другой корабль.

Отношения стали тяжёлыми. Это было совсем не то, чего

хотел Лазарев, сразу же рассмотревший в Корнилове многообещающего офицера. Нужно было решать с этим раз и навсегда. Однажды он вызвал Корнилова к себе, чтобы поговорить «по душам». Нельзя заниматься делом, в которое не веришь или которое не любишь, сказал капитан и спросил, желает ли мичман продолжать морскую службу. Тот ответил утвердительно.

— Если так, то надобно пересмотреть свои взгляды, надо создать другие привычки, отбросить всё, что отдаляет от общества товарищей, найти общий язык с матросом. И надобно учиться — из книг, на повседневном опыте службы, внимательно наблюдая за старшими по званию офицерами. Вы считаете себя образованным? Как морской офицер вы невежественны. Вы много читаете? Это бесполезное чтение.

Вместе они вышли на палубу. Лазарев послал мичмана за его книгами, пересмотрел один за другим томики французских романов и выбросил их за борт. Взамен он снабдил юношу сочинениями другого рода — книгами по теории и практическим навыкам в морском деле из собственной библиотеки.

Потрясённый произошедшим мичман был смущён, подавлен, пристыжен. Этот день стал для него переломным. Воспитанный ещё в детстве взгляд на службу офицера как на выполнение воинского долга перед отечеством, как проявление патриотизма, — этот взгляд, утверждённый в молодом офицере Михаилом Петровичем Лазаревым, он пронёс до своего последнего часа и передал своим подчинённым. «Владимир Алексеевич, — писал впоследствии его сослуживец по Черноморскому флоту И.А.Шестаков, — очень любил рассказывать об этой эпохе своей жизни… Достоверно, что Корнилов начал заниматься делом, учиться, следить за собой, короче — жить новой жизнью». *Третье испытание* было пройдено.

* * *

Весной 1827 года на Балтике было завершено формирование эскадры, предназначенной для посылки в Средиземное море. В её состав вошли девять линейных кораблей, в том числе «Азов», восемь фрегатов и три корвета. Во главе эскадры был поставлен выдающийся флотоводец адмирал Д.Н.Сенявин, имевший большой опыт руководства боевой деятельностью российского флота на Средиземном море.

…Из «Записок» А.П.Рыкачёва [24]:

«2 июня. Государь (Николай I. — *С.К.*) делал смотр

эскадре… Он посетил корабли «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» и некоторые фрегаты, объехал кругом флота и остался всем совершенно доволен. С многочисленной свитой Государь прибыл на корабль «Азов»; при нём находились английский и французский посланники. Осматривая арсенал, Его Величество обратил особенное внимание на искусно выложенные из ружейных замков имена драгоценных для русских моряков морских побед при Гангуте, Ревеле и Чесме. После последнего имени так же искусно была сделана буква «И». Заметив это, Государь спросил капитана Лазарева, что значит эта буква, на что Михаил Петрович отвечал, что она означает продолжение выше выставленных имён.

— А что же будет дальше? — спросил Государь.

— Имя первой победы флота, — отвечал Лазарев [25].

Отбывая с «Азова», Император сказал:

— Надеюсь, в случае каких-либо военных действий, поступлено будет по-русски».

10 июня эскадра покинула Кронштадт и направилась в Англию, где Сенявин должен был согласовать с английским командованием некоторые вопросы совместных действий союзного флота в грядущей кампании. 28 июля эскадра прибыла на главную базу английского флота Портсмут, где Сенявин окончательно определил состав своей эскадры, которой предстояло вести боевые действия на Средиземном море: четыре линейных корабля, «Азов», «Гангут», «Александр Невский», «Иезекииль»; четыре фрегата и один корвет. Во главе экспедиции, по личному указанию Николая I, был поставлен граф контр-адмирал Л.П.Гейден [26], а начальником штаба Сенявин назначил М.П.Лазарева, считая его наиболее подготовленным для выполнения этой ответственной должности, да ещё при таком командующем, как граф Гейден, которому он не особенно доверял.

8 августа эскадра была разделена на два отряда: один, под началом контр-адмирала Гейдена, направился к Эгейскому архипелагу, а адмирал Д.Н.Сенявин с остальными кораблями возвратился в Кронштадт.

После продолжительного плавания эскадра Гейдена прибыла к берегам Греции и 1 октября у острова Занте соединилась с английской эскадрой под командой вице-адмирала Кодрингтона [27], а затем и с французской — под командой контр-адмирала де Риньи [28]. Согласно ранее установленной договорённости,

командование над объединёнными эскадрами, насчитывавшими 28 вымпелов, принял старший по чину вице-адмирал Кодрингтон.

До прибытия русской эскадры ни Кодрингтон, ни де Риньи не имели серьёзного намерения помочь грекам и начать решительные боевые действия с Турцией. Появившись на Средиземном море ещё в июне 1827 года, они так ничего и не сделали для того, чтобы помешать соединению в Наваринской бухте турецкого флота со своим союзником, египетским флотом.

Русский посол в Константинополе Рибопьер, оценивая действия (вернее, бездействие) англо-французского флота в Архипелаге до прихода туда русской эскадры, справедливо писал графу Гейдену:

> «Итак, действия или, скорее, появление союзных эскадр не произвело ещё ни одного из тех благ, которых мы вправе были ожидать».

Турецкие войска громили повстанческие отряды, разоряли плодородные земли, угоняли в рабство женщин и детей. Главнокомандующим турецко-египетской сухопутной армией и флотом был 38–летний Ибрагим-паша [29]. Он избрал Наварин своим опорным пунктом на море. Большая и глубокая Наваринская бухта была словно создана для укрепления стоянки кораблей: с берега их надёжно прикрывали 165 орудий, рядом — склады с продовольствием, корабельными снастями, мастерские.

Турецко-египетский флот представлял собой довольно внушительную силу. Он состоял из трёх линейных кораблей, 23 фрегатов, 42 корветов, 15 бригов и 8 брандеров. На вооружении их находилось свыше 2300 орудий. Кроме того, имелось 50 транспортов, большая часть которых была вооружена 10–20 орудиями. Помимо корабельной артиллерии противник имел большое число береговых орудий и на острове Сфактерия, прикрывавшем вход в Наваринскую бухту.

Между тем султанское правительство отвергло ноту союзных держав, скорее для видимости предъявивших ультиматум Ибрагим-паше. Отказалось оно также признать и Лондонский договор и предоставить Греции права независимого государства. Ввиду такого вызывающего поведения Турции, послы союзников в Константинополе предложили адмиралам привести в исполнение те меры, которые предусматривались секретной статьёй Лондонского договора: адмиралы должны договориться о блокаде, целью которой будет пресечение перевозок в Грецию турецко-египетских войск и оружия.

5 октября русская, английская и французская эскадры прибыли к Наваринской бухте, где расположился объединённый

турецко-египетский флот.

В тот же день на борту английского флагманского корабля «Азия» состоялось совещание трёх адмиралов, и решено было послать командующему турецко-египетскими вооружёнными силами Ибрагим-паше ультимативное требование о прекращении военных действий против греков. 6 октября эта нота, подписанная Гейденом, Кодрингтоном и де Риньи, была доставлена в ставку Ибрагим-паши, но её отказались принять из-за… отсутствия главнокомандующего! Вызывающее поведение турок привело в негодование англичан. Однако Кодрингтон и де Риньи действовали согласно полученным от своих правительств инструкциям, предписывающим сделать всё возможное, чтобы предотвратить сражение.

Командование же русской эскадры в лице Л.П.Гейдена и М.П.Лазарева придерживалось иной точки зрения, которая была предписана им Николаем I. Царь заблаговременно вручил графу Гейдену предписание, в котором в качестве главной задачи ставилось достижение перемирия между Турцией и Грецией на выдвинутых Россией условиях, а если турки отвергнут посредничество, то «…тогда соединённым трём эскадрам предназначено наблюдать строгое крейсирование таким образом, чтобы сильно воспрепятствовать всякому покушению выслать морем как из турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществование войсками или судами, припасами против греческих сил на море или мест их занимаемых». Очевидно, что предписание Николая I требовало от командования эскадры в случае необходимости применять силу.

Гейден и его начальник штаба Лазарев вынудили, наконец, Кодрингтона и де Риньи принять жёсткие меры. Было решено: «Всем судам соединённого флота войти в Наваринскую гавань, стать на якорь подле турецкого флота, дабы присутствием и положением союзных эскадр принудить Ибрагим-пашу отказаться от всякого нового предприятия против берегов Мореи и островов Греции».

Командующие союзными эскадрами дали «взаимное обещание истребить турецкий флот, если хотя один выстрел будет сделан по союзным кораблям».

Со своей стороны, русское правительство передало бриг «Ахиллес», прибывший в составе эскадры, греческому правительству, а также вексель на полтора миллиона рублей, оказывало помощь порохом и продовольствием.

Английское правительство тоже готово было помочь, но только не грекам, а туркам, и защитить — турок от русских. Кодринггону было приказано «не допустить полного разгрома

турок». Эту стратегию поддерживало и французское правительство. Обозлённый из-за допущенных им уступок Гейдену на военном совете, не предусмотренного ранее и поэтому нежелательного ультиматума и последовавших вслед за этим грозных депеш из Лондона, Кодрингтон решил отыграть назад утраченные позиции.

В приказе по эскадрам от 7 октября Кодрингтон писал: «Ни один выстрел не должен быть сделан на соединённом флоте, покуда не приказано сигналом».

Если же противник первым откроет огонь, то разрешалось ответный огонь открывать только по тем неприятельским кораблям, которые начали стрельбу, что, безусловно, сковывало инициативу командиров кораблей и, по сути, сводило присутствие союзного флота всего лишь к демонстрации силы.

Приказ этот был отдан, в основном, для эскадры Гейдена, ибо с самого начала было ясно — русские пришли с тем, чтобы помочь. Главная же часть замысла стала ясна на следующий день, 8 октября.

* * *

…Турецкие и египетские корабли стояли на якоре в три линии в виде полумесяца с выдвинутыми вперёд флангами. Первую линию боевого построения составляли линейные корабли, находившиеся в центре, и фрегаты. Во второй и третьей линиях стояли корветы и бриги с брандерами на флангах. Транспорты теснились у берега, за боевыми кораблями. Вход в Наваринскую бухту и фланги боевого построения турецко-египетского флота защищались береговой артиллерией. Таким образом, турецко-египетский флот занимал довольно выгодную позицию. Командующий флотом Ибрагим-паша считал её неприступной, а свой флот непобедимым.

Объединённый союзный флот состоял: русская эскадра — из четырёх линейных кораблей и четырёх фрегатов (466 орудий); английская — из трёх линейных кораблей, трёх фрегатов и нескольких более мелких судов (472 орудия); французская эскадра — из трёх линейных кораблей, двух фрегатов и двух более мелких кораблей (362 орудия). Итак, объединённый флот союзных держав имел десять линейных кораблей, девять фрегатов и семь более мелких судов. Общее вооружение их состояло из 1300 орудий. Таким образом, союзный флот превосходил турецко-египетский в численности линейных кораблей, но уступал ему в средних и мелких судах, а также в артиллерийском

вооружении. Огневую мощь противника значительно увеличивали 165 береговых орудий. Зато важным преимуществом союзного флота над неприятельским являлось превосходство его (особенно русских кораблей) в боевой выучке личного состава и морально-боевых качествах матросов и офицеров.

8 октября в 13 часов союзный флот, построившись, как это было предусмотрено диспозицией, в две колонны: правая — англичане и французы и левая — русские, — двинулись в Наваринскую бухту.

Около 14 часов английские и французские корабли безо всяких помех стали входить в бухту и занимать места для якорных стоянок.

По приказу Кодрингтона главные силы английской и французской эскадр были расположены преимущественно против левой части полумесяца неприятельских кораблей, то есть той, где находились, главным образом, египетские суда. Французские корабли стали против левого фланга, а английские — ближе к центру. Русская эскадра должна была занять место против турецких кораблей, находившихся в центре и на правом фланге — правой части полумесяца.

Располагая русские корабли против турецких, Кодрингтон стремился переложить всю тяжесть боя на русских моряков. Он так расставил всю эскадру, что англо-французским кораблям (6 линейных, 6 фрегатов, 2 корвета и 1 бриг) противостояло 30 судов, в основном, египетских, а русским (4 линейных, 4 фрегата, 1 корвет и 2 брига) — более 50 судов с транспортами. Кроме того, турецко-египетские суда, стоявшие в правом углу своего боевого построения, могли вести по русским кораблям перекрёстный огонь, тогда как избранная Кодрингтоном позиция для своих и французских кораблей исключала возможность такой стрельбы по ним.

Злопамятный лорд отыгрался за поражение на совете перед решительным Гейденом. Но вероломство Кодрингтона и де Риньи по отношению к своему союзнику этим не ограничилось: не теряя надежды спасти вражеский (sic!) флот и поэтому опасаясь серьёзно настроенного Гейдена, главнокомандующий союзной эскадрой решил задержать русскую эскадру при входе в бухту — улучить момент, чтобы договориться с Мухарем-беем, командующим египетской эскадрой. На египетских судах военными советниками плавали французские офицеры, и, располагая французские суда против египетских, Кодринггон надеялся выиграть время для того, чтобы контр-адмирал де Риньи договорился со своими соотечественниками. Вероломство Кодринггона проявилось и при тактическом развёртывании

флота. По его приказу союзный флот должен был входить в бухту двумя кильватерными колоннами. Правую колонну (наветренную) составляли английские и французские корабли, а левую (подветренную) — русские, которым предстояло пройти мимо мощных береговых батарей противника, установленных на острове Сфактерия.

* * *

…Левантийский ветер надувает белые полотнища парусов; корабли — величавая стая. За «Дартмутом» — последним в английской линии, наготове идти русская эскадра. На «Азове», флагманском корабле эскадры, давно всё готово для немедленного боя.

Бело-голубой Андреевский флаг плещет по ветру, голубое его крестье сливается с глубоким наваринским небом. Весь экипаж «Азова» был взволнован непонятными манёврами французской эскадры.

Французские корабли уверенно идут в бухту наперерез русским.

Лазарев хмурится: это неожиданно для него, но, как он подозревает, не для Кодринггона.

И оказывается прав. Через минуту с марса прокричали приказ главнокомандующего русской эскадре: «Не ходить далее». Командир «Азова» нервно складывает подзорную трубу и оборачивается к Гейдену с немым вопросом. Логин Петрович размеренно прохаживается по шканцам; он не волнуется — у него есть сметливый начальник штаба.

Ещё через несколько минут показалась английская шлюпка. Приблизившись, насколько позволяли волны, к «Азову», флаг-офицер Кодринггона передал приказание своего командира графу Гейдену: «Лечь в дрейф и пропустить эскадру де Риньи».

Как только английская и французская эскадры вошли в бухту, Кодринггон поставил свой флагман «Азия» против флагмана египетской эскадры и поспешил послать парламентёра к Мухарем-бею. Одновременно с «Дартмута» была послана шлюпка к стоявшему поблизости турецкому брандеру с требованием удалиться, но с брандера открыли ружейный огонь, и посланный офицер был убит. В ответ на такое «неджентльменское» поведение «спасаемых», с фрегата ответили орудийным залпом. Ближайший турецкий корабль немедля открыл сильный артиллерийский огонь.

Так началось Наваринское сражение 8 октября 1827 года.

…Из исторического журнала эскадры графа Л.П.Гейдена:

> «Трудно угадать, почему адмирал Кодрингтон, решивший единодушно и нераздельно действовать с союзниками, не дождавшись левой колонны, пошёл в порт с одной только правой, тогда когда бы ему надлежало вступить туда с обеими. Английский адмирал, сего не соблюдавший, подверг российскую эскадру всему огню неприятельской канонады и поставил тем предводителя оной в великое затруднение тем, что он во мраке густого дыма, под сильным перекрёстным огнём неприятеля должен был вводить и устраивать оную».

…Русская эскадра во главе с флагманом «Азовом», не отвечая на огонь береговых батарей и кораблей всех трёх линий правого фланга неприятельского флота, «прошла сквозь мрак и тьму, залив накрывавшую», заняла своё место в соответствии с диспозицией и вступила в бой.

«Русские корабли, — записано в историческом журнале эскадры, — заняли свои места по диспозиции в Наваринской бухте с таким искусством, что оное принесло бы честь и тогда, если бы это делали в обыкновенное время и при всех для сего благоприятных обстоятельствах.

«Азов» прокладывал себе путь среди брандеров, производя страшную всеразрушающую пальбу, быстро достигнув меты своей возле неприятельских линий, встал от иных в расстояние пистолетного выстрела на якорь».

Русским кораблям сразу же пришлось сражаться с главными силами турецкой эскадры. Основной огонь противника был направлен на «Азов», который отвечал залпами сразу пяти кораблям. Ядра сыпались отовсюду, пробоины увеличивались, рангоуты валились, и враг, напрягая в исступлении все усилия, громил «Азов» со всех своих судов. Но он, теряя людей убитыми и ранеными, неумолчно направлял в них свои частые и сильные выстрелы.

…«Азов» окружён вражескими судами. Он обрушивает орудийный шквал на египетский 80–пушечный корабль Мухарем-бея, атаковавший английский флагман «Азию».

«Азия» засыпана ядрами и книппелями. Но «Азов» наводит прицельный огонь по египетскому фрегату, и тот вынужден обратить своё внимание и половину орудий на вмешавшегося русского флагмана. Но вдруг у египтян разгорается пожар, и, отвалив в сторону, фрегат гигантским факелом взлетает на воздух. Взрыв тонет в общем адском гуле, дыму и удушливой

жаре. Бой продолжается…

Азовцы сражались с невиданным мужеством и глубоким знанием дела. Лазарев, «отменным искусством и примерным мужеством и искусно направляя действия артиллерии, ускорял тем разрушение сил оттоманов». Отмечая исключительно важную роль «Азова» в Наваринском сражении, Гейден особо подчеркнул заслуги Михаила Петровича Лазарева: «К чести капитана Лазарева я должен присовокупить, что строгая дисциплина и ежедневные учения по пушкам и порядок, в коем служители всегда содержались были причиной, что «Азов» действовал с большим успехом в поражении и истреблении неприятеля».

Корабли противника (особенно крупные) оказывали ожесточённое сопротивление, однако их огонь был недостаточно эффективен, так как вели его не по корпусу, а по рангоуту. П.С.Нахимов в письме другу писал: «Не было места, куда бы не сыпались книппеля, ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били всё в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы половины команды… Сами англичане признаются, что при Абукире и Трафальгаре ничего подобного не было…»

«Азов» потопил ещё два больших фрегата, один корвет. Из всех вражеских кораблей лишь турецкий флагман под знаменем Тахир-паши мог сравниться по мощи с «Азовом», но, поколебленный сильным и искусным напором «Азова», был им уничтожен. Потеря флагмана предрешила итог сражения. «В исходе 6-го часа, — говорится в вахтенном журнале «Азова», — не видя противу нас ни одного из неприятельских судов, прекратили бой, а в 6 часов сражение везде кончилось». В результате действий русской эскадры весь центр и правый фланг неприятельской линии были разгромлены.

Наваринское сражение продолжалось около четырёх часов и закончилось полным поражением турецко-египетского флота: из 66 судов остались 1 фрегат и 15 мелких судов. Потери составили около 7 тысяч человек.

На союзных эскадрах было убито 177 и ранено 469 человек, в том числе на русской — убитыми 59 и ранеными 139. Союзники не потеряли ни одного корабля, но многие из судов имели серьёзные повреждения.

Больше всех пострадали «Гангут», «Иезекииль» и «Азов». На «Азове» были побиты все мачты, в корпусе имелось 153 пробоины, из которых 7 — подводных.

Мичман Корнилов «командовал тремя пушками нижнего дека» и, по отзыву М.П.Лазарева, «действовал как весьма деятельный и храбрый офицер». Представляя его к награждению,

Лазарев написал, что Корнилов был одним из самых расторопных участников боя. За отличие в Наваринском сражении В.А.Корнилов был награждён орденом Святой Анны 4-й степени. Так произошло боевое крещение будущего вице-адмирала.

* * *

…Из шканечного журнала корабля «Азов»:

> «Случаи: в 12 день октября 1827 г. с полудни, стоя на двух якорях в Наваринской губе с английской и французской эскадрами. В 9–м часу маловетрие, ясно, блистание звёзд».

На исправление повреждений на кораблях союзной эскадры ушло две недели. Но не для того, чтобы вернуться к родным берегам торопились заделать пробоины матросы — командующий русской эскадрой граф Л.П.Гейден спешил дойти до Мальты, чтобы ждать там дальнейших распоряжений из Петербурга.

…Когда русская эскадра вошла в гавань Мальтийской столицы, вся Ла-Валетта восторженно встретила героев Наварина. Отныне где бы ни появлялись в течение своей пятимесячной стоянки русские моряки, греческое население неизменно радостно приветствовало их как своих защитников. Очевидец рассказывал, что, когда русский бриг зашёл на остров Корфу и моряки сошли на берег, то «греки нигде и ни за что не хотели брать с них денег».

…Знойная Ла-Валетта встречала пряным удушьем акации и померанца, сердечностью жителей и непрерывными празднествами, которые мальтийцы устраивали для русских освободителей. На улицах, обсаженных серебристыми оливами, — музыка струнных оркестров, возгласы экспансивных прохожих, встречающих русского моряка.

Спадала дневная жара и улицы оживали уже по-вечернему: наступало время балов у губернатора, приёмов у знатных мальтийцев, шумных пикников у моря. А днём опять — кавалькады, обеды в загородных виллах и посещения дружественных кораблей…

Тот же очевидец заметил ещё, что «русских любят на Ионических островах и терпеть не могут англичан». Греки конечно же знали о том, что английское правительство вовсе не было радо действиям адмирала Кодрингтона, допустившего разгром турецко-египетского флота. Британский кабинет министров послал адмиралу нечто вроде вопросника о

подробностях Наваринского дела — весьма похожего на судебный следственный допрос. А английский посол в Константинополе лорд Стрэтфорд-Рэдклиф [30] своим вызывающим поведением только подчеркнул недовольство Кодрингтоном в Лондоне: он попросту миновал Мальту, не написав ни строчки. Посчитали, что лорд поспешил в столицу оправдаться в тех решительных советах, которые он сам же давал адмиралу накануне Наварина.

Дело в том, что если в России и прогрессивных кругах западноевропейской общественности результаты Наваринского сражения вызвали восторг и одобрение, то английское правительство отнеслось к ним с крайним неудовольствием, считая, что Кодрингтон не должен был допустить разгрома турецко-египетского флота, а участие в сражении своих кораблей рассматривало как досадное недоразумение.

На полях приказа о награждении орденом король сделал пометку: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает верёвки». И даже награждение не помешало королевским властям избавиться от неугодившего адмирала: вскоре по возвращении в Англию он был отстранён от должности.

Некоторая натянутость в поведении англичан была замечена на Мальте: офицеры британского флота держались особняком. Но это не мешало, впрочем, совместным увеселениям и новым знакомствам.

Владимир Истомин сдружился с английским лейтенантом Лайонсом [31], и они проводили время в долгих беседах о Наваринском сражении, о преимуществах кораблей обоих флотов в манёврах и о многом другом, что интересовало двух молодых людей.

И откуда же было знать друзьям, что, расставшись через несколько месяцев, им — тогдашним союзникам — суждено будет увидеться через 26 лет, но уже врагами!

Среди общих праздничных увеселений два события отмечались особо: русские давали свои балы и устраивали приёмы — из России прибыли почётные для эскадры рескрипты императора. Графу Гейдену был пожалован чин вице-адмирала; Лазарева сделали контр-адмиралом; кораблю «Азов» «в честь достохвальных деяний начальников, мужества и неустрашимости офицеров и храбрости нижних чинов» впервые в истории русского флота был присуждён кормовой Георгиевский флаг. «Эта воинская почесть со времён Петра Великого ни по какому случаю не была ещё жалуема, — гордо отметил современник, — исключая полков императорской гвардии после первого занятия Парижа союзными армиями». Важность этого события надолго запомнилась очевидцам.

Торжественная церемония была назначена на 23 марта.

Утро выдалось необыкновенно ясное, небо было прозрачно; густой синевой волновалось море, ветра совсем не чувствовалось. Около 10 часов весь живописный рейд Ла-Валетты покрылся парадными гребными судами, принадлежавшими генерал-губернатору, членам мальтийского правительства; здесь же были шлюпки английского адмирала с капитанами и командиров российских военных судов. Все ждали момента отплытия на «Азов» для поздравления русского главнокомандующего вице-адмирала Гейдена и его начальника штаба Лазарева. Когда адмирал Кодрингтон, генерал-губернатор и гости ступили на палубу «Азова», в небо взлетели огненные брызги салюта: величественно, во всём великолепии встречал русский флагман прибывших. Реи были буквально унизаны людьми, офицеры и команда оделись в парадные мундиры и кивера. Празднично выглядел и берег — стены, укрепления, крыши домов и купола церквей Ла-Валетты были улеплены зрителями в нарядных платьях.

Но вот завершился церемониал визитов и началось торжественное молебствие по обряду греческой церкви.

В 2 часа 15 минут вице-адмирал Гейден приказал вынести флаг и вымпел. С большой почестью вынесли эти реликвии; экипажный адъютант, офицер корпуса штурманов и четыре унтер-офицера сопровождали их. На заранее указанное место вынесли стол и покрыли его Георгиевским флагом и вымпелом. В этот момент священник-аудитор Алексеев — начал службу по освящению флага, а в конце зачитал грамоту на пожалованный Государем Императором 12–му линейному экипажу Георгиевский флаг; прочёл он и воинский артикул из законов Петра Великого. Наступило волнующее мгновение, когда все: генералы, штаб- и обер-офицеры, нижние чины — вполголоса произносили клятвенное обещание защищать его до последней минуты жизни, ибо флаг этот не мог быть сдан неприятелю.

Прозвучали последние слова, и по незримому знаку матросы начали проворно взбираться по реям, и через мгновение Георгиевский флаг уже полоскался складками шёлка над кормой «Азова»… Громоподобное, раскатистое троекратное «ура» пронеслось по всему рейду; 500 пушечных выстрелов разорвали горячий воздух великолепным салютом; корпуса кораблей, а скоро и сами реи потонули в облаках белого дыма так, что люди, бывшие на бом-брам-реях, казались висящими в воздухе. Десять тысяч раз эхо Ла-Валетты повторило раскаты того невиданного пушечного грома.

В это самое время вымпел был отослан Гейденом на

английский вице-адмиральский шлюп «Тальбот» с мичманом Истоминым 1-м. Наступила минутная тишина: вот на грот-брам-стеньге показался вымпел. И тут пушкам английской эскадры отозвались пушки крепостных линий Мальты…

«Весь народ, — писал очевидец, — был в высшей степени в восторге; махание платками, радостные крики тысяч придали ещё более торжества этому празднеству. Снова заговорили пушки «Азова» в знак признательности за оказанную честь, потом звуки победной музыки нескольких военных хоров последовали за рёвом пушек. Никогда не забуду я этой сцены…»

Разгром турецко-египетского флота в Наваринском сражении ещё больше обострил и без того натянутые русско-турецкие отношения. Подстрекаемая Англией и Австрией, стремившимися ослабить влияние России на Балканах, Турция встала на путь разрыва отношений с ней: закрыла для русских судов проход через Босфор и Дарданеллы, в одностороннем порядке аннулировала все ранее заключённые с Россией договоры. Несмотря на неоднократные попытки российского правительства нормализовать отношения, Турция категорически отвергала их.

«…Ни один из наших союзников, сказать между нами, не заботится об интересах Греции. Единственная цель их присоединения к нам состоит в том, чтобы разделить наше влияние в надежде парализовать его…» Да, русский посол в Константинополе Рибопьер был откровенен с Гейденом. Николай I тонко балансировал между «союзниками»: отношения России и Англии прохладны, но их всё же можно сохранить, имея на своей стороне Францию. Зачем это было нужно? О, тут у русского монарха были свои далеко идущие соображения.

На исходе марта 1828 года граф Гейден прочитал пришедшую с почтой из Петербурга депешу министра иностранных дел К.В.Нессельроде. В ней говорилось: «… Константинопольский Диван, движимый самым необдуманным упорством, отказался от всякой сделки с союзными дворами и сделал своё положение относительно России ещё более затруднительным.

В самом деле наш флаг лишён в Константинополе преимущества и прав, которые обеспечивали ему трактаты; наши корабли с своими грузами были захвачены, и подданные Императора вдруг лишились своего состояния и выгнаны из пределов Оттоманской империи.

Закрытие Босфора, результат которого — прекращение нашей торговли в Чёрном море… дополнило ряд враждебных действий, к которым Порта прибегла для уничтожения самых существенных условий и гарантий, которыми мы обменялись с нею, и для того,

чтобы явно поставить себя на военную ноту против России.

Факты дадут Вам знать, граф, и необходимость, и неизбежность войны, которой Император не может избегнуть без важного ущерба достоинства своей короны и самых существенных интересов своей империи.

При таком положении дел, коль скоро война будет объявлена Россиею, то Вам, граф, предстоит исполнение обязанностей двоякого рода.

Первая — в качестве главного начальника морских сил России в Архипелаге.

Вторая — как главы этих самых сил, назначенных содействовать сообща с силами Англии и Франции достижению общей цели».

8 октября султан объявил о расторжении русско-турецких соглашений и призвал подданных к «священной войне» с Россией. Учитывая сложившуюся военно-политическую обстановку на Чёрном море и на Балканах, правительство России 14 апреля 1828 года опубликовало манифест об объявлении войны Турции.

С объявлением войны вооружённые силы России развернули военные действия на Балканском направлении, где они наносили главный удар, на Кавказском направлении и на Чёрном море. Перед Средиземноморской эскадрой была поставлена задача продолжать оказывать помощь грекам как союзникам в борьбе против Турции. Одновременно ставилась задача блокировать Босфор и Дарданеллы.

О цели этих внушительных приготовлений Нессельроде ясно сообщает в другой своей депеше Гейдену, которому предписывалось объявить «…вашим сотоварищам, что имеете приказание поставить и объявить Дарданеллы, равно как и Константинополь, в положение блокады; что вы поставите по этому предмету перед Дарданеллами дивизию из стольких кораблей и под командованием такого-то офицера; что дивизия флота вице-адмирала Ф.Ф.Мессера блокирует со своей стороны Босфор и что Император считает эту меру неизбежной, чтобы одолеть прискорбное упрямство султана и заставить его заключить мир посредством изнурения голодом Константинополя».

Но выполнение этих задач было сопряжено с большими трудностями — и политическими, и военными. В связи с тем, что Англия поддерживала Турцию и занимала враждебную позицию по отношению к России, корабли лишились возможности использовать английские базы на Средиземном море, своих же баз на этом театре военных действий Россия не имела. Говоря прямо, отношения с англичанами едва балансировали на хрупкой

грани войны и мира, поэтому адмиралы Л.П.Гейден и М.П.Лазарев, на которых по-прежнему возлагалось руководство боевыми действиями на Средиземноморье, должны были соблюдать осторожность, чтобы не дать повод английскому командованию использовать свои вооружённые силы против русских. Однако сил, необходимых для выполнения стольких задач, в распоряжении Гейдена и Лазарева было крайне мало: необходимо было подкрепление. Так как выход из Чёрного моря был наглухо закрыт, решено было использовать корабли Балтийского флота. За время ожидания помощи средиземноморцы действовали весьма успешно: оказывая помощь грекам, русская эскадра в апреле 1828 года установила блокаду Мореи с целью принудить турок и египтян очистить Грецию. В ходе боевых действий были захвачены неприятельские суда, которые сразу же стали использовать для усиления крейсерства. Так, пленённый турецкий корвет «Насаби-Сабах» включили в состав эскадры под новым именем — «Наварин», а командиром его, по предложению Лазарева, стал особо отличившийся в недавнем сражении П.С.Нахимов [32].

Наконец, осенью прибыла Балтийская эскадра под командованием контр-адмирала П.И.Рикорда в составе 4 линейных кораблей, 3 фрегатов и 23 вспомогательных судов. Это весьма существенное подкрепление позволило адмиралам выделить силы для блокады Дарданелл, которая началась 2 ноября и была весьма эффективна. В феврале 1829 года только в Смирнском порту скопилось до 150 торговых судов с хлебом из Египта, которые не отваживались идти к Дарданеллам ввиду столь грозной силы. С марта 1829 года и до конца войны ни одному неприятельскому судну не удалось прорваться в Константинополь. Блокада Дарданелл до крайности обострила продовольственное положение в турецкой столице, которая полностью лишилась подвоза продуктов со стороны Средиземного моря.

Во всех действиях русской эскадры в Дарданелльском проливе и Эгейском море решительное участие принимал «Азов»; на нём держал свой флаг командующий эскадрой вице-адмирал Л.П.Гейден, здесь же размещался и его штаб во главе с контр-адмиралом М.П.Лазаревым. Служба на флагманском корабле, да ещё при таком строгом и требовательном командире, как Лазарев, была не из лёгких. Особенно трудно приходилось молодым офицерам при несении ходовой вахты в должности вахтенного офицера. Михаил Петрович, прекрасно разбиравшийся во всех тонкостях военно-морского дела, очень внимательно следил за тем, как его молодёжь относится к вахтенной службе и

как управляется с ней именно Владимир Корнилов, который уже успел ему полюбиться. И действительно: несение ходовой вахты на флагманском корабле являлось для каждого новичка серьёзным испытанием на зрелость. Лазарев смотрел на вахтенную службу как на хорошую школу воспитания исполнительности офицера и глубокого познания им всех тонкостей военно-морского дела, учил вахтенных начальников искусству управления кораблём на ходу; внимательно наблюдая за действиями молодых офицеров на вахте, он не пропускал ни одного промаха с их стороны, чтобы сделать им замечания и соответствующие внушения. Владимир Корнилов, зная уже о высокой требовательности М.П.Лазарева, каждый раз заступая на вахту, изучал инструкцию, составленную лично командиром, и старался умело ею пользоваться. К концу боевых действий на Средиземноморье он снискал репутацию лучшего вахтенного начальника на «Азове».

…Был конец осени 1829 года. Успех сопутствовал России на всех театрах военных действий — Балканском, Кавказском и Черноморском: русская армия генерала И.И.Дибича перешла Балканы и гнала уже турок к Константинополю. Генерал И.Ф.Паскевич взял Эрзерум. Турки находились в кольце российских эскадр — Средиземноморской и Черноморской. Решительность царя простиралась до прямого наступления на оттоманскую столицу. Но до этого не дошло.

«…По всем вероятиям заключить должно, что султан не доведёт дела до этой крайности, — важно заключает граф Дибич (теперь уже с приставкой «Забалканский») в депеше к Гейдену, — ибо с 16–го сего месяца (августа. — *С. К.)* находятся в главной моей квартире уполномоченные от Порты Оттоманской для заключения мира…»

2 сентября 1829 года в Адрианополе был подписан мир между Россией и Портой [33]. Россия получила устье Дуная с прилегающими островами; к России окончательно переходило восточное побережье Чёрного моря от устья Кубани до Поти. Черноморские проливы открывались для прохода российских и иностранных судов, Греция объявлялась независимым государством, а Молдавия, Валахия и Сербия получали широкое внутреннее самоуправление. Уже через две недели Л.П.Гейден особым приказом по русской эскадре предписывал «блокаду Дарданелл и Константинополя совершенно прекратить, а за успех нашего оружия принести Господу Богу благодарственное молебствие, которое и совершить на флагманском моем корабле «Азов»…»

Блокада продолжалась десять с половиной месяцев, несмотря

на (как лаконично обобщено в историческом журнале эскадры) «неблагоприятные погодные условия и шаткость политики союзников».

24 сентября пришла бумага с распоряжением Николая I русской эскадре прибыть в Кронштадт «к 1 мая 1830 г. непременно». Впервые в истории отечественного флота эскадра М.П.Лазарева — четыре линейных корабля, три фрегата и два брига — совершила успешный переход из Средиземного моря на Балтику вокруг Европы без захода в иностранные порты, как это делалось в прошлом. В Кронштадт они опоздали всего на 12 дней из-за риска быть затёртыми во льдах Финского залива: судна потеряли почти 200 листов меди каждое. Парусным деревянным кораблям пришлось прокладывать путь среди сплошных ледяных полей. И если М.П.Лазарев смог преодолеть ледовые препятствия, то только потому, что он имел большой опыт плавания в Антарктиде на шлюпе «Мирный»…

…Для Владимира Корнилова это трёхлетие — 1827, 1828 и 1829 годы — решающее, судьбоносное, «скелетообразующее» для всей его жизни: счастливое обретение Учителя и Наставника в лице Михаила Петровича Лазарева; редкая удача служить на лучшем корабле российского флота; первый боевой опыт, полученный в жестоком столкновении держав при Наварине; первая боевая награда как признание его личной храбрости и искусного умения…

Но если непростые уроки, преподнесённые ему командиром, и настоящее — страшное, а не вычитанное в корпусе в анналах истории, сражение стали *испытанием* его духа, знаний, зреющего мужества, то *воспитанием* духа молодого офицера явилось беспримерное мужество и героизм, массовый героизм русских матросов, их презрение к смерти и готовность выполнить свой долг. Корнилов, не раз слышавший об этом от собственного отца, не мог даже представить, что увиденное им лично так поразит его.

Один из очевидцев этого боя писал: «Стоило только видеть, с каким жаром всё устремилось при первом пушечном выстреле и открытии битвы… Ни один из матросов и канониров не отступил и не оставлял своего места в продолжении четырёх часов сражения. Люди, кои большею частью никогда не видели огня, которые занимались артиллерийской службой только на ученье, не потеряли напрасно ни одного заряда и действовали с такой ревностью, что офицеры едва могли их удерживать. Несмотря на множество убитых и раненых, не слышно было ни ропота, ни жалобы. Многие из сих героев, стоявшие на марсах «Азова», тяжело раненные, сами спускались по вантам и кричали ура.

Нельзя не упомянуть об унтер-офицере Туркине, одном из сих храбрых героев. Он стоял на грот-марсе, когда ядром ему раздробило руку. Убеждая своих товарищей ревностно исполнять их долг, он твёрдыми шагами спустился вниз и выдержал одну из мучительнейших операций».

…А ещё перед глазами — Павел Степанович Нахимов, всего несколькими годами старше его, Корнилова, и очень ценимый Лазаревым; Нахимов, который всё время боя находился на верхней палубе «Азова», где убило шестерых, а семнадцать человек ранило, но сам он ни на миг не покинул подчинённых и дважды со своими людьми спасал корабль от пожара.

…А ещё лейтенант Бутенёв, тяжело раненный, с рукой, раздробленной выше локтя, с белым от боли лицом, он не уходил с палубы…

…А ещё Корнилов никогда не забудет мичмана Домашенко, который погиб до Наваринского сражения, возле Сицилии. Подробно об этом трагическом случае рассказал в письме другу П.С.Нахимов:

> «Был очень свежий ветер с дождём и жестокими порывами, волнение развело огромное. В один из таких порывов крепили крюйсель. Матрос, бывший на штык-блоке, поскользнулся и упал за борт. Домашенко в это время сидел в кают-компании у окна и читал книгу, вдруг слышит голос за кормой, в ту же секунду кидается из окна сам за борт, хватает стул, прежде брошенный, плывёт с ним к матросу и отдаёт ему оный, сам возле него держится без всего на воде (как жаль, что он не схватился вместо стула за бочонок, который тут же был брошен, тогда, быть может, они оба были бы спасены). Всё возможное было употреблено к спасению их; шлюпка хоть с большою опасностью, но весьма скоро была спущена и уже совсем подгребала к ним, как в пяти саженях от шлюпки пошли оба на дно! О, любезный друг, какой великодушный поступок! *Какая готовность жертвовать собой для пользы ближнего!..»*[34]

…Через 17 лет Владимир Алексеевич, капитан 1-го ранга, закончит своё служебное донесение М.П.Лазареву такими словами: «…Будьте уверены, Ваше Высокопревосходительство, что у меня до сих пор на службе никогда не было других расчётов, кроме *пользы общей, которой я всегда готов жертвовать всем, даже моим самолюбием,* так мне завещал отец и словом и делом и так я надеюсь пройти жизнь, несмотря ни на какие испытания».

Строки эти знаменательные, и не случайно почти дословно

совпадают они с нахимовскими: *воспитанный* на пережитом и увиденном в то трёхлетье, Корнилов станет потом тем Корниловым, который, по выражению современника, станет «первой высокой жертвой» осады Севастополя в 1854 году, погибнув в первую бомбардировку; тем Корниловым, который незадолго до смерти обратился к войскам со словами, которых не забудут его соотечественники:

> «Товарищи! На нас лежит честь защиты Севастополя, защиты родного нам флота! Будем драться до последнего!»

…Недаром их будет связывать долгая дружба — Нахимова, Корнилова, Истомина: они были «птенцами Лазарева гнезда», людьми, смотревшими на службу, долг, заботу о матросе — *одинаково*. Одинаково беззаветно, бесстрашно, жертвенно. И *«даже самолюбие»* Корнилова в страшную для России пору будет забыто им для *«пользы общей»*.

…Из рапорта М.П.Лазарева А.С.Меншикову о награждении офицеров вверенной ему эскадры, возвратившейся из Средиземного моря:

> «20 июня 1830 г. корабль «Азов». Кронштадтский рейд.
>
> Хотя возвратившаяся ныне из Архипелага под начальством моим эскадра ничего более не сделала кроме только выполнения своих обязанностей, однакож не менее того пребывание моё в Средиземном море и переход сей доставил мне случай узнать некоторых из отличных морских офицеров.
>
> …Капитан-лейтенант Павел Нахимов — командир корвета «Наварин». Отличный и совершенно знающий своё дело морской капитан.
>
> …Лейтенант Владимир Корнилов — корабль «Азов». Весьма деятельный и по познаниям своим искусный морской офицер, которому также с надеждой можно доверить командование хорошим военным судном.
>
> …Мичман Владимир Истомин — корабль «Азов». Весьма исправный и в должности отлично ревностный и деятельный офицер…»

* * *

Молодой лейтенант Владимир Корнилов с волнением ожидал

знаменательного события в своей жизни: прекрасная аттестация, данная ему столь требовательным командиром, как Лазарев, открыла ему счастливую возможность получить первое в своей жизни судно под его собственным командованием! Получив приказ о назначении, Корнилов с радостью и воодушевлением принялся за работу по завершению постройки тендера «Лебедь» [35]. После спуска на воду какое-то время ушло на оборудование и вооружение корабля, и в августе 1831 года «Лебедь» перешёл из Санкт-Петербурга в Кронштадт и там, уже под командованием Корнилова, проходил ходовые испытания. За зиму 1831/32 года молодой командир сам подобрал экипаж и сам же его обучал, и когда в апреле открылась навигация на Балтийском море, он вышел на «Лебеде» в своё первое самостоятельное плавание между Кронштадтом, Ревелем и Данцигом. Вскоре тендер можно было охарактеризовать как образцовый корабль не только по безупречному внешнему виду, но и по установленной организации службы на судне. Вот когда начала сказываться «лазаревская школа»!

…А сам Михаил Петрович 6 февраля 1832 года получил назначение на должность начальника штаба Черноморского флота и отбыл к месту службы в Николаев. И здесь, на новом поприще, ему вновь пришлось столкнуться со «средиземноморской проблемой» — неожиданным для России наследием Адрианопольского мира.

Обозлённая неблагоприятным для неё итогом предыдущей кампании Англия, опасаясь дальнейшего усиления влияния России на Балканах и в Турции, стремилась теперь подорвать её военно-морскую мощь на Чёрном море, уничтожить Черноморский флот, его главную базу — Севастополь и попытаться отторгнуть Крым и Кавказ. В этом её полностью поддерживала Франция. Правительство России, в свою очередь, стремилось установить более твёрдый контроль над черноморскими проливами, чтобы надёжно обеспечить безопасность южных районов России со стороны Средиземного моря.

Все эти противоречия ещё больше обострились, когда в 1832 году вспыхнула война между Турцией и её вассалом Египтом, оставшимся недовольным условиями Адрианопольского договора. Турецкая армия, ослабленная в последней войне с Россией, терпела одно поражение за другим и не могла сдержать натиск египтян, продвигавшихся к Константинополю. Так как Англия, недовольная политикой Турции, не проявляла желания оказать ей помощь, а Франция, наоборот, поддерживала Египет, то султан, не видя другого выхода, обратился за военной помощью к

недавнему противнику — Николаю I, который (сообразив всю выгоду положения) охотно согласился послать вооружённые силы для защиты Константинополя. Английский посол раздражённо поинтересовался на приёме у султана Махмуда II, как он решился на такой возмутительный шаг, на что султан ответил: «Когда человек тонет и видит перед собой змею, то он даже за неё рад ухватиться, лишь бы не утонуть».

Проницательный, дальновидный и прагматичный Лазарев сразу понял, что на пороге новые боевые действия, в которых должны будут задействованы силы Черноморского флота. Найдя состояние дел на флоте крайне неудовлетворительным, контр-адмирал сразу же, буквально не теряя ни одного дня, принялся с присущей ему энергией за приведение кораблей и баз в надлежащий порядок, а также обучение личного состава. И действительно, в ноябре 1832 года пришёл приказ о срочной подготовке эскадры к выходу в море. В директиве, подписанной начальником Главного морского штаба князем А.С.Меншиковым, говорилось о подготовке в первую очередь пяти линейных кораблей, четырёх фрегатов и нескольких более мелких судов. Эскадра в таком составе должна была по первому требованию российского посла в Константинополе А.П.Бутенёва немедленно отправиться в Босфор. Командующим эскадрой лично Николаем I был выбран М.П.Лазарев, и 2 февраля 1833 года корабли покинули Севастополь и направились в Босфор.

8 февраля эскадра подошла к устью Босфора, и сразу же с одной из турецких крепостей последовало предупреждение, чтобы корабли не входили до получения разрешения от султана. Однако Лазарев, не обращая внимания на это требование, ввёл эскадру в пролив, и в тот же день корабли стали на якорь в Константинополе, недалеко от английского и французского посольств.

Прибытие русской эскадры в столицу Порты, да ещё под флагом контр-адмирала М.П.Лазарева — недавнего наваринского героя, привело в полное замешательство не только английских и французских дипломатов, но и самое ближнее окружение султана. Султан под давлением послов Англии и Франции стал уговаривать русского посла Бутенёва и военного представителя России в Турции генерал-лейтенанта Муравьёва, чтобы они распорядились о немедленном переводе эскадры Лазарева в Сизополь, ссылаясь на то, что её присутствие в виду столицы может якобы сорвать начавшиеся переговоры с Египтом о прекращении войны. Но Михаил Петрович и не думал подчиняться: понимая, насколько важно для России пребывание его эскадры именно здесь, и, усмотрев в действиях турецких

властей хитрость и трусливую уступку англичанам, он отказался перевести корабли куда бы то ни было, сославшись на… неблагоприятный ветер.

4 марта турецкий министр иностранных дел пригласил к себе Бутенёва, Муравьёва и Лазарева и вновь потребовал перевода эскадры в Сизополь, «как только позволит погода». Посол сообщил на это, что в ближайшие дни в Константинополь прибудут на транспортах 5 тысяч русских войск, которые по просьбе султана предназначены для защиты турецкой столицы от египтян, а в дальнейшем число их будет увеличено до 10 тысяч. Одновременно будет увеличено и число кораблей за счёт присылки из Севастополя ещё двух эскадр. После этой информации посла Лазарев заявил, что теперь он непременно остаётся в Константинополе до прибытия войск и покинет столицу только по приказу своего правительства [36].

В конце марта и начале апреля в распоряжение М.П.Лазарева из Севастополя пришли ещё две эскадры. Теперь в его подчинении было 10 линейных кораблей, 4 фрегата, 3 брига, 4 транспорта и 15 зафрахтованных судов, на которых перевозились войска; к этому времени и из Одессы были подвезены войска — более 10 тысяч солдат и офицеров расположились лагерем на азиатском берегу Босфора. На одном из судов 25 марта прибыл в Константинополь лейтенант Владимир Алексеевич Корнилов.

В конце 1832 года Лазарев пригласил Корнилова в числе других избранных им офицеров служить вместе с ним на Чёрном море. В январе 1833 года он прибыл в Николаев и был радушно встречен своим командиром: контр-адмирал назначил его при себе для особых поручений в предстоящей кампании.

Ещё 7 марта 1833 года М.П.Лазарев в письме А.С.Грейгу писал:

> «…Я нашёл в последнем «Инвалиде», что лейтенант Корнилов сдал чудесный тендер, которым командовал в Балтике, для перевода на службу в Чёрное море. Он отличный офицер и совершенный джентльмен. Он назначен в 34 экипаж. В случае его прибытия я буду чувствовать себя лично обязанным Вашему Превосходительству, если Вы поручите его под моё начальство (по особым поручениям) и прикажете, чтобы он был прислан сюда с первым транспортом…»

…Пытливый ум Михаила Петровича нашёл применение способностям Корнилова сразу: решив воспользоваться представившейся возможностью исследовать Дарданелльский пролив и его укрепления и ни минуты не сомневаясь в

правильности сделанного им выбора, Лазарев поручил это непростое задание разведывательного характера лейтенанту Корнилову и лейтенанту Путятину, которых считал «очень деятельными и сведущими офицерами».

…Из шканечного журнала фрегата «Эривань»:

> «1 апреля 1833 г. 1 час пополудни. Константинопольский пролив, Буюкдере.
>
> В $^{3}/_{4}$ сего часа, по прибытии на фрегат полковника Дюгамеля, также лейтенантов Путятина и Корнилова, назначенных для особой экспедиции в Дарданелльский пролив, мы вследствие словесного приказания командующего эскадрой контр-адмирала Лазарева снялись с якоря и следовали к Галлиполи.
>
> 7 апреля. 1 час пополудни. Дарданелльский пролив, у города Галлиполи.
>
> Сего часа бывшие у нас флота лейтенанты Путятин и Корнилов отправились на вольной лодке вниз Дарданелльского пролива для исполнения возложенных на них поручений».

…Из июньского письма М.П.Лазарева начальнику Главного морского штаба князю А.С.Меншикову [37]:

> «…Я приказал лейтенантам Путятину и Корнилову производить опись пролива, которую и продолжали они более 2 месяцев с неутомимою деятельностью и величайшею точностью, вымеривая не токмо высоты и толщу крепостных стен, но величину калибра каждого орудия и даже высоту маяков, при выходе в Босфор находящихся. В верности карты укреплённой части Босфора, составленной лейтенантами Путятиным и Корниловым, я столько уверен, что не колеблюсь ни мало приступить к гравированию оных ныне же… Мне весьма желательно утвердить в мыслях Вашей Светлости мнение, что офицеры сии есть одни из тех, которые при делаемых ими поручениях всегда покажут одну истину и ничего ни убавят, ни прибавят…»

Донося об этом же документе тому же Меншикову, генерал-лейтенант граф Орлов писал: «Я не сомневаюсь, что сей труд, произведённый с величайшей точностью и тщанием, послужит во многом к дополнению сведений, имеющихся доселе о Дарданелльском проливе, и удостоится Всемилостивейшего внимания».

Эта карта была доложена императору Николаю I и получила высокую оценку! За отличное выполнение столь важной работы В.А.Корнилов был награждён орденом Святого Владимира 4–й степени.

…Тем временем Англия и Франция, обеспокоенные столь недвусмысленной демонстрацией силы, осуществлённой императором, и преследуя цель лишить Россию основания для длительного пребывания её войск и флота в Босфоре, заставили египетского пашу прекратить военные действия против Турции и заключить с ней мир. Но, сами того не желая, этим манёвром они сделали Николая I спасителем Константинополя.

26 июня 1833 года между Россией и Турцией был подписан Ункяр-Искелесийский договор [38] сроком на восемь лет, по которому обе стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь в случае войны с третьей державой. Кроме того, и этот пункт был главной целью для России в этом документе, турецкое правительство гарантировало запрет прохода через Дарданеллы враждебных флотов и свободное плавание её собственных кораблей в Босфоре.

Теперь, когда непосредственная угроза для столицы Порты миновала, русская эскадра под командованием М.П.Лазарева — ныне уже вице-адмирала — 28 июня покинула Константинополь и отправилась в Феодосию, а оттуда перешла в Севастопольскую бухту, где 22 июля стала на якорь.

Глава четвёртая

«Михаил Петрович Лазарев, — отмечает современник, — уже видел в Корнилове человека, которого нужно было познакомить с разнообразными занятиями, выпадающими на долю морского офицера».

Корнилову предстояло теперь самостоятельное командование кораблём.

В феврале 1834 года он был назначен командиром брига «Фемистокл», направлявшегося в Константинополь в распоряжение русского посла А.П.Бутенёва. Летом «Фемистокл» оставил Николаев и после захода в Одессу и Севастополь направился в Константинополь, но когда понадобилось сменить русские бриги в Греции, то Бутенёв остановил свой выбор на «Фемистокле». В письме Лазареву он пишет: «Бриг «Фемистокл» примерным попечением своего командира содержится в самом лучшем виде и смело может соперничать с иностранными военными судами».

23 ноября 1834 года «Фемистокл» вышел из Босфора, прошёл Мраморное море, Дарданеллы, Эгейское море и прибыл в греческий порт Пирей, где вскоре соединился с другим русским кораблём — корветом «Ифигения», командиром которого был лейтенант Путятин. Молодым офицерам вновь предстояло совместное испытание, ведь здесь они являлись как бы представителями всего Черноморского флота — миссия почётная и ответственная.

Именно этот период командования положил начало тому уважению товарищей — офицеров и подчинённых, которое впоследствии создало славу Корнилову как образцовому командиру. Даже современники — не моряки, встречавшиеся в то время с «Фемистоклом», отмечали лихость команды и управления этим бригом, блестящее его состояние и «доблестное соперничанье с иностранными судами». «Тесная афинская гавань, — писал тогда один из русских моряков, — испестрённая флагами всех наций, была ареной наших олимпийских игр, в которых, вспоминаю с гордостью, мы нередко бывали победителями».

Всё время пребывания «Фемистокла» и «Ифигении» в Греции Лазарев получал письма от иностранных представителей, и это послужило ему поводом написать: «Суда наши, построенные и отделанные при мне и командуемые моими питомцами, отличаются теперь между англичанами и французами»; а главнокомандующему князю Меншикову пишет следующие

строки: «В Корнилове Ваша Светлость имеет офицера весьма просвещённого, благоразумного и особенно деятельного, имеющего все качества отличного командира военного судна. Например, если б Ваша Светлость был свидетелем становления брига «Фемистокл» на якорь в Смирне среди английской эскадры, то я уверен, что отдали бы командиру оного полную справедливость». Смирна — следующая остановка «Фемистокла» в Греции. Здесь стояла английская эскадра под флагом вице-адмирала Родлея. Об этом эпизоде тогда много говорили, и Лазарев с прямо-таки отеческим любованием своим учеником продолжает: «Надобно было видеть бриг, входящий под всеми возможными парусами, не исключая и унтер-лиселей [39], которые перед самым брошением якоря исчезли, так сказать, все вдруг и закреплены были в 1 $^{1}/_{4}$ минуты без малейшего шуму и замешательства; надо было видеть сотни устремлённых труб на все его действия и вслед за тем приехавших капитанов некоторых кораблей и нашедших бриг в таком состоянии, как будто он находился на рейде уже несколько дней, — всё чисто и на своём месте; наконец, удивлявшихся проворству людей и спрашивавших Корнилова — давно ли он командует сам бригом. Они не хотели верить, чтобы подобная команда могла образоваться в продолжение 4–месячного времени… Старик Родлей наговорил Корнилову множество комплиментов».

…Примерно в это же время, летом 1835 года, путешествовал по Греции художник Карл Брюллов. Когда он и его спутники прибыли в Афины, с Брюлловым приключилась беда: он неосторожно искупался во время полуденного зноя и получил солнечный удар; началась лихорадка, резкие боли в спине; больной ночами впадал в тяжкий бред. В. П. Давыдов, предпринявший научно-познавательную экспедицию на Ионические острова и в Малую Азию, должен был отправляться в Смирну на «Ифигении», а Корнилов, стоявший на якоре в Афинах в ожидании депеши для русского посланника в Греции, предложил взять на борт «Фемистокла» больного Брюллова [40].

…Из «Путевых записок» Владимира Давыдова [41]:

> «Среда 27 июня/8 июля. — Брюллову, слава Богу, гораздо легче, и по всему видно, что здоровье его возвращается. Офицеры русского брига «Фемистокл» пригласили меня к себе на бриг, стоящий теперь в Пирейской гавани… Баркас дожидался нас у берега. Мы сели в него и плыли до брига, имея перед собой вдали эскадры: австрийскую, под командой Дандоло, и французскую… Наших судов теперь здесь только два:

корвет «Ифигения» и бриг «Фемистокл»; оба они заслужили своими морскими манёврами и военным устройством одобрение иностранных моряков… Позавтракав на «Фемистокле» и посетив капитана «Ифигении», мы поехали смотреть открытые в приморских каменных утёсах гробы, известные под именем «гроба Фемистоклова».

Четверг 4/16 июля. — Я возвратился вчера вечером из Эгины, оставив на бриге «Фемистокл» Брюллова, для которого морской воздух здоровее афинского. Мы отправились третьего дня рано поутру в коляске из Афин в Пирей и оттуда на лодке доплыли до брига «Фемистокл», который стоял на якоре в заливе Алебелаки близ острова Саламины. Так как бриг, в ожидании приказания отправиться в Смирну с депешами, не имеет здесь никакого занятия, то капитан охотно взялся отвезти нас в Эгину и велел тотчас сняться с якоря. Раздался свисток, и матросы, по большей части малые ростом, но крепкие, как Геркулесы, начали вывёртывать якорь, пока другие, взлетев на реи, распускали паруса. Через четверть часа мы поплыли под тихим, но попутным ветерком к Эгине и скоро увидели на горе колонны Юпитера Панелленийского. Если б ветер был немного сильнее, мы прибыли бы часа через два в город, который стоит на противоположной стороне острова, но погода была так тиха, что мы только к вечеру приблизились к нему. Капитан дал нам баркас, и мы пустились на вёслах до набережной… Между тем люди всякого звания, узнав о приезде русских на военном баркасе, входили и выходили из домов и стояли у дверей и окошек…

К 10 часам утра мы должны были возвратиться на бриг, и тихий ветерок пригнал нас к вечеру в залив Амбелаки.

Смирна. 14/26 июля 1835 года. — …Вскоре после возвращения моего из Эгины я захворал… Доктор Видмер, который спас Брюллова, поставил на ноги и меня, и я мог дотащиться до Пирея в ту самую минуту, когда наш корвет «Ифигения» поднимал якорь, отплывая в Смирну… Сильный, но попутный ветер скоро пригнал нас к Смирне… В короткое время плавания я узнал тягостную, но беспечную жизнь наших матросов, которые по окончании своих трудов склоняют голову на пушечное ядро и спят, как блаженные, в том уповании,

что по прибытии в порт пропьют всё своё жалованье. На наших кораблях нет ни того веселья, ни того чувства удальства, которые выражаются на английских судах громким смехом, нет также и хвастливости французов, но терпеливость и твёрдая решимость изображаются на лицах и во всех поступках, а два такие качества могут произвести чудеса.

…Мы бросили якорь в нескольких саженях от набережной. Впереди нас стоял английский станционный фрегат «Трибун». Капитан его тотчас приехал в гости к нашему с предложением своих услуг. Простая ли то была учтивость или желание показаться в здешнем порту хозяевами, что очень соглашается с правилами англичан — почитать себя повелителями на всех морях — я не смог разобрать. Замечу только, что наши офицеры мало знаются с английскими, и с утра до вечера играют на бильярде в гостинице, где я живу.

Июля 16/28. —…Брюллов плывёт за нами на «Фемистокле» в весёлой компании знакомых; слабость моя принуждает меня целый день сидеть дома… Общество теперь рассыпалось.

Июля 18/30. — Прибыл ещё английский фрегат и бросил якорь против моего окна, в нескольких саженях расстояния от «Трибуна». С какой целью прибыл он и какая судьба ожидает его? Кто знает! Под вечер, когда воздух несколько освежился, по приглашению капитана «Ифигении» поплыл я с ним на баркасе к заливу, в направлении к местечку, у которого с одной стороны оканчивается Смирнский залив. Только что отправились мы в обратный путь, как один из бывших с нами матросов указал нам на ближайший бриг, и мы скоро узнали нашего «Фемистокла». Он стоял уже на якоре, когда мы возвратились в Смирну. Нетерпеливо хотел я увидеться с моим спутником Брюлловым… но ему уже было не до путешествия по суше: он вкусил спокойную жизнь на корабле, хорошо снабжённым всем нужным, и не хотел более подвергаться лишениям и опасностям пути… «Фемистокл» и «Ифигения» отправляются завтра в Константинополь; Брюллов плывёт на первом.

Июля 19/31. —…К вечеру оба наши корабли подняли якоря, поставили паруса и начали удаляться так быстро, что вскоре их едва можно было видеть близ южного мыса Смирнского залива. Смерклось, и они скрылись совершенно.

Июля/Августа 20/1. — Дмитрий удивил меня поутру известием, что оба наших корабля, отплывших вчера, всё ещё видны в заливе, и паруса на них убраны. Кормщик небольшой барки, ехавший мимо корабля, уверял, что оба они сели на мель, но вечером узнали мы, что такое несчастье случилось в самом деле с одним только «Фемистоклом», а «Ифигения» остановилась для того, чтобы помочь «Фемистоклу» сойти с мели, на которой, как видно было, он засел довольно прочно. Говорят, что Смирнский залив опасен для кораблей и что такие случаи совсем не редки. К счастью, погода тихая, и для брига нет никакой опасности, но участь архитектурных слепков с Парфенона, отправленных мной на «Фемистокле», очень беспокоила меня. Я подарил их Петербургской Академии Художеств, и боюсь, чтобы их не бросили в море для облегчения корабля. Если бы так и случилось, мне нельзя жаловаться, потому что капитан единственно из одолжения принял их на свой бриг, и художественные предметы, особенно гипсовые, не могут быть пощажены, когда опасность угрожает жизни целого экипажа. Через два или три дня пароход «Мария Доротея» возвратится сюда из Константинополя, и я намерен на нём отправиться. В таком случае, вероятно, я буду раньше в Константинополе «Фемистокла».

Июля/Августа 23/4. На пароходе. — Какими открытиями можно было бы обогатить историю и словесность в той стране, где даровитый француз Тенсье пожинает теперь лавры! Но тужить нечего. Другое общество, предприимчивее нашего, составится с Божьей помощью когда-нибудь, достигнет цели, для которой у нас недостало силы, и Малая Азия, которая зовёт русских для её обозрения, обогатит нас познаниями и наполнит, может быть, целый Одесский музей драгоценными обломками древностей. Какое лучшее занятие можно дать экипажам двух русских судов, беспрестанно стоящих близ здешних мест?»

…Во время путешествия, которое оказалось обоюдно приятным, Карл Брюллов и Владимир Корнилов «тотчас прониклись друг к другу горячей взаимной симпатией. Брюллов, вообще любивший очаровывать людей, был необычайно весел, оживлён, блистал остроумием. Искавший нравиться, он умел быть необычайно приятным, интересным собеседником». Давыдов пишет: «Разговор Брюллова приятен, как картина, ибо он всё

замечает и ищет новые слова для собственных мыслей… Брюллов вмешивается в разговор только изредка, как стрелок, который, выстрелив раз или два, но метко, потом выходит из сечи и наблюдает за нею в некотором расстоянии. Корнилов был покорён». Пройдёт время, и 18 сентября 1836 года Корнилов напишет своему двоюродному брату Ф.П.Корнилову: «Весьма доволен Брюлловым: он оправдал моё доброе мнение о его добром, чистом характере. Потешил мою старушку — конечно ему не много, свободных часов, чтобы тратить их с новыми знакомыми. Сходи к нему, пожми ему руку от меня за посещение матушки». В следующем же письме, от 20 октября, он просит: «Пиши почаще, да если Брюллов не уехал, попроси его намарать карандашом грудной бюст с бока Ореста — беснующегося, терзаемого фуриями; мне бы это весьма было кстати для корвета «Орест», поступившего в моё командование. Другим не показывай — назовут святотатством. Кукольнику можно, он должен содействовать распространению изящного вкуса во всём и во вся. Профиль Ореста достаточно в величину головы *моего портрета, если помнишь…»*

* * *

По завершении своей миссии в Средиземном море бриг «Фемистокл» покинул греческий порт Пирей и в июле 1835 года отправился к родным берегам. У Дарданелльского пролива Корнилову ещё раз представился случай продемонстрировать перед капитанами иностранных судов великолепную выучку своего экипажа и собственное мастерство в управлении кораблём.

…Из «Путевых записок» В. Давыдова:

> «Августа 9/21, пятница. — Два наши корабля, отправившиеся из Смирны за несколько дней до моего туда отплытия, только третьего дня прибыли сюда и стоят теперь на якоре в Босфоре. Северный ветер долго задерживал их близ устья Дарданелл, но «Фемистокл» пробился через узкий пролив с удивительной ловкостью, и англичане, посещавшие дом Джозепино, рассказывали мне, что капитан «Фемистокла» заслужил при сём случае удивление опытнейших английских моряков».

Да, это видели и потом описали многие, и М.П.Лазареву тоже.

Порывистый ветер и сильное обратное течение встретили здесь «Фемистокл», и он должен был бы разделить общую участь

стоящего здесь множества иностранных судов, вот уже 11 дней дожидавшихся перемены ветра. Корнилов рискнул и выиграл — бриг прошёл полоской попутного течения, которое заметил Брюллов у самого берега. «Бриг тронулся по направлению к берегу, — вспоминал Г.Гагарин, художник — любитель, служивший с 1834 года в русской дипломатической миссии в Константинополе и бывший в тот день на «Фемистокле», — и в то же время сотни любопытных глаз и десятки зрительных труб устремились на нас со всех судов… Очевидно было, что никто не понимал нашего манёвра и все считали его безрассудным. Каково же было всеобщее изумление, когда, попав на струю прибрежного стремления, наш бриг весьма легко проскользнул по ней до поворота пролива и вышел на более широкое место, где уже мог понемногу двигаться вперёд с помощью искусного лавирования… Громкие аплодисменты и крики приветствовали нас со всех кораблей».

…«Фемистокл» держал свой путь к родным берегам, исполнив свой высокий долг в чужих пределах — ведь это не о бриге судили на иностранных судах — обо всём русском Черноморском флоте, и представляя Корнилова к званию капитан-лейтенанта, Лазарев писал: «Вот один из тех офицеров, которые поддержат честь нашего флага».

…Наступил 1836 год. Прошло почти 10 лет, как Корнилов ступил на борт «Азова»; он на пороге своего тридцатилетия. Сохранилось несколько писем этого периода, и в этих строках заметна поразительная разница между тем разочарованным юношей, и нынешним — свободно, неординарно мыслящим, просвещённым, уже апеллирующим к собственному жизненному опыту и нравственным устоям, гармонично сосуществующим со своей совестью и верой, почти зрелым человеком. Читая нижеприведённые страницы писем Корнилова, я всегда вспоминаю слова французской писательницы Маргерит Юрсенар из её «Северных архивов»: «У каждого человека два предка: эпоха, давшая ему общий знаменатель, и внутренняя динамика рода, противостоящая всем веянием под этим «общим» знаменателем и способная взрастить Личность на плодотворной почве ряда поколений».

1. 1836 г., мая 29–го. Керчь. Бриг «Фемистокл».

> «Поздравляю друга Федю [42] с важным шагом на пути жизни — с признанием в себе чувства самостоятельности — характер самобытный всегда независим. Из рода двуногих по-моему только те могут

гордиться названием человек, которые обладают самобытным характером, остальные не должны отделяться от стада животных, назначенных на службу человека, они только отличаются от последних разнообразностью способностей и могут быть употребляемы ими как лошадь, или как вол, или как павлин домовой, а больше как обезьяна. Но что о пустяках — пора к делу. Мой совет не переменять службы, не осмотревшись со всех сторон, служить надо — неблагородно не служить чем-нибудь обществу. Служба по собственному выбору, без видов возмездия не есть невольничество, а есть занятие почётное. Благодарность есть высокое чувство в человеке — благодарность к создателю, к обществу, к отцу, к матери и пр. есть начало великого добра и бич мелочных страстей. Мне кажется, можно быть артистом во всякой профессии — нужны только разные способности. Вот с людьми, с двуногими, с четвероногими, крылатыми, словом, со всякими животными да с природой неодушевлённой, везде и во всём встречаемся. Третьего дня мои люди выкинули манёвр не хуже картины Брюллова — человек с удобовосприемлемостью не мог бы удержаться от восторга, чтоб восхищаться разрушением Помпеи, необходима также удобовосприемлемость. Пора кончить. Ты видишь по заглавию, что я в Керчи, а по письму, что гробница Митридата и другие чудеса, открываемые в бесчисленных окрестных курганах — пред глазами моими. Завтра мы, т. е. мой бриг и корвет Путятина, идём вдоль Абхазского берега, к 20 июня возвратимся в Севастополь, откуда я присоединюсь к флоту; далее не знаю что и не хочу знать — не люблю знать будущего. Из писем моих к матушке тебе известно назначение похода моего — образование гардемарин. Вообрази мои занятия: вчера я читал им историю о Владимире, как он завоёвывал веру в Херсонесе, т. е. Севастополе. Желая узнать, знают ли они, где родился Христос, пустился расспрашивать — вышло: Христос родился в Иерусалиме. Иерусалим тогда населён был римлянами и находился в Персии, — а парни с бритыми усами; меня это так обрадовало, что я каждый день с большим нетерпением жду часа занятий моих воспитанников — очень весело слышать что-нибудь новое — книги, мне кажется, одно и то же несут, надоели они мне. Прощай,

будь здоров, важная, друг мой, статья жизнь, не пренебрегай ею — говорю с опыта. Благодарю тебя, что не оставляешь мою старушку, прочти ей это письмо, ей не пишу, а прошу поцеловать ручку — что писать ей, право нечего».

(Приписки на полях: на 1–й странице: «Диксону, если матушка будет платить, то взять расписку и передать ко мне, а не то и я могу заплатить».

На 4–й странице: «Скажи матушке, что подушка её, благодаря М.Ивановне, украшает мою каюту На славу — все спрашивают, кто шил».)

2. Николаев, 1836 г. 25 августа.

«Письмо твоё сделало мне большое удовольствие — оно принесло мне первое известие о возвращении брата в Питер. Это меня особенно занимало. Как конец тягостного одиночества матушки: одиночество её было у меня на совести! Благодарю тебя, что так кстати вспомнил обо мне. Напрасно оправдываешься в долгом молчании — я почти состарился под игом всемогущих обстоятельств, чтобы не понимать невозможности противоборствовать их железной воле. Я совершенно уверен, что ты меня не забыл и не разлюбил. На Кавказ не попал — не горюй, всё к лучшему — благое намерение столь же ценно, как и самое дело. Намерение всегда порождение чувств, а дело может быть ещё порождением слепого случая. Твои способности, при твоих правилах, всегда принесут пользу — правда, нигде Россия столько не нуждается в людях благомыслящих и образованных, как в основе благосостояния государства по разным отраслям внутреннего управления. Но время всё сделает; его не остановишь и не придашь ему прыти. Да и есть на что сетовать, что мы моложе других — успеем состариться… Благодарю тебя и братьев твоих, Петра и Нордеков (прозвище, данное В.А.Корниловым Ивану Петровичу и Аркадию Петровичу Корниловым. — *С.К.*), что не оставляете мою старушку. Жаль, что Наваринское сражение не удалось [43] — а хорош ли был нарисован «Азов»? И можно ли было различить офицеров? С прошлой почтой писал или лучше приписывал тебе, чтобы взял для меня Рейфа. Маменька напрасно ждёт оказий — книги лучше посылать по почте; навязывая посылочку, недурно вспомнить о моём

отправлении — как мне было тяжело возиться с ними. Федю Флита поцеловать за тебя не могу — он далеко теперь от Николаева. Они оставили нас более недели, грустненько было расставаться — привычка удивительная на белом свете, да есть на неё ведь и отвычка. Мне одиночество не новость, только теперь сижу больше в вольтере [44] своём и прилежнее лечусь. Флит расскажет всё подробнее о моих недугах. У вас появилось какое-то моё письмо, в котором резко выказывается моё весёлое расположение — немудрено, я нынче сделался великим болтуном и весельчаком — скоро пущусь плясать попурри. Я думаю, что всё это потому, что я никогда не был столько убеждён, что всё на свете фантасмагория!!! Не напугай матушку моей болезнью, болезнь пустая и меня обнадёживает скоро с ней разлучиться; ревматизмы мои совершенно затихли. Да! весьма бы недурно было, если бы Александр потолковал о моём горе с кем из ваших столичных эскулапов, хотя я и полное доверие имею к познаниям моего; от Феди можешь узнать о болезни и средствах употребляемых. Несмотря на всю мою философию, мне бы не хотелось совершенно расстроить организм: боюсь я, чтобы расслабление мною чувствуемое не увеличилось и не лишило меня средств служить. Если бы не эта мысль, я бы мало заботился о лечении, оно нисколько не тягостно, я так к нему привык. Какой любезный человек доктор Делагато. Я счёл лучшим средством описание болезни положить в твоём письме, ты передай Александру — прямо на его имя адресовать боялся, чтобы не попало в чьи руки. Прощай, кланяйся братьям, Диксону деньги отправлены с Флитом. Пиши, если удосужишься. Когда же Пётр Петрович позовёт меня на свадьбу?»

(Приписки на полях 1–й страницы: «Энциклопедический журнал следует мне».)

3. Николаев, 1836 г. 18 сентября.

«Отвечал бы тебе с пришедшей почтой на твоё милое письмо от 4 сентября, но доктор поставил меня или лучше посадил меня в положение, мешавшее писать. Душевно благодарен тебе. Не переставай дарить меня клочками из вашего быта! Всё, что окружает меня здесь — или по службе или на службе. Книгам я кланяюсь

только перед сном. Печальные самолюбия, красноречивые вздоры не надуют меня! К точным наукам не лежит сердце — ни соображения, ни памяти; одна отрада — письма людей, в безотчётной привязанности которых я уверен. Строки их освежают мою вялую, сухую жизнь; пиши, пожалуйста, пиши по временам; не обещаю тебе всегда ответ, но очень часто.

Благодари Нестора Васильевича [45]; его дружба у меня зарублена на палочке долгов и да будет мне стыдно, если забуду его одолжение. Собираюсь писать ему — поздравь его с выходом «Художественной Газеты» или лучше поздравь русских человеков с выходом ея. Благонамеренность и образованный ум, так отчётисто высказанный статьями первых номеров, обещают занимательный журнал! Прошу подписаться для меня и для капитана 2-го ранга Павла Степановича Нахимова, командира 41-го флотского экипажа и корабля «Силистрия». Последнему адресовать в Севастополь, а мне в Николаев. Ещё прошу тебя похлопотать о пересылке мне лосиной фуфайки с таковою же принадлежностью по моим хворым обстоятельствам — она мне необходима. Также подписаться на «Современник» и заказать Диксону выписку для меня книги: «The naval service or officer's manuel by capt. N.Glascock, 1836, in 2 volumes». Все сии поручения, кроме заказа Диксону, выполнить не прежде получения на них денег от моих старичков или прямо от меня, о чём я забочусь. Подписку на «Современник», а равно как и на «Художественную Газету» делать, разумеется, так, чтобы первые номера также высылали. Очень рад, что ты больше не думаешь о Кавказе. Большая часть наших заморских затей — колоброд, нам слишком много дела дома! Чтобы пускаться в Оман-море, надо выстроить крепкое судно и дать ему надёжное вооружение, а то первый шквал, и все планы рушатся — что в шёлке без рубахи? Не знаю, получил ли ты мои письма? получил ли последнее? В последнем я описываю на особенном лоскутке болезнь мою и ныне употребляемый способ лечения. Если Александр оставил Питер, не потолковав о недугах моих, то посоветуйся с Флитом, он знает моё горе, и потом поговори с кем-либо из достойных живодёров, т. е. врачей и напиши мне: одобряют они или нет средства употребляемые. Меня таки порядочно тиранит мой благоприятель. С моим равнодушным,

спокойным апатическим темпераментом это не беда — сидеть я мастер в Вольтере! Но боюсь попасть в инвалиды — тогда что буду делать на белом свете?»

(Приписки на полях: на 1–й странице: «Не выйдет ли гравюра с портретом Кукольника? прошу прислать». На 6–й странице: «Прощай. Поклон Петру, Нордекам — когда-то П.П. женится».)

4. 1836. Николаев. 20 октября.

«Благодарю любезного Фёдора Петровича за письмецо и книгу — да заодно и за присылку сюртука. Я завалил тебя поручениями — совестно, но кому же на белом свете и отдуваться, как не добрым людям. Основываясь на выше писанном, с сим посылаю новую комиссию, именно: выслать мне книжечку о имеемых в российском царстве заводах разных и фабриках разных, также с описаниями. Таковая книжечка, слышал я, продаётся за дешёвую цену при каком-то из министерств: внутренних дел или финансов. О высылке тебе суммы на предшествовавшие сему комиссии от меня писано в сельцо Ивановское. По письмам Феди, Брюллов возвращается в Италию, но, ветреник, не пишет: на время или совсем. Кукольнику желаю успеха; не пишу ему, потому что пустяки молоть — и его и себя жалко. Брату твоему Петру и книги в руки. Женитьба — дело доброе.

Моё здоровье плохо; того и смотрю, что не миновать Питера, а крепко не хочется подняться с моего красного вольтера. Нордекам по поцелую в лоб. Что-то Аркадий — отводит облако? Что-то ваши литературные вечера? Кто в чести? Что драматург Батурин? А горные выси спускаются в ваш земной круг; надеюсь, где мы сиживали с капитаном Колзаковым, там твёрдая матерь — земля, несмотря на присутствие самого Аполлона (Баумгартена).

Прощай — будь здоров. Пиши почаще…»

…Вице-адмирал М.П.Лазарев назначил в 1836 году Корнилова командиром корвета «Орест». За успешное командование Владимир Алексеевич был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени. Не прошло и двух лет, как он получает назначение на должность командира фрегата «Флора», строившегося на николаевских верфях. «С этих пор, — утверждал

его биограф — современник, — началась та беспрерывная и неутомимая деятельность Владимира Алексеевича, которая не прерывалась до самой его кончины» [46]. А другой свидетель тех событий заключил: «Долгая кампания в Средиземном море, примечательная блистательным эпизодом Наварина и последовавшей затем военной деятельностью, произвела несколько отличных офицеров, а соревнование, возбуждённое присутствием иностранных эскадр, и самолюбие, терзаемое при сравнении, породило в тех из них, которые были созданы или находились под влиянием способных начальников, желание вывести флот из пагубного, возмущавшего душу застоя».

Глава пятая

Заступив на должность начальника штаба Черноморского флота в 1832 году, Михаил Петрович Лазарев начал проверять корабли и базы и остался чрезвычайно недоволен их состоянием. К этому времени флот имел в своём составе 13 линейных кораблей, 12 фрегатов, 3 корвета, 7 вооружённых пароходов и ряд других более мелких парусных судов. Произведённый осмотр показал, что большинство линейных кораблей и фрегатов имели изрядно изношенные корпуса, гнилой и повреждённый рангоут, а их экипажи отличались низкой боевой подготовкой. В письме другу [47] Лазарев излил в полной мере своё возмущение тем, что корабли находятся в таком запущенном состоянии и почти не плавают; Севастополь как главная база флота недостаточно укреплён и защищён, на флоте большой некомплект личного состава, боевой подготовкой серьёзно никто не занимается. Во всём этом он гневно обличал командующего флотом А.С.Грейга [48], которому «всё наскучило, ко всему он сделался равнодушен и намерен запустить флот донельзя». В докладе же начальнику Главного морского штаба князю А.С.Меншикову Лазарев прямо указал, что в таком состоянии флот «не может решать поставленные перед ним задачи» [49].

И тогда же, буквально не теряя ни одного дня, М.П.Лазарев, с присущей ему энергией, взялся за ремонт кораблей, приведение в порядок главной базы флота — Севастополя и повышение боевой подготовки экипажей. Но не только эти проблемы волновали нового начальника штаба: ремонт кораблей — это лишь полумера, нужно было заменять их на новые, в чём ему удалось убедить высшее начальство. Удалось ему и расширить для этого кораблестроительную базу в Николаеве — было сооружено несколько новых эллингов для постройки крупных парусных кораблей. Ни один корабль не закладывался на верфях и не спускался на воду без одобрения Лазарева. Он постоянно держал под своим личным контролем все строившиеся корабли, добиваясь того, чтобы по тактико-техническим показателям они отвечали самым высоким требованиям судостроения того времени.

Михаил Петрович нередко вносил существенные изменения в проекты кораблей с целью улучшения их конструкций, особенно рангоута и парусов, от которых во многом зависят маневренные качества корабля.

…Всего за восемнадцатилетний период командования Лазарева Черноморским флотом под его руководством и при

непосредственном участии было построено 212 кораблей и судов, в том числе 16 линейных кораблей, 8 фрегатов, 13 военных пароходов, 55 лёгких парусных кораблей, 33 судна гребного флота, 14 портовых пароходов и 70 других портовых судов [50]. По оценке председателя кораблестроительного комитета «флот Черноморский с 1834 года получил во всех частях его современное преобразование и представляет доказательство великих попечений начальствующего или главного командира». Лазарев добился своего: к концу его жизни он создал выдающуюся школу воинского обучения и воспитания молодых офицеров, а сам флот, как и во времена Ф.Ф.Ушакова, снова стал одним из лучших парусных флотов в мире.

М.П.Лазарева интересовало не только проектирование и постройка кораблей, но и их вооружение с использованием новейших достижений в этой области. В конце 30-х — начале 40-х годов талантливый изобретатель А.А.Лехнер предложил новый разрывной снаряд (бомбу) для корабельных бомбических пушек, изобретённых М.В.Денисовым и С.А.Мартыновым в 1756 году. Испытания снаряда производились в Николаеве в присутствии Лазарева и дали положительные результаты, однако из-за дороговизны изготовления ударного механизма (трубки) для этого снаряда Главный морской штаб отказался от финансирования дальнейших работ изобретателя над совершенствованием ударной трубки. Но Михаил Петрович сразу же оценил огромные преимущества разрывных снарядов перед ядрами обычной артиллерии и помог Лехнеру закончить работу над изобретением. В письме Лехнеру в мае 1842 года Лазарев писал: «Эти результаты доказывают важность вашего изобретения и убеждают меня в величайшей пользе иметь ударные снаряды на приморских батареях и на всех военных судах, не исключая пароходов, вооружённых хотя и небольшим числом орудий, но большого калибра, действующих пустотельными снарядами» [51].

Бомбические орудия предназначались для разрушения и сожжения корпусов кораблей: длинные пушки ставились на носу и корме для обстрела преследующих и преследуемых судов, — эти пушки имели самую большую дальнобойность. На верхней палубе ставились каррокады, предназначавшиеся для поражения команд неприятельских кораблей, рангоута и такелажа. Первым кораблём Черноморского флота, на котором были установлены бомбические пушки, стрелявшие разрывными снарядами Лехнера, стал «Двенадцать Апостолов» — самый крупный на Чёрном море 120-пушечный линейный корабль, заложенный в 1838 году и строившийся под руководством лучшего инженера николаевских верфей Чернявского. Командиром этого флагманского корабля

Черноморского флота в начале 1839 года был назначен тридцатидвухлетний капитан 2-го ранга Владимир Алексеевич Корнилов.

Лазарев завёл на Черноморском флоте правило: на должность командира корабля назначать в период нахождения корабля ещё на стапелях. Это позволяло командирам хорошо изучить корабль во время его строительства. К тому же командир мог оказывать влияние на ход и качество выполняемых работ. Он ещё до спуска корабля на воду уже знал особенности его оборудования и вооружения.

Впрочем, принял он его ещё в 1838 году, когда «Двенадцать Апостолов» был только заложен, и всё это время капитан отдавал его постройке. Ни одной мелочи не упускал Корнилов, вникая во все детали вооружения и снабжения корабля. «Голова ходуном ходит», — говорил он об этих днях. Постоянно думал он об усовершенствованиях; писал в Севастополь с просьбой прислать «крепкого, очень крепкого лесу для правил к бомбическим станкам».

Вслед за «Двенадцатью Апостолами» бомбические пушки стали устанавливать и на других кораблях флота России. Таким образом, благодаря настойчивости Корнилова, с помощью Лазарева линейный корабль «Двенадцать Апостолов» получил первоклассное для своего времени артиллерийское вооружение. Он по праву стал считаться одним из самых мощных линейных кораблей Черноморского флота.

Постройка «Двенадцати Апостолов» продолжалась более трёх лет. Летом 1841 года он был спущен на воду, но и после этого на нём ещё в течение года продолжались различного рода работы. Корнилов, принявший с момента спуска корабля на воду «всякую ответственность за целость корабля и всего на нём находящегося», делал всё от него зависящее, чтобы быстрее ввести линейный корабль в строй.

Лазарев в ноябре 1841 года, подчёркивая значимость постройки линейного корабля, писал: «За таким огромным кораблём и работы и хлопот очень много… Он ещё не совсем готов по внутреннему устройству, которого, как и обыкновенно бывает при отделке таковых чудовищ, — чем дальше в лес, тем больше дров».

Наконец, весной 1842 года работы по отделке и оборудованию корабля были закончены. Завершилось и комплектование корабля личным составом. По штату его экипаж насчитывал около 900 матросов и офицеров. В мае на нём был поднят Андреевский флаг и, как полагается в таких случаях, Корнилов приступил к ходовым испытаниям. Он гордился тем,

что именно ему выпала честь командовать таким прекрасным кораблём, в который он вложил столько сил. И действительно, «Двенадцать Апостолов» вобрал всё лучшее, что было накоплено за многовековую историю не только отечественного, но и мирового судостроения парусного флота. Он представлял собой образец корабельной архитектуры, в нём гармонично сочетались огромные размеры с необыкновенным изяществом форм и превосходными морскими качествами. А артиллерийское вооружение, состоявшее из 120 орудий, в том числе и бомбических пушек, ставило его в один ряд с самыми мощными линейными кораблями последнего этапа развития парусного флота.

Линейный корабль «Двенадцать Апостолов» высоко оценивали не только специалисты отечественного флота, но и зарубежные, в том числе такой авторитетный знаток кораблей парусного флота, как главный кораблестроитель английского королевского флота Вильям Саймондс. После того как Саймондс осмотрел русские корабли, строившиеся на николаевских верфях, и среди них «Двенадцать Апостолов», Лазарев отметил, что англичанин «нашёл всё в гораздо большем размере и лучшем виде, нежели ожидал».

Но занятость Корнилова строительством корабля не отрывала его от жизни и боевой деятельности флота. В 1838–1842 годах адмирал Лазарев нередко брал его с собой в качестве начальника штаба практических эскадр. Такие эскадры впервые начали создаваться на Чёрном море как раз по его инициативе. В них входили корабли различных классов и из разных соединений. Обычно практические эскадры использовались для поддержки армии, действовавшей на Кавказском побережье, и ведения крейсерских действий.

В обязанности начальника штаба такой эскадры входило: подготовка эскадры к походу, разработка маршрута перехода и выполнение всех связанных с этим расчётов, назначение походных порядков и ордеров кораблей при выполнении ими поставленных задач и др. С выходом эскадры в море и до возвращения её в базу он обязан был контролировать выполнение командирами кораблей этих задач, постоянно информировать адмирала об обстановке и от его имени передавать приказания командирам. Участие Корнилова в десантных действиях в районе Туапсе не ограничивалось лишь разработкой боевых документов. Он принимал и непосредственное участие в самой высадке десанта, командуя одной из двух групп гребных судов, использовавшихся в качестве высадочных средств. Причём действовал с исключительной храбростью и большим умением.

Начальником Черноморской береговой линии был в то время знаменитый герой Отечественной войны генерал Н.Н.Раевский [52]. Во время подготовки к высадке десанта он вместе с Корниловым и подполковником Ольшевским тщательно проверил все необходимые боевые расчёты.

12 мая началась высадка у устья реки Туапсе. На следующий день Раевский писал в своём журнале: «Начальник левой половины гребных судов десанта капитан 2-го ранга Корнилов имел весьма большое влияние на успех высадки. Когда огонь с кораблей прекратился, капитан-лейтенант Корнилов открыл с гребных судов сильный и удачный огонь; с самой большой быстротой он двинул все суда, сохраняя между ними отличный порядок, чрез что все войска вышли на берег без малейшего беспорядка. Наконец, с десятью солдатами Тенгинского пехотного полка он из первых выскочил на берег для занятия точки, весьма важной для прикрытия прибывающих войск».

Адмирал М.П.Лазарев в донесении начальнику Главного морского штаба князю А.С.Меншикову писал: «Командир корабля «Силистрия» капитан 1-го ранга Нахимов и капитан 2-го ранга Корнилов, постоянно отличающие себя примерною службою, командовали при занятии Туапсе и Псезуапе, первый правым, а второй левым флангом гребных судов… исполнив сделанное им поручение с быстротою и в совершенном порядке».

На следующий год эскадра Черноморского флота под командованием Лазарева произвела высадку крупного десанта в районе устья реки Шахэ. Для подготовки десанта и высадки его адмирал снова привлёк в качестве начальника штаба эскадры капитана 2-го ранга Корнилова. На этот раз ему пришлось командовать всеми гребными судами, обеспечивавшими высадку десантных войск, и он, как и в предыдущей десантной операции, проявил личную храбрость, высокие организаторские способности и большое воинское мастерство. «Никогда порядок и быстрота гребных судов, — писал генерал Н.Н.Раевский, — не были столь полезны, как в сём случае. Несмотря на близость эскадры, неприятель встретил десант в 50 саженях от берега. Несколько минут позже, и он бы застал первый рейс ещё на гребных судах». Корнилов «один из первых выскочил на берег, и когда на самой опушке леса неприятель встретил авангард, Корнилов с вооружёнными гребцами бросился с авангардом для их отражения, чем весьма способствовал к первому решительному успеху. После высадки второго рейса капитан Корнилов, составя сводную команду из гребцов, с примерной решительностью повёл их на атаку… Во всё время сражения Корнилов показывал замечательное соображение и неустрашимость».

Следующий крупный десант был высажен в районе Туапсе в мае 1840 года. Подготовку его Лазарев возложил на Корнилова, который разработал все необходимые боевые документы, после чего в районе Феодосии провёл репетицию с фактической высадкой десантных войск на берег. Проведённое учение позволило проверить реальность разработанных на высадку документов и произведённых Корниловым тактических расчётов, что во многом обеспечило затем успех десанта [53].

Как и в предыдущих операциях при высадке десанта, Корнилов командовал гребными судами, перевозившими войска на берег, и вновь проявил мужество и высокое тактическое искусство.

За большие заслуги в подготовке и высадке десантов на побережье Кавказа и проявленные при этом личную храбрость и высокое военное искусство Владимир Алексеевич Корнилов в декабре 1840 года был произведён в капитаны 1-го ранга.

* * *

В мае 1842 года линейный корабль «Двенадцать Апостолов» вступил в строй и начал свою первую кампанию на Чёрном море.

Поистине бесценные свидетельства о времени командования Корнилова кораблём «Двенадцать Апостолов» приводит А.П.Жандр в своих «Материалах для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова», вышедшие через пять лет после гибели адмирала — в 1859 году.

«Между многими несомненными достоинствами Владимира Алексеевича Корнилова было одно качество, обращающее на себя тем большее внимание, что оно весьма редко встречается в людях, хотя качество это в начальнике обширной части управления едва ли не занимает первое место по мере пользы для государства, какую приносит каждое качество начальника, — пишет А.П.Жандр— Это — умение употребить с пользою способности и самолюбие подчинённых, показать своё доверие к достойнейшим, возбудить соревнование и заставить подчинённых считать долгом точное выполнение своей обязанности, — словом, особенная способность властвовать, которою обладал Корнилов в высшей степени.

Способность эта была уже весьма заметна, когда он командовал кораблём «Двенадцать Апостолов». На корабле всегда было много офицеров, но каждый имел своё место и обязанность с личною по ней ответственностью, и Владимир Алексеевич так

умел очертить степень влияния каждого на общий ход какой-нибудь работы, что никто не вмешивался в распоряжение другого, но все действовали и помогали друг другу… Владимир Алексеевич следил сам за распоряжениями офицеров на верху и в деках, во время тревоги, так же как он следил и за самым старшим офицером, осматривая ежедневно корабль с юта до киля. Он входил во все подробности обязанностей каждого, но никогда не терял общего из вида и учил тому же своих офицеров… Во время учений, после каждой работы он призывал на ют поочерёдно офицеров, сделавших ошибки, и объяснял каждому каким образом можно скорее достигнуть совершенства и избегнуть упущений. Его система была: учить матросов в то же время быстрой и правильной работе, и не раз он говорил, что ошибаются те, которые учат сначала правильности и думают достигнуть со временем скорости, ибо матросы, привыкнув делать медленно, никогда уже не приобретут быстроты в работе. На вахте он никогда не вмешивался в распоряжения вахтенных начальников и предоставлял им свободу управления парусами днём и ночью… но ни одно упущение на вахте не оставалось без замечания, и для многих служба на «Двенадцати Апостолах» была суровою школою. Иногда Владимир Алексеевич призывал в каюту сменившегося с вахты офицера и объяснял ему его ошибки; тогда слова его походили более на советы любящего наставника, чем на выговор строгого капитана… Когда он замечал, что упущения происходят от ложного взгляда офицера на свои обязанности, то старался победить заблуждение доказательствами разума; с этой целью он перевёл на русский язык главу «О лейтенанте» из английского регламента и «О вахтенных и субалтерн-офицерах» — из французского регламента, и передал перевод офицерам «Двенадцати Апостолов» вместе с инструкциями своими. Но когда он видел, что от упущения могут быть вредные последствия, то отдавал приказ и требовал безусловного исполнения своей воли.

При такой системе немудрено, что корабль быстро шёл к цели — быть образцовым; при этом надо заметить, что Корнилов был враг всяких подготовлений и фокусов…

Ничто, однако же, не обращало на себя столько внимания Владимира Алексеевича, как готовность корабля к бою, и каждый день, кроме ежедневных одиночных учений, производилась на корабле тревога с 4-х до 5 $^{1}/_{2}$ часов пополудни. Тут всё делалось методически, постепенно, всё совершенствовалось и приспособлялось к бою, и едва ли существовал в то время корабль, на котором в такой мере, как на «Двенадцати Апостолах»… соединялись бы вместе: умение и быстрота заряжания, верность прицеливания, скорость подачи картузов,

правильность вызова абордажных партий и удобство всех приспособлений к бою… Переводя на русский язык английское артиллерийское учение, Владимир Алексеевич применил его к делу на «Двенадцати Апостолах», совершенствуя в течение пяти кампаний и извлекая из опытов различные присобления к бою. Впоследствии… по Высочайшему повелению, напечатана книжка «Артиллерийское ученье» [54], познакомившая весь флот с новым способом обучения действию орудиями, который уже был блистательно приложен к делу на «Двенадцати Апостолах»».

Для проверки знаний артиллеристов он разработал специальный вопросник, охватывавший различные аспекты устройства материальной части артиллерии, её применения. К обучению артиллеристов Корнилов привлекал не только артиллерийских, но и строевых офицеров, строго разграничив между ними круг обязанностей, которые они должны были исполнять. «Я находил всегда выгодным, — писал он, — артиллерийским офицерам подчинять одиночные учения, от которых флотские офицеры освобождались. Выгода такого порядка в моих глазах состояла в том, что одиночные учения, составляющие основу артиллерийского дела, производились под руководством одного постоянного, и притом специального лица». Общие же корабельные учения производились под наблюдением строевых офицеров. Руководил этими учениями командир корабля. «Все общие учения, — писал Корнилов, — производятся по назначению командира, в его присутствии или в присутствии старшего офицера, и причём обязаны находиться все офицеры… Командир составляет расписание, которое и даёт старшему офицеру для руководства. Кто же лучше командира может рассчитать, какое учение когда потребно команде? За действие её он отвечает своей честью и своей жизнью».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

> «1 мая 1846 г., Севастополь.
>
> …Посылаю также моё «Артиллерийское ученье»; я его пересмотрел, исправил и сомнительные статьи проверил с присланными английскими оригиналами, которые позвольте задержать на время… Извините, Ваше Высокопревосходительство, что я представляю Вам труд мой неоконченным, но Вам известно, что переписывать и чертить здесь так не могут, как у Вас, и что если что поручено кому от Вас, то оно несравненно лучше и с большим удовольствием исполнится. Мне очень будет жаль, если эта записка не дойдёт до нашего генерал-

адмирала; я уверен, что она может принести пользу артиллерии нашего флота, ибо составлена добросовестно, а проверена опытом!..

Благодарю Вас за пансион. Поздравляю с возвышением Путятина и Истомина, ведь это ученики Вашего Высокопревосходительства! Назначение Истомина флигель-адъютантом должно смирить все пустые толки насчёт его промахов при Великом Князе. Корабль мой вооружается. 15–го по заключении контракта насчёт библиотеки выйду в море. Мне весьма желательно увидеть картины Айвазовского, особенно Одессу, где изображён «Двенадцать Апостолов»… Надо бы задать ему хороший сюжет! Ваше Высокопревосходительство вряд ли будете, впрочем, может быть, не соберётесь ли Вы в Ростов, куда Вы, кажется, хотели пробежать нынешним летом. Сейчас у меня был Вигель; в 2 часа я еду с ним по достопримечательностям города, большой говорун и для меня человек интересный, ибо был в Сибири во время губернаторства моего незабвенного для меня старика… [55]

Самое странное, что генерал Берх нашёл средство наградить у меня же на корабле своего фаворита Аронова, когда я об нём ни письменно, ни словесно не объявлял ничего. Простите мне мою откровенность, но эта мелочь до того меня огорчила, что я при всём желании не прибавлять Вам беспокойства не мог воздержаться.

Душевно преданный В. Корнилов».

Помета М.П.Лазарева: «Ответил 6 мая».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«10 мая 1846 г. Севастополь.

…Очень жаль, что представленные мною артиллерийские замечания найдены составленными с излишней поспешностью. Я над ними трудился четыре года. Если есть грехи, то виноваты мои способности. Впрочем, я просил Вас, если они не стоят внимания, то не давать им никакого хода…»

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

> «2 июня 1846 г., Севастопольский рейд.
>
> Со страхом и верою представляю Вашему Высокопревосходительству мои артиллерийские записки. Кажется, лучше не сумею; согласно дозволения Вашего перемены и пометки выставил красными чернилами. Боюсь только, чтобы при переписывании не случилось пропусков, каких довольно много встретил я в привезённом Вами экземпляре. Нельзя ли будет поручить Шестакову или Бутакову прочесть потом с Поспеловым. Они, конечно, это сделают аккуратнее других. За чертежом также старались, — не знаю, понравится ли, но что же делать, ведь кто же виноват, что у нас на Руси всё ещё сапожники пекут пироги, а пирожники тачают сапоги…»

Помета М.П.Лазарева: «Ответил 6 июня».

Одним из основных принципов обучения и воспитания моряков Корнилов считал сознательное усвоение ими материала, а не механическое зазубривание, которое не может дать глубоких и прочных знаний. «Всякое искусство, — писал он, — тогда только прочно вкореняется в ум и память человека и тогда только может быть применено им к разным обстоятельствам, когда обучение основано на рассуждении и понятии цели и назначения всего к нему относящегося».

Руководствуясь этим принципом, Корнилов требовал от своих офицеров, чтобы они при обучении матросов объясняли им не только что нужно делать, но и для чего это необходимо, чтобы каждый начальник мог на деле осуществить принцип: делай как я, а каждый матрос должен был «знать свой манёвр».

Командир «Двенадцати Апостолов» старался прививать матросам интерес к боевой подготовке, считая её залогом успеха. Он стремился «развить в матросах охоту и соревнование различными средствами». Особенно важное значение он придавал последовательности процесса обучения. «Для усовершенствования команды в военно-морском деле, — писал Корнилов, — командир занимает оную в удобное время учениями, разделяя все эти учения на общие и одиночные и имея для них заранее составленную таблицу, дабы через систематическое наблюдение не упустить ни одного предмета».

Другим важным принципом он считал учёт индивидуальных особенностей каждого офицера и матроса. «Командир, — писал

он, — обязан обращать особое внимание на поведение каждого офицера и каждого лица, в его команде состоящего, дабы, зная их достоинства, он мог употреблять их по способностям, а в случае надобности или опасного предприятия — мог бы всегда избрать таких, коих искусство и мужество обещали бы успеха»; от. каждого он требовал «настоящего внимания к своим обязанностям и всегдашнюю бодрость в дополнении их при всякого рода обстоятельствах».

Корнилов прекрасно понимал, что задачи должны быть сложными, но посильными. Люди должны и отдыхать. Поэтому он запрещал излишние работы и дежурства на корабле. «Подвахтенных, — писал Корнилов, — не должно вызывать наверх без надобности, особенно в дождь или ночью; кроме того, если обстоятельства позволят, не держать из вахтенных наверху под парусами более одного отделения, остальных спускать вниз и давать им покой».

На линейном корабле «Двенадцать Апостолов» Корнилов завёл такой порядок, что свободные от вахты, во время приёма пищи и сна матросы без его разрешения не привлекались ни к каким работам и занятиям.

Заботясь о здоровье матросов, он требовал, чтобы офицеры постоянно следили за чистотой жилых палуб, систематическим просушиванием и проветриванием жилых помещений. Он обязывал офицеров приучать матросов менять своё бельё, добиваясь от них «той необходимой чистоты, которой должен отличаться образованный военный человек». А унтер-офицеров, которые стояли ближе к матросам, Владимир Алексеевич предупреждал, что они «будут в прямой ответственности за всякого человека, замеченного немытым, небритым и в разорванном платье».

Но Корнилов не только требовал. Он отечески заботился о том, чтобы матросы были здоровы, нормально питались и имели исправное обмундирование. «Необходимо стараться, — писал он, — при всякой возможности употреблять в пищу команды свежее мясо и зелень; последнюю, равно как и капусту, при случае заготавливать впрок. В море, как удобно, полезно ловить рыбу, чтоб разнообразить пищу».

…Из письма М.П.Лазарева А.А.Шестакову о пребывании Николая I на корабле «Двенадцать Апостолов»:

«11 декабря 1845 г., Николаев.

Ты всё спрашиваешь меня, чем в особенности остался довольным Государь… Государь остался всем,

что видел, решительно доволен, и это видно было на радостном его лице. На корабле «Двенадцать Апостолов» приказал ударить тревогу, и подобную штуку в настоящем её виде, казалось мне, он видел в первый раз, он с изумлением смотрел на живость и проворство людей, с которою действовали орудиями, — 68-фунтовые бомбические пушки казались игрушечками, и рад был случаю; тут в первый раз он увидел, что значит в настоящем смысле Sailtrimers, Firemen и Boarders [56] и, наконец, что значит хорошее боевое расписание. Он ходил по всем декам и особенно долго оставался в нижнем деке, — я стоял близ его, — он, наконец, невольным образом сказал: «Ну, этот корабль порядком отделает своего противника, кто бы он ни был». Ты можешь себе представить, до какой степени мне было приятно слышать это».

Командование Корнилова кораблём «Двенадцать Апостолов» составило эпоху в жизни Черноморского флота. Не говоря уже о том, что это был лучший из черноморских кораблей, в смысле его технических средств, блестящим был и распорядок службы на нём, выработанный лично Корниловым и им же осуществлённый. Высшей оценкой послужило распоряжение Лазарева — ввести этот распорядок как образцовый для всего флота. Современник писал: ««Двенадцать Апостолов» был редкое явление во всех отношениях. Как образец корабельной архитектуры нам не случалось видеть ничего подобного до введения винтовых кораблей… Во всём выказывались познания командира, его рассудительность и соображение. Внутреннее устройство, прекрасное вначале, после нескольких месяцев плавания, указавших недостатки, стало безукоризненно. Все приспособления к облегчению различных действий и к содержанию корабля во всегдашнем порядке, были собраны на этом истинно образцовом судне… «Двенадцать Апостолов» мог служить прекрасной школой талантливому офицеру и в последние годы командования Корнилова представлял во всех отношениях предмет, достойный тщательного изучения».

…«Как истинно государственный человек, — писал историк Крымской войны Н.Ф.Дубровин, — Лазарев сознавал, что для принесения наибольшей пользы отечеству и исполнения важных предначертаний недостаточно деятельности и жизни одного человека и что для достижения полезных результатов главная заботливость начальника должна состоять в выборе способных помощников, которые сначала поняли бы виды его, потом

содействовали ему и, наконец, могли продолжать начатое дело самостоятельно и в том же направлении… Если М.П.Лазарев замечал в ком-либо из офицеров особые способности, точность и аккуратность в исполнении, он вводил его в школу более специальную, и, независимо от практической деятельности, делал такого офицера хорошим теоретиком в постройке и вооружении судов. Как на пример такого *ведения офицера* можно указать на Владимира Алексеевича Корнилова, бывшего впоследствии начальником штаба Черноморского флота». Всего через несколько страниц читаем такие строки: «Своим умением обращаться со всеми, устранить недоразумения и направить дело Корнилов обратил на себя всеобщее внимание и скоро *флот уже угадывал* в нём человека, которому предстояли важные обязанности» [57].

С того момента, как сам Михаил Петрович угадал в Корнилове офицера, «который поддержит честь нашего флага», началось, можно сказать, и это «угадывание флота», происходившее хронологически параллельно с лазаревским принципом «ведения офицера». За десять лет, которые прошли с момента возвращения Корнилова из средиземноморской миссии на бриге «Фемистокл», а именно с 1836 по 1846 год, Владимир Алексеевич под неусыпным руководством своего учителя одновременно занимался строительством корабля «Двенадцать Апостолов»; переводами с английского и французского специальной литературы по военно-морской теме, снабдив их собственными обширными комментариями; принимал участие в боевых операциях Черноморской эскадры для поддержки армии, действовавшей на Кавказском побережье, и ведения крейсерских действий. В этих практических плаваниях он назначался М.П.Лазаревым начальником его штаба, в чьи обязанности входили подготовка эскадры к походу, разработка маршрута перехода и выполнение всех связанных с этим расчётов; назначение походных порядков и ордеров кораблей при выполнении ими задач; контроль выполнения командирами кораблей заданий и постоянное информирование Лазарева об обстановке, а также — полномочие от его имени передавать приказания.

Лазарев не случайно привлекал Корнилова к оперативной штабной деятельности. И постепенно, шаг за шагом, — учитывая его глубокие и разносторонние знания, аналитический склад ума, исключительную работоспособность, необыкновенно ответственное отношение к выполнению служебных обязанностей, выдающиеся организаторские способности, «дар управлять людьми, умение употреблять с пользой каждого человека, заставлять всех работать и любить своё дело», —

готовил Владимира Алексеевича к занятию самых высоких должностей на флоте. Он надеялся увидеть своего ученика, с которым его роднило единомыслие, прогрессивность взглядов, лидерство, смелость суждений и редкий род честолюбия, который плодотворно преображает всё вокруг, — заменой себе в недалёком будущем, преемником на посту руководителя Черноморского флота.

Для такой цели Лазареву был необходим не только соратник, преуспевший в практических навыках своей профессии, но и конечно же теоретический талант. В Корнилове счастливо сочеталось и то, и другое: ещё в двадцатичетырехлетнем возрасте, по предложению Лазарева и под его личным контролем, Владимир Алексеевич в 1830 году занялся составлением проекта руководства «О сигнальных флагах».

В 1836 году в Англии была издана книга капитана английского королевского флота Гласкока под названием «Морская служба в Англии, или Руководство для морских офицеров всякого звания». Ознакомившись с её содержанием, в котором автор изложил обязанности офицеров корабельной службы и некоторые общие положения, связанные с развитием английского флота, Корнилов перевёл книгу на русский язык. В предисловии к переводу он писал: «Полагая, что такое сочинение, кроме удовлетворения любопытства, может принести моим сослуживцам на русском флоте и пользу, я решился перевести это сочинение на отечественный язык. Не имея притязаний на литературное достоинство моего труда, я сочту себя вполне вознаграждённым, если перевод мой будет понятен для морских офицеров, которым он исключительно посвящается» [58].

Перевод книги занял целый год. В 1837 году он закончил эту работу и представил её для ознакомления адмиралу Лазареву, который высоко оценил её. Главная ценность работы Корнилова заключалась в многочисленных комментариях и примечаниях, сделанных Владимиром Алексеевичем. Это намного повышало ценность переведённой им книги. Комментируя отдельные статьи английского автора, переводчик часто высказывал по тому или иному положению своё мнение, основанное на опыте его личной службы или других известных моряков отечественного флота. Особенно много таких высказываний было сделано о морской артиллерии и организации корабельной службы. О последней Корнилов писал: «Ничто так не показывает порядка на судне, как исправный вид его и спокойствие на нём тотчас после всякого действия».

…Эту склонность к упорядоченности и системности взглядов Владимир Алексеевич, думается, унаследовал от своего отца —

Алексея Михайловича Корнилова, который (будучи почти в одних летах со своим прославленным сыном) в 1800 году написал книгу, имевшую в своё время важное практическое значение — «Сигналы, посредством коих производятся тактические действия гребного флота», а в своей главной книге, «Замечания о Сибири», он — наблюдательный, рассудительный, неравнодушный гражданин и патриот, радеющий о воспитании государственного, мудрого подхода к малым народностям и природным ресурсам. Интересна стоящая некоторым образом обособленно глава о «воспитании детей в Китае», где Корнилов-старший излагает свой взгляд на воспитание вообще и решительно настаивает на том постулате, что «только домашнее воспитание может выработать из детей полезных граждан и верных сынов Отечества».

В 1844 году Алексей Михайлович умер. Переписываясь со своим братом Александром, Владимир Алексеевич не раз с сердечной болью напоминал ему, что «надлежит жить так, как завещал нам наш дорогой старик»; почти дословно он повторяет эту фразу и в письме к М.П.Лазареву: «…Так мне завещал отец и словом и делом и так я надеюсь пройти жизнь…» Вероятно, что именно эти взгляды отца, изложенные в «Замечаниях о Сибири», отца, которого он почитал и нежно любил, повлияли и на его собственную позицию. В письме от 26 декабря 1850 года он сообщает брату: «Насчёт воспитания детей [59] я покуда остановился на домашнем подготовлении их до тех пор, покуда не исполнится Алёше 14 лет. Желал бы знать, если Сашу помещать в Правоведный или Лицей, то каких лет следует присылать в Петербург…"…

С годами, очевидно, он лишь утвердился в правильности этого подхода, потому что в своём завещании, составленном 7 сентября, почти за месяц до своей гибели, Владимир Алексеевич выразил свою последнюю волю: «Полагал бы семейству нашему, пока дочери малы, я лучшее для них воспитание есть домашнее под наблюдением и в правилах и в примере такой редкой и заботливой матери, жить в сельце Ивановском…»

…Несмотря на то что перевод Корнилова очень понравился авторитетным специалистам флота, издать эту книгу оказалось не так просто. Потребовалось два года энергичных действий адмирала Лазарева для того, чтобы Морское ведомство изыскало средства для её издания, и то лишь 600 экземпляров. А когда Лазарев обратился к начальнику Главного морского штаба князю Меншикову с просьбой увеличить тираж книги из расчёта обеспечения не только Черноморского флота, но и Балтийского, то последний ответил ему: «Имею честь сообщить Вам, милостивый государь, что по крайне ограниченному

ассигнованию Морскому министерству сумм приобретение книги Корнилова для Балтийского ведомства не представляется в настоящее время возможным».

Выход в свет книги в переводе Корнилова с интересом восприняли на Черноморском флоте. По личному указанию Лазарева по одному её экземпляру было направлено на каждый корабль и в береговые части флота, а также в морскую библиотеку. Не просто положительные, но восторженные рецензии появились в различных газетах и журналах.

После выхода в свет этого перевода Корнилов сделал ещё несколько удачных переводов с английского языка: «Мачтовое искусство» и «Артиллерийские учения».

Но самой крупной из его научных работ являлось составление, по поручению Лазарева, «Штатов вооружения и снабжения судов Черноморского флота». Выбор М.П.Лазарева, как и всегда, не был случаен: эта работа требовала от составителя солидной теоретической подготовки, глубоких и разносторонних знаний морского дела, большого практического опыта службы на кораблях. В наиболее полной мере этими качествами обладал, на его взгляд, только Владимир Алексеевич.

«Штаты» включали в себя полный свод всего вооружения, оборудования и оснащения корабля каждого класса в отдельности — очень объёмный и важный для флота труд, которым руководствовались кораблестроители, командиры кораблей и начальство интендантской службы при строительстве кораблей и их эксплуатации.

Работу над новыми штатами В.А.Корнилов начал в 1837 году. Потребовалось три года напряжённого труда, чтобы разработать новые штаты вооружения и снабжения судов Черноморского флота. При этом одновременно приходилось выполнять и другие обязанности, связанные со строительством «Двенадцати Апостолов» и участием в боевых действиях у побережья Кавказа.

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву о ходе работы над «Штатами вооружений» и над «Артиллерийскими учениями»:

> «29 ноября 1843 г. Севастополь.
>
> …Дельная книга корабля и при ней особенная гребных судов, так как эти последние на «Двенадцати Апостолах» вооружены не по штату, при сём прилагается: равно как отчёт за месяц о баролитрах…
>
> Надеюсь, что здоровье Ваше с тех пор, как мы оставили Николаев, поправилось. Молю Бога, чтобы на радость всем добрым людям Вам возвратилось Ваше старое и мы бы услышали, что Вы более не держите

никаких диет и посещали в лёгкой шинели Адмиралтейство. В эти ненастные дни я много занимаюсь переводом английского «Артиллерийского ученья» и дошёл до ученья у бомбовых пушек на подвижных станках. Не понимая некоторые технические термины и сомневаясь в верности копии, я бы желал иметь печатную книжечку. Если Ваше Высокопревосходительство не найдёт неудобным выслать мне её, то я бы просил выслать. Это ученье так подробно и так удобопонятно для всякого, что перевод его, конечно, будет весьма полезен. Ведь может случиться и военное время, когда придётся думать не об одной красоте и симметрии! Письмо это заключу благодарностью моею за доставление случая Ендогурову ехать в отпуск на казённый счёт. Я слышал, что Ендогуровым Ваше Высокопревосходительство недовольны за его поведение за границей. Могу Вас уверить, что он виновен только в недостатке такта, который не всем достаётся. И в исполнение моих советов, может быть, в исполнении слишком личном: в службе и не службе, несмотря ни на какие отношения…»

Помета М.П.Лазарева: «Ответил 8 декабря [1843]».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«16 декабря 1843 г., Севастополь.

Горько было мне читать бумагу Вашего Превосходительства от 10 декабря, вчера полученную с листком дельной книги, в которой Вы так справедливо изъявляете Ваше неудовольствие нам с Львовым. Вполне понимаю неприятное положение, в которое Вас поставили бы эти ошибки перед князем, если бы Вы, понадеясь на меня, отправили книгу в Петербург. Львов тут виноват менее меня, потому что мне, с моею опытностью, никак бы не следовало в таком важном случае доверять таблице составления Вьюнова. Эта таблица одна мною не была проверена и осталась в том виде, в каком Вьюнов прислал её в своей дельной книге из Николаева! Остальные ошибки дельной книги весьма незначительны и произошли от описки писаря. Таблица, при сём прилагаемая, должна быть совершенно верна. Она составлена с натуры. Вчера комиссия из лейтенантов перемеривала все паруса корабля моего… Я

бы сам присутствовал при этой работе, если бы не боль в ноге. Разница со штатом помечена красными чернилами по принятому правилу. Рассматривая эту таблицу, надо иметь в виду, что паруса обмерявшиеся сделали кампанию. Надеюсь, что теперь дельная книга корабля «Двенадцать Апостолов» будет без пятен. По крайней мере, она вся совершенно прошла цензуру, ибо мы вместе со Львовым прочли…»

«Польза штатов — громадна и очевидна для всякого моряка, особенно для тех, которым приходилось командовать судами или снаряжать их под свою ответственность, — так отозвались моряки-черноморцы на появление этой книги. — Это лучшая справочная книга нашей морской части; подобного труда — вместе полезного и гигантского — нигде не существует» [60].

Представляя начальнику Главного морского штаба этот документ, адмирал Лазарев писал: «Полезный труд этот наиболее принадлежит капитану 1-го ранга Корнилову. Постоянные его занятия при одном помощнике (мичмане Львове), которого он сам избрал, значительно даже ослабило его здоровье, ибо работ действительно быдо очень много. Соображаясь со всеми известными иностранными штатами и разными изданиями о вооружении судов, он нашёл возможным подвести штат под некоторые правила, приложил новые таблицы, им же из многих опытов составленные, составил оригинальные чертежи, по которым 66 тысяч листов налитографированы и приложены к штату, пополнил оный многими полезными правилами, относящимися до мачтового, парусного, флажного и блокового мастерства, которых прежде не было. Словом сказать, неусыпными трудами и постоянной заботливостью капитана 1-го ранга Корнилова штат этот, подробно мною рассмотренный и одобренный, представляется в таком виде, в каком ни одна из морских держав никогда оного не имела».

Почти такого же неослабного внимания и сил требовали иные проблемы; силы подчас тратились впустую, хлопоты ничем не заканчивались, сослуживцы интриговали, а Михаил Петрович впервые стал чувствовать признаки болезни. Всё это отражают письма этого периода.

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву о результатах инспекторского смотра корабля «Двенадцать Апостолов»:

«25 августа 1843 г., Севастополь.
…Резолюция Вашего Превосходительства насчёт

известного Вам дела здесь всех (можно смело сказать) привела в восторг. Последние события распространили было какое-то общее уныние. Адмирал Конотопцев в своих поступках так прав, что даже самое пристрастное разбирательство (чего не должно ожидать) не может его обвинить. Не понимаю, за что адмирал Чистяков так негодует на меня? Зная его раздражительный характер, я с ним всегда был особенно осторожен, и если случились с моей стороны поступки, в которых он подозревал неуважение к себе, то они были совершенно неумысленны…

Касательно содержания экипажа и корабля, я смело скажу, что ничего не боюсь, — во-первых, я не из числа тех, которые ставят собственное своё дело выше службы и, во-вторых, сам же адмирал Ч., сделав последний инспекторский смотр, объявил при бригадном командире моим офицерам, что всё в отличном виде, что они должны гордиться, что служат у такого во всех отношениях исправного командира. На корабле же, рассматривая в последнее время артиллерийское ученье, — что всё как нельзя лучше — так удовлетворительно, что может понравиться Государю Императору! О работах команды несколько раз относил, что удивлялся, как споро всё делают, что подтверждалось сигналами «хорошо!» и, наконец, за перемену брам-стеньги — «очень хорошо!». В последнем случае ему показалось так быстро, что он не хотел верить и послал своего флаг-офицера справиться на «Махмуд», действительно ли у меня спускали брам-стеньгу. Я бы даже желал, чтобы он вздумал придраться ко мне, тогда бы я имел случай на бумаге объяснить несправедливость его ко мне и в прежних случаях и тем лишил бы его возможности объявлять всем и каждому, что он терпит негодование Вашего Превосходительства за то, что «осмелился беспристрастным быть к фавориту вашему Корнилову» (а это, как я догадываюсь, теперешняя его уловка). В том, что я не интриган, кажется, мне нечего оправдываться. Вашему Превосходительству это должно быть известно лучше, чем кому. Если бы я вздумал делать вред адмиралу Ч., то, конечно, первое, за что бы я взялся, это за случаи, в коих мог говорить Вам об нем, а делал ли я это? Рассказывал ли я Вам об нем иначе, как когда меня спрашивали! Но что об этом глупо-злом человеке! Жаль

только, что случай бросил его в наше общество и тем к вашим многосложным хлопотам прибавил разбирательство этой грязной истории…»

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«16 декабря 1843 г., Севастополь.

…Не могу не кончить письма к Вашему Превосходительству без просьбы: 1) нельзя ли поговорить интенданту об отоплении новой казармы! Мы в начале ещё осени подали об этом, и до сих пор никакого решения, а между тем казарму не топим, и верхний этаж так сыро, что кивера и амуниция плеснеют! В большие холода Нахимов и я покупали даже дрова и топили на счёт экипажной экономии. Надеюсь на будущие блага, т. е. на разрешение топить от казны, а этого решения и до сих пор не воспоследовало! 2) Позвольте просить, как милости собственно мне, назначить Дергачёва на какую-нибудь шхуну. Тендер «Нырок» его совершенно расстроил. Он человек больной, а «Нырок», как я слышал ещё от Комаровского, до того течёт при волнении, что в каютах бывает вода! Этот бедняк Дергачёв, полагая навлечь на себя неудовольствие начальства, боится отказаться от предстоящей «Нырку» зимней кампании в Сухуме, хотя и болен и ревматизмом, и застарелыми ломотами и, Бог знает, чем. Он, как я слышал от офицеров, ходит как полусумасшедший, тем более что мать и сестра живут на его содержании. Если нельзя его перевести на шхуну, то, по крайней мере, оставить этот тендер от зимней кампании, заменив его «Лёгким», командир которого Фролов, как я слышал, просился.

Сию минуту приехал курьер из Николаева с письмом Вашего Высокопревосходительства от 14 декабря и привёз весьма неутешительные вести и о Вас и о Николаеве. Дай Бог, чтобы всё это кончилось так, как Вы и все Вам истинно преданные желают. Насчёт леченья ваннами и декохтом, признаюсь Вам, страшно подумать. О последнем лечении я слыхал, как о лечении, требующем комнату, в которой никогда бы не было менее 23˚ тепла и самое спокойное состояние духа.

Можете ли надеяться иметь последнее, занимаясь делами? А проживая в Николаеве, Вы, конечно, не решитесь запереть себя от Ваших кровопийц на 6 недель.

Простите меня, а я всё-таки такого мнения, что прежде чем решиться на такой курс, не бесполезно бы было списаться Вам самим с Арндтом. Если он человек с душой и желает добра России и хотя бы Государю, то он примет это к сердцу и, конечно, всё продумает, чтобы восстановить Ваше здоровье. Скажу Вам откровенно, если покойный дядюшка был бы жив, то, несмотря на запрещение Ваше не болтать о болезни Вашей, я бы написал к нему и попросил бы его съездить к Арндту, а теперь это мог бы сделать Алексей Петрович, ведь Алиман писал докторам, не говоря от Вас ни слова, — это много значит! Высказав Вашему Высокопревосходительству всё, что было у меня на душе, я прошу Вас извинить мою откровенность, — она ведь следствие участия. Конечно, я мало, или лучше, ничего не смыслю в медицине, но всё-таки лечение Вас посредством расслабления организма мне крайне не нравится…»

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«11 января 1844 г., Севастополь.

…Насчёт отопления казарм никаких перемен. На днях только мы с Нахимовым получили назначение в комиссию о учинении испытания потребности каменного угля как для отапливания казарм, так и для варения пищи и печения хлеба. К казармам не знаем как и приступиться с этим испытанием, ибо они до такой степени запущены, что топить иначе нельзя, как не затворяя труб, а это какое же испытание! В верхнем этаже особенно сыро. Стены совершенно мокрые, а окна — ни одно не подымается. По-моему, самая действительная тут мера — отпустить дров по николаевскому положению на остающиеся зимние месяцы, а испытывать уже в будущем году при начале зимы. Если будут отпущены дрова, то можно будет жечь их не закрывая труб и таким образом поддерживать здание. В противном случае, говорят, будто летом придётся отбивать штукатурку.

В бытность мою в Николаеве я просил Вас выписывать ещё экземпляр «United Service Journal» и «Nautical magazine» для экипажа Нахимова. Чтоб Ваше Высокопревосходительство не забыли это, то я беспокою Вас в другой раз. Распространение такого рода чтения

так для наших молодцов-офицеров полезно…

О случае с фрегатом «Браилов» Вам, конечно, пишет подробно Александр Павлович, — по-моему, только надо благодарить Бога, что счастливо кончилось. Разбитие фрегата в виду порта в умеренную погоду было бы неприятное для Вашего Высокопревосходительства происшествие. Все говорят, и я того же мнения, что если бы пароход «Бессарабия» подал помощь часом прежде, то фрегат был бы цел и невредим, ибо он стал на якорь в 11–м часу и до 2 стоял на совершенной свободе, имея воды 15 дюймов, ветер был NW умеренный…

Окончу письмо благодарностью моею за корону на Анну, внимание Ваше для меня всегда было дороже внимания самого царя, ибо мне известно, на чём оно основано…»

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«21 февраля 1844 г., Севастополь.

…Насчёт топления казарм и кухонь мы с Нахимовым хлопочем сколько можем и весьма понимаем важность этого дела. Но что же мы можем сделать с инженерами, к несчастью, тут, можно сказать, всё зависит. Духовые печи в казармах пробовал сам Кузьмин с самого начала испытаний, и всё-таки ничего не вышло. Он ссылается на уголь и решительно отвергает возможность топить «антрацитом» без примеси обыкновенного каменного угля и дров; на кухне у Нахимова, где котлы, он переделал одну печь своими средствами по указанию печников артиллерийского ведомства (где Павловский), и дело пошло весьма хорошо; печей для печения хлеба не испытывали, ибо переделка их не по нашим силам, да и без указаний трудно решиться на такую работу, а указания взять негде. Г.Мейнард с самого вашего отъезда едва ли удостоил раз казарму нашу посещением. Кузьмин бывает, да только на всё отвечает, что от него ничего не зависит. До сих пор не кончены перила к сходным трапам. Недавно только закрыли мины люками, и то после того, что у меня человек чуть не ушибся до смерти, причём я подал рапорт. По записке, утверждённой Вашим Высокопревосходительством, кроме столов и цейхаузов, ничего не сделали, — да если бы Вы посмотрели, что за работа в цейхаузах и какие столы. Но мне жутко всё это исчислять, зная, как Ваше

Высокопревосходительство всё горячо принимаете!..

Жаль только, что о долге ни слуху, ни духу. Неужели общество черноморских морских офицеров не заслужило от Государя такой ничтожной суммы…

Больно только одно, что, Ваше Высокопревосходительство, так надолго откладывается Ваше посещение, неужели до мая! А г. Релицкий, которого мы угощали как благодетеля, обещал нам Вас в марте. По словам Релицкого, болезнь Ваша должна скоро уничтожиться. Неужели он хвастун? С нетерпением ожидаю известий об этом из важных важнейшем для нас предмете. Благодарю покорно за деньги и обещанную кампанию, утешаюсь мыслью, что поход этот, как бы кратковременным он ни случился, не проведу без пользы службы, то есть кораблю моему…»

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«29 февраля 1844 г., Севастополь.

…Сюда дошли слухи, что есть назначение судов в Архипелаг и в Константинополь. Позвольте напомнить о докладной записке моей, поданной в прошлом году по окончании кампании, в которой я просил о назначении за границу из моего экипажа лейтенанта Волоцкого и мичмана Болговского. Если шхуна «Забияка» будет в числе, то я бы просил лейтенанта Волоцкого поместить не на шхуну, ибо на шхуне этой старшим офицером лейтенант Змеев, также очень хороший офицер, моложе Волоцкого, и, следовательно, ему будет сие обидно, тем более, что в продолжение трёх лет Манганари не мог нахвалиться Змеевым. Я надеюсь, что Ваше Высокопревосходительство не откажете мне в этой просьбе, — это единственный случай для меня вознаградить труды моих офицеров по кораблю и экипажу, за которые я сам получил награду…

Сегодня принесли мне приказ увеличить команду парохода «Бессарабия» ещё одною артелью, между тем как и другие две, составляющие команду парохода, назначены из корабельной команды, т. е. из корабельных 6 $^{1}/_{2}$ рот. Конечно, если б роты были комплектованы, то по мирному времени ослабление команды 100 человек корабля на $^{3}/_{4}$ роты было бы не так важно, но в теперешнем состоянии экипажа, при 113 человеках (113 человек и $^{3}/_{4}$ роты, т. е. 90 человек, составит 203

человека!), недостающих до комплекта, оно весьма будет чувствительно и особенно для боевого расписания, и поэтому позвольте просить воспретить трогать хотя первые 6 рот моего экипажа, ибо и в таком случае, как мне известно по прошлогоднему опыту, при боевом расписании придётся ограничить себя только расписанием у одних орудий и то за исключением адмиральской и капитанской кают, лазарета и кают-компании.

С душевной преданностью честь имею оставаться
В.Корнилов».

* * *

В Севастополе имелась небольшая библиотека, основанная ещё в 1822 году, но ветхость и теснота помещения, в котором она размещалась, и ограниченность книжного фонда не отвечали представлению М.П.Лазарева об учреждении, цель которого, по его словам, состоит в том, чтобы «отвратить господствующую между многими молодыми офицерами праздность… и служить источником полезных для молодых людей знаний». Сам Лазарев не мыслил своего существования без книг, посвящал чтению почти каждую свободную минуту, обладая прекрасно подобранным собранием изданий по русской и всемирной истории, военно-морской истории, философии, географии, военной и военно-морской технике и другим отраслям знаний на русском и иностранных языках.

К тому времени Лазарев решил принять решительные меры по улучшению работы библиотеки. Он добился от Главного морского штаба выделения необходимых денежных средств на постройку нового здания, но их оказалось недостаточно. Тогда Михаил Петрович обратился к офицерам Черноморского флота, предложив им принять участие в постройке библиотеки, на что черноморцы с радостью и воодушевлением откликнулись и собрали недостающую сумму.

В.А.Корнилов, в чьём становлении как Личности и профессионала лазаревские книги сыграли выдающуюся роль, будучи сам высокообразованным, просвещённым, прогрессивно мыслящим человеком, глубоко интересовавшимся почти всеми видами искусства и знакомым со многими выдающимися деятелями того времени, — не мог, как и его учитель, не принимать близко к сердцу прозябание очага культуры Черноморского флота. С горечью и раздражением он пишет

М.П.Лазареву о том, что «каталог пополнен романами и именно такими книгами, которые читают женщины мещанского воспитания, беспорядок дошёл донельзя, журналы за этот год не выписаны».

Но Корнилов не был бы Корниловым, не умей он постоянно переплавлять своё недовольство и горечь в плодотворную деятельность созидания…

Он обдумывает и советуется с М.П.Лазаревым по своему проекту учреждения новой должности — секретаря-казначея, которого надлежит выбрать из числа членов комитета директоров библиотеки. По мнению Владимира Алексеевича, на попечительстве секретаря-казначея должны состоять хозяйственная часть, закупка книг, журналов, газет; денежные сбережения и расходы библиотеки, а также на него возлагается вся ответственность за организацию работы библиотеки. В обязанность же комитета директоров, ежегодно избирающегося среди офицеров Черноморского флота, вменить контроль за работой секретаря-казначея и проверку имущества и денежных расходов библиотеки.

> «…Если Ваше Превосходительство благоволит мою мысль, то я предложу её официально и буду интриговать попасть в секретари-казначеи…»

24 октября 1842 года в его письме о том же: «Скоро выборы директоров, и я интригую попасть в число избранных. Тогда надеюсь уговорить сочленов своих выбрать меня секретарём-казначеем комиссии… и поставить это заведение на ногу, достойную его высокого назначения…»

И вскоре уже торопит Лазарева принять это неотложное решение:

> «…Ради Бога, Ваше Превосходительство, прикажите скорей выслать ответ, я надеюсь дать этому заведению вид приличный, который бы не выставлял каждому приезжему, каждому иностранцу в таком невыгодном свете образование морских офицеров».

В феврале 1843 года доклад Корнилова был препровождён Лазаревым в комитет директоров библиотеки на обсуждение и исполнение, а в марте Владимир Алексеевич входит в комитет и избирается секретарём-казначеем. Идея Корнилова воплотилась и имела самое решительное влияние на судьбу Севастопольской морской библиотеки.

Корнилов начинает с ревизии всего библиотечного

имущества; в нескончаемых бумажных баталиях с бюрократами добывает новые стеллажи, оборудование; составляет новые каталоги; исключает из фонда книги «недостойные стоять в библиотеке образованного общества»; особое внимание и время уделяет приобретению новых книг. «Для нашей библиотеки, — пишет он М.П.Лазареву, — ничто так не нужно, как сочинения, относящиеся до географии и истории, и в особенности морские. Этого рода книги охотно читаются молодёжью и более чем какие другие содействуют к приобретению практического познания человека и развитию благородных побуждений: действовать и не быть пешкой на белом свете, а эти побуждения чуть ли не самые необходимые основы для образования хороших капитанов и адмиралов, составляющие, по-моему, главную цель заведения…»

Владимира Алексеевича беспокоило отсутствие в библиотечном фонде учебников и книг по военно-морскому делу: он составляет список литературы, необходимой для пополнения военного отдела, и посылает его Лазареву. Выписка книг производилась через книготорговцев Одессы, Москвы, Варшавы и Санкт-Петербурга. А начало английскому отделу положено было капитан-лейтенантом Истоминым. Именно ему Корнилов поручал отбирать лучшие английские издания, когда Истомин ездил в Англию для наблюдений и испытаний строящегося там корабля. При отборе книг Корнилов руководствовался библиотечными журналами на иностранных языках и пользовался услугами учёного-астронома Кнорре, в течение многих лет выписывавшего для библиотеки книги на французском и немецком языках; регулярно просматривал Корнилов и критические отделы «Морского сборника», учитывая при этом все пожелания офицеров — читателей библиотеки.

В.А.Корнилов разрабатывает Устав Севастопольской Морской библиотеки, оказавший впоследствии большое влияние на организацию работы военных библиотек Кронштадта, Измаила и Архангельска. Устав этот регламентировал всю деятельность библиотеки: выдачу литературы и учёт книжного фонда; выписку и приобретение книг и журналов; библиотечные сбережения и расходы. По Уставу, доход библиотеки составляли взносы читателей «по 1 % из получаемого жалованья». Все читатели, независимо от должности и звания, должны были лично являться для получения книг. Устав был принят и подписан Главным командиром Черноморского флота и портов генерал-адъютантом адмиралом М.П.Лазаревым.

А между тем строительство нового здания для библиотеки подходило к завершению. Все хлопоты по оборудованию здания и подготовке фондов к переезду легли на плечи Корнилова. В

одном из выпусков «Морского сборника» за 1843 год опубликован отчёт секретаря-казначея В.А.Корнилова, из которого видно, с каким воодушевлением он справляется со всей этой непростой работой: «Деньги, принятые на баланс библиотеки, 12 224 р. 45 коп. серебром, большей частью израсходованы. Часть их употреблена на окончание нового здания библиотеки, на них сделано: кафельные печи во всех этажах, двойные рамы с филёнками и полуторными бемскими стёклами, железная решётка и поручни из красного дерева, с прекрасным прибором, выписанным из Англии…»

21 марта 1844 года комитет директоров Морской библиотеки вынес единогласное решение: секретарю-казначею В.А.Корнилову принять здание новой библиотеки от архитектора Уптона.

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

> «11 января 1844 года, Севастополь.
>
> …Открытие же библиотеки в полном блеске и при оном уничтожении долга в 50 тыс. руб. расположит всё иначе…
>
> О моделях нам нечего думать. Николаевское адмиралтейство, конечно, не откажет довершить ими всё, что сделано для библиотеки. Если бы Севастопольское, соревнуясь с Николаевским, подарило нам модель пароходной машины! Как это было бы полезно и какое у нас для этого прекрасное место!
>
> По случаю этого Устава у нас было шумное заседание. Спор возник насчёт равенства членов. Зная, как это равенство дорого для молодого поколения, и желая всеми средствами приохотить его к чтению, я стоял за равенство. Из прилагаемого, Ваше Высокопревосходительство, увидите моё мнение».

Несколько позже Корнилов напишет в письме Лазареву: «Старая библиотека переменила свою гробовую физиономию — всегда почти полна офицеров». И действительно, библиотека начинает приобретать всё большее общественное значение, обещает стать вскоре духовным, интеллектуальным центром для черноморцев…

17 декабря 1844 года, в 16 часов, в библиотеке вспыхнул пожар и здание сгорело дотла. «К счастью, большая часть великолепных шкафов и книг необходимым усердием офицеров была спасена или, лучше сказать, выхвачена из огня», — описывал это трагическое событие «Морской Сборник».

Только в сентябре 1845 года Корнилов напишет Лазареву: «…

52 тыс. серебром весьма достаточно, если только будут действовать осмотрительно. Если Ваше Высокопревосходительство спросите об этом комитет, то я подам своё мнение, на каком основании я полагаю произвести возрождение или восстановление этого Палладиума Севастополя».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

> «14 марта 1846 года, Севастополь.
>
> Пожар этот меня поразил прямо в сердце, до сих пор не могу поверить ему. Я смотрю на него как на примерное общественное бедствие не только для Севастополя, но и для всего Черноморского флота, ибо удача такого заведения обещала важные нравственные выгоды… Для возобновления библиотеки надлежит составить комиссию, которая бы как можно была согласнее в своих действиях и вместе с тем заключала бы в себе членов, понимающих архитектурное дело, и для того я бы назначил в неё двух директоров, именно Нахимова и Корнилова, оба они, пользуясь доверием Вашим, могут вести с Вами переписку, что так необходимо для успеха этого дела! Потом двух членов — не директоров из постоянных жителей Севастополя, именно: капитана 1-го ранга Ключникова и капитан-лейтенанта Аркаса. Первый может быть казначеем, второй, по влиянию своему в порту, может быть полезен впоследствии и, наконец, из пятого члена, Н.Н.Уптона, с которым я виделся и который на предложенных мною условиях соглашается с удовольствием. Более пяти не надо! Трудно собирать. Может быть, Вы найдёте, что Нахимова неловко назначить теперь по случаю отсутствия его, но ведь он к осени будет, а теперь мы и без него обойдёмся. Я бы потому его желал, что он самый охотливый помощник всяким Вашим начинаниям…»

Комиссия, под неукоснительным контролем Михаила Петровича Лазарева, приступила к постройке нового здания, которое было закончено в 1850 году. «Библиотеку построили на самом высоком месте городского холма с отметкой 40,5 метра над уровнем моря. На плоской крыше трёхэтажного здания высотой около 13 метров была оборудована наблюдательная площадка, откуда открывался прекрасный вид на рейд и взморье. Стены выложили из тщательно отделанного инкерманского

камня. Среднюю часть здания украшал портик, поддерживаемый колоннами. В нём располагались шесть статуй из белого каррарского мрамора. В нишах первого этажа были установлены статуи Архимеда и Ксенофонта… у парадного входа — два больших сфинкса. Продуманной и удобной для посетителей была внутренняя планировка здания. В нём находилось хранилище на 30 тысяч книг, читальные залы и комнаты отдыха. К моменту открытия библиотеки в 1849 году она насчитывала более 12 тысяч книг на многих языках мира. Строительство здания обошлось в 60 тысяч рублей серебром. Библиотека имела систему воздушного отопления. Специальная печь для подогрева воздуха была установлена в подвале…» До наших дней сохранилась вентиляционная башня отопительной системы, так называемая Башня Ветров. «…Эта изящная восьмигранная постройка, украшенная рельефами, — единственное, что осталось от библиотечного здания, воздвигнутого с такой заботой и разрушенного в первую Севастопольскую оборону».

Но пока библиотека завоёвывает привязанность своих читателей. Книги в постоянном движении: что лучше может характеризовать успешность библиотечной работы. Показательно, одна из ревизий устанавливает, что почти все книги литературного отдела находятся в изношенном состоянии — это обнаруживает повышенный к ним спрос, прежде всего к отечественной словесности. Акт ревизии констатирует: сочинения лучших русских писателей надо иметь не менее чем в пяти экземплярах, даже это число едва удовлетворит требования читателей.

«Морской Сборник» писал: «Сообщить ли полученную новость, увидеться ли с товарищем — путь всегда лежал к библиотеке. Каждый офицер считал непременною и приятнейшею обязанностью принести библиотеке частную лепту. Отправляясь за границу, одно из первых их помышлений было привезти для библиотеки или редкую книгу, или монету, или минерал. Таким образом составилась нумизматическая коллекция и минералогическая, пополняемая и до сего времени добровольными приношениями». В отчётах о работе библиотеки мы находим упоминания о коллекциях бабочек, кораллов, о редкой японской вазе и индийском луке со стрелами, принесёнными в дар. От И.К.Айвазовского были получены две картины — «Нахимов» и «Корнилов в бою», а затем и третья — «Вход в Синопскую бухту эскадры Нахимова». От адмирала Скрыдлова поступил дар — части набора корабля «Евстафий», поднятые со дна Чесменской бухты. (Напомним, «Евстафий» — флагманский корабль адмирала Г.А.Спиридова, погибший при

Чесме.) И вплоть до курьёзов, таких, как рука и нога египетской мумии или кусок мрамора, из коего строится мечеть в Каире, — тоже чьё-то приношение. От тех времён сберегласъ традиция, и до недавних пор черноморцы приносили библиотеке плоды своих умений и талантов» [61].

Современники считали, что именно Севастопольская Морская библиотека, для воссоздания которой было положено столько усилий, любви и высоких устремлений её устроителей, «совершила немало для формирования научного и нравственного уровня тех героев, которые с честным сознанием своего долга безропотно отстаивали севастопольские бастионы…».

Глава шестая

Когда мне выпадает счастье возвращаться хоть ненадолго в Севастополь, я долго стою на Приморском бульваре и смотрю на памятник затопленным кораблям. Меня наполняет щемящая грусть — и не только в память грозных событий осени 1854 года, когда черноморцы были вынуждены пойти на эту почти невыносимую для каждого моряка меру — затопить свои корабли. Для меня этот памятник ещё и олицетворение безвозвратно ушедшей эпохи парусного флота.

Как тесно свиты судьбы этих кораблей и трёх адмиралов-героев севастопольской обороны: погибли корабли, погибли вскоре и адмиралы. Никому из них, ни Корнилову, ни Истомину, ни Нахимову не пришлось больше после затопления ни разу выйти в море и отдать привычные им команды, чтобы на синем просторе их корабли вдохнули могучей грудью парусов морской переменчивый ветер.

Для моряка корабль — живое существо. На дно Севастопольской бухты опустились тела тех кораблей, которые ценой своей жизни преградили путь англо-французской армаде, но их души до сих пор обретаются на морских просторах гордыми силуэтами с неспущенными парусами.

Черноморские адмиралы стали последним поколением, прославившим парус. Но глядя на памятник, я вспоминаю человека, не моряка, для которого это священное для всех черноморцев место было так же священно, как и могила их четырёх адмиралов во Владимирском соборе — Лазарева, Корнилова, Истомина и Нахимова, с которыми связывала этого человека искренняя и долгая дружба.

Этот человек прожил долгую жизнь. «Он родился ещё до того, как Беллинсгаузен и Лазарев [62] на шлюпках «Восток» и «Мирный» отправились к неведомой Антарктиде, и умер в год, когда вступили в строй броненосцы. Флот жил в нём — своими вымпелами, марселями, что, по российскому закону морскому, спускаемы быть не могут. Похоже, громы Чесмы, Наварина, Синопа вели его путями искусства» [63].

Его звали Иван Константинович Айвазовский.

…Вот картина Айвазовского — «Смотр кораблей Черноморского флота в 1849 году» [64].

> «Неспроста старые морские уставы превыше всего ставили построение «в линию» — в бою ли, в походе, а ослушных к тому адмиралов карали судом. Полнятся

ветром широкогрудые паруса, торжественен кильватерный строй. Как неудержимо надвигаются эти паруса, представленные художником, и какое высокое они являют зрелище!..

…Ещё целиком сердце моряка отдано командам, зовущим на реи, на салинги. Их и называли — марсофлоты, приверженцев грота и марселя, гудящего на ветру. Айвазовский как раз написал свою картину на том этапе истории русского флота, когда владычествовали в сознании моряка могучие парусные линкоры, когда, казалось, нет ничего прекрасней кораблей, помнящих времена Чесмы, Наварина, Синопа» [65].

Ещё одна его картина — «Черноморский флот в Феодосии».

…«По своим пропорциям, изяществу рангоута, мощному рисунку парусов «Двенадцать Апостолов» был красивейший корабль. Его любил писать Айвазовский — с распущенными парусами, как в кильватерной линии на парадном смотре. С такими парусами вошла в Феодосийскую бухту эскадра из шести военных судов, когда Айвазовский отмечал свой юбилей. К тому времени он был живописцем Главного морского штаба, слава его ширилась, художник становился знаменитым, и Севастополь направил своих посланцев к нему на праздник — во главе с линейным кораблём «Двенадцать Апостолов» и его командиром Владимиром Алексеевичем Корниловым. Гремели орудия — в честь юбиляра.

…Много лет спустя, уже на склоне дней, Айвазовский вновь написал корабль своей молодости — «Двенадцать Апостолов». По памяти, каким он был, когда Корнилов привёл его в Феодосию и встал на рейде, в виду всего города. Корабль далёкой молодости — под летящими парусами, на синей волне» [66]. Это явно было воспоминание о тех, кого художник знал и любил — аллегорическая дань памяти Корнилова.

А позже, за семь лет до смерти, Иван Константинович напишет ещё одну, пронзительную, как сама бередящая память о прошлом, картину — «Малахов курган»: пустынный холм, кое-где поросший травой там, где когда-то стояли пушки; крест, выложенный из ядер на месте ранения Владимира Алексеевича Корнилова; с трудом поднявшиеся на курган и застывшие в скорбном молчании два старика-матроса. Один с ногой — деревяшкой, грудь — в медалях, обнажённая склонённая голова в сединах; другой — на коленях припавший и целующий этот памятный им обоим крест. А позади — раскинувшийся Севастополь, пересечённый бухтой. И ни одного паруса — только

чёрный дым пароходов.

Реквием парусу.

* * *

«Век девятнадцатый, железный», а вернее, вторая его половина, явил миру своё новое детище — паровые суда с железным корпусом. Немногим морякам тогда было по силам расстаться с романтическим пленом традиций парусного флота.

Михаил Петрович Лазарев сумел преодолеть этот барьер своего поколения и стал одним из первых флотоводцев, который понимал огромные преимущества парового флота перед парусным и знал, что за ними будущее. Впервые этот вопрос Лазарев поднял перед начальником Главного морского штаба в октябре 1837 года, когда в рапорте на его имя просил разрешить построить железный пароход вместо деревянного, на закладку которого князь Меншиков дал согласие, и в 1838 году первый железный военный пароход, вооружённый двумя пушками, вступил в состав Черноморского флота.

Живо интересуясь всеми новшествами в развитии паровых судов, самолично глубоко вникая в это новое дело и постоянно вызывая к себе проектировщиков и строителей кораблей, чтобы вместе с ними обсудить все вопросы, которые волновали его как руководителя Черноморского флота, Лазарев в 1846 году указывал, что «желательно бы было иметь хотя один сильный пароход со всеми последними усовершенствованиями Архимедова винта». И он опять добился своего, получив разрешение от Главного морского штаба на строительство такого корабля; он даже сам принял участие в технической подготовке для постройки в Николаеве первого отечественного 131-пушечного линейного винтового корабля «Босфор». Однако заложен он был лишь после смерти Михаила Петровича, уже в 1852 году, а на воду спущен после Крымской войны — в 1858 году…

Для строительства паровых кораблей с железным корпусом необходима была достаточно развитая судостроительная промышленность, но в России с её феодально-крепостническим уровнем производства осуществить эти планы было невозможно; и поэтому, занимая передовые позиции в строительстве парусного флота, она стала ощутимо отставать от сильнейших тогда государств с капиталистическим способом производства — в основном Англии и Франции, где во второй четверти XIX века процесс перехода от парусного флота к паровому был довольно

интенсивным.

М.П.Лазарев, понимая всё это, хотя и был противником передачи заказов на постройку паровых кораблей иностранным фирмам, всё же вынужден был согласиться на строительство пароходофрегатов для Черноморского флота в Англии.

В 1842 году на английских верфях по заказу России были заложены пароходофрегаты «Херсонес», «Бессарабия», «Крым», «Громоносец» и «Одесса». Затем были заказаны ещё четыре парохода — «Владимир», «Эльборус», «Еникале» и «Тамань». Для наблюдения за постройкой пароходофрегата «Владимир» Михаил Петрович в 1846 году направляет капитана 1-го ранга Владимира Алексеевича Корнилова как наиболее подготовленного в этом деле офицера. Корнилов, который, по словам Лазарева, только ещё по прибытии на Черноморский флот серьёзно «принялся за пароходство», как никто другой понимал и разделял со своим учителем убеждение, что развитие пароходного дела в России — это первостепенная, жизненно важная для военной мощи отечества цель, и много часов уделял изучению дисциплин и литературы для скорейшего освоения этого нового для себя явления. В рапорте князю А.С.Меншикову Лазарев написал: «Он (Корнилов. — *С.К.*) исполнит это поручение добросовестно и с полным пониманием дела» [67].

…Из письма М.П.Лазарева В.А.Корнилову:

> «14 августа 1846 г.
>
> Государю Императору благоугодно было Высочайше разрешить выписать из Англии для Черноморского флота пароходофрегат в 400 сил со всеми новейшими усовершенствованиями как в механизме, так и в корпусе, вооружении и снабжении и для заказа этого парохода, равно наблюдения за постройкой оного, командировать Вас в Англию с производством Вам на время Вашего там пребывания жалованья по заграничному положению и по полутора фунтов стерлингов в сутки в виде столовых, а сверх того единовременно на путевые издержки вообще 400 фунтов стерлингов из операционной суммы. Кроме этого поручения, на Вас возлагается также собрать в Англии самые подробные и обстоятельные сведения о нововведениях в тамошних адмиралтействах и на военных судах, в особенности о способе построения и крепления железных судов.
>
> Для исполнения таковой Высочайшей воли я поручаю Вашему Высокоблагородию отправиться через

С.-Петербург и Кронштадт в Лондон и по прибытии туда вручить чрезвычайному и полномочному послу нашему тайному советнику барону Бруннову и управляющему генеральным нашим там консульством господину Кремеру прилагаемые при сём мои к ним отношения, которыми я прошу зависящего от них содействия в выполнении данных Вам поручений. К этому неизлишним считаю присовокупить, что от Вас зависеть будет при заказе парохода избрание строителей и заводчиков из известных там по своему искусству и заведениям людей, пользующихся общим доверием, о чём Вы и обязываетесь собрать на месте надлежащие сведения; письменные же с теми лицами обязательства должны быть, при посредстве Вашем, заключены со стороны Российского генерального консульства, как равно и самое удовлетворение по оным денежными платежами.

Прежде заказа парохода Вы должны по избрании оному на месте в Англии чертежа представить его на моё утверждение с подробным изложением прочих условий, относящихся до заказа корпуса судна, машин, вооружения, парусности и снабжения, а также до какой цифры будет простираться выпрашиваемая за это сумма.

Вам предоставляется посетить по испрошении через посольство наше в Лондоне дозволения английского правительства всё достойное любопытства не только в Лондоне и Портсмуте, но и в других английских портах для представления мне в своё время Ваших по этим предметам замечаний.

На проезд Ваш отсель до Кронштадта прогонные деньги по положению и подорожную Вы получите от штаба Черноморского флота и портов; в число Высочайше назначенной на путевые издержки суммы будут выданы Вам здесь от Черноморского интендантства 250 фунтов стерлингов, а жалование по заграничному положению и столовые по полутора фунтов стерлингов в сутки во время пребывания Вашего в Англии будут производимы Вам от генерального нашего там консульства, от коего также получите при отбытии обратно в Россию остальную на путевые издержки сумму в 150 фунтов стерлингов, о чём и сделаны уже от меня надлежащие распоряжения.

Я совершенно уверен, что возлагаемое на Вас поручение Вы исполните с тем успехом, какого ожидаю

от Вашего образования, любознательности и известного мне усердия Вашего на пользу службы.

Генерал-адъютант адмирал Лазарев».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«6 (18) февраля 1847 г.

В исполнение предписания Вашего Высокопревосходительства от 14/26 августа прошлого 1846 г. № 18 246 я в октябре месяце прибыл в Англию и немедленно приступил к обозрению всего, что относится до пароходства в этом государстве, дабы, собрав доступные мне сведения, с большою уверенностью действовать при порученном мне заказе пароходофрегата для Черноморского флота. Обозрение это долженствовало заключаться, во-первых, в осмотре тех адмиралтейств правительства, в которых наиболее занимаются постройкою и вообще сооружением пароходов, именно: Вулича, Депфорта, Ширнесса и Портсмута; во-вторых, в осмотре замечательных пароходов в готовом состоянии на рейдах и, в-третьих, в осмотре частных верфей и механических заведений, пользующихся большою известностью. Из последних я посетил следующие верфи: на Темзе братьев Флетчеров, Винграма, Дигборна и Мера, Ферберна, Курлинга и Питчера; потом в местечке Cowes на острове Вайте — верфи гг. Байтов; в Ливерпуле — верфи Лерда и Томаса Вернона; в Гриноке — верфи Р.Стиля и Джона Скота; в порте Гласгове — верфь Д.Вуда и, наконец, в Гласгове — верфь Р.Непира; равно как и следующие механические мастерские: в Лондоне — Медзлея и Фильда, братьев Ренни, Пенна, Миллера и Ревиншля и Сиварда; в Ливерпуле — Бюра и Куртиса, Фоссета и Форсетера; в Манчестере — Ферберна, в Гриноке — Керда и Скота и Синклера и в Гласгове — знаменитого Р.Непира.

Окончив обозрение всех вышеупомянутых предметов к первым числам декабря, надлежало заняться составлением спесификации, по которой обыкновенно делается вызов. Необходимость составить спесификацию эту сколь возможно подробнее, дабы впоследствии избежать сверхсметных работ, всегда сопряжённых с лишними расходами, была причиною, что я прежде исхода декабря не мог разослать приглашений к разным строителям и инженерам, на что они и подали свои

отзывы, кроме г. Байта, отказавшегося от строения по множеству имеемых у него на руках работ; при этих отзывах строители, за исключением Питчера, предъявили чертежи предполагаемого парохода, так как это требовалось вызовом.

Рассмотрев чертежи и сообразив виденное мною на верфях тех, к которым обращался я с приглашением, я, признавая из них только двух — Байта и Дигборна — за сведущих и искусных корабельных мастеров и получив отказ от первого, решился отдать строение парохода второму, несмотря, что цена его выше цен некоторых других, ибо имел в виду, кроме вышеупомянутой причины, следующее:

a) Дигборн составил прекрасный чертёж, который имею честь представить Вашему Высокопревосходительству на утверждение, между тем как другие, хотя и предъявили также чертежи, но это были копии с чертежей известных пароходов, подходящих к размеру нашего, и к тому копии, избранные наудачу.

b) Дигборн, быв сам сочинителем чертежа судна, будет строить его с большим вниманием, ибо будет надеяться постройкой этой приобрести себе славу, тогда как от строителя, строящего по данному ему чертежу, нельзя ожидать ни такого рода усердия, ни такой заботы, а это, конечно, составляет весьма важное условие успеха.

c) Дигборн считается здесь одним из первоклассных мастеров для железных судов, а по инструкции Вашего Высокопревосходительства и находящийся при мне корпуса корабельных инженеров прапорщик Александров должен заняться подробным изучением этого предмета.

d) Известно, что дешёвая цена выставляется иногда или от незнания, или от желания перебить заказ у другого, надеясь потом выполнить его как-нибудь. Я полагаю, что последнее соображение было причиною уступки некоторых из строителей против цен Дигборна, ибо цены его невысоки, именно 24 фунта стерлингов 10 шиллингов тонна, в английском же адмиралтействе по справке, доставленной мне секретарём сюрвеира сэра Вильяма Саймондса, тонна кузова с внутренней отделкой обходится от 25 до 30 фунтов стерлингов при спесификациях менее полных и не требующих такой роскошной столярной работы, какая положена в нашей.

Относительно машин, не полагая себя достаточно сведущим, чтобы решить вопрос, не решённый в Англии, ибо до сих пор правительство не отдаёт преимущества ни одному заведению, я решился отдать работу тому из инженеров, кто потребует меньшую цену, и так как гг. Ренни предъявили цены значительно меньшие против своих конкурентов Медзлея и Миллера, то заказ и остался за ними.

Цена гг. Ренни: машина с железным котлом без запасу и инструментов 18 800 фунтов стерлингов; с медным же котлом 23 500 фунтов стерлингов; запас и инструменты — 1600 фунтов стерлингов. Прилагаемая спесификация B пояснит подробности.

Гг. Ренни предлагают поставить машину с качающимися цилиндрами, ибо этого рода машины начинают входить в большое употребление. Мастера Миллер и Пени других не делают. Я согласился на этот механизм и для лучшего пояснения причин, понудивших меня к этому, прилагаю письменные мнения о системе качающихся цилиндров гг. Ренни и Миллера…

Выгоды трёхмачтового вооружения для большого военного парохода, которому придётся иногда держаться при флоте под одними парусами, заставили меня взойти в подробное рассмотрение этого вопроса. На пароходе «Медея» оставлены три мачты, и это нисколько не мешает действию её кормового орудия. На случай, что Ваше Высокопревосходительство одобрите мою мысль вооружить заказываемый пароходофрегат тремя мачтами, прилагаю чертёж вооружения и парусов, составленный Дигборном. Кажется, тут ничто не мешает пароходу быть боевым судном! [68]

По совещании с гг. Ренни и Дигборном мы решились установить котлы, подобно как это сделано на «Blackeagle», два впереди машины и два позади её, только топками от машины и с двумя отдельными трубами [69]. Выгоды такого расположения: a) гораздо легче уравнять тяжесть машины и через то приблизиться к всегда желаемому помещению центра вращения колёс на вертикальной линии, проходящей через центр тяжести судна; b) отдельное действие котлов в случае повреждения одного из них и c) средство дать трубе меньшие размеры. Что же касается до невыгоды для машиниста, лишающегося через это возможности прямо из каюты наблюдать за машиной, то на это не должно

смотреть.

Гг. Ренни полагают поставить котлы топками от машины для того, чтобы её легче было содержать в чистоте. Они в таком случае намерены отделать машинное место самым щегольским образом. Мне кажется, что это хорошо и для машиниста, которому будет сделан прекрасный проход под котлом из его каюты, и выгодно для размещения мачт и парусов!

Представляя Вашему Высокопревосходительству отчёт о заказе парохода и чертежи на утверждение, имею честь донести, что спесификации как судна, так и машины, мною подписанные, я передал в наше здесь генеральное консульство для заключения по ним контрактов с гг. Дигборном и Мером и с гг. Ренни. По заключении контрактов строители и инженеры приступят к заготовлению материалов; для закладки же судна будем ожидать утверждённого чертежа и наставлений от Вашего Высокопревосходительства.

При сём имею честь доложить, что г. Дигборн, кроме постройки судна по спесификации, обязался подпиской: 1) без всякой платы снабжать прапорщика Александрова теми сведениями по построению железных судов, какие потребуются, и допускать его к наблюдению и снятию чертежей при этого рода работах на верфи его, Дигборна, и 2) сделать для парохода по одному образцовому станку, числом три, т. е. один для 8–дюймовой бомб — пушки в 113 cwt на корму, один для 8–дюймовой бомб — пушки в 65 cwt на борт, и один станок для барказной медной гаубицы, и при станках этих отпустить по одной штуке принадлежностей, сделанных с образцов, имеемых в Вулическом арсенале; г. же Ренни в случае, если кондуктор Васильев будет оставлен в Англии, занять его практическим изготовлением машины.

Капитан 1-го ранга Корнилов».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«15 (27) декабря 1847 г.

Поручение строить пароход, коим я теперь занимаюсь белее года, поставило меня в положение удостовериться собственным опытом, сколь недостаточны познания, требующиеся от командира парусного судна для дельного пароходного командира.

Находясь при строении и потом командовав в продолжение службы моей почти всякого рода судами, начиная с тендера и до 120-пушечного корабля, я должен сознаться, что приступил к строению парохода «Владимир» как к делу, совершенно для меня новому. Полагая, что все наши пароходные командиры, подобно мне, переходя к этой новой службе с парусных судов, встречаются более или менее с подобными же затруднениями, я приемлю смелость для пользы будущего парохода «Владимир» просить Ваше Высокопревосходительство назначить заранее командира на оный и вместе с тем исходатайствовать ему посылку в Англию, дабы он, наблюдая сам за окончанием работ на пароходе и в особенности за сборкою и первыми пробами машины и потом возвратясь в Россию на «Владимире», мог заблаговременно ознакомиться с качествами судна и с особенностями механизма машины. Причём офицеру этому представится прекрасный случай осмотреть многие из английских военных пароходов и на переходе в Россию с английскою командою заметить манеру англичан действовать машиною.

Такая посылка будущего командира парохода «Владимир», по моему мнению, обещает большую пользу не только для самого парохода, но и для службы вообще, доставив ей пароходного офицера с более развитым практическим взглядом на эту часть. Приобретение весьма важное, ибо таких офицеров покуда у нас очень мало, между тем как нужда в них более и более предвидится.

Английское правительство имеет для образования пароходных командиров род школы в Вуличе. Флотские капитаны, желающие командовать пароходами, должны прежде состоять приписанными к этому адмиралтейству и изучать в нём пароходную часть, посещая механические заведения и присутствуя при пробах машин как на новых судах, так и на исправленных старых. Французское правительство имеет такое же правило для назначаемых командовать пароходами.

Представляя о командире для парохода «Владимир», позвольте обратить внимание Вашего Высокопревосходительства и на пользу отправления в Англию новых механических кондукторов вместо тех, которые уже возвратились в Россию. Имея большие здесь заказы, легко их пристроить к лучшим заводчикам.

Нельзя не сознаться, что при размножении пароходов в России русские механики столько же необходимы, сколько и самые пароходы. Стоит только подумать о возможности разрыва с Англиею, и тогда придётся нам наш пароходный флот за недостатком механиков ввести в гавань и разоружить.

Капитан 1-го ранга Корнилов».

Резолюция адмирала М.П.Лазарева: «Признавая представление это для пароходной службы вообще весьма полезным, представить начальнику Главного морского штаба об отправлении на этот предмет капитан-лейтенанта Аркаса, равно и об отправлении по кораблестроительной части прапорщика корабельных инженеров Нестора Коршикова и 3 кондукторов или унтер-офицеров, более способных для изучения пароходной механики, вместо возвратившихся и приобретших в бытность свою там весьма полезные для службы в части этой сведения».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«15 (27) декабря 1847 г.

Желая вполне воспользоваться пребыванием моим за границею и приобресть сколько можно более сведений о нынешнем состоянии флотов других государств, я приемлю смелость просить Ваше Высокопревосходительство исходатайствовать мне дозволение и средства к осмотру портов Франции.

Если Ваше Высокопревосходительство признаете такой осмотр полезным для службы, то я бы просил, чтобы время для него было определено в апреле месяце, ибо к этому месяцу я надеюсь довести постройки, здесь под моим надзором производящиеся, до положения, в коем они могут быть продолжаемы на некоторое время с одинаковым успехом и в моё отсутствие.

Такое поручение я сочту себе в особенную милость, только при этом нахожусь в необходимости доложить, что путешествие по портам Франции не может быть мною предпринято без ассигнования на оное особой суммы, ибо нынешнее содержание моё едва становится на проживание в Лондоне. Сумма на путешествие это, полагаю, может простираться до 300 фунтов стерлингов, если притом будет оставлено мне нынешнее моё содержание.

Капитан 1-го ранга Корнилов».

…Из письма М.П.Лазарева В.А.Корнилову:

«30 января (11 февраля) 1848 г.

Вследствие ходатайства моего о дозволении Вам в более свободное время от возложенных на Вас поручений в Англии обозреть известнейшие порты Франции, как то: Шербург, Брест, Рошфор и Тулон, и сделать на месте по возможности все замечания, какие могут представиться полезными для кораблестроения, и вообще верфи или флота, с назначением Вам на проезд туда и обратно в Англию двух тысяч рублей серебром из экономического капитала черноморского интендантства, г. начальник Главного морского штаба Его Императорского Величества от 13/25 сего генваря № 7691 уведомил меня, что Государь Император таковое ходатайство моё Высочайше утвердить соизволил и что об исходатайствовании через посольство наше в Париже дозволения Вам осмотреть королевские верфи в указанных французских портах Его Светлость отнёсся к г. государственному канцлеру.

Предложив г. обер-интенданту Черноморского флота и портов о переводе ныне же означенных двух тысяч рублей серебром в Лондон на имя генерального нашего там консула для выдачи Вам этой суммы английскою монетой, я уведомляю Вас об этом для должного в своё время по сему со стороны Вашей исполнения, возлагая на обязанность Вашу при обозрении французских портов и судов обратить особенное Ваше внимание как на те заведения и устройство французских верфей, которые заключают в себе какие-либо замечательные нововведения, полезные и для наших адмиралтейств, так и на содержание, снабжение, вооружение артиллериею, образ устройства употребляемых для оной станков и оснастку военных судов всех рангов и родов, не исключая и пароходов, а также управление ими по всем частям, для чего полезно было бы собрать по возможности подробные сведения об их штатах, положениях, правилах артиллерийского учения, боевом расписании и системе, принятой в устройстве сигналов, телеграфов, громоотводов и прочего, а наконец, и на самое производство кораблестроительных работ в тех частностях, какие наиболее найдёте достойными замечания.

Главный командир генерал-адъютант адмирал Лазарев».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«11 (23) марта 1848 г., Лондон.

…Пароходофрегат «Владимир» 10/22 марта в 3 часа пополудни благополучно спущен на воду и введён в один из доков, принадлежащих Ост-индской компании.

Углубление парохода по отнятии полозьев, без балласту: в корме 8 фут 7 дюймов, в носу 7 фут 2 дюйма, диферент 1 фут 2 дюйма; воды в трюме не имеется: перелому замечено 5/8 дюйма.

О чём имею честь донести Вашему Высокопревосходительству.

Капитан 1-го ранга Корнилов».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«9 (21) июня 1848 г.

…Ход работ на пароходофрегате «Владимир» даёт надежду, что он будет изготовлен, если не совершенно к сроку (1 августа), то вскоре после оного; между тем как пароходы «Эльборус» и «Тамань» должны быть окончены, как это значится в контрактах на построение их, к 20 августа. Имея повеление прибыть в Россию на пароходофрегате «Владимир» и, следовательно, если надежды мои насчёт окончания последнего сбудутся, оставляя Англию до окончания пароходов «Эльборус» и «Тамань», я полагал бы весьма полезным разрешить мне для присмотра за окончательной отделкой пароходов «Эльборус» и «Тамань» оставить здесь корпуса корабельных инженеров прапорщика Александрова и инженер-кондуктора Васильева с тем, чтобы они возвратились в Россию на пароходе «Тамань». Такое распоряжение тем более важно, что, во-первых, пароход «Тамань», строясь известным по своему искусству в Англии строителем железных судов Дигборном и получая машину г. Пенна, также считающегося теперь одним из первоклассных инженеров в Англии, обещает весьма интересные пробы и, во-вторых, что эти офицеры примут землечерпательное судно с машиною и некоторые запоздалые машины и вещи, заказанные здесь

для железной мастерской в Николаеве, которые заводчики Несмит и Гаскаль не надеются изготовить к отправлению парохода «Владимир» и потому должны отправиться на пароходе «Тамань», ибо на «Эльборус» я полагаю положить части землечерпательного судна и машины.

Донося об этом Вашему Высокопревосходительству, имею честь ожидать повеления, изволите ли Вы одобрить или нет представляемое.

Капитан 1-го ранга Корнилов».

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«19 сентября (1 октября) 1848 г.

…Окончив поручение, на меня возложенное повелением Вашего Высокопревосходительства от 14 августа 1846 г. № 18 246, я сего числа на пароходофрегате» Владимир» из города Лондона снялся.

Пароход через погружение разных тяжестей, принадлежащих казне, команде и пассажирам, угля более 250 тонн, и по налитии воды в котлы углубился кормою — 14,3 фут, носом — 14,3 фут, диферент — 0.

Для окончания не оконченных мною поручений, состоящих в отправлении в Россию пароходов «Эльборус», «Тамань» и «Сулин» и образцовых портовых железных гребных судов, я согласно предписанию Вашего Высокопревосходительства от 8/20 июля сего 1848 г. № 75 972 оставил в Англии корпуса корабельных инженеров прапорщика Александрова и кондуктора Васильева, которым и предписал возвратиться в Россию на пароходе «Тамань».

Перед отправлением пароходофрегат «Владимир» был испробован, причём машина действовала в продолжение 14 часов и оказала самый удачный результат, а самое судно было испытано в ходу и управлении рулём и оказало также самые удовлетворительные качества. Ход по мерным морским милям для пробы пароходов, поставленным на береге Темзы, был 11 морских миль в час; управление рулём — превосходно. Донося об отбытии «Владимира», имею честь присовокупить, что вследствие приказания г. начальника Главного морского штаба пароход этот по взятии угля в Плимуте зайдёт в Лиссабон для отвоза туда нашего чрезвычайного посланника при

португальском дворе действительного статского советника Ломоносова, а из Лиссабона уже будет следовать путём, означенным контрактом, заключённым между консульством и английским шкипером Вингом, — именно через Мальту, Константинополь в Одессу, где о последующем надеюсь получить приказание Вашего Высокопревосходительства. Счёты и опись вещам парохода «Владимир», равно как ведомость о грузе и пассажирах, отправившихся на пароходе этом, г. генеральный консул пишет Вам по почте.

Капитан 1-го ранга Корнилов».

…В своих «Материалах для истории обороны Севастополя и для биографии В.А.Корнилова» А. П. Жандр отметил: «Наблюдая в течение двух лет за постройкою и вооружением пароходов, Корнилов предавался с юношескою пылкостию изучению новейших усовершенствований механики и всего, относящегося до морской администрации, и возвратился в Чёрное море… с запасом разнородных сведений…»

17 (29) октября 1848 года пароходофрегат «Владимир» прибыл на Одесский рейд, зайдя по пути в Лиссабон, Ла-Валетгу, пройдя благополучно Босфор и Дарданеллы.

…В рапорте А.С.Меншикову от 11 ноября Михаил Петрович писал: «Труды, поднятые капитаном 1-го ранга Корниловым для пользы службы во время пребывания его в Англии, особенно при последних в Западной Европе политических переворотах, имевших важное с невыгодной стороны влияние на все там предприятия, обязывают меня свидетельствовать об этом перед Вашей Светлостью, прося покорнейше предстательства Вашего перед Его Императорским Величеством о Всемилостивейшем пожаловании капитана 1-го ранга Корнилова в контр-адмиралы с оставлением его в Черноморском флоте для исполнения особенных моих поручений и с правом присутствовать в свободное от оных время в общем присутствии Черноморского интендантства для пользы службы, в каковой я совершенно убеждён по лично известному мне просвещённому понятию г. Корнилова вообще по морской части и примерным его правилам».

Глава седьмая

Осенью 1848 года в Николаеве и Севастополе произошли перемены во флотских «верхах»: подал рапорт об увольнении командир Севастопольского порта вице-адмирал Авинов [70]. На эту должность перевели начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Хрущёва [71]. Для М.П.Лазарева, последовательно, в течение двенадцати лет, продвигавшего Владимира Алексеевича Корнилова, выбор нового начальника штаба был очевиден: он хотел видеть на этом посту своего любимого ученика.

…Из письма М.П.Лазарева князю А.С.Меншикову:

> «11 ноября 1848 г., Николаев.
>
> Не знаю, как Ваша Светлость примете представление моё о Корнилове, но могу уверить Вас, что не что другое, как твёрдое убеждение в достоинствах этого офицера, было причиною, что я решился на оное. *Контр-адмиралов у нас много, но легко ли избрать такого, который соединил бы в себе и познания морского дела и просвещение настоящего времени, которому без опасения можно было бы в критических обстоятельствах доверить и честь флага и честь нации? В Корнилове достоинства эти выражались и прежде, а теперь после приобретённых им познаний в последнее пребывание его в Англии они ещё больше усовершенствовались…»*

Но «высочайшее согласие» на это назначение последовало с большой задержкой. В апреле 1849 года Корнилову разрешили «исправлять должность» начальника штаба, и лишь после представления Лазарева Меншикову об утверждении Корнилова в этой должности от 12 июня 1850 года, почти через полтора месяца очередной рапорт был подписан так: «Начальник штаба контр-адмирал Корнилов».

И как это всегда бывает, тут же подняла свою змеиную голову Зависть и не сводила уже злобного прищура с нашего героя до самых последних дней его жизни. 43–летнему контр-адмиралу, начальнику штаба Владимиру Алексеевичу Корнилову, прослужившему беспорочно 25 лет на командных постах, проведшему в непрерывных плаваниях 212 месяцев (свыше 17 лет), вменялось в вину то, что он *честолюбив.*

Но честолюбие бывает разного сорта. От того, с какими другими врождёнными качествами человека оно вступает в

соединение, и происходят производимые этим сортом честолюбия действия. И вопреки расхожему мнению, «честолюбие» — обличительный ярлык отнюдь не в устах законченных неудачников, а, напротив, аргумент умных, подлых, изворотливых, подчас преуспевающих — но непременно завистливых людей. Они, как могут, открещиваются от присущего им самим честолюбия, принимая личину бессребреников, «святой простоты» и честности. В этом случае честолюбие, сливаясь с этой их завистью, производит месть человеку, которого они хотят уничтожить. Другой сорт честолюбцев — это тщеславные пустозвоны с невероятными амбициями, которых можно найти везде, где ведётся речь о духовности, постулатах нравственности и религиозности; здесь честолюбие накладывается на их тщательно скрываемую мелкотравчатость, мещанство, фарисейство, трусость, лицемерие и выдаёт их с головой. И, разумеется, были, есть и будут ещё «кабинетные генералы», всеми правдами и неправдами добывающие себе высокий пост в ещё молодых летах, чьё честолюбие непомерно воинственно на полях… ковровых сражений с себе подобными, объединяясь с интриганством, наушничеством, елейными заискиваниями, приспособленчеством, ведёт атаку на место вышестоящего начальника, на которое они тайно зарятся, при этом низко кланяясь и сладко улыбаясь в его приёмной.

Честолюбие Корнилова совсем иного рода: оно — одновременно и двигатель и некое подобие «охранной грамоты» таланта. Как написано в одной книге, «честолюбие таких людей — залог процветания отечества, потому что оно деятельно и по сути своей всегда направлено на общее благо. Это не то желание признания и власти, которое идёт от сознания собственного превосходства и для которого все пути к славе хороши».

Разница настолько очевидна, что даже самые недоброжелатели, обличая Корнилова, путались в собственной терминологии и доводах, сами того не желая, обнажая правду:

> «…Подготовленный таким образом по всем отраслям морского дела и, можно сказать, сам шедший во главе всех нововведений и усовершенствований, Корнилов… был поставлен в ещё более близкие отношения к М.П.Лазареву: он стал ближайшим помощником главного командира и после него первым лицом во флоте. Самолюбивый, жаждущий почёта и известности, Корнилов достиг своих желаний и, с жаром человека ещё сравнительно молодого, принялся за новую, широкую деятельность. Летучие эскадры, действовавшие под

начальством Корнилова в 1848 и 1849 годах, показали в нём способности адмирала, а распоряжения по управлению флотом определили его знания, опытность и административные способности. Словом сказать, Корнилов поставлен был на некоторое время в положение человека, которому не оставалось желать ничего более.

Прошло два года. Владимир Алексеевич успел побывать в Петербурге, быть представленным и имел продолжительную аудиенцию у Государя Императора. В течение этого времени он сумел заслужить репутацию деятельного и весьма полезного помощника главного командира, ощущавшего уже тяжесть лет и нуждавшегося в отдыхе. Удручённый годами и припадками смертельной болезни, адмирал Лазарев чувствовал уже бремя многосложных административных занятий и понемногу передавал их в распоряжение Корнилова. Последний, сделавшись незаметно главным распорядителем флота, ревниво оберегал своё положение, стараясь сохранить его за собой. Смерть Михаила Петровича поставила Корнилова в лихорадочное состояние. Привыкнувший до некоторой степени к самовластию, он опасался быть ограниченным в этом при назначении нового командира. С другой стороны, с кончиной Лазарева и до назначения ему преемника, Корнилов как начальник штаба был поставлен в совершенно новое положение. Он стал лицом ответственным перед Государем и Россией. Скоро сомнения и опасения Корнилова рассеялись назначением главным командиром Черноморского флота престарелого адмирала Берха. При содействии князя Меншикова… Корнилов приобрёл при новом командире ещё более власти и значения…

Действительно отличаясь сам неутомимою деятельностью, Корнилов умел внушить своим подчинённым любовь к делу, усердие к службе и доверие друг к другу. Проникнутый чувством высокой любви к Отечеству, он вселял то же чувство и в своих подчинённых. Осчастливленный вниманием монарха, Корнилов предавался занятиям с полным увлечением, доводил их до конца, но не любил встречать преград и ловко расчищал себе путь, устраняя всё то, что могло воспрепятствовать ему стать во главе Черноморского флота.

Как начальник штаба он сосредоточивал в своих руках почти всё высшее управление флотом и, по кончине М.П.Лазарева, можно сказать, управлял им самостоятельно и почти независимо. Черноморцы знали, что в Николаеве живёт их Главный командир, но видели, что все распоряжения исходили от его начальника штаба. Князь Меншиков тоже покровительствовал Корнилову и дозволял ему, прикрываясь своим именем, распоряжаться Черноморским флотом почти самовластно. Надо сказать при этом, что Корнилов с большим искусством распутывал те нити, которые могли привести его в Николаев, на степень главного командира, так что если бы преждевременная смерть не свела его в могилу, то нет сомнения, что он достиг бы своих заветных желаний. Человек самолюбивый и самоуверенный, Корнилов шёл смело вперёд, не останавливаясь ни перед какими препятствиями; решительный и храбрый, он, в минуту опасности, становился ещё деятельнее и казался спокойнее обыкновенного.

В присутствии Корнилова унынию не было места; он всегда умел ободрить подчинённых и выделить им уверенность в самих себе, в свою силу и могущество. Хорошо зная всё, что касалось до морской службы и до управления флотом, Корнилов приобрёл среди моряков такую доверенность, что… в минуту опасности они, руководимые своим начальником штаба, заслужили бессмертную славу в истории русского народа».

Этот пассаж приведён здесь для того, чтобы по обозначенным в нём вехам подробно рассказать о событиях и опровергнуть последовательно те наветы, которые повесил на Корнилова автор вышеуказанных откровений.

А.П.Жандр пишет, что по возвращении из Англии «Корнилов чувствовал в себе много сил и способностей, он горел нетерпением приложить к делу свои обширные сведения, и потому был очень недоволен производством в контрадмиралы… Для его кипучей натуры обязанность, не налагавшая прямой ответственности, казалась бездействием; и несмотря на ласки, которыми осыпал его Михаил Петрович Лазарев, эта второстепенная роль (назначение по особым поручениям при Главном командире и с правом голоса в общем присутствии Черноморского интендантства. — *С.К.*) была для Корнилова до того невыносимою, что он стал помышлять об отставке. Скоро

горизонт его расширился: назначенный исправлять должность начальника штаба Черноморского флота и портов, он смело вступил в эту обязанность 23 апреля 1842 года.

С того же дня Владимир Алексеевич начал осмотры подведомственных ему учреждений, госпиталя, казарм нижних чинов, учебных и адмиралтейских заведений в Николаеве; всё виденное он записывал подробно в свою памятную книжку, отмечая внизу каждой страницы, на что должно обратить особенное внимание для усовершенствования каждой части. 5 мая он представил Главному командиру проекты: о порядке назначения судов в кампанию и на суда офицеров, об инспекторских смотрах отрядам, возвращавшимся из крейсерства у восточного берега Чёрного моря и т. п. Все эти проекты утверждены Михаилом Петровичем, который отправился со своим новым начальником штаба 17 мая в Одессу, Севастополь, Новороссийск и в двухдневное практическое плавание с флотом. Памятная книжка Корнилова свидетельствует, что госпитали, училища, казармы всех команд, блокшифы, острог, магазины, склады, мастерские, сухарный завод, водопроводы, доки, работы, административные учреждения, мелкие суда на рейде, корабли в гавани, — всё осмотрено им в Севастополе, и осмотрено внимательно».

Если автор статьи под выражением «ему не оставалось желать ничего более» имел в виду эту деятельность Корнилова, успевшего всё перечисленное сделать за три недели со дня своего назначения, то безусловно он прав — человек оказался на своём месте. «Черноморские офицеры, — продолжаем читать у Жандра, — давно уже видели в Корнилове будущего начальника штаба и ожидали этого назначения, но несмотря на то все были поражены необыкновенной способностью к управлению, которую он выказал при этом в новом, ярком свете. Все, кого он опередил, и даже бывшие его начальники увидели ясно, что имеют дело не с новичком, знакомящимся с должностью, а с опытным начальником, которому известны все подробности дела. Я хорошо помню, как восхищался тогда Павел Степанович Нахимов умением Корнилова оживить приветливым словом энергию благородного труженика. В то время у нас было много даровитых офицеров, тянувших лямку из одной только страстной любви к морскому делу, которую адмирал Лазарев вселял в черноморцев, но не имевших никаких надежд в будущем, потому что их не мог заметить сам Михаил Петрович, начинавший чувствовать в последние годы жизни бремя многосложных административных занятий и одолеваемый мало-помалу подступами своей страшной предсмертной болезни. Отрадно было видеть, с каким вниманием

принялся Владимир Алексеевич отыскивать этих офицеров, как старался он поддержать во флоте дух рвения и любви к делу: правильными назначениями за границу и к Абхазским берегам, поощрением отличившихся ревностью к службе и справедливым выбором в командиры, почти исключительно из старших офицеров кораблей, которых он отличал особенно, говоря, что считает их выше командиров мелких судов и что нет просьбы, в которой бы он отказал старшему офицеру.

Весьма естественно, что такое направление нового начальника штаба приобрело ему ещё большее доверие благородного Михаила Петровича, и Корнилов, деятельность которого всегда усиливалась, когда он видел, что ему оказывают более доверия, трудился необыкновенно, почти не зная отдыха; ежедневно четыре и даже пять часов времени около полдня он занимался в Штабе текущими делами, а ранним утром и вечером, иногда до глубокой ночи, пересматривал прежние планы и предложения Михаила Петровича или выслушивал доклады офицеров, имевших разные поручения. Направляя деятельность многих, он занимался в одно и то же время самыми различными предметами, и всегда находил время переговорить обстоятельно с каждым сотрудником, указывая только главные черты и предоставляя полную свободу обрабатывать частности. Таким образом он возбуждал желание трудиться во многих деятелях и приносил службе пользу несравненно большую той, какую может приносить человек, одарённый всевозможными способностями, если он трудится день и ночь, обдумывая сам каждую частность».

…В феврале 1850 года в жизни Владимира Алексеевича произошло знаменательное событие — встреча с императором Николаем I. Лазарев командировал его в столицу для утверждения некоторых проектов Черноморского управления у начальника Главного морского штаба князя А.С.Меншикова; тогда же и состоялась эта аудиенция у царя. Об этих и других событиях Корнилов писал жене, Елизавете Васильевне:

> «Вот тебе несколько строк, краткость их ты извинишь, когда прочтёшь, что я здесь делаю. Вот неделя от дня прибытия, и, кажется, ни одного дня не проходило, чтоб я не наряжался с утра в футляр. Сию минуту от представления Государю, которому угодно было вторично принять меня в кабинете. Признаюсь, я вышел от него очарованным. До Государя был у графа Орлова, а после надо было отдавать визит князю Меншикову, вчера утро — также в представлениях. Государь было назначил вчера, но ему что-то помешало

меня принять, и я только даром съездил. Вчера тоже я представился молодым Великим Князьям, но лучше напишу тебе кратким журналом:

15 февраля. В 10 часов вечера приехал и остановился у Беклешова, где пристал брат.

16 — Являлся к князю Меншикову, обедал у тётушки и провёл у неё вечер.

17 — Ездил представляться к Великому Князю Константину Николаевичу, но не застал. Делал визиты Перовскому, Рикорду и другим адмиралам. Обедал у В.Сергеевского. Вечер — у Т.Фёдорова.

18 — Представлялся Великому Князю. Был у князя Меншикова, обедал в Английском клубе. Вечер — с братом у Беклешова. Переехал к Лутковскому.

19 — Представлялся Наследнику в кабинете его и Государю у развода. Обедал с братом у Норова, вечер дома, чтобы уснуть, потому что всё это время не удалось выспаться. При представлении Государю был милостиво принят. Царь расспрашивал о доках.

20 — Ездил с визитами и в Министерство внутренних дел. Обедал с Лутковским и отправился в Кронштадт на смотр по приглашению Великого Князя.

21 — В Кронштадте — при Великом Князе, который делал ученье, развод, смотр и прочее.

22 — В Кронштадте осматривал всё, вечером возвратился и был в Географическом обществе, а после, то есть в двенадцатом часу, у князя Меншикова.

23 — Ездил в Аничковский дворец вторично представляться Государю, но не был принят. Представлялся Великим Князьям Николаю и Михаилу. Обедал у графа Толстого с братом. Вечером заезжал к тётушке и был на маскараде в Дворянском собрании.

24 — Представлялся Государю и теперь дома, еду с визитами и обедать к Пущину. Здоровье покуда служит. На первой неделе хочется выехать домой…

Скажи Михаилу Петровичу, что аудиенции с Государем кончились самым счастливым образом и Его Императорское Величество много расспрашивал об адмирале лично и о делах. Как только удосужусь, то не замедлю дать отчёт. Прощай, мой дружок.

Весь твой В.Корнилов».

А вот как прошла эта встреча, описанная самим Корниловым

в его памятной книжке, которой воспользовался А.П.Жандр для своих «Материалов».

«24. Достопамятный день в жизни. Был приглашён к Государю в кабинет, и в первый раз разговаривал с Его Величеством на распашку.

При входе Государь поздоровался и начал так:

Ну рассказывай, что у вас.

За тем последовал вопрос о доках. Государь объяснил, что цель предложенной им машины для накачивания воды была мера вспомогательная; но вовсе не с тем, чтобы снабжение доков Чоргунскою водою отложить в сторону. Желал знать правда ли, что камень, которым обложены доки, уничтожается от солёной воды, — на что я отвечал, что это замечено на Екатерининской пристани, которая, впрочем, постоянно подвержена влиянию моря.

Вопрос: Что ж с ними делается, выветривается?

Ответ: Выветривается и образуются ямины.

В. Адмирал желает возобновления бассейна. Надеется ли он, что укрепят его достаточно. Князь полагает, что глубоки рытвины.

О. Надо надеяться, что укрепят, имея в виду предшествовавшее. Тот способ был действительно слаб.

В. Какой же способ теперь хотят употребить?

О. Кажется, усиленные контр-форсы; но направление плотины остаётся прежнее. Князь полагает, что протянуть её под углом будет надёжнее. Уменьшится самый напор воды, сделавшись косвенным.

Государь заметил, что он сам не великий гидравлик, чтобы судить об этом, и перешёл к погоде, стоявшей при открытии доков и вводе транспорта.

В. Что ж, очень было холодно 16° с ветром?

О. Это было один день, но другие было и легче. Операция продолжалась несколько дней. Адмирал Лазарев сам присутствовал во всё время.

В. Старик не простудился?

О. Нет, я его оставил здоровым.

В. А водолазу трудно было спускаться в воду, и что там случилось?

О. Нет, он был в колоколе. На пороге ворот нашли несколько камней, которые когда отняли — то ворота и притворились. Осмотр заранее был невозможен: ворота эти под водой, и покуда не будет сделан Bateau-porte, то

с ними нельзя ничего делать. Впрочем, Bateau-porte имеется в виду и есть на него сумма.

В. Так есть и сумма, ну это хорошо. А вводить при таком холоде было трудно?

О. Когда вводили транспорт, то погода была мягче. Это было в последние дни.

В. А «Варшаву» адмирал считает нестоющею тимборовки?

О. Адмирал, зная желание Вашего Императорского Величества, наряжал несколько комиссий, и оне все нашли, что слишком гнила.

В. Что ж, подводная часть?

О. И подводная и надводная. Кроме того, Черноморское Управление нуждается в блокшифах, по недостатку казарм для нижних чинов.

В. Да, мне это известно, что у вас нет казарм. Но всё-таки надо вводить в доки старые корабли и чинить. Для того я завёл доки. Балтийский флот держится этим; есть корабли, которые выстроены в начале моего царствования.

О. Я передам волю Вашего Императорского Величества адмиралу.

В. А что у вас корабли?

О. Те, которые на лице — в исправности. Есть слабые, старые, но все могут идти в поход.

В. Какие ж постарее?

О. «Силистрия» и «Махмуд». «Силистрия» выслужил 15 лет. Прежде это не слыхано, чтоб корабль, без поддержки, мог служить так долго.

В. Да, это правда. Сколько же у вас стопушечных?

О. Кроме «Варшавы», два: «Три Святителя» и «Двенадцать Апостолов».

В. Они здоровы?

О. Совершенно, и тот и другой. Первый нынче исправлен в надводной части, где требовал.

В. У вас флот в комплекте?

О. Будет, когда выйдут в море новые корабли: «Париж» и «Чесма».

В. А когда будут готовы?

О. К осени.

В. А прежде нельзя? ведь там остаётся не важная работа?

О. Остаётся внутреннее устройство и вооружение.

В. Отчего же так долго?

О. Вооружение не долго; но есть недостаток материалов, которых Черноморский флот ждёт, особенно меди и парусины.

В. Да ведь корабли обшиты?

О. Обшита подводная часть, но часть над водою не обшита.

В. Ты говорил князю Меншикову?

О. Докладывал, и, кроме того, сам поеду на Ижорские заводы.

В. И это уладится. Какая же часть канавы для доков не окончена?

О. Та, которая идёт от водоочистительного бассейна до машины. Канава вырыта, но не обложена. Тут не большое расстояние.

В. Насчёт бассейна в Чоргуне я бы рад, да денег нет в настоящее время, скопилось много расходов важнейших.

О. Адмирал Лазарев очень был опечален отказом сумм на новое адмиралтейство.

В. Что ж делать, я сам люблю всё приводить в порядок и очень хотел бы дать вам, да не из чего. Большие расходы были.

О. Жаль, что мы должны лишиться подрядчика, предлагающего выгодные условия; того самого, который срывал гору и известен уже своею исправностью и толковитостью.

В. На будущий год, может быть, будет, и тогда он же может взять.

О. Будут другие условия; он не возьмёт уже по тем, которые предлагает ныне.

В. Отчего?

О. У него остались и материалы от срытия горы, и инструменты, и рабочие и смотрители, которых он сформировал. Теперь он всё это распускает.

В. А гора совсем срыта и хорошо смотрит?

О. Очень хорошо. Прекрасная площадь, ожидает только адмиралтейства.

В. Ты меня соблазняешь, хотел бы — да не из чего; за что ни возьмёшься, везде требуется монета. А террасы делают?

О. Кончают и будут засаживать деревьями.

В. Хорош ли грунт, будет ли держать?

О. Надеются. Они теперь отлоги.

В. Довольны ли вы вашими пароходами,

выписанными из Англии? Из хорошего ли лесу?

О. Очень. Все они обещают долгую службу, и новые и 1842 г.

В. А механическое заведение, не лучше ли его сделать в Севастополе? Я не в состоянии вам устроить два, а как часто бывает, что в Николаеве запирает навигацию льдом.

О. Адмирал вероятно имел в виду отдаление такого заведения от неприятеля.

В. Да скажи ему, что двух заведений не могу дать ему: впрочем, я ведь во всём покоряюсь адмиралу. Я слышал, что у вас госпиталь плох?

О. Один из старых флигелей совершенно развалился, а о новых не думаем, за недостатком сумм.

В. Где ж вы держите больных?

О. Мы, когда их много, помещаем в казарму; в одну из так называемых Александровских.

В. Это ты говоришь о Севастопольском госпитале, а я разумею Николаевский.

О. Николаевский очень ветх. Он из старых Потёмкинских казарм, и его продувает при холодных ветрах.

В. Что же вы делаете и какое средство этому пособить? На новый денег нет.

О. Надо защитить его новою стеною от севера. Тогда он будет тёпел и сносен.

В. А что, это большое здание, в котором предполагалось поместить Учебный экипаж?

О. Это был дом собрания Флагманов и капитанов. Оно и теперь отделано под тот же предмет, потому что учебный экипаж поместился в одной из новых казарм против адмиралтейства, где ему очень хорошо.

В. Так он в большой казарме. А Штурманская рота?

О. Имеет самое жалкое помещение в старом здании, которое и поддерживать трудно.

В. А это большое артиллерийское?

О. Требуется большая сумма на его возобновление, и потому оно остаётся по-старому, что весьма жалко. Здание капитальное и разрушается от неподдержки его. Прежде в нём случайно квартировали флотские команды; ныне оно так заброшено, что никто не может жить.

В. А всё денег нет; что делать с этим, когда их так много нужно. Но каковы офицеры, довольны ли ими?

О. Очень довольны. Занимаются службой, любят службу; а там много службы. Вообще хороший дух моряков.

В. Это всё так; я знаю, что у вас они служат. Но есть, которые любят погулять, подпить.

О. Когда об этом доходит, то от таких очищают.

В. Да, должно. Офицер дурного поведения бесчестит мундир. Наблюдай за ними строже и не щади дурных. Что служба, как идёт?

О. Стараемся и усердствуем.

Затем Государь простился и отпустил меня, сказав: очень рад, что с тобою познакомился; надеюсь, что у вас всё будет исправно».

…Почему Владимир Алексеевич был очарован — понять нетрудно. Даже на недоброжелателей и врагов при первом знакомстве Николай I производил сильнейшее впечатление. «Он действительно очарователен, и я вижу у него только один недостаток — страсть к военной форме!», «Он дьявольски хорош! Он будет самым красивым мужчиной в Европе» — так заходились от восторга великосветские дамы в пору его бытности цесаревичем. С началом царствования в описаниях Николая появляются другие акценты. «Нет ничего более внушительного, чем он, — писал маршал Мармон. — В его взгляде и поведении есть неописуемая властность. Когда он находится за пределами кабинета… ни у кого, я думаю, и мысли нет оказаться у него на пути. Но при личных встречах он исключительно любезен».

«…Никто лучше как он, — вспоминала фрейлина императорского двора А.Ф.Тютчева, — не был создан для роли самодержца. Он обладал для того и наружностью, и необходимыми нравственными свойствами. Его внушительная и величественная красота, величавая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд, — всё, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера, всё дышало в нём земным божеством, всемогущим повелителем, всё отражало его незыблемое убеждение в своём призвании…

…Император Николай имел дар языков; он говорил не только по-русски, но и по-французски и по-немецки с очень чистым акцентом и изящным произношением; тембр его голоса был также чрезвычайно приятен. Я должна поэтому сознаться, что сердце моё было им пленено, хотя по своим убеждениям я оставалась решительно враждебной ему…»

Но самым главным козырем императора в разговорах со своими подчинёнными (и именно это должно было произвести на

начальника штаба Корнилова сильнейшее впечатление) были поразительная, как многим казалось, осведомлённость и доскональное знание Николаем всех аспектов обсуждаемого вопроса, в данном случае — состояние севастопольских и николаевских доков и особенно производимых там инженерных работ.

Ещё в детских летах великий князь Николай, по мнению его преподавателей, особо отличался прекрасной памятью, а единственный предмет, который он любил, была фортификация. В течение всей жизни он будет считать себя специалистом в этой области и с удовольствием говорить: «Мы, инженеры» [72]. «По приказу императора Александра I он был назначен генерал-инспектором по инженерной части. Взойдя на престол, он не расстался с любимым занятием, ибо полагал, что только он является самым главным и непревзойдённым инженером-созидателем. Назначив, проформы ради, своего брата Михаила Павловича инспектором по инженерной части, фактически все вопросы инженерного строительства император решал сам. Он стремился знать состояние дел на стройках и своевременно реагировать на ход событий. Более того, он лично утверждал проект каждого сооружения и даже незначительные изменения в чертежах. В своём стремлении «объять необъятное» Николай I установил порядок составления ежегодных отчётов о выполнении работ на всех сооружениях в крепостях. В архивных папках хранятся отчётные чертежи, выполненные цветными красками и наглядно отражающие состояние той или иной конструкции. На этих же листах подробно изложены утверждённый перечень работ, фактическое его исполнение и план на следующий год. Вряд ли император мог глубоко вникнуть в эти документы, так как для этого требовалось очень много времени, но на каждом из них имеется собственноручная подпись военного министра или начальника Главного морского штаба о «высочайшем утверждении» такого-то дня, месяца, года, в таком-то месте Российской империи…» [73]

…В 1837 году император посетил Севастополь. Корнилов, недавно вернувшийся из Босфора на бриге «Фемистокл», был очевидцем бурной деятельности царя: производились смотры эскадры, поездки на все укрепления, состоялись беседы с военачальниками, были заслушаны доклады командира Черноморского флота и портов вице-адмирала Лазарева. Николай I был в хорошем расположении духа и быстро принимал решения по многим вопросам строительства крепости. Он приказал заменить земляную вторую батарею на каменное трёхъярусное укрепление; разрешил построить помещение для комендатуры

Севастополя; приказал перенести первый бастион за Ушакову балку, а на возвышении у берега возвести ещё один и т. д. [74]

Однажды, следуя мимо карьера в Инкермане, Николай I решил посмотреть, как производится добыча камня. К его приезду не готовились, и увидев солдат из пятого пехотного полка, занятых на работах, царь выразил большое неудовольствие: толстый серо-белый слой известковой пыли покрывал одежду, лица и волосы солдат, превращая их в странных манекенов [75]. Можно представить, насколько Николай Павлович, лично сортировавший солдат по разным гвардейским полкам в соответствии с ростом, обликом, цветом волос и издававший бесконечные указы об одежде военных, вплоть до вида и количества пуговиц на мундирах, был разгневан таким нелицеприятным зрелищем унижения его подчинённых! «Невозможно представить себе армию более привлекательную внешне», — свидетельствовал в то время один из иностранных дипломатов.

Немедленно последовал приказ о замене солдат в карьере, а для добычи известняка создать несколько «воспитательных» рот из цыган по подобию арестантских [76].

А.Ф.Тютчева писала: «Он искренне считает себя способным видеть всё собственными глазами, слышать всё собственными ушами, устраивать всё в соответствии со своими познаниями». А вот что думал австрийский дипломат Коллоредо: «Тщательность, с которой император вникает в детали, имеет целью продемонстрировать, что он знает всё, может всё и у него на всё есть время». Весь его разговор с Корниловым является ярчайшей иллюстрацией этих мнений и того образа поведения, который характерен для людей такого типа, каким был русский император: лицедейство, поверхностность суждений, нетерпение или нежелание до конца вникнуть в суть вопроса; откровенно показная, подчёркнутая озабоченность для того, чтобы произвести наилучшее впечатление на собеседника; менторская поучительность и отеческая снисходительность, чередующаяся почти всегда неожиданно из-за крайней чувствительности, переходящей в грубую раздражительность; поразительное соседство масштабности (а скорее, попытки таковым казаться) и невероятной узколобости и упёртости в несущественные детали. «У него, — пишет А.Труайя в биографии «Николай I», — есть тайное желание стать равным Петру Великому в его бешеной энергии, решимости, вспышках озарения и стремлении к преобразованиям. Но за экстравагантными поступками его знаменитого предка были видны проблески гениальности. Удастся ли ему в глазах потомков стать царём, который коренным

образом изменил свою страну, или, как он однажды скажет в порыве ложной скромности господину Ля Ферроне, он останется всего лишь «простым бригадным генералом» на троне самой большой европейской державы?» [77]

Неизвестно, думал ли Владимир Алексеевич Корнилов об императоре критически; известно нам то, что он, по его собственному признанию, был *очарован.* Думаю, что ещё он был взволнован и счастлив, что не помешало ему с его складом ума запомнить слово в слово всё, о чём они вели беседу; думаю также, что его честолюбие было в высшей степени удовлетворено явным расположением Николая I, которому, со своей стороны, понравился подтянутый, высокий и красивый контр-адмирал, ревностно относящийся к своей службе, отвечавший со знанием вопроса, с достоинством, мягкой настойчивостью там, где этого требовало дело. Более того, тонкой, почти женской чувствительности Николая Павловича, прикрывавшейся, как щитом, грубой деспотичностью, импонировали такие черты характера в других людях, которые не все рискнули бы проявить пред очами императора, а именно твёрдость убеждений, отстаивание своей точки зрения, честность и искренность.

…Через два года, снова пригласив к себе Корнилова, он скажет ему на прощанье, что «он меня (Корнилова. — *С.К.*) благословляет и что желает, чтобы я ему всегда говорил правду, как до сих пор делал; что можно разниться во мнениях, но он желает всегда знать мнение других». «Это меня тронуло до того, — пишет жене Корнилов, — что я не мог удержаться, чтоб не сказать ему, что буду служить всеми своими способностями и силами».

Такие люди, как Корнилов, редки во все времена, а рыцарственный Николай I, этот «Дон-Кихот самодержавия», как о нём написала в своих мемуарах А.Ф.Тютчева, был проницателен и умел ценить неподдельные порывы. Вероятно, что он сразу понял Корнилова, как до него понял Михаил Петрович Лазарев. Подтверждение этому находим в записках П.В.Алабина [78]: «Государь особенно благоволил к нему. Говорят, накануне смерти Корнилову одним из прибывших из Петербурга лиц были переданы следующие милостивые слова Его Величества: «Скажи Корнилову, что как ни больно и ни тяжко мне свыкаться с мыслью, но я уже стараюсь готовить себя к получению известий о взятии Севастополя и гибели флота. За сим мне остаётся молить Бога сохранить мне Корнилова для постройки нового флота»…»

…Из письма В.А.Корнилова М.П.Лазареву:

«3 марта 1850 г., С.-Петербург.

Спешу отправить Вашему Высокопревосходительству краткий отчёт по поездке моей. На прошлой неделе я был удостоен счастия объяснять Государю о делах черноморских в его кабинете. Его Величество особенно интересовался доками и горою. Хотел знать все подробности налития доков и ввода берегами. Не нравилось только ему, что не ввели «Варшаву» [79]. Он несколько раз повторил, что он выстроил доки для того, чтобы поддерживать старые корабли, и что этим содержится Балтийский флот в комплекте. Однако все эти замечания делались самым милостивым тоном, и даже, когда я ему сказал, что Вы были во всё время открытия доков и ввода транспорта сами в Севастополе, то он спросил с большим участием: «А что, старик не простудился?»

Надо Вам прибавить, что Государь называет себя и всех своих сверстников стариками.

Когда коснулось Чоргунского бассейна [80], то Его Величество пожелал знать, какой план будет новой плотины, на что я отвечать удовлетворительно не мог. При разговоре о горе, мне удалось сказать о Волохове и о выгоде кондиций, им предлагаемых, и разъяснить, почему нельзя ожидать от него таких же, если упустим время. При разговоре и о доках, и о новом адмиралтействе заметно было, что Государь принимает в этих делах самое живое участие, но что на этот год он был стеснён в финансовых средствах. При разговоре о механической мастерской в Николаеве Его Величество изволил заметить, что, по его мнению, гораздо бы выгоднее иметь такое заведение в Севастополе и что он двух иметь не может. Что же касается до покушения неприятеля на Севастополь, то он никого не опасается. О механическом заведении приказал передать Вашему Высокопревосходительству, что хотя и во всём *покоряется* Вам, но что, по его мнению, надо механическое заведение устроить в Севастополе при Новом адмиралтействе, чтобы впоследствии не заводить на зиму пароходы в Николаев, где они замерзают в реке и через то делаются для флота бесполезными несколько месяцев. Государь расспрашивал и о госпиталях, и о казармах, и о штурманской роте. О последней я ему сказал, что предположено переместить в бывшее Артиллерийское училище и что всему мешает

недостаток в деньгах, требующихся на исправление. О Николаевской госпитали ему известно, что она ветха и что надо новую; спрашивал и о кораблях, и командирах, и офицерах, особенно, почему корабли «Париж» и «Чесма» не могут быть готовы прежде осени. Я сослался на трудность доставки разных вещей отсюда и об опаздывании меди и парусины по требованиям нашим. Кажется, Государю весьма желается, чтобы новые корабли поскорее выходили в море. Представлялся я и особенно был обласкан Великим Князем Константином Николаевичем. Он мне сказал, что едет в Чёрное море делать смотр. Теперь я узнал, что это будет в мае, он второго выедет. Как бы хорошо было иметь хоть одну практическую эскадру на рейде или в море, недурно также усилить артиллерийское учение в экипажах. Князь Меншиков меня принимает как нельзя благосклоннее; я имел с ним несколько раз разговор о Чёрном море и доложил всё Вами порученное, между прочим и о расписаниях Путятина, которые он разрешил пустить в ход. Насчёт Измаильского адмиралтейства [81] было в докладе третьего дня и решено строить. Насчёт пороховых погребов в Килен-балке утверждён проект Павловского. Насчёт недостатка пороху велено обратиться к военно-сухопутному ведомству, не может ли уделить из ближайших крепостей. О пароходе «Владимир» ещё не пришла Ваша бумага. Князь поручил написать Вам, что можно прямо заказать, не дожидаясь разрешения, и потому я согласно полномочия, мне на этот счёт Вами данного, пишу Кремеру с первою почтою. Остальные поручения Вашего Высокопревосходительства все в ходу, и я надеюсь привезти удовлетворительные ответы.

В начале мая Великий Князь выезжает к нам, надо готовить ему показывать, что есть. Я после начала этого письма был у князя и говорил о том, что флот не будет в море при посещении Его Высочества, на это князь отвечал, что программа утверждена Государем в присутствии Константина Николаевича.

Был и у министра внутренних дел, который был особенно любезен и выказал и даже старался выказать к Вам большое уважение. Дело о полиции в ходу и, кажется, будет решено.

Посещал графа Нессельроде [82], он много расспрашивал о Вас и потом о Сулинском деле и тяжбе с

Дигборном за «Тамань». Первое теперь у него для соглашения Министерства внутренних дел с Морским и в этом случае Министерство иностранных дел — наш союзник. Возвращение моё не решено. Мне бы очень желалось в конце первой недели выехать в Москву. Князь мне говорил, что, может быть, Государь пожелает мне что-нибудь приказать к Вам. Это письмо отправляю с Краббе. Ваши собственные поручения также выполнены. Деньги все положены, даже московские. Всё это я сделал чрез О. Флита. Тётушка и все родные здоровы. При желании Вашему Высокопревосходительству здоровья остаюсь душевно преданный

В. Корнилов».

Деятельность В.А.Корнилова по возвращении из столицы как нельзя лучше описывает в «Материалах» А. П. Жандр:

«Мы видели, что тотчас по вступлении в должность начальника штаба, Корнилов подал Михаилу Петровичу проект о порядке производства им инспекторских смотров судам отрядов, возвращавшихся из продолжительного плавания. Постоянное крейсерство у восточного берега Чёрного моря и заграничные кампании, конечно, всегда были лучшею морскою школою для Черноморского Флота; просвещённые и деятельные командиры пользовались ими для образования судовых команд, но как крейсеры учились обыкновенно, плавая отдельно один от другого, сменялись на своих дистанциях судами нового отряда, поодиночке возвращались в Севастополь и тотчас входили там в гавань, то им не с кем было соперничать; они не могли поверить свои успехи сравнением с другими судами, соревнования между судовыми командами почти не существовало. Возбудить это соревнование, способствовать развитию морского искусства и усовершенствованию боевой части на Черноморских судах, водворить во всём флоте однообразный военный судовой порядок — вот цель, к которой устремился Корнилов, избрав инспекторские смотры судам средством к достижению сей цели.

По возвращении от восточного берега Чёрного моря, отряд крейсеров собирался на Севастопольском рейде. Приезжал Корнилов и начинал осмотром на всех судах размещения всех судовых принадлежностей,

предстоявших капитальных исправлений, вооружения, артиллерии, расписания команды; потом поднимал гребные суда в ростры, снимался иногда с якоря, смотрел тревогу, перемену парусов во время боя, вызывал абордажные партии, требовал со всего отряда вооружённые гребные суда с десантом и т. п. Такие смотры или, лучше сказать, публичные экзамены судов, электризовали Черноморских моряков, знакомили Корнилова с искусством и способностями командиров, доставляли ему случай видеть познания и распорядительность старшего и подчинённых офицеров, развязность и уменье команды. Заметив найденные недостатки командиру, Владимир Алексеевич записывал свои замечания в памятную книжку, дабы видеть, при следующих смотрах, постепенные успехи каждого судна; заносил способнейших офицеров в список *кандидатов в командиры* и отмечал кто из командиров заслуживает повышения.

Понимая, что привести все суда к одинаковому совершенству в артиллерии и в боевом корабельном порядке можно только при однообразном обучении матросов действию орудиями и при одной системе основных расписаний, Корнилов обращал на смотрах особенное внимание на эти два предмета: скоро на всех судах было принято в руководство артиллерийское учение корабля «Двенадцать Апостолов» со всеми современными усовершенствованиями, и в Николаеве началось издание нумерных таблиц расписаний для судов всех рангов. Михаил Петрович давно желал напечатать подобные таблицы, и мы видели, что составленные первоначально, по его поручению, расписания были испытаны на корабле «Двенадцать Апостолов». В 1850 году, по исходатайствовании разрешения печатать расписания, адмирал Лазарев поручил мне пересмотреть их и переделать по указаням Владимира Алексеевича. Посему составлены были новые таблицы расписаний, в которых сохранена превосходная основная мысль прежних — *назначать людей по способностям…»*

Инспекторские проверки Корнилов начал с осмотра черноморских и азовских портов. В течение года он посетил Севастополь (причём многократно), Одессу, Очаков, Херсон, Галац, Тульчу, Измаил, Ялту, Феодосию, Керчь, Бердянск,

Таганрог, Ейск, Новороссийск, Геленджик, Сухум и другие порты.

Инспекторские смотры дополнялись, как правило, плаваниями отрядов судов под флагом начальника штаба флота. Обычно в состав подобных отрядов включалось до шести фрегатов, бригов и корветов. В море Корнилов лично руководил боевой подготовкой кораблей, производя с ними учения по маневрированию и артиллерийской стрельбе. Состав отрядов менялся с таким расчётом, чтобы пропустить через эти учения как можно больше кораблей. За время пребывания на посту начальника штаба Черноморского флота Корнилов посетил с целью инспекторских смотров, в том числе с выходом в море, более 50 кораблей.

…Из письма В.А.Корнилова брату А.А.Корнилову:

> «16 октября 1850 г., Одесса:
>
> В сотый раз на пути в Севастополь, но это мой отдых. Если б не эти поездки, то я бы захворал от дел правильного течения. Ты не можешь себе представить, любезный друг Александр, до какой степени много поступает бумаг и, по крайней мере, на сто бумаг девяносто девять самого пустого содержания. Чувствуешь, как тупеешь! И что самое печальное: встречаешь зло, видишь, что даже подлежишь за него ответу если не начальству, то совести, и вместе с тем видишь, что бессилен еси, как в постели под гнётом кошмара. Сто раз давал себе слово не тревожиться об участи дел, не стоящих в непосредственной зависимости начальника штаба, и предоставить их правильному течению, но не такова натура, не то старик заповедал нам…»

Только ещё приняв новую для себя должность, Корнилов был поражён обилием бумаг, поступавших в штаб флота из Петербурга и исходивших из его канцелярии. Уже после первых дней службы в штабе Владимир Алексеевич записал в своём дневнике: «От бумаг пошла голова кругом… Трудно выдумать ловчее путаницы нашей отчётности». В 40–х годах через канцелярию штаба Черноморского флота прошло до 70 тысяч «входящих» и «выходящих» номеров, но, как писал М.П.Лазарев, «толку от этого обилия бумаг, равно как и от всей отчётности вообще, было мало» [83].

6 февраля 1850 года начальнику штаба Корнилову пришёл доклад командира 2-го учебного морского экипажа капитана 1-го ранга Я.М.Юхарина, в котором он описывал неблагоприятные

условия учёбы юнкеров в Николаеве:

> «…Юнкера живут на вольных квартирах и должны для ученья приходить по два раза в день в казармы. Принимая в соображение едва проходимую грязь в это время года, столь обыкновенную в Николаеве, и дальнее расположение их жилищ от казарм, молодые люди эти, приходя уже утомлёнными, мало оказывают успеха на ученьях, следить же за теоретическими их занятиями и в особенности за их нравственностью я не имею никакой возможности, а потому полагал бы поместить всех юнкеров на казённом содержании в казармах вверенного мне экипажа или в штурманской роте, по примеру тому, как юнкера Черноморского флота уже помещаются в Кронштадте при первом учебном экипаже, и потому почтительнейше прошу, если Ваше Превосходительство таковое предложение моё изволите найти полезным, не оставьте об оном ходатайством вашим».

Владимир Алексеевич ещё в 1849 году сделал себе «зарубку» в памяти насчёт этой Николаевской штурманской роты, когда, посетив её, отметил, что в ней «нет ни успеха наук, ни гимнастики, столь нужной для развития способностей… По осмотре — экзаменовал желающих в юнкера: очень мало способных, другие из рук вон как слабо приготовлены, а мальчики уже не первой молодости» [84].

Теперь же, прочитав записку неравнодушного капитана Юхарина, Корнилов обратился к Лазареву за помощью, и тот пишет рапорт А.С.Меншикову о необходимости организации в Николаеве школы юнкеров флота:

> «…Находя такое представление г. Юхарина совершенно уважительным, я предоставлял г. исправляющему должность начальника штаба Черноморского флота и портов составить под его председательством комиссию, назначив в оную членами как самого Юхарина, так и равно командира южного округа морской строительной части полковника фон дер Вейде, члена хозяйственного комитета того же округа капитана 1-го ранга Плетенева 2-го и инспектора классов Черноморской штурманской роты чиновника 5–го класса Латышева, и войти в подробнейшее рассмотрение возможности не только помещения юнкеров в одном из казённых зданий, но и доставления им вообще средства к лучшему себя образованию…

…Рассмотрев составленные этою комиссиею положение и штат о содержании и обучении 70 человек юнкеров Черноморского флота в Николаеве и находя их вполне соответствующими цели означенного предположения и даже необходимыми для приобретения флоту офицеров образованных, я имею честь представить всё это на благоусмотрение Вашей Светлости с покорнейшею моей просьбой, если проекты удостоятся одобрения Вашего, то о приведении оных в исполнение не оставьте испросить Высочайшее Его Императорского Величества утверждение и о последующем почтить меня предписанием, причём докладываю, что расход на первоначальное обзаведение юнкерской школы мебелью и другими вещами полагаю возможным отнести на экономический капитал Черноморского интендантства.

Адмирал Лазарев. Начальник штаба контр-адмирал Корнилов».

В дальнейшем попечительство над новым учебным заведением Владимир Алексеевич взял на себя. Он лично разработал положение о школе, подобрал для неё опытных руководителей и воспитателей и участвовал в разработке программы. В положении о школе говорилось, то она имеет своим назначением дать «однообразное образование в науках, необходимых морскому офицеру» [85].

Корнилов постоянно интересовался тем, как идут занятия в морской школе юнкеров, которую он «лелеял, как своё дитя». Он часто присутствовал на занятиях и участвовал в приёме выпускных экзаменов, помогая руководителям школы в создании учебно-лабораторной базы и внедрении наиболее рациональных педагогических методов обучения юнкеров. В одной из докладных записок Владимир Алексеевич писал: «Присутствуя на последнем публичном экзамене… я заметил в воспитанниках недостаток наглядного знакомства с орудиями, станками и вообще всей артиллерийской принадлежностью. Будучи убеждён, что преподаваемый предмет тогда только прочно вкореняется в понятиях и памяти учащихся, когда вместе с книжным объявлением он показывается им на самом деле, я имею честь просить сделать для школы флотских юнкеров модели орудий… Кроме того, отпустить одну бомбу, брандскугель, дальнюю и ближнюю картечь и вообще по одному из всех употребляемых в нашем флоте снарядов».

В.А.Корнилов уделял большое внимание и практической

подготовке юнкеров во время учебной практики на кораблях. Он ежегодно плавал с гардемаринами Морского корпуса и юнкерами Николаевской школы и лично руководил их морской подготовкой; при этом подготовку будущих офицеров ориентировал на их службу как на парусных, так как и на паровых кораблях.

В служебной деятельности Корнилова большое место занимала гидрография, имевшая солидное хозяйство: дело навигационных карт, типографию, обсерваторию, специализированную библиотеку, а также довольно разветвлённую сеть черноморских и азовских маяков. В. А. Корнилов глубоко вникал во все виды гидрографических работ, проводившихся на черноморском театре, в том числе и в научную работу, связанную с исследованием Чёрного моря и его побережья. В 1847–1850 годах на Чёрном море под руководством Корнилова лейтенантами Г.И.Бутаковым и И.А.Шестаковым была проведена на тендерах «Скорый» и «Поспешный» большая работа по изучению течений, глубин, отмелей, фарватеров, акваторий, якорных стоянок, портов, навигационных ориентиров, ветров и других навигационно-гидрографических и метеорологических элементов Черноморского бассейна. Результатом этой работы явилось издание в 1851 году Лоции Чёрного и Азовского морей, которая являлась основным руководящим документом для моряков Черноморского флота вплоть до начала XX века.

Корнилов не только сам любил заниматься научно-исследовательской работой в области военно-морского дела, но и всячески поощрял научную работу командиров кораблей, в том числе и во время плавания. Он считал, что командиры, находясь в море, должны постоянно и внимательно следить за навигационной обстановкой и все сведения фиксировать в специальных журналах, чтобы впоследствии можно было бы употребить их на пользу гидрографии.

Объясняя командирам кораблей необходимость проведения такой научной работы, Корнилов писал: «Во время плавания командир обязывается при всяком случае проверять русские и иностранные карты; найденные погрешности, перемены, новые мели заносить в свой журнал, наполняя его и другими для гидрографии полезными сведениями, как то: наблюдением над склонением компаса, над господствующими ветрами и течениями, об опасности при приближении к разным якорным местам; о снабжении, которое суда или флоты могут получить в разных портах, и другие всегда нужные замечания как о самих портах, так и о жителях в них живущих. Если обстоятельства позволят, то, кроме заметок своих, командиру надлежит поручать

штурманскому офицеру производить описи портов и берегов (с разрешения местных властей) и потом как свой журнал, так и произведённые описи представлять по окончании плавания в Гидрографический департамент».

Корнилов считал, что морские офицеры, независимо от своей специальности, при исполнении обязанностей вахтенного начальника должны уметь определять местоположение корабля в море и вести прокладку на карте. Для этого он требовал, чтобы командиры кораблей обязывали офицеров ежедневно тренироваться в навигационных вычислениях и определении места корабля.

Но особенно высокие требования Владимир Алексеевич предъявлял к подготовке штурманов, считая её главнейшим фактором обеспечения навигационной безопасности плавания. Для того чтобы сами штурманы были заинтересованы повышать свой профессиональный уровень, он полагал, что «весьма было бы полезно ввести английское постановление о вычете с штурманских офицеров за требование лоцмана в своём порту и вознаграждение этих офицеров в случае, если они своими познаниями в чужих лоцмейстерских водах избавят корабль от требования иностранного лоцмана».

Вся неусыпная деятельность по улучшению организации службы на кораблях, боевой подготовке, воспитанию достойных кадров, работе гидрографии, интендантства, строительства доков, магазинов, складов, новых кораблей и многого другого, что входило в обязанности начальника штаба, была всегда поддерживаема адмиралом Михаилом Петровичем Лазаревым. Между адмиралом и его любимым учеником царило полное взаимопонимание; результатом этого согласия явилась высокая боевая готовность Черноморского флота.

2 ноября 1850 года Лазарев пишет рапорт князю А.С.Меншикову:

> «Обращая внимание на отлично усердную и деятельную службу начальника штаба Черноморского флота и портов контр-адмирала Корнилова и примерный порядок, в котором содержатся все части, начальству его вверенные, а также успешное исполнение многих других поручений моих, до пользы службы относящихся, я долгом счёл свидетельствовать о том перед Вашею Светлостью и покорнейше просить Вашего предстательства перед Его Императорским Величеством о Всемилостивейшем награждении контр-адмирала Корнилова орденом Святого Станислава 1–й степени,

представляя при сём формулярный и краткий о службе его списки.

Генерал-адъютант адмирал Лазарев».

Это была последняя милость, оказанная Михаилом Петровичем Корнилову, как он надеялся, своему преемнику на посту главного командира Черноморского флота и портов.

«Наш достопочтенный адмирал хворает серьёзно. Я четыре раза писал о нём в Петербург. Наши немецкие доктора очень встревожены, но теперь, кажется, пойдёт лучше. О болезни его ты знаешь от К.Л.П., которому поручено тебе рассказать. Он ходит и занимается делами, но очень слаб. Боже, храни его. Неужели не пришлют лейб-медика», — тревожился Владимир Алексеевич в письме брату от 26 декабря 1850 года.

В феврале 1851 года, по совету врачей, Лазарев уезжает на лечение в Вену, надеясь на скорое выздоровление. Но собравшийся консилиум ставит страшный диагноз: рак желудка. Вскоре адмирал скончался. До последней минуты с ним находился его ученик, капитан 1-го ранга Владимир Иванович Истомин, сопровождавший адмирала и его семью в этой поездке; его письмо от 15 (27) апреля, адресованное его брату, К.И.Истомину [86], рассказывает об этих печальных днях:

«Вчера мы совершили обряд погребения над телом покойного адмирала Михаила Петровича, и я считаю нелишним уведомить вас (для надлежащего сведения) о внимании, оказанном здешним правительством при этом случае.

На другой день смерти адмирала я был потребован к нашему посланнику при здешнем дворе, который мне объявил, что австрийский император, желая воздать праху покойного воинские почести соответственно его званию, изволил осведомляться, не оставил ли Михайло Петрович завещания, которым отклоняется от всяких посмертных церемоний при погребении его тела. На мой ответ, что такого завещания нет, барон Мейендорф вошёл в соображения по поводу предстоящего церемониала, которые кончились тем, что в пятницу вечером в 9 часов, 13 (25) числа, тело адмирала повезут в посольскую церковь без всякой церемонии; на другой день, т. е. 14 (26) числа, в 10 часов утра, начнётся литургия, в 11 часов отпевание. Так и сделалось. Когда же 14–го числа время стало подходить к 11 часам, посольская наша церковь начала наполняться

генералами, штаб- и обер-офицерами до такой степени, что когда изволили прибыть два эрцгерцога Вильгельм и Эрнст, то их имп. высочества могли насилу пробраться. В 11 часов кончилось отпевание и 8 человек унтер-офицеров в трауре, полка Мариасси, подняли фоб, снесли и поставили его на катафалке. От церкви шествие двинулось следующим порядком: впереди дивизион кирасир, за ними 6 орудий при батальоне инфантерии, потом дивизион гренадер, ордена адмирала, там певчие, духовенство и гроб; за гробом траурная лошадь с рыцарем в чёрных латах; потом семейство покойного и все члены нашей миссии; за ними весь наличный в Вене генералитет, имея в голове их и. к. высочества; инфантерия и артиллерия заключали шествие. Парадом, состоящим из 3–х батальонов полка принца Эмиля, из гренадерского батальона Брода, двух дивизионов кирасир полка короля Саксонского и двух пеших батарей, командовали: фельдцейхмейстер граф Фалкенхайн, фельдмаршал-лейтенант принц Виртембергский и генерал-майор фон Кордон.

Когда же вышли из городских ворот, то при гробе остались только два дивизиона кирасир, которые провожали тело покойного до кладбища; остальные же войска выстроились на гласисе, где ими было сделано 36 пушечных выстрелов, в трёх промежутках 9 ружейных залпов. Тем церемониал кончился, и тело адмирала поставили в капеллу до отправления его в Россию. Я до сих пор не знал, что без Высочайшего разрешения не дозволено ввозить покойников в наши границы и, признаюсь, был очень встревожен, когда барон Мейендорф мне объявил об этом. Пока его депеша дойдёт в Петербург, пока там доложат и Высочайше разрешат, пока разрешение это придёт в Вену, пройдёт добрый месяц. Всё это время вдова адмирала с детьми должна проживать в Вене; а денег, как вам известно, адмирал не копил. Всё это, повторяю, меня очень встревожило, и я стал просить господина посланника, нельзя ли каким-нибудь образом умалить обыкновенный срок проживания в ожидании ответа из Петербурга на его представление. Барон Мейендорф мне ответил, что всё, что он может сделать при этих обстоятельствах, заключается в том, что он будет просить, чтобы из Петербурга разрешение на ввоз тела покойного адмирала в Россию отправили в Николаев, откуда

пришлют или пароход в Галац, или же, если это найдут неудобным, разрешение; а мы между тем отправляемся отсюда на Дунай в Галац, откуда, если не найдём казённого парохода, а одно лишь разрешение, пойдём на пакетботе парохода «Пётр Великий» в Одессу, а уж оттуда препроводим покойного адмирала в Севастополь для окончательного предания земле.

Барон Мейендорф точно таким образом и поступил, и от 11 (23) его представление пошло в Петербург; но скоро ли оттуда пойдёт разрешение, предвидеть не могу».

Гроб с телом Лазарева был привезён в Севастополь, и «горько рыдая, Черноморцы опустили в могилу прах незабвенного адмирала», написал очевидец. Похоронили его в склепе, находившемся между фундаментами заложенного Владимирского собора, место для которого Михаил Петрович выбрал сам, но так и не успел начать строить.

…В сентябре 1867 года по инициативе учеников и соратников Михаила Петровича на средства, собранные среди офицеров флота, ему был открыт в Севастополе памятник (работы известного скульптора Н.С.Пименова) в виде бронзовой фигуры адмирала, установленной на гранитном постаменте. На открытии памятника контр-адмирал И.А.Шестаков произнёс проникновенную речь, преисполненную глубокой признательности М.П.Лазареву за его бескорыстное и беспредельно преданное служение Отечеству: «Снова любимый предстал перед нами, и мы, свидетели дел адмирала, стеклись у подножья этого памятника напомнить России о её достойном сыне и деятеле. Не гражданская доблесть, выказанная Михаилом Петровичем в молодых ещё годах, не Наваринский погром, в котором «Азов» стяжал память, достойную ревностного хранения, не эти случайности, достигнутые для озарения всякой жизни лучами известности, передают имя Михаила Петровича потомству. Труд упорный, неослабный, не утомлявшийся препятствиями, польза истинная, не доставляющая выгод труженику, безграничное усердие к обязанности, целая жизнь, отданная долгу, — вот из чего вылит этот знаменательный памятник».

Для моряков Черноморского флота утрата была тяжела и трагически символична: вместе со смертью Лазарева уходила эпоха легендарной славы и мощи парусного флота.

…А.П.Коновницын вспоминал: «В тот день, когда было получено в Лондоне известие из Вены о кончине Лазарева, мне

случилось быть в большом английском обществе. Вдруг я заметил необыкновенное оживление, как будто радость, пили за здоровье друг друга и поздравляли с чем-то. Я хотел знать о причине этого движения; мне объявили о смерти русского адмирала Лазарева» [87].

Факт весьма красноречивый.

Только дезориентированный в мировой политике русский самодержец мог при таких настроениях думать, что в преддверии крупнейшего военного конфликта XIX столетия Англия, давний коварный и опасный недруг России, явится реальным её союзником, что с Англией возможно полюбовное соглашение!

Но: только застрявшая в эмпиреях своей имперской презрительной гордыни Англия позволяла себе роскошь не учесть, что дело русского адмирала Лазарева не умерло вместе с ним и что Россия способна дать миру «лазаревских птенцов» — Корнилова, Нахимова, Истомина, Бутакова и многих других, кто вскоре собьёт спесь с британцев на русских рубежах.

Глава восьмая

Вопрос о преемнике Лазарева был уже решён в Петербурге: по личному указанию Николая I им стал семидесятилетний генерал-лейтенант М.Б.Берх [88]. Князь Меншиков передал Корнилову это высочайшее повеление: «Вам предоставлено всё сдать Морицу Борисовичу Берху: никого другого на первое время мы придумать не могли», (sic!)

Что-то наподобие объяснения такого казуса можно найти в «Военной энциклопедии»: «На Корнилова уже смотрели как на главного начальника Черноморского флота, действительного преемника Лазарева; временное назначение адмирала Берха было лишь условным замещением вакантной должности главного командира *из-за молодости самого Корнилова* (выделено мной. — *С. К.*), сверстники коего были ещё капитанами 1-го ранга».

За неимением других точек зрения нам придётся смириться с этой «причиной», чтобы хоть как-то примириться со сложившимся положением дел.

Конечно же, у Берха было то преимущество, что он был намного старше сорокапятилетнего Корнилова, но… 70-летний директор черноморских маяков, инспектор корпуса штурманов и член Адмиралтейств-совета Мориц Борисович Берх *никогда не командовал не только эскадрами, но вообще ни одним линейным кораблём* (выделено мной. — *С.К.*) и именно ему доверили теперь Черноморский флот! «Поэтому оставление Берха во главе флота возлагало на Корнилова всю нравственную тяжесть ответственности за боевую готовность флота, не давая ему фактически никаких прав, так как он мог распорядиться лишь именем адмирала Берха», — пишет современник.

Для Корнилова, по профессиональной подготовке и опыту службы стоявшего на голову выше М.Б.Берха, нелегко было работать с новым командующим, который так же, как и предшественник Лазарева адмирал Грейг, больше заботился о личных интересах, чем боеспособности Черноморского флота. Вступив в должность главного командира флота, Берх в первом же своём обращении к начальнику Главного морского штаба князю Меншикову в марте 1851 года писал: «Осмелюсь испрашивать разрешения Вашей Светлости на поднятие существующего чину моему флага вице-адмирала с присвоением мне права на получение положенных морских столовых денег». Просьба М.Б.Берха была удовлетворена. Вскоре он получил чин вице-адмирала и морские столовые деньги, но от этого он не стал настоящим моряком, а Черноморский флот не приобрёл

руководителя, достойного своего предшественника. И только благодаря неусыпным заботам начальника штаба Корнилова на Черноморском флоте продолжал поддерживаться образцовый порядок, установленный М.П.Лазаревым.

…Из письма В.А.Корнилову брату А.А.Корнилову:

«14 мая 1851 года, Николаев:

…Благодарю, любезный друг Александр, за письмо твоё, в котором ты описываешь разные предположения петербургской публики насчёт назначения преемника нашему незабвенному и незаменимому начальнику. Дай Бог, чтобы выбор пал на более способного продолжать начатое. Не полагай, чтобы я сошёл с арены без особой причины. Память покойного благодетеля моего… священна, а что он скажет, если мы оставим руль в трудные обстоятельства общего несчастия. Нет, я всем твержу, что теперь настоящее время высказать ему нашу признательность к нему, усугубив деятельность, и поддерживать дела в таком виде, чтобы самые недоброжелатели, если такие есть, сознались, что всё, что сделано Лазаревым в Чёрном море, сделано не только хорошо, но и прочно.

Ты прав, что положение моё фальшиво. Имея только *случайное* и притом *косвенное* влияние на главные артерии механизма управления Черноморским флотом, на интендантство и строительную часть здешнюю, я могу подпасть без вины нареканию, но что мне до этого? Буду делать, что могу, и тем исполню завет, напечатлённый в примере служебной 50–летней деятельности моего отшедшего наставника. Его всегдашнее правило было: «всё службе общественной», и он шёл себе по стезе избранной, не развлекаясь почестями, на него сыпавшимися…

В. Корнилов».

Хотя Берх и получил чин вице-адмирала, но моряки не воспринимали его всерьёз как командующего флотом. Он не имел никакого авторитета у офицерского состава, особенно у командиров кораблей и соединений, которые часто игнорировали исходившие от него распоряжения. Корнилов, понимая, к чему это может привести, нередко по своей инициативе дополнительно отдавал приказания, чтобы добиться выполнения указаний Берха.

Вот как описывает положение Владимира Алексеевича

Жандр: «…Ему объявили, что по всем частям Черноморского управления он должен разделять ответственность с исправлявшим должность Главного командира, вице-адмиралом Берхом, а между тем, за пределами Штаба, он не имел официально никакой власти. 4 августа, в бытность начальника Главного морского штаба Его Императорского Величества в Николаеве, Владимир Алексеевич представил ему докладную записку о том, что, по существующему порядку, начальнику штаба неизвестно, какие доклады делают исправляющему должность Главного командира его канцелярия и начальник южного округа морской строительной части, и князь Меншиков сделал распоряжение о допущении Корнилова присутствовать при всех докладах, делаемых Главному командиру, и разрешил Владимиру Алексеевичу писать прямо к нему в затруднительных для Черноморского управления обстоятельствах. Вице-адмирал Берх имел большое доверие к Владимиру Алексеевичу, и нельзя не сказать, что при всяком другом Главном командире положение Корнилова, продолжавшего действовать в духе Михаила Петровича, было бы ещё тяжелее; тем не менее, борьба с препятствиями, противупоставляемыми ему людьми завистливыми или имевшими свои цели, становилась подчас и для его железной воли невыносимою. Следующий отрывок письма его к князю Меншикову от 14 сентября 1851 года подтверждает вышесказанное:

> «Возвратясь 12-го из Севастополя, я, к крайнему моему сожалению нашёл, что финансовая смета для будущего 1852 года отправлена в С.-Петербург без предварительного моего взгляда. Она готовилась целый месяц в интендантстве и когда дошла до Канцелярии г. Главного командира, то тут нужно было отослать её именно в тот единственный день, в который я отлучился в Севастополь. Я не думаю, чтоб Мориц Борисович сделал это с намерением, но во всяком случае, если он, вместо доверия, которое до сих пор показывал ко мне… станет удаляться моего содействия, то я не думаю, чтоб я мог, находясь в таком отдалении от Вашей Светлости, быть здесь полезен. Я обязываюсь откровенно доложить, что покуда мы с Метлиным [89] всё наше время и все наши усилия должны истощать в борьбе с ухищрениями чернильного братства, здесь издавна преобладавшего, и конечно если Главный командир будет двусмысленно нас поддерживать, то изведём только себя, без всякой пользы делу».

Действительно, много было тогда недовольных, многие даже считали Корнилова несправедливым. Но, во-первых, справедливость есть вещь относительная: почти всякий считает справедливым то, что делают для него, забывая, что, быть может, тем самым нарушаются интересы других. Корнилов же понимал это слово в разумном его значении, то есть что тот справедлив, кто соблюдает интересы большинства; почему нередко жертвовал частными интересами для пользы всего флота и тем возбуждал к себе нерасположение завистливой посредственности, которая не признаёт общей пользы приносимой другими, называет труды других вздором и пустяками и оскорбляется, когда отдают предпочтение заслугам; считая службу спекуляцею, она со злостью видит, что ей эта спекуляция не удалась, громко вопиет о несправедливости и требует от службы наград, повышений и обильных средств к жизни, забывая, что сама приносит ей только лень и бездарность. А во-вторых, оставаясь начальником штаба, Владимир Алексеевич должен был уже действовать самостоятельно; круг деятельности его по разным отраслям Черноморского Управления расширялся в 1851 и 1852 годах всё более и более; и если вспомнить, как добросовестно трудился он над проектами Лазарева адмиралтейства в Севастополе и преобразования Николаевского адмиралтейства, перебирая с инженерами планы адмиралтейств, привезённые им и другими из Англии; как неусыпно следил за постройкой кораблей, канонирских лодок, за всеми работами в Николаеве и Севастополе; если вспомнить, что для увеличения своей деятельности он заваливал работой своих приближённых, и что даже трудолюбивый, как пчела, адъютант его Железнов говаривал, что подчас выбивается из сил, но не может жаловаться, ибо Владимир Алексеевич всё-таки трудится гораздо более чем он, то, конечно, ни один мыслящий человек не осудит Корнилова за то, что в вещах маловажных он бывал иногда скор на решения; тем более, что всякий, кто решался представить ему основательные доказательства своей правоты или пользы своей идеи, всегда был им выслушиваем, и, убедившись в своей ошибке, он переменял решение…

Многосторонние кабинетные занятия Корнилова не мешали ему часто посещать Севастополь, а душою он был всегда там, среди дорогого ему флота. Он говаривал, что отдыхает, когда чувствует себя на палубе, и это очень понятно: ставя гораздо выше славу адмирала, чем славу администратора, он также деятельно, но с большею любовью предавался трудам адмирала, и потому уставал в Севастополе менее, чем в Николаеве, где текущие дела по Штабу утомляли его иногда до изнеможения.

После кампании 1849 года Корнилов водил эскадры фрегатов и мелких судов по портам Чёрного моря в июле 1850-го и в июне 1851 и 1852 годов. От Измаила до Ростова и от Николаева до турецкой границы на восточном берегу Чёрного моря им осмотрены все порты так же подробно, как сказано выше о Севастополе, все морские заведения в береговых укреплениях, брантвахты, береговые и плавучие маяки и телеграфы; важнейшие из второстепенных портов он обозревал каждый год, а Севастополь и Николаев — по несколько раз в год. И каждый осмотр был обстоятельно записан в памятную книжку, каждый осмотр вёл к какому-либо улучшению. Так он нашёл, что число ластовых чинов значительно превышает потребность во всех портах, комиссионерствах, на маяках, и телеграфах; что маяки вообще не современны и требуют преобразования; и что полезно бы было: Ростовскую пристань очистить от металлов, продав якоря старого чертежа и перевезя всё остальное в Севастополь, каких бы пожертвований ни стоило, и иметь при Ростовском комиссионерстве только вахтёра, 2-х унтер-офицеров и 6 сторожей, железный сарай для временного склада металлов и для перевоза металлов на транспорты несколько барж, плавающих по р. Дунаю и поднимающих 8 тысяч пуд. груза, при углублении 2-х футов; в Эйске — иметь плавучую моллу с пристанью, с морской стороны города, и два парохода: маленький — для сообщения с селением Глафировкой, и буксирный — для вывода судов и барж из Донских гирл; в Керчи, где обыкновенно зимовали кавказские суда, оградить адмиралтейство стенкой с N0 стороны и устроить кузницу на два горна с слесарней и навес для шлюпок или поделки рангоута, а в Новороссийске — уменьшить размер адмиралтейства, поместив пильный сарай внутри его, и в обоих портах — оставить самое ограниченное число ластовых и, за исключением одного искусного горнового, снять всех мастеровых, назначая их на суда в штатном числе, дабы каждое судно могло исправляться своими мастеровыми в мастерских этих портов; в Сулине — устроить моллу или защиту от NO ветра, который портит фарватер, углубить последний, улучшить маяк и предостерегательные знаки; причислить к брантвахте палубный датский бот для вспомоществования бедствующим судам и посылок на остров Фидониси, и проч., и проч., и проч.».

Из-за неспособности Берха как следует руководить флотом В.А.Корнилову приходилось работать за двоих, чтобы поддерживать боеспособность флота на высоком уровне, как это было при М.П.Лазареве. Поэтому ответственность Корнилова за состояние дел на флоте намного возросла, так как многими вопросами, ранее решаемыми Лазаревым, теперь приходилось

заниматься ему самому.

В штаб флота огромным потоком продолжали поступать документы из Петербурга и отчёты командиров кораблей, соединений и береговых частей о результатах плавания, учебных артиллерийских стрельбах, парусных учениях, крейсерстве у берегов Кавказа и т. п. Чтобы успевать просматривать и прочитывать такое огромное количество документов и ещё находить время для регулярных осмотров баз и портов и выходов на кораблях в море для проведения учений, В. А. Корнилову приходилось работать с огромным напряжением сил. Сетуя на тяжёлые условия работы при Берхе, Владимир Алексеевич писал брату в ноябре 1851 года: «На таком основании у меня сил не хватает оставаться более полугода ещё».

…Из письма В.А.Корнилова брату А.А.Корнилову:

«30 мая 1852 года, Николаев.

Первого июня, т. е. послезавтра, мы оставляем Николаев. Жену с детьми везу на южный берег Крыма, там мы наняли дом на жаркое время. Сам я иду в поход на фрегатах для осмотра портов, но, увы, нельзя будет плавать более двух недель, т. е. до 15 июня, прежде это был месяц моих каникул. Мои занятия здесь не уменьшаются, напротив, растут до отчаяния. Скоро я махну рукой и скажу, как говорят наши матросы: «Всей казённой работы не переделаешь». Метлин уехал и нашёл легко место в интендантстве. Конечно, если Господь Бог даст терпение и силу, то всё обойдётся. Не могу похвастаться и здоровьем, ревматизмы меня не покидают. Мой главнокомандующий недавно возвратился из путешествия, и опять пошли недописанные или переписанные резолюции и в предупреждение их докладные записки мифа здешнего Управления — начальника штаба. *Опять пошли борьба и ухищрения неутомимых негодяев здешнего гнезда опутать и завладеть болваном, брошенным царствовать над болотами нашими; опять зашевелились партии скрытых врагов покойного Михаила Петровича, состоящих большею частью из людей, им облагодетельствованных.* Но всего не исчислить, с чем приходится возиться. И это всё делается из-под юбки старой, слабоумной женщины, каков Берх! Но всему бывает конец, к моему утешению. Следовательно, будет же когда-нибудь конец и моему теперешнему тяжкому положению…»

Из содержания этого письма видно, что Корнилову, остро переживавшему за состояние боеспособности флота, приходилось не только работать за своего непосредственного начальника, но ещё и бороться со всякого рода завистниками и интригами, стремившими скомпрометировать всё лучшее, что сделал для Черноморского флота адмирал М.П.Лазарев, а заодно и Корнилова, его ученика и последователя. Особенно не давали покоя завистникам согласие и взаимное уважение, раз и навсегда установившиеся в отношениях «птенцов Лазарева гнезда» — Владимира Алексеевича Корнилова и Павла Степановича Нахимова.

Вот какова «история вопроса» в мемуарах современников.

…Из заметок Д.В.Ильинского:

> «Воспоминания давно прошедшего перенесли меня к тому времени, когда после двухлетней службы на Балтийском флоте я был переведён в 38-й экипаж на корабль «Двенадцать Апостолов» под команду капитана 1-го ранга Корнилова. Разность направления службы была поразительная: в Балтийском флоте царил полный индифферентизм, в Черноморском флоте кипучая деятельность живого морского дела поглощала всю деятельность и способность молодого офицера. С одной стороны скука, недовольство, возникавшие от праздности и невозможности общественных отношений; с другой, соревнование, желание превзойти каждому судну, на котором служишь, в быстроте и отчётливости манёвров другое. В разговорах офицеров замечалось то же самое различие: одни говорили обо всём, кроме морской службы, другие о чём бы ни говорили, разговор всегда кончался о морском…»

А.П.Жандр:

> «Кампании 1849–1852 годов ясно обнаружили ту разницу между Нахимовым и Корниловым, которую замечал внимательный глаз ещё во время командования их кораблями. Каждый из них учил офицеров и нижних чинов по своей методе, но оба заботились о своих командах и довели свои корабли до совершенства, так что в 1845 году беспристрастный ценитель не знал кого предпочесть: «Силистрию» или «Двенадцать Апостолов» [90]. Во время командования бригадою Павел Степанович томился в бездействии, и с восторгом принимал начальство над эскадрою ещё в гавани; следя

внимательно за вооружением флагманского фрегата или корабля, он предупреждал упущения, а если это было судно новое или он находил нужным перевооружить его заново, то горячо принимался за дело, как самый деятельный и сведущий капитан, и многие суда Черноморского флота обязаны были Нахимову отчётливою чистотою своего вооружения. Поэтому, поднимая свой флаг на судне, Павел Степанович уже любил его; как заботливый начальник он зорко следил за всеми судами ему вверенными, но то из них, которое носило его флаг — была его утеха, его создание, его гордость: с горячею любовью входил он во все подробности судового порядка, и, мало-помалу, не замечая того сам, оттенял командира и вводил на судне свою систему управления, так что капитан скоро начинал чувствовать себя лишним. Вот почему не все хорошие капитаны одинаково желали носить флаг Павла Степановича, хотя все глубоко уважали его и с благоговением принимали его советы.

Владимир Алексеевич приходил из Николаева, когда эскадра его стояла на Севастопольском рейде, готовая вступить под паруса. Осмотрев все суда и удостоверившись в их исправности и готовности к выходу в море, он немедленно снимался с якоря и телеграфом объявлял распределение времени для учений, отдыха и общих манёвров, и поручал командирам учить людей в назначенное время по своему усмотрению. Наследуя от Михаила Петровича методу управления эскадрой, Владимир Алексеевич любил, чтобы корабль, на котором развевался его флаг, носил его с достоинством, но предоставлял капитану полную свободу учить команду и управлять судном по своей методе. Один раз на моей вахте Владимир Алексеевич спросил меня: «Думаете ли вы, что грота-галс на месте?» Нет, отвечал я, но капитану угодно, чтобы он был в этом положении. Не отвечая ни слова, Корнилов дождался прихода командира и, между прочим, передал ему своё мнение о грота-галсе, и когда капитан представил, что, осматривая судно снаружи, он нашёл такое положение грота-рея наилучшим, Владимир Алексеевич не настаивал более. Но если дело шло о манёвре, который мог служить дурным примером для эскадры, если Корнилов замечал что-либо противоречащее морским порядкам, заведённым Лазаревым в Черноморском

флоте, то немедленно останавливал и исправлял ошибку: на своём судне — наставлением командиру, а на партикулярных — телеграфом по эскадре. Сохранив навсегда горячую привязанность к памяти Михаила Петровича, он приходил в негодование, когда замечал в ком-нибудь хотя тень непочтения к своему наставнику. Помню, как тот же капитан, поворачивая чрез фордевинд при лавировке, приказал оставить задние реи поперёк и поставить людей на фока-брасы, дабы отбрасонить и фока-реи, как делают обыкновенно, поворачивая в эскадре. Видя в этом нарушение правила поворота, изложенного в командных словах Лазарева 1835 года, Корнилов вскричал: «Не так, капитан!» и начал сам командовать, а по окончании поворота сказал капитану: «Благодарю вас, что вы меня заставили вновь командовать. Мы пренебрегаем командными словами. Кто их составлял? Боцман Лазарев! А мы — мы библиотеку для чтения читаем! А я вам объявляю, что на купеческой лайбе трудно найти такой беспорядок, какой я вижу на вашем военном фрегате!» Это впрочем единственный случай, в котором Владимир Алексеевич публично остановил распоряжение командира.

Нельзя сказать, что Владимир Алексеевич исключительно привязывался к судну, носившему его флаг; нельзя даже сказать, что все мысли его сосредоточивались на эскадре: он заботился, чтобы суда его эскадры, и в особенности флагманское, были исправные военные суда, но его гордость, его славу не составляло одно судно, одна эскадра, а весь Черноморский флот. Следя за манёврами судов своей эскадры, он искал между командирами их людей, способных занять высшие должности, и в этом отношении плавания с эскадрами служили для Корнилова дополнением инспекторских смотров. Он брал с собою те суда, с управлением которых желал короче познакомиться, и, делая переходы в некоторые порты на мелких судах, меняя ежегодно флагманские фрегаты — вполне достигал своей цели».

Д.В.Ильинский:

«…Обдуманной системы у него (Нахимова. — *С.К.*) никакой не было; вся его сила состояла в желании советом или даже справедливым взысканием принести

пользу, а не возмездие провинившемуся и вселить в него чувство благодарности и доверия к искренности и справедливости своего начальника. Молодые офицеры разделялись на две партии: на подражателей системы Нахимова и на подражателей системы Корнилова. Главный пункт разногласия состоял в повороте через фордевинд, следует ли ставить задние реи поперёк по-нахимовски или следует держать задние паруса левентин, продолжая безостановочно их брасопить до галса.

…Павел Степанович не имел заранее составленной системы при управлении кораблём; но при всей строгости к нерадивым, он был боготворим матросами и имел на них помимо командира и офицеров громадное влияние своим точным знанием матросской работы. Матрос в разговоре с ним понимал, что его начальник требует, и при незнании получал от него наставления, как приступить к делу. У В.А.Корнилова система была другая. Точно определив обязанности как офицера, так и матроса, он старался образовать их с личной ответственностью каждого за себя. Кто из них более был прав, я и теперь решить не могу; знаю только, что как «Силистрия», так и «Двенадцать Апостолов» были образцами военного боевого корабля, и та же цель достигалась обеими системами…

Адмирал Корнилов был человек необыкновенно смелого ума, самостоятельной твёрдой воли и неутомимой энергии, словом, вмещал в себе все условия, необходимые для полезного государственного деятеля. Такой человек не легко мог смиренно подчинять свои убеждения воле и власти другого человека, не разделяющего с ним его мнений и воззрений, и в этом он резко отличался от Лазарева и Нахимова…

…Государь Император лично знал Корнилова и пожелал по смерти Лазарева назначить его на должность Главного командира как достойного ученика и последователя Лазарева. Прекословить царю Николаю было иногда опасно; надо было прибегнуть к хитрости, и вот тогда понадобилось сочинить сказку о том, будто Корнилов с Нахимовым на ножах, и чтобы не оскорбить последнего, надо сделать Корнилова начальником штаба, а Главным командиром, для соблюдения чинопочитания, назначить старшего в то время адмирала Берха. Положение Корнилова было очень

затруднительно: с одной стороны, предоставлялась ему власть действовать самостоятельно, а с другой, он должен был опасаться возможности интриганам, перетолковывая распоряжения его по-своему, возбудить против себя нерасположение Главного командира.

…Корнилов употребил летнее время на обзор Черноморских и Азовских портов и на проверку маяков. Семья его на это время переезжала в Севастополь и поселялась на прибрежном к рейду хуторе, называемом «Новая Голландия»; по воскресеньям в большой отдельной беседке собирались обедать стоящие на рейде командиры судов и флагманы, и тут неизменно присутствовал Нахимов. Князь Меншиков также переехал из Николаева на жительство в Севастополь и поселился со своей свитой в маленьком Екатерининском дворце, у самой Графской пристани. Колония эта образовала сомкнутый круг и бывала изредка доступна избранным, в том числе и моей особе, но в городе она появлялась только на хлебосольных обедах князя Виктора Ивановича Барятинского.

…Князь Меншиков часто из лиц своей свиты посылал курьеров в Петербург. Однажды возвратившийся из такой поездки адъютант князя Краббе [91] был приглашён Корниловым на воскресный обед в «Новую Голландию». День был нестерпимо жаркий, и я был удивлён, когда Краббе пригласил меня прогуляться по беззащитным от солнечных лучей тропинкам ещё не разросшегося сада. Но вскоре я пришёл к убеждению, что умысел другой тут был. Краббе рассказал мне, что по приезде в Петербург его поразила пущенная кем-то сплетня, будто Нахимов и Корнилов на ножах и что он считал своей обязанностью опровергнуть эти ложные слухи на выходе в Зимнем дворце. Оказалось, будто сплетня эта пущена в ход Матюшкиным [92], директором Морского департамента, современником по Царскосельскому лицею А.С.Пушкина, и находившимся в дружеских сношениях с обоими адмиралами. Когда гости разъехались, я передал весь разговор Корнилову, как, видимо, и желал того Краббе. Корнилов на несколько минут задумался, а потом сказал: «Бедный Матюшкин, несдобровать ему! Краббе хочет сесть на его место директором; недаром его поставили действующим лицом в сказке о вражде моей с Нахимовым». Действительно, предсказание через несколько месяцев

сбылось: Матюшкин был отправлен в Свеаборг воодушевлять своим примером гарнизон и оставался там в ожидании бомбардировки неприятельского флота, а на место его назначен Краббе».

Безусловно, редкий исторический прецедент: два знаменитых выдающихся военных деятеля не только сосуществовали бок о бок, служа на одном флоте и живя по соседству, но, справедливо оценивая свои достоинства, воздавали должное превосходству другого и были связаны долгими дружественными узами. Что это было именно так, свидетельствовали многие сослуживцы и друзья адмиралов, и нам ещё предстоит обратиться к их неоценимой помощи чуть позже… А здесь предоставим слово людям, которые с юных лет были связаны самой верной дружбой с Павлом Степановичем Нахимовым, и их мнение поэтому особенно ценно для биографа: ведь оно принадлежит «противной» стороне в той предпринятой интриганами попытке поссорить Корнилова и Нахимова.

…Из дневника М.Ф.Рейнеке [93]:

> «Корнилов был у меня и рассказал, что из Питера от М. получил он весть, что Корнилов с Нахимовым в ссоре и что это вредит службе. Из числа первых вопросов Константина Николаевича [94] было: «За что Корнилов и Нахимов ссорятся?» и что это очень не нравится Государю. Думаю, что вести эти попали в Питер через наших морских курьеров. От Корнилова узнал я, что Павел, узнав эту сплетню, занемог от огорчения».

…Из письма Н.Ф.Рейнеке контр-адмиралу П.Ф.Анжу [95]:

> «Полагаю, от приезжих отсюда курьерами офицеров, конечно, известны вам главные приготовления и занятия нашего флота, жаль только, что эти господа изволили разгласить небылицу, будто бы Павел не ладит с Корниловым. Обращаюсь к вам с просьбой — если услышите такие нелепые толки, то уверьте пустословов, что это наглая ложь. Для подкрепления справедливости моих убеждений, расскажу вкратце отношения Павла с Владимиром Алексеевичем, которые по близости моей к обоим им мне коротко известны. С самого начала вступления Корнилова в должность начальника штаба, когда он стал от Павла по чину гораздо дальше, и тогда Павел в пример другим оказывал не только должное уважение к его служебной власти, но и к его личности, а

Корнилов, имея полную доверенность к откровенности Павла, умел ценить это и соблюдал самую благородную деликатность в служебных отношениях, не прерывая прежних дружеских связей. По смерти же М. П. [96] эти два человека ещё более сблизились и служили друг другу как бы пополнением к общей цели на пользу службы, о важнейших делах которой они часто совещались и, конечно, не обходились без споров; но эти споры при взаимном уважении и откровенности ещё более утвердили доброе между ними согласие. Да и может ли быть иначе между добросовестными людьми даже в мирное время, не только в настоящее военное [97], когда и враги должны забывать личность для общего блага».

…Из письма П.С.Нахимова Н.Ф.Рейнеке:

«И меня крайне огорчила эта сплетня или, лучше сказать, гнусная клевета. Напиши, дорогой мой друг, во-первых, что никто столько не ценит и не уважает самоотвержения и заслуг вице-адмирала Корнилова, как я, что он только один после покойного адмирала может поддержать Черноморский флот и направить его к славе; я с ним в самых дружеских отношениях, и, конечно, мы достойно друг друга разделим предстоящую нам участь».

…Из письма П.В.Воеводского Н.Ф.Рейнеке:

«Я говорю насчёт николаевских слухов, что Павел Степанович осуждает действия Владимира Алексеевича, даже при молодёжи. Он поручил мне передать вам, что это чистая и бессовестная ложь, распускаемая самыми беспорядочными людьми. С своей стороны я могу только сказать, что в настоящее время отношения дядюшки с начальником штаба самые лучшие. Со времени выхода «Константина» в море, последний живёт даже покамест в его доме…»

…Из воспоминаний А.П.Жандра:

«Нашлись люди, которые стали жужжать Нахимову, что Корнилов распоряжается его эскадрой, как своей, — и самолюбие флагмана, старшего в чине, заговорило на мгновение. Вот источник носившихся в то время слухов о

несогласиях между двумя всеми уважаемыми адмиралами. По моей специальной обязанности я часто был послан к Нахимову, хорошо знакомому мне лично, и могу утвердительно сказать, что оба адмирала слишком горячо любили службу, слишком свято понимали свой долг для того, чтобы из пустого тщеславия не помогать друг другу в общем деле — пользе и чести России. Павел Степанович, считая впереди всего пользу Черноморского флота, всегда с радостью содействовал Корнилову. Таким образом дружеские отношения адмиралов укреплялись, и в продолжение всего лета 1854 г. Нахимов был принят как родной в семействе Владимира Алексеевича».

Против Корнилова — человека чести, не терпевшего казнокрадов и бездельников, которые были, главным образом, среди офицеров береговой службы, особенно интендантского управления, пользовавшегося покровительством Берха, — постоянно вели скрытую и открытую борьбу; его кипучая деятельность, неиссякаемая, как казалось, энергия, страстная нетерпимость к нерадивым и строгая требовательность не могли нравиться людям, у которых было «рыльце в пушку». Но те, кто, как он, самозабвенно отдавал всего себя делу на благо флота, уважали и даже восхищались им:

«…Корнилов был не только уважаем своими подчинёнными за свои глубокие познания по всем отраслям морского и военного дела и за редкую справедливость к оценке подчинённых ему людей, но мы утвердительно говорим, что он был искренне любим всеми теми, кто сам честно служил…»

«…Необыкновенная проницательность и быстрота соображения, отличное знание всех отраслей службы, практическое умение обходиться с людьми и управлять ими; деятельность, всегда приводившая всех в удивление; наконец, смелость и решительность — вот качества, в которых не отдать ему справедливости не могут и самые его противники».

Ценил Корнилова и князь Меншиков, но очень своеобразно…

…Из доклада А.С.Меншикова Николаю I:

«7 августа 1851 г. Секретно.

…Главным орудием покойного адмирала Лазарева

ко введению тех усовершенствований по судостроению, вооружению и корабельной морской практике, которыми отличается Черноморский флот, был контр-адмирал Корнилов, даже и в то время, когда ещё не был назначен начальником штаба сего флота. Сие побуждает меня думать, что пока тот же Корнилов пользоваться будет одинаковым доверием и у другого главного командира, то существующий порядок не только сохранится, но и в успехах не остановится, а наипаче, когда и главный начальник флота опирается на введённый в одной части порядок, чтобы распространить его и на другую, как сие делает вице-адмирал Берх старанием дать более жизни хозяйственным распоряжениям.

При просвещении современном он имеет ещё довольно сил для административных занятий, и посему мне кажется, что изменение личности Главного черноморского управления было бы теперь ещё преждевременно. Ежели бы военные обстоятельства потребовали действия всего Черноморского флота в совокупном составе, то, конечно, понадобится назначить оному особого предводителя и дать ход тем из младших адмиралов, в коих при физической бодрости окажутся как энергия, так и способности» (выделено мной. — *С. А.*).

Подобные высказывания весьма странны в устах начальника Главного морского штаба [98], который, как никто другой, должен был быть осведомлён об административной и профессиональной несостоятельности М.Б.Берха по меркам именно «современного просвещения» — это во-первых. Во-вторых, светлейший князь Меншиков, будучи сам одним из умнейших и образованнейших людей своего времени, не мог, казалось бы, не понимать, что «назначить предводителя» из «младших адмиралов» даже с «энергией» и «способностями» — слишком запоздалая мера в случае «ежели бы военные обстоятельства потребовали действия всего Черноморского флота», да и обеспечить подготовку этих действий в «совокупном составе» — задача непосильная для «младшего адмирала», находящегося вне рычагов власти при бесполезном начальнике. И в-третьих: имея под рукой такого «младшего адмирала», который способен взвалить на свои плечи решение этой непосильной задачи (как показало вскоре время), князь Меншиков, почти что с нарочитым равнодушным безразличием, не называет Корнилова как возможную кандидатуру, а отмахивается подозрительно безлично «теми из младших адмиралов», оставляя блистательному профессионалу

всего лишь «пользоваться доверием» у ничтожного Берха!

Эта вызывающая индифферентность Меншикова объясняется особенностями личности самого князя.

Е.В.Тарле:

> «Меншиков был взыскан всеми милостями, пользовался неизменным благоволением Николая, обладал колоссальным богатством и занимал в придворной и государственной жизни совсем особое место… Читал он книги на разных языках, обладал громадной библиотекой в 3000 томов на всех европейских языках. Он был умён и злоречив. Метил он в своих корыстных помыслах так далеко, что, когда ему однажды предложили быть русским посланником в Саксонии, он возмутился таким, по его мнению, унизительным для него предложением и вышел временно в отставку. Личной храбростью он, бесспорно, обладал и на войне 1828–1829 гг. был тяжко ранен. В 1829 г. Николай, буквально ни с того ни с сего, сделал его начальником Главного морского штаба, хотя князь Александр Сергеевич никогда не плавал и лишь чисто любительски интересовался морским делом. Из начальника Штаба он превратился в морского министра, одновременно став ещё и финляндским генерал-губернатором, хотя Финляндию знал ещё меньше, если это только возможно, чем морское дело… Николаю Меншиков нравился одной редчайшей чертой: будучи очень богат, князь Александр Сергеевич никогда не воровал казённых денег. Это при николаевском дворе так бросалось в глаза, что об этой странности тогда много говорили в Петербургском высшем свете, о ней даже иностранные представители писали в своих донесениях… Меншиков никого не ставил ни в грош, над всеми издевался, но было известно, что его величество изволит смеяться, слушая своего фаворита. Поэтому принято было не обижаться… а, напротив, одобрять иногда довольно плоские его выходки. Он был циник и скептик, откровенно презирал своих коллег… и не давал себе никакого труда скрывать это… Ещё до нападения союзника на Севастополь в Петербурге ни для кого, кроме царя, не было тайной, что такое Меншиков как морской министр».

…Из письма В.А.Корнилова брату А.А.Корнилову:

«18 августа 1851 года, Николаев.

Спешу набросать тебе, любезный друг, грамотку о событиях последнего времени в нашем захолустье, о котором ты желаешь знать.

Кажется, я тебе описывал пребывание на Чёрном море принца Петра Ольденбургского, которому я сопутствовал. Принц на пароходе «Громоносец» посетил Одессу, Севастополь, Керчь и южный берег. Это продолжалось около недели. В Сименсе, имении Мальцева, мы с ним раскланялись, и не успел я бросить якорь в Севастополе с намерением отдохнуть несколько дней в семье, как является курьер от адмирала Берха, что Светлейший — наш начальник — должен выехать из столицы 7 июля. Нечего делать, пришлось лететь в Николаев. После долгих ожиданий князь Меншиков 27 июля прибыл к нам. Тут и пошли осмотры. Двое суток в Николаеве, сутки с небольшим в Севастополе, потом осмотр эскадры в море, Ялте, Новороссийске и, наконец, ещё трое суток в Николаеве, так что, несмотря на всю деятельность Его Светлости, он выехал от нас 7 августа в Москву с тем, чтобы встретить там Государя Императора 15 августа. Я очень рад, что князь побывал у нас, по крайней мере, наше положение до некоторой степени разъяснилось и есть надежда, что в продолжение этого месяца или сентября будет окончательно решено. Адмиралу Берху дозволено перебраться в дом Главного командира…

Князь Меншиков до такой степени был со мною внимателен и любезен, что я не мог и подумать просить об удалении, тем более, что служебные затруднения, о которых я ему передавал и словесно и письменно, он, сколько можно, без изменения существующих положений, отстранил, так что я теперь *должен* знать всё; впрочем, всё-таки положение моё фальшивое, и да подкрепит и направит меня Бог выйти из него с честью» [99].

«Между тем, — сообщает А.П.Жандр, — в декабре 1851 года Корнилов назначен в свиту Его Императорского Величества с оставлением начальником штаба Черноморского флота и вызван, по собственному желанию, в С.-Петербург, для объяснений с князем Меншиковым по многим служебным предметам».

…Из письма В.А.Корнилова брату А.А.Корнилову:

«26 декабря 1851 года, Николаев.

…О вытребовании меня в Петербург я писал Лутковскому [100] прежде ещё твоего письма, но когда подумаю об этом, то страх берёт. Ты не можешь себе представить, в каком я неприятном здесь положении; вот что называется «перевернёшься — бьют и не довернешься — бьют!». Без всякого официального признания властию я нравственно ответственное лицо за всё. Мне сказано, что Государь на меня одного полагается, а между тем окончательные резолюции на всякую бумагу пишет другой, и я очень часто узнаю об них после, когда они уже состоялись, и, может быть, не о всех. Приезд мой в Петербург даст мне случай объяснить князю это, но вряд ли можно пособить *до времени* такому ходу дела, с другой же стороны, оставить здешний край на месяц опасно, теперь же наступает время разных распоряжений по строительной части, которая наиболее требует надзора…»

А.П.Жандр:

«…В этот приезд он имел две аудиенции у Государя Императора и записал их в памятную книжку следующим образом:

«29 февраля.

Государь изволил принимать в малом кабинете, в Зимнем Дворце. В кабинете всего помещался письменный стол поперёк и железная кровать в параллель столу, а между — диван и пред ним столик, на котором рассматривались планы. Сам Государь сел на кресло, а меня посадил на диван и приказал рассказывать, во-первых, про покойного адмирала, его болезнь и проч., а потом про флот и адмиралтейство.

По Николаевскому адмиралтейству изволил заметить, что линия сарая не по одному направлению с старым сараем; место для постройки нового пильного завода одобрил; представление о постройке караульного дома и отделения для пожарного инструмента разрешил; по докладе о неимении запасов лесов и неудобстве строить из свежего и за тем сырого — приказал делать запасы. Тоже было доложено:

О перемещении юнг в здание нынешней

Штурманской роты, причём Его Императорское Величество заметил, что предполагалось юнг соединить с учебным экипажем.

Новой госпитали в Николаеве: Государь приказал выстроить здание под одну крышу, уменьшив чрез то число крылец, и осмотреть внимательно Кронштадтский госпиталь, который в глазах Его Величества имеет всевозможные удобства.

При расспросе о болезни адмирала Лазарева заключил, что ему угодно, чтоб управление Черноморского флота продолжалось совершенно так, как и шло при покойном адмирале.

Изволил спрашивать о М.Б.Берхе и выказал, что ему доложено, что он пользовался особенным доверием покойного Лазарева.

Изволил расспрашивать о дивизионных и контр-адмиралах. Я назвал ему Нахимова.

Изволил хвалить Балтийский штурманский полубатальон, настоящие успехи Морского Кадетского корпуса; равно Кондукторской роты и бывшее Артиллерийское училище в Николаеве (Залесского); велел посетить здешнее.

В плане Севастопольского адмиралтейства нашёл неудобным близость строений между собою; полагает, что экипажеские магазины могут быть в другом месте, вдоль берега Южной бухты, по примеру Кронштадтских.

Бассейн Государю не понравился; он полагает, что для шлюпочного сарая можно приискать место на берегу.

О доках доложено было, что чрез увеличившиеся размеры фрегатов — фрегатские доки не годятся для фрегатов и что князь полагает их расширить посредством деревянных вставок, к которым прислонить половинки ворот.

Изволил согласиться чтоб начать с «*Трёх Святителей»* и *«Трёх Иерархов»* а *«Силистрию»* и *«Махмуд»* употребить в блок-шифы.

Спрашивал об Уптоне-сыне и одобрил мысль заменить старика своими инженерами, а Акройда — архитектором Гейде [101].

Спрашивал об инкерманском камне, причём я напомнил непомерную ценность крепкого камня, особенно гранита или порфира, и доложил о лёгкости работ из инкерманского.

Одобрил выбор местности для арестантской башни

на месте доковых арестантских бараков.

Было доложено о распространении набережной и о том, что предполагается землёю из бассейна пополнить место между сваями и берегом и что, кроме того, вся площадь срезана не горизонтально, а имеет от средины уклон на обе стороны; землю эту также придётся снимать. Идея увеличения мыса одобрена.

Было слегка упомянуто о решении постройки Храма Святого Владимира из инкерманского камня, но ничего не упомянуто о мраморе. Государь при этом изволил заметить, что инкерманский камень плохой материал.

При разговоре о кораблях Его Величеству угодно было заметить, что необходимо их содержать в комплекте, и *«Силистрию»* и *«Махмуд»* даже лучше обратить в перевозные для десанта суда, сняв артиллерию, и исправив слегка в доках. Я отвечал, что последнее невозможно, и если ввести в доки, то придётся их разобрать или исправить капитально.

Докладывал о вреде некомплекта офицеров для службы, по случаю разговора о малых выпусках из Морского корпуса, Государь изволил сознать необходимость иметь более офицеров».

«22 марта откланивался в том же кабинете.

В разговоре Государю угодно было приказать, чтоб флот состоял из 17 кораблей, чтоб старые фрегаты понемногу были обращаемы в винтовые; чтоб корабли тимберовались по возможности в доках; чтоб те, которые разбирают — разбирали в бассейне; чтобы был запас лесов; чтоб в Измаильском или другом порте на Дунае было 27 лодок; чтоб Севастопольские доки были готовы чрез два года, а адмиралтейство застроилось чрез три года. О последнем приказал составить соображение для заказа его оптом Волохову, но с тем, чтоб не требовалось много денег в один год.

Бассейн и канаву дозволил отложить до лучших времён.

Фронтовую службу приказал наблюдать по возможности, ограничиваясь ротным ученьем.

Уменьшить по возможности караулы и часовых.

Я не успел выйти, — Государь уже засел за стол писать»».

Во время пребывания в столице генерал-адмирал флота

великий князь Константин Николаевич попросил Корнилова представить свои замечания к проекту нового Морского устава, на чём он и сосредоточил своё внимание, прибыв к месту службы.

Как известно, первый Морской устав, написанный при личном участии Петра I, вышел в свет в 1720 году. С небольшими изменениями и дополнениями он просуществовал в отечественном флоте до середины XIX века. К этому времени произошли существенные изменения в области кораблестроения, вооружения, организации корабельных сил, в подготовке личного состава. Появились паровые суда с железным корпусом и начался процесс постепенного перехода от парусного флота к паровому. Поэтому петровский Морской устав, написанный без малого полтора столетия назад, уже не мог отвечать требованиям флота. Жизнь настоятельно требовала создания нового Устава.

В.А.Корнилов представил начальнику Главного морского штаба свои замечания, которые охватывали широкий круг вопросов, касающихся различных сторон флотской службы и обязанностей должностных лиц. Весьма аргументированные замечания, являвшиеся выражением его многолетнего служебного опыта и «убеждений о корабельном управлении», свидетельствовали о глубоком понимании им морского дела и желании распространить положительный опыт Черноморского флота на весь российский флот.

Главное внимание в замечаниях к проекту Морского устава В.А.Корнилов сосредоточил на вопросах управления флотом и организации боевой подготовки кораблей и соединений. Излагая свои взгляды на обязанности флагманов, он подчёркивал необходимость с их стороны постоянного контроля за боевой подготовкой соединения. Владимир Алексеевич считал, что флагман должен «делать смотр своим судам не менее как раз в месяц и требовать, чтобы то же исполняли подчинённые ему флагманы».

В воспитании офицерского состава, придавая большое значение личному примеру флагмана и состоянию его корабля, Корнилов считал необходимым, «чтобы исправное содержание корабля, на котором флаг его поднят, служило примером другим судам». Это была одна из замечательных традиций, характерных для всех выдающихся флотоводцев российского флота.

По историческому и личному опыту В.А.Корнилов знал, что успех управления силами флота решающим образом зависит от уровня теоретической и практической подготовки флагманов. Поэтому он рекомендовал особое внимание обратить на подбор командующих дивизиями и эскадрами и необходимость повышения их знаний в процессе службы во всех вопросах,

относящихся к управлению силами и обучению подчинённых. Подчёркивая, например, важность артиллерийских знаний для флагманов, он писал: «Каждый адмирал, достигнув своего звания через командование своими судами, должен быть знаком с деталями морской артиллерии, не менее каждого из морских артиллеристов».

Характеризуя качества, которыми должен обладать флагман, Корнилов особо подчёркивал умение поддерживать высокую боеготовность кораблей. Вступив в командование соединением, флагман обязан удостовериться, писал он, что «все суда находятся в полной готовности к походу и бою», а каждый командир «должен наблюдать, чтобы корабль его во всякое время, днём ли или ночью, состоял в совершенной готовности исполнить сигнал или следовать движениям старшего». Корнилов считал, что высокая боеготовность корабля должна поддерживаться не только перед боем, но и после него, для чего «после сражения командир безотлагательно приводит корабль в такое состояние, чтобы вновь быть готовым к бою».

Важную роль в управлении силами Корнилов отводил также начальникам штабов дивизий, эскадр и флота в целом. «Начальник штаба, — писал он, — должен знать все намерения главнокомандующего, иначе он не будет в состоянии заменить его в случае смерти или передать его планы его преемнику». Имея широкий кругозор, глубокие теоретические знания и большой практический опыт в области военно-морского искусства и штабной службы, Корнилов дал свою разработку статей в проекте Морского устава о начальнике штаба, в которых более обстоятельно осветил все стороны деятельности начальника штаба. Он широко использовал при этом свой личный опыт.

В замечаниях и предложениях Корнилова по проекту нового Морского устава широкое освещение получили и многие другие вопросы, особенно те, которые относились к внутреннему распорядку на корабле и обязанностям командира, старшего офицера и вахтенного начальника.

Корнилов был единственным адмиралом, который выступил против телесных наказаний матросов. По мнению Владимира Алексеевича, офицеры корабля не должны обладать правом телесного наказания нижних чинов. В виде исключения он допускал телесные наказания только в отношении матросов, совершивших «важные проступки, то есть: воровство, буйство и грубость против старшего», предоставив это право исключительно командиру корабля или лицу, его заменяющему [102]. И хотя Корнилов в этом вопросе не был до конца последователен, тем не менее его предложение запретить всем офицерам, кроме

командира корабля, и то в исключительных случаях, применение телесных наказаний было смелым для того времени и характеризовало его как прогрессивного деятеля российского флота накануне Крымской войны.

Предвидя большое будущее паровых кораблей, Владимир Алексеевич настоятельно рекомендовал включать их в те статьи устава, в которых говорилось только о парусных кораблях. Командирами пароходофрегатов он предлагал назначить только тех офицеров, которые «своей службой на парусных судах командирами или в звании старших офицеров заслужили особенное внимание начальства».

…В последние годы перед Крымской войной В.А.Корнилов добился многого в деле повышения боеспособности Черноморского флота, но решить главную проблему флота — заменить отжившие свой век парусные корабли новыми, более совершенными паровыми винтовыми судами с железным корпусом ему, к сожалению, не удалось.

А.П.Жандр:

> «24 сентября Владимир Алексеевич отдал князю Меншикову следующую записку:
>
> «В прошлом марте месяце, при личном объяснении Государю Императору о Черноморском флоте, Его Величеству угодно было выразить своё желание, чтобы на Чёрном море было 17 линейных кораблей.
>
> В настоящее время состав Черноморского флота хотя и простирается до этой цифры, но из них: корабли *'Султан', 'Махмуд'* и *'Силистрия'* состоят в списках только для счёта и определены уже под блокшифы; корабли *'Три Святителя'* и *'Три Иерарха'* предназначено, по окончании Высочайшего смотра, ввести в доки; корабли эти, требуя капитального, долговременного, по способам Севастопольского порта, исправления, прежде 1854 года не вступят в линию; корабли *'Гавриил'* и *'Селафиил'* должны следовать в сухие доки за кораблями *'Три Святителя'* и *'Три Иерарха'* и также не менее как на два года, то есть до 1856 года.
>
> При таком положении флота достигнуть требуемого комплекта иначе нельзя, как заложив, со спуском кораблей *'Великий Князь Константин'* и*«Императрица Мария»* [103], на месте их ещё два корабля, и с тем, чтобы они были выстроены в продолжение двух лет; тогда в 1855 году можно будет соединить на рейде 15 кораблей, имея в доках для исправления 2, и потом заложить вслед

за спущенными в 1854 году ещё на два года два же корабля. В таком только случае в 1857 году флот будет в числе 17 действительно годных кораблей, имея два в доках на капитальном исправлении»».

Объяснив затем потребность лесов для такого усиленного кораблестроения и указав, что в Англии считают уже 11 винтовых кораблей, 10 фрегатов и 22 шлюпа; что Франция выстроила 4 огромных винтовых корабля и заложила ещё 3 с тем же двигателем, а Турция заложила 1 новый винтовой корабль и ввела 120-пушечный корабль в доки для приспособления к нему винта, Корнилов заключил свою записку так:

«При таком стремлении морских держав к введению винта, невозможно Черноморскому флоту, составляющему передовой строй империи на востоке, избежать этого расходного нововведения.

Я бы полагал к перемене этой приступить теперь же, и по спуске кораблей *«Великий Князь Константин»* и *«Императрица Мария»* оба корабля, имеющие быть заложенными вместо сих последних, заложить с винтовым двигателем и оба трёхдечные. Распространение трёхдечных кораблей в Черноморском флоте обещает ему важные выгоды. Флоту этому предстоят плавания в глубоких водах Чёрного и Средиземного морей, действия против крепостей с приглубыми берегами, и наконец перевозка десанта. Против же крепостей лишний ярус батарей весьма важен; равномерно подвоз 1500 солдат, вместо 1000 на одном судне, составляет существенную выгоду при действии десантом. Стоимость же трёхдечного превосходит стоимость двухдечного незначительно.

Конечно, построение двух винтовых кораблей не может быть исполнено нормальными средствами Черноморского бюджета, и в машины, заказываемые обыкновенно в Англии, потребуется особое ассигнование; но нельзя же Черноморский флот держать на отсталой от других наций ноге, и тем, в случае разрыва, предоставить случайностям неровного боя.

18 сентября 1852 года. Николаев».

Князь Александр Сергеевич доложил эту записку государю императору, и по Высочайшему повелению тогда же заложен на стапеле корабля «Великий Князь Константин», 131-пушечный корабль с винтовым двигателем, а вскоре разрешено построить в

Николаеве ещё два 120-пушечных винтовых корабля, с подряда.

Переписка Корнилова с князем Меншиковым показывает, что с самого начала 1852 года они имели в виду ввести винтовые двигатели на черноморских судах, но до окончания доков это было невозможно, ибо все корабли строились в Николаеве, и по мелководью Днепровского лимана их нельзя было проводить к Очакову с повешенным на стапеле винтовым механизмом. Посему всё внимание их было обращено на доки, которые были начаты прежде приспособления винта к мореплаванию, и впоследствии уже, когда в Англии и Франции началось увеличение размеров судов, приведены были в возможность помещать суда, превосходящие размерами самые огромные корабли, о которых помышляли в то время в Европе; но шлюзы отстроены были прежде, и один из них не мог принять в себя судов более 230 футов длины. Приходилось сделать из трёх шлюзов два, что требовало экстренного ассигнования денег; в то же время необходимо было, для успешного исправления кораблей в доках и приспособления к ним нового двигателя, устроение в Севастополе хорошего пильного завода, кузницы, способной отковывать большие вещи, механического и пароходного заведения. Изложив в письме к князю Александру Сергеевичу от 27 октября все эти неотложные надобности Севастопольского порта, Корнилов прибавляет:

> «Полагая, что многие дела, доложенные здесь и Вашею Светлостью взятые для окончательного соображения в С.-Петербурге, может быть, потребуют личных с моей стороны объяснений, я, в избежание могущей от сего последовать переписки, решаюсь просить Вашего ходатайства, если признаете это нужным, о разрешении мне прибыть в столицу, ибо введение винтовых судов, построение Лазарева Адмиралтейства и приспособление Севастопольских доков к вводу судов современных размеров, в глазах моих составляют предметы первостепенной важности для Черноморского Флота, от основательного решения коих зависит всё его будущее».

В связи с тем, что в западноевропейских странах, особенно в Англии и Франции, в конце 40-х — начале 50-х годов было развёрнуто строительство паровых кораблей с винтовым движителем, которые по своим тактическим элементам превосходили колёсные пароходы, Корнилов настаивал на строительстве для Черноморского флота винтовых паровых судов. Первый русский винтовой корабль «Архимед», как известно, был

построен для Балтийского флота в 1848 году, но через два года при плавании в Балтийском море он разбился.

Благодаря настойчивости Корнилову удалось в начале 50-х годов добиться от Морского министерства разрешения на постройку для Черноморского флота 10 паровых судов с винтовым движителем. Часть из них была заказана английским фирмам, другие же заложили на николаевских верфях. Но с началом Крымской войны корабли, строившиеся в Англии, были конфискованы и после завершения их постройки включены в состав английского флота, а те, которые строились в Николаеве, к началу войны не были достроены…[104]

Осенью 1852 года император Николай Павлович в последний раз в своей жизни посетил Севастополь для смотра флота. Смотр оказался неудачным. Очевидцем этого события был А.М.Зайончковский, оставивший подробное описание [105], но нас в нём интересует только один факт. Зайончковский отметил, что «ввиду отсутствия Корнилова, который находился за границей, к адмиралу Берху на время смотра был командирован князем Меншиковым его любимец, свиты Его Величества контр-адмирал Васильев…» [106].

Удивительно, но других источников, свидетельствовавших бы об отсутствии В.А.Корнилова в это время, тем более об отъезде его за пределы России, найти не удалось. Однако этот факт вполне объясняет назначение начальником штаба другого лица, а также тон письма Корнилова брату от 3 ноября 1852 года:

> «…На переходе в Николаев осматривал флот, который по глупо выбранному манёвру не успел построиться. Флотом управлял Берх с парохода и начальник штаба, ему данный, контр-адмирал Васильев из Балтики demihomme, demifolitete [107], прозвание, данное ему во время оно нашего распрекрасною царевною Екатериной Тимофеевной [108]. Государь заметил, что с ним это в четвёртый раз в Чёрном море: корабли по одиночке превосходно отделаны и обучены, но манёвры плохи, и приказал по его отбытии съездить в Одессу на флот, долженствующий туда прибыть за войсками, снять его с якоря и поучить, да и на будущий год сделать то же…»

Действительно ли уезжал Владимир Алексеевич и куда именно — этого мы, вероятно, уже не узнаем. Важно совсем другое: не отказав себе в удовольствии «пройтись» насчёт меншиковского протеже в письме, Корнилов не сваливает на него

вину за неудачный смотр, а берёт ответственность на себя и принимает меры — ведь он Корнилов и ученик Лазарева. Ещё 26 октября 1852 года, вскоре после смотра, он пишет письмо П.С.Нахимову:

> «Милостивый государь, Павел Степанович!
>
> Вашему Превосходительству известно, что Государь Император, быв встречен флотом в расстроенном ордере, изволил заметить, что это не в первый раз и что корабли наши хоть и исправные во всех отношениях, отдельно взятые, должны быть слабы в манёврах, и что надлежит обратить большее внимание на эволюции эскадрами.
>
> Признавая, что развитие в офицерах охоты к этой важной части военного морского искусства может много содействовать к усовершенствованию её и на кораблях, я бы полагал весьма полезным завести хотя по праздникам в удобную погоду эволюции гребными судами, в дивизии состоящими, составляя из них эскадры и подчиняя флагманам из молодых штаб-офицеров, дабы манёвры эти имели более порядка и ближе подходили к цели, для которой назначаются. Формируя через это глаз офицеров, шлюпками управляющих, и осваивая их с сноровкою при действии руля и парусов, впоследствии корабли приобретут офицеров, которые будут уметь содействовать своим командирам при построении флотом.
>
> Сообщая эту мою мысль на усмотрение Вашего Превосходительства, имею честь быть
>
> вице-адмирал Корнилов».

…*«Да ты пойми, что мы — или офицеры, которые служим своему царю и отечеству и радуемся общему успеху и печалимся об общей неудаче, или мы лакеи, которым дела нет до господского дела»,* — говорил сослуживцу князь Андрей Болконский в романе «Война и мир» Л.Н.Толстого.

Такого же «теста» и Корнилов: главным для него, человека долга и чести, всю его жизнь было дело, польза Отечеству, а не продвижение по службе с помощью интриг.

Видимо, император Николай I понимал это, и поэтому неудачные манёвры не повлияли на хорошее расположение царя к Корнилову, и он назначает его генерал-адъютантом в свою свиту и сразу же производит его и П.С.Нахимова в вице-адмиралы. По этому поводу А.П.Жандр высказался так: «Служа вместе на корабле «Азов», под командою Михаила Петровича Лазарева, эта два человека сохранили приязненные отношения и в высших

чинах. В Севастополе Корнилов всегда останавливался у Нахимова, который не раз говорил, что желал бы назначения Владимира Алексеевича Главным Командиром: бескорыстно преданный службе, Павел Степанович забывал своё старшинство и видел в этом назначении преуспеяние Черноморского флота; он знал, что его дело — водить флоты в море и что ему не по силам административные и письменные занятия, неразлучные с званием Главного Командира. Высоко ценя дарования и деятельность Корнилова, Павел Степанович старался всеми силами содействовать ему в общем деле совершенствования Черноморского флота, и содействие такого отличного моряка, конечно, было полезно во многих технических вопросах».

Наступало время, когда это уникальное товарищество сослужит России верную службу.

Глава девятая

Наступил 1853 год, и, как пишет наш известный историк Е.В.Тарле, «надвинулись сразу навеки памятные грозные события мировой истории… Чёрные тучи сгустились катастрофически быстро и обложили со всех сторон политический горизонт».

«Наступил 1853 год, в котором Черноморскому флоту предстояло запеть песнь лебединую. В бытность Корнилова в Петербурге Государь Император лично сообщил ему о возникавших несогласиях с Турцией, и Владимир Алексеевич, приготовляя флот ко всем случайностям, немедленно озаботился об увеличении запасов пороху в Черноморском ведомстве…» — записал А.П.Жандр.

Поводом к войне послужил конфликт между православной и католической церковью за право обладания «святыми местами» в Палестине. Наполеон III поддержал католиков, Николай I отстаивал интересы православных. Однако это было лишь прикрытием политического конфликта, сущность которого — борьба за преобладающее влияние на Ближнем Востоке. С самого начала конфликта между Россией и Францией российский император занял непримиримую позицию, рассчитывая на нейтралитет Англии и поддержку Австрии. Однако эти расчёты не оправдались: даже при имевшихся существенных противоречиях между будущими союзниками в борьбе против России они действовали единым фронтом. Таким образом, политическая близорукость Николая I привела к тому, что накануне войны Россия оказалась во внешнеполитической изоляции.

В феврале 1853 года в Турцию был отправлен с чрезвычайной миссией князь А.С.Меншиков. Ему было поручено потребовать от турецкого правительства признания права русского императора на особое покровительство православным подданным султана — болгарам, сербам, румынам, грекам. Но Меншиков эту миссию провалил, действуя высокомерно, цинично и с отнюдь не с дипломатическим грубым напором. Турция, опираясь на поддержку Англии и Франции, в мае 1853 года отвергла требования России и разрешила вход в пролив Дарданеллы англо-французской эскадре. В ответ на это Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией и 21 июня 1853 года ввела свои войска в дунайские княжества — Молдавию и Валахию.

Одним из тех, кто входил в состав свиты князя А.С.Меншикова, был и В.А.Корнилов.

А.П.Жандр:

> «14 февраля князь А.С.Меншиков, назначенный чрезвычайным послом к Его Величеству Турецкому Султану, направился из Одессы в Константинополь на пароходе «Громоносец»; в свите его был и Владимир Алексеевич».

…Из письма В.А.Корнилова жене Елизавете Васильевне из Константинополя 24 февраля 1853 года:

> «…Наши дела сегодня только начнутся. Сегодня, наконец, назначена первая аудиенция у султана. Перемена, происшедшая в министерстве, замедлила приём князя. Министр иностранных дел — турецкий Пальмерстон — отставлен, и вместо него третьего только дня назначен новый — Рифад-паша. Неделю эту мы провели не без удовольствий. Очень много ездили и по городу, и по окрестностям и всякий день в 6 часов являлись в парадные комнаты во фраках на обед, причём князю и потом и мне доставались самые приятные роли: водить к столу и занимать приглашённых дам. Последнее до того утомило нашего посла, что вот уже второй обед, как он не выходит под видом диеты…
>
> …Наше плаванье из Одессы произошло при самых счастливых обстоятельствах — утих южный ветер. 15-го мы не имели почти качки, а 16-го к утру увидели Босфор при самой прекрасной погоде; тихо, ясно, солнце во всём блеске. Озеров, Балабин (с которым я в большой дружбе) и Сколков встретили нас на пароходе «Крым» миль за 15 от пролива. Перетолковав с ними, князь назначил парадный въезд в Константинополь в 3 часа пополудни, и мы так расположились временем: зашли в Буюкдере, постояли там на якоре, отобедали, или, лучше, плотно позавтракали, и в исходе второго поплыли по восхитительному Босфору. Время продолжало стоять летнее. Проходя дворец султана Чараган, отсалютовали 21 выстрелом и потом бросили якорь при общей пальбе с наших и других наций судов против Топханы (арсенала), где у пристани ожидала нас толпа чиновников нашего посольства и купечество русское, занимающееся делами в Константинополе. Мы вышли, разодетые в парадные мундиры. Пароход нас проводил также салютом. У пристани нас посадили в коляски и, кто хотел, верхом и

потащили по узким и грязным улицам Галаты в дом русского посольства. Улицы, окна домов и везде, где только можно было приютиться человеку, были полны народом. Наконец, мы вступили под кров двухглавого орла в хоромы, отличающиеся здесь и великолепием, и массивностью, и величием, и роскошью. По отведении для нас апартаментов мне достались в удел комнаты чиновника князя Гагарина, тут же со мной поместился товарищ мой генерал Непокойчицкий. Комнаты довольно высоки, но вид великолепный. Утро у нас проходит в толках и визитах. Потом путешествуем более верхами и, наконец, как я уже сказал, в чопорных фраках являемся; тем для нас с Непокойчицким кончается день, для молодёжи же чуть ли не начинается…»

…и 25 февраля 1853 года:

«Неготовность деталей задержала «Крым», и мне новый случай намарать тебе несколько строк. Вчера мы были у султана. Князь прекрасно говорил ему и, кажется, до некоторой степени рассеял сомнение в наших благородных намерениях, нашёптанное ему английскими интригами и французским тщеславием. Вначале физиономия Меджита имела выражение человека, приготовленного отразить нападение, но когда пошла учтивая, но вместе с тем твёрдая речь князя, вид султана принял покойное выражение и под конец уже прояснился. После речи и некоторых вопросов о здоровье Императора и разных пожеланий князю были представлены мы и, получив поклон, улыбку и выражение, что падишаху приятно нас всех видеть, вышли. Церемония продолжалась ещё полчаса, которые князь оставался уже один с султаном, а мы были угощаемы чаем вроде липового цвета. Обратное шествие из дворца было тем же путём и в такой же обстановке, как при следовании на аудиенцию. Министр иностранных дел Рифад-паша нас принимал и представлял и угощал и, наконец, проводил. Кроме того, были Шувалов, Кочубей и так далее. По всем дворам стояли телохранители в разных картинных костюмах.

Итак, первый шаг сделан; через неделю, я надеюсь, что напишу тебе о своём возвращении, *а покуда прошу не скучать и о войне не думать, от войны мы так далеко, как и в самое обыкновенное время, а может быть, и далее, именно потому, что готовнее наших соперников.* Прощай

ещё раз, целую и благословляю и тебя, и детей и надеюсь скоро увидеть, только прошу быть здоровыми».

В «Сборнике документов…» к этой выделенной фразе есть сноска:

> «Замечание В.А.Корнилова, будто бы Россия далека от войны, очевидно, было сделано с целью успокоить жену. Во всяком случае, сомнительно, чтобы В.А.Корнилов не понимал напряжённости обстановки. Что же касается утверждения о том, что Россия более готова к войне, чем её соперники, то очень скоро В.А.Корнилов сам убедился, насколько отстала крепостная Россия от союзников Турции».

Первое предположение, скорее всего, верно: Корниловы недавно похоронили свою маленькую дочь, и Владимир Алексеевич, вероятно, оберегает жену от новых потрясений. Но можно расценить эту фразу как слишком очевидную попытку замаскировать истинное положение дел до официального объявления войны, то есть Корнилов мог опасаться, что его письмо могут прочесть другие лица. Это в некоторой степени подтверждают строки из его письма князю А.С.Меншикову от 19 марта 1853 года — по прибытии Корнилова в Севастополь.

> «Я решил все эти действия [109] приостановить под видом, что вы приказали мирно готовиться, что вышло весьма кстати, ибо в Николаеве, куда я прибыл 18-го, я удостоверился, что и из Петербурга распоряжения делались в таком духе, чтоб как можно было менее военных демонстраций.
>
> …В докладной записке моей к Его Высочеству [110], при коей отчёты приложены, я изложил вкратце мнение моё о сопротивлении, какое можно ожидать от турецкого флота, и о десанте в Босфоре и Килиосе. Мнение это Вашей Светлости уже было предъявлено. В заключение же я присовокупил, что во всяком случае покушение *действовать десантом надлежит сохранять в глубокой тайне* и что я даже полагал бы обратить общее внимание на какой-либо пункт Румелии, Варну или Бургас, *дабы замаскировать вооружение флота, которое скрыть невозможно…»*

Иными словами, Корнилов боится *шпионов* и именно потому, что *«мы готовнее наших соперников».* Если следовать этой логике,

то Корнилов сообщает жене именно о надвигающихся военных действиях! Что касается скорого прозрения Корнилова относительно отсталости России, то это и так было очевидно для него ещё до войны как просвещённому гражданину и военному такого уровня. И всё же очевидно другое: эта *готовность* была не просто фигурой речи в корниловском письме жене, а всем тем, чем вскоре стала легендарная севастопольская оборона для оснащённых технически союзников, — кошмарным испытанием, потому что *готовились* к ней по-русски — не благодаря, а вопреки всему.

Е.В.Тарле:

> «…Начинается война с Турцией, позиция Наполеона III и Пальмерстона делается всё более угрожающей… Если турки, а за ними французы и англичане в самом деле подадут вовремя существенную помощь Шамилю, то Кавказ для России будет потерян и попадёт в руки союзников. Нужного количества войск на Кавказе нет — это одно. А другое — турецкая эскадра снабжает восточное кавказское побережье оружием и боеприпасами. Отсюда вытекают два непосредственных задания русскому Черноморскому флоту: во-первых, в самом спешном порядке перевезти более или менее значительные военные подкрепления из Крыма на Кавказ и, во-вторых, обезвредить разгуливающие в восточной части Чёрного моря турецкие военные суда».

Нужно было принимать срочные меры, приводить корабли и базы Черноморского флота в повышенную боевую готовность.

Корнилов для предотвращения внезапного нападения противника установил постоянное наблюдение за передвижением турецких кораблей на Чёрном море и одновременно принял меры по приведению флота в боевую готовность. В мае 1853 года им была утверждена «Программа крейсерства между Босфором и Севастополем», которой Черноморский флот руководствовался в период напряжённой обстановки перед войной и в начальный её период.

«Программа», разработанная по инициативе и под руководством вице-адмирала В.А.Корнилова, предусматривала три района постоянного крейсерства на театре. Основным из них являлся Босфор. Непрерывное наблюдение за Босфором и прибрежной акваторией между Варной и Амасрой обеспечивало своевременное обнаружение неприятельских кораблей в случае выхода их в Чёрное море. Второй район простирался вдоль побережья Кавказа — от Анапы до турецкой границы. Третий

район ограничивался треугольником, основанием которого являлась анатолийская морская коммуникация противника на участке между портами Синоп и Амасра, а вершиной — Севастополь.

План крейсерства был составлен так, чтобы обеспечивалось не только своевременное обнаружение выхода неприятельских кораблей из Босфора в Чёрное море, но и перехват их при движении в сторону Одессы, Севастополя и кавказского побережья.

Необходимо было систематически патрулировать у побережья противника, что требовало привлечения основных сил флота, иначе невозможно было обеспечить непрерывность крейсерства. Для этой цели в составе Черноморского флота были сформированы две практические эскадры, в которые включались парусные корабли различных классов: линейные, фрегаты, корветы и другие. Их состав менялся в зависимости от конкретных задач и обстановки. Первой эскадрой командовал вице-адмирал П.С.Нахимов, второй — вице-адмирал Ф.А.Юрьев. Остальные корабли были сведены в несколько небольших самостоятельных отрядов. Паровые корабли составляли отдельный отряд, который находился в ведении начальника штаба флота — вице-адмирала В.А.Корнилова.

Отряды крейсерских сил, в которые входили фрегаты, корветы и бриги, постоянно держались в районах Босфора, анатолийских и кавказских берегов и вели наблюдение за противником. Практические эскадры поочерёдно маневрировали в средней части Чёрного моря — между Крымом и анатолийским побережьем Турции. Занимая промежуточное положение между отрядами крейсеров и Севастополем, практические эскадры имели возможность в случае необходимости прийти им на помощь.

Отряд пароходофрегатов самостоятельно вёл разведку в определённом направлении, обеспечивал связь между отрядами крейсеров и практическими эскадрами, совершал эпизодические нападения на побережье противника. Независимость паровых судов от ветра делала их особенно ценными в штилевую погоду, когда парусные корабли не могли передвигаться, а связь между ними была необходима.

Одной из сложных проблем крейсерской службы являлось снабжение крейсеров, подолгу находившихся в плавании, продовольствием и пресной водой. Но и она была успешно решена путём организации снабжения крейсеров всем необходимым с крупных кораблей практических эскадр, что значительно повысило продолжительность пребывания крейсеров

в море.

В.А.Корнилов контролировал лично подготовку кораблей к крейсерским действиям и практических эскадр к выходу в море. Так, после осмотра практической эскадры П.С.Нахимова он писал: «По удостоверению Нахимова, которого я посетил (это было в июле 1853 г.), эскадра имеет всё нужное для военных действий; артиллерия в исправности и при произведённой пальбе ядрами в бочку с флагштоком корабли палили особенно удачно. По моим собственным замечаниям в отношении к манёврам и управлению провели три недели в море с большой пользой».

Крейсерская служба в районе Босфора началась во второй половине мая 1853 года, за четыре месяца до начала войны с Турцией. 17 мая вице-адмирал В.А.Корнилов приказал командующему первой практической эскадрой вице-адмиралу П.С.Нахимову направить часть кораблей в крейсерство между Босфором и Севастополем. В предписании Нахимову указывалось, что для этой цели необходимо выделить три брига — «Язон», «Эней» и «Птолемей» и два фрегата — «Кулевчи» и «Коварна», остальные корабли эскадры должны были обеспечивать действия крейсерских сил, маневрируя недалеко от Севастополя. В этом же предписании указывалось на необходимость установления связи между отрядами крейсеров, действующими у Босфора и кавказских берегов.

В район Босфора для ведения разведки первым был послан пароходофрегат «Владимир», которым командовал капитан-лейтенант Г.И.Бутаков. В течение трёх дней Г.И.Бутаков вёл наблюдения за Босфором и, не обнаружив турецких судов, вернулся в Севастополь. С этого разведывательного похода «Владимира» началось систематическое крейсерство у побережья Турции.

За две недели крейсерства в районе Амасра-Керемпе Нахимов убедился в необходимости расширить район поиска противника. В конце октября 1853 года он в рапорте на имя вице-адмирала Корнилова о результатах крейсерства запросил «разрешение оставить дистанцию и крейсировать по усмотрению для того, чтобы мог являться там, где не ожидает отряда».

А напряжённость в русско-турецких отношениях нарастала. Угроза возникновения войны требовала повысить интенсивность плавания кораблей, нёсших крейсерскую службу. Одновременно принимались меры предосторожности на случай внезапного нападения противника. Так, 25 сентября 1853 года адмирал А.С.Меншиков, назначенный командующим морскими и сухопутными силами России в Крыму, отдал приказ: «Крейсерам у Босфора и турецких берегов… перейти на меридиан Одессы и не

простирать крейсерства далее 43°20′ широты, имея при том должную осторожность при встрече с сильнейшими турецкими судами».

4 октября 1853 года турецкий султан Абдул Меджид, поддерживаемый Англией и Францией, заинтересованный в ускорении начала войны, объявил России войну. В это время Черноморский флот продолжал свои крейсерские действия в назначенных районах. 5 октября адмирал М.Б.Берх отдал приказ Нахимову выйти в крейсерство, а остальным кораблям Черноморской эскадры находиться в Севастополе в полной боевой готовности к выходу в море в случае необходимости.

Когда начались боевые действия с Турцией, В. А. Корнилов выделил эскадру и обратился к офицерам и матросам с напутствием решительно атаковать противника и по примеру разгрома Наполеона показать ему, что русские не забыли «своего происхождения от людей, спасших Европу».

Перед выходом Нахимова из Севастополя вице-адмирал Корнилов 8 октября вручил ему приказ, в котором говорилось, чтобы он во изменение ранее данных указаний распространил «… крейсерство к анатолийскому берегу между мысом Керемпе и портом Амасра, так чтобы быть на пути сообщения между Константинополем и Батумом… Эскадра может подходить на вид берегов, но не должна, без открытия неприязненных действий со стороны турок или повелений высшего начальства, начинать военных с ними действий».

В тот же день Корнилов сообщил командующему обороной кавказского побережья вице-адмиралу Л.М.Серебрякову, чтобы он обратил особое внимание на обеспечение безопасности крейсеров у восточных берегов, так как «по последним известиям, полученным из Константинополя, турецкое правительство предписало своим крейсерам и вообще военным судам с 9 октября при встрече с русскими военными судами нападать на них».

Была повышена боевая готовность и на кораблях Черноморского флота, особенно тех, которые направлялись в крейсерство. Нахимов перед отправкой кораблей эскадры в крейсерство в приказе от 10 октября 1853 года указывал командирам кораблей: «…Я нахожу нужным предложить… по выходе в море зарядить все орудия ядрами… Ружейные патроны иметь под рукой, так чтобы при тревоге легко было их раздать стрелковой и абордажной партиям… Держать постоянно часовых на салингах и о всяком показавшемся судне немедленно извещать адмирала.

При встрече с турецкими судами первый неприязненный

выстрел должен быть со стороны турок, но то судно или суда, которые на это покусятся, должны быть немедленно уничтожены».

С выходом в море командиры кораблей, выполняя требования этого приказа, приказывали зарядить пушки, приводили корабли в полную боевую готовность с тем, чтобы в любой момент можно было вступить с противником в бой.

Вице-адмирал Корнилов, памятуя советы своего учителя Лазарева, был сторонником активных наступательных действий.

А.П.Жандр:

> «В бумагах Корнилова найдена следующая собственноручная его записка, вверху которой его же рукою написано: «Отдано князю Меншикову в Севастополе 1 октября, по случаю полученного вопроса, как употребить в предстоящее время флот и можно ли крейсеровать».
>
> «Всякое крейсерство на Чёрном море, в осеннее и зимнее время, то есть от начала ноября до апреля, весьма затруднительно, а в юго-западной части и у Босфора опасно, — к тому же зимнее крейсерство ни в каком случае не может быть действительно; ибо суда не могут держаться вблизи берегов, следовательно наблюдать за неприятелем, особенно за его пароходами, смело плавающими под самым берегом. И так надлежит придумать средство мешать навигации турок каким-нибудь другим способом; этот способ натурально должен состоять в занятии, как на Европейском, так и на Азиатском берегах, рейдов, на коих отряды военных судов, имея при себе сильные пароходы, могли бы в безопасности учредить свои наблюдательные посты. Такие пункты суть Сизополь и Синоп: и тот и другой на пути подвозов тех частей Турции, в коих откроются военные действия; тот и другой одинаково удобны к удержанью малыми силами от покушений с сухого пути; и тот и другой одинаково способны вместить на зиму флоты и гораздо больше отрядов, потребных для наблюдения за движениями турецких военных судов.
>
> Отряды полагаю достаточным составить из 3-х кораблей, 2-х фрегатов, 2-х пароходофрегатов и 2-х мелких судов, и, для гарнизона, одного пехотного полка при одной батарее.
>
> Сизополь, с таким гарнизоном, имея при себе корабли, отразит какую угодно турецкую армию, равно

как и Синоп. В последнем высаженное войско может укрепиться на полуострове, и тогда оно, при господстве на море, вне всяких покушений.

Занятия Сизополя и Синопа могут быть учинены вслед за объявлением войны, одно за другим и без всякой огласки. Я бы полагал начать с Синопа; он и ближе (180 итальянских миль) от Севастополя, и в связи с затеями турок, и потом можно, готовя экспедицию в Батум, попасть в Синоп неожиданно. Вслед за Синопом может быть также занят и Сизополь.

Для покорения сказанных мест, полагал бы употребить четыре 3-дечных корабля, два 2-дечных и шесть больших пароходов, выслав вместе четыре 2-дечных и фрегат в крейсерство к Босфору, — и затем, четыре 2-дечных корабля самые старые, которые надлежит поберегать, могут быть в Севастополе.

Десантная эскадра легко посадит полк для Синопа из Севастополя, и потом из Одессы для Сизополя — приготовляя первый десант в Батум, а второй — в Синоп.

Оба города весьма важны и как коммерческие порты, а Синоп по адмиралтейству своему и находящимся там складам для кораблестроения»».

Однако А.С.Меншиков был противником решительных наступательных действий Черноморского флота и отверг смелый и вполне обоснованный план Корнилова.

Корнилова как начальника штаба флота больше всего беспокоила мысль о возможном внезапном нападении неприятельского флота на русские корабли и порты. Такая опасность возросла после того, как англо-французский флот в начале октября 1853 года перешёл из Мраморного моря в район Босфора. Корнилов лучше, чем кто-либо другой из руководителей Черноморского флота, понимал последствия такого нападения. Поэтому он решил лично и безотлагательно произвести с помощью пароходофрегатов разведку в районе Босфора и проверить возможность скрытного проникновения англо-французских кораблей в Чёрное море. В соответствии с этим решением штаб флота разработал план предстоящей разведывательной операции отряда пароходофрегатов под руководством Корнилова. Разведку предусматривалось провести по маршруту Севастополь — Кюстенджи — Сизополь — м. [111] Кефкен — м. Керемпе — Одесса. Намеченный Корниловым маршрут позволял обследовать не только район Босфора, но и

проконтролировать важнейшую морскую коммуникацию, соединявшую Константинополь с турецкой армией, развёрнутой на Дунае. Но, к сожалению, выполнить эту задачу полностью отряд уже не мог. 11 октября 1853 года на Дунае прозвучали первые пушечные залпы, возвестившие о начале войны. В этот день турецкие береговые батареи, установленные на берегу Дуная, обстреляли в районе крепости Исакчи корабли Дунайской военной флотилии, а 15 октября турецкие войска атаковали и захватили пограничный пост Святого Николая на Кавказе.

А.П.Жандр:

> «По приходе 16 октября в Севастополь Корнилов отдал по Черноморскому флоту приказ № 5:
>
> «Сего 11 октября произошла битва между флотилией нашей и турецкими укреплениями, воздвигнутыми турками против Сатуновской плотины. Турки вздумали остановить ядрами отряд канонирских лодок, буксируемый пароходами под нашим берегом, к нашему же селению Ренни. Такая дерзость соседей наших даёт повод думать, что они и на других пунктах будут действовать неприязненно, и потому, хотя и не последовало ещё Высочайшего манифеста о войне, но не менее того всё должно быть в совершенной готовности по первому сигналу к военным действиям; и потому считаю обязанностью предупредить флагманов и командиров кораблей и других военных судов, что, несмотря на мирную стоянку на Севастопольском рейде, суда должны быть всякую минуту готовы к выходу в море для поражения неприятеля, и для того полагаю теперь же завести на рейде самый строгий военный порядок»».

20 октября 1853 года Россия объявила войну Турции. В тот же день адмирал Меншиков приказал Корнилову выйти во главе отряда пароходофрегатов на разведку по ранее разработанному им маршруту. По завершении разведки пароходофрегатам предписывалось соединиться с эскадрой вице-адмирала Нахимова, находившейся в крейсерстве у Босфора, и проинформировать его о сложившейся обстановке на театре в связи с началом войны. Перед выходом в море Корнилову был вручён приказ адмирала Меншикова, в котором указывалось, что вице-адмиралу Нахимову «разрешается брать и разрушать турецкие суда, где бы он их ни встретил».

23 октября отряд кораблей в составе пароходофрегатов

«Владимир», «Громоносец», «Одесса» и «Херсонес» под флагом Корнилова вышел из Севастополя и направился вдоль западного побережья Чёрного моря в район Босфора. На подходах к проливу был обнаружен отряд турецких кораблей, состоявший из пяти фрегатов и нескольких транспортов. Пароходофрегаты приготовились к бою. Однако противник, заметив их, поспешил укрыться в глубине пролива.

Оставив для наблюдения за Босфором пароходофрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Г.И.Бутакова, 27 октября В.А.Корнилов возвратился в Севастополь. Но ненадолго. На следующий день с шестью парусными линейными кораблями он снова вышел к Босфору. 30 октября к ним присоединился «Владимир» [112].

А.П.Жандр:

> «Осведомясь о запасе пресной воды и провизии на кораблях, Владимир Алексеевич отдал 28 октября следующий приказ по эскадре:
>
> «Получив приказание г. начальника Главного морского штаба вступить в командование эскадрою, бывшей под флагом контр-адмирала Новосильского, с присоединением пароходов 'Владимир' и 'Одесса' и брига 'Эней', и следовать немедленно для открытия и истребления турецкого флота, вышедшего из Босфора, буде оный перешёл параллель Инады, — я объявляю об этом, для сведения, кому следует; при чём присовокупляю, что флаг мой будет поднят на корабле 'Великий Князь Константин' и что сего же числа ночью или со светом я намерен сняться, надеясь, что если бы счастие нам благоприятствовало и мы бы встретили неприятеля, то с помощью Божией, офицеры и команды судов, со мною отплывающих, вполне воспользуются случаем увеличить наш флот новыми кораблями.
>
> Так как манифеста о войне нет, то судам нашим разрешено брать и истреблять одни только турецкие военные суда; купеческие же осматривать, и в таком только случае отпускать, если они не будут иметь войска или груз, турецкому правительству принадлежащий. Что касается до судов военных и купеческих других наций, то всё остаётся в старом порядке и их не должно ни под каким предлогом останавливать.
>
> При могущем встретиться бое, я не считаю нужным излагать какие либо наставления: *действовать*

соединённо, помогая друг другу и на самое близкое расстояние — по-моему, лучшая тактика».

В № 3 «Морского Сборника» 1854 года, на 266 странице статьи: «Плавание брига 'Язон'» напечатан приказ Нахимова 3 ноября 1853 года, в котором между прочим сказано:

> «Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале, и для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с 6 кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить своё намерение, как пройдя мимо нас, или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров; во втором — с Божиею помощью и уверенностью в своих офицерах и командах, я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, *что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу — есть лучшая тактика».*

Последние слова приказов обоих адмиралов доказывают, что они одинаково понимали условия морского боя.

С фрегатом «Коварна» Владимир Алексеевич написал Нахимову:

> «Севастополь 28 октября 1853 г.
>
> Посылаю Вам, любезный Павел Степанович, Крюднера, он, как самовидец, расскажет, что мы с пароходами видели и делали. Кажется, турки не на шутку озлобились; посылаемую ими флотилию в Батум или Сухум Вы расколотите в пух; жаль что не могу прибавить Вам парохода, все починяются. Я сего дня выступаю с тяжёлыми кораблями к Калиакре, дабы встретить эскадру кораблей, виденную Штофрегеном, и о которой Крюднер Вам также расскажет… Вероятно, не найду её ни в Варне, ни в Бургасе; далее не велено переступать, что и Вам сообщаю для сведения…
>
> От Бургаса, далее которого я не пойду, проберусь к Вам на свидание и тогда расскажем, буде Бог благословит, друг другу, что произошло. Прилагаю мою старую бумагу и письмо, которые по приказанию князя были возвращены. Керн мне сказал, что на мою к Вам бумагу есть ссылка в повелении князя.
>
> Поздравляю Вас с новой звездой [113]; желаю

победы».

С рассветом 29 октября по сигналам адмирала вышли из Севастополя и построились в две колонны корабли: «Великий Князь Константин» (В.А.Корнилов), «Двенадцать Апостолов» (А.И.Панфилов [114]), «Святослав», «Три Святителя» (Ф.М.Новосильский [115]), «Париж», «Ростислав» и на ветре бриг «Эней». Ветер свежел; взяли третий риф и спустили брам-реи. В 10 часов, по сигналу, на всех судах отслужили молебен о ниспослании помощи Свыше на врагов России, и в полдень сделан телеграф: «Объявить командам, что Государь ожидает усердной службы, а Россия всегдашней славы своего оружия. С нами Бог!»»

31 октября налетел жестокий шквал с дождём и молнией; в воскресенье, 1 ноября, шторм не прекращался. Корнилов записал: «Волнение не замедлило разыграться и начало трёхдечные корабли бросать как тендер; с ним вместе барометр поднялся, сделалось очень холодно, и всё предвещало известный своею силою и упорством северо-восточный ветер. Желая быть на ветре мыса Калиакра, я поворотил к северу». «Адмирала, — вспоминал Жандр, — тревожил пароход «Одесса», не соединившийся ещё с эскадрою, и он не хотел удаляться от условленной с ним в Севастополе линии встречи.

Другая эскадра выдерживала тот же шторм у мыса Керемпе, и двое суток Нахимов не мог передать на суда Высочайшего манифеста о войне с Турцией. Там, как и здесь, корабли, искусно управляемые, сохранили свои места и выказали свои прекрасные качества и прочное вооружение, а Павел Степанович благородно соперничал с Корниловым в морском искусстве: оба они с неусыпным вниманием и постоянной заботливостью следили за своими судами; оба умели предугадать и отвратить опасность; оба зрело обдумывали всякое предприятие, но решившись — не колебались более и с быстротою пользовались обстоятельствами».

Утром 3 ноября, при брамсельном южном ветре, эскадра поставила все паруса и быстро подвигалась к мысу Калиакра. Обдумывая разные способы атаки и отражения, адмирал приказал адъютанту лейтенанту Железнову на «Владимире» осмотреть Балчик, Варну и Сизополь.

…В бумагах Корнилова найдена следующая памятная записка, вложенная им в рапорт Железнова от 1 ноября об осмотре Варны и Сизополя:

«— Нельсон мочил коечные чехлы и брезенты на случай пожара.

— Надлежит стрелять в корпус.

— В Абукирском сражении [116] один марсель оставался отданным для перемены, в случае нужды, позиции.

— В Абукирском сражении корабли стояли против скулы противника.

— Все предосторожности против огня. Помнить «Орион» при Абукире и «Achille» в Трафальгаре [117].

— Ергомышеву исправлять должность начальника штаба.

— Изготовиться к атаке неприятеля на якоре — привязав оба пеньковые каната с кормы — со шпрингами к якорным рымам с носу.

— Якоря с носу иметь также в совершенной готовности со шпрингами с кормы.

— Гребные суда, если возможно, то спустить».

Эти заметки и распоряжения показывают, что план атаки уже созрел в голове адмирала и он ожидал только известия, где стоят турецкие суда, чтобы объявить его по эскадре!»

И ещё: Владимир Алексеевич никогда не переставал учиться.

…Из донесения В.А.Корнилова А.С.Меншикову от 7 ноября 1853 года:

«…Ночь была светлая, ветр южный умеренный, без волнения, и эскадра в стройном порядке лавировала на высоте Варны, дабы быть готовою спуститься и в Варну, и в Балчик по первому сигналу с парохода. В полночь с 3-го на 4-е число пароход известил, что ни в том, ни в другом портах судов военных нет, и по условленному сигналу без потери времени пустился в Сизополь и Бургас.

4 ноября продолжали лавировать к югу при ровном южном ветре в 20 милях от берега; в полдень присоединился пароход «Владимир» и вторично опечалили нас сигналом, что в Сизополе и Бургасе военных судов нет; между тем были опрошены и эскадрою некоторые купеческие суда, плывшие из Константинополя, и из их показаний оказалось, что турецко-египетский флот стоит в Буюкдере, имея по-прежнему фрегаты и мелкие суда в крейсерстве у самого пролива, а английские и французские линейные корабли в числе четырёх каждой нации при соответственном числе пароходов стояли на якоре у азиатского берега против мыса Сельве-Бурну (на том самом месте, где в

1833 г. был расположен наш лагерь), три турецкие же парохода пять дней тому назад (следовательно, 31 октября) отправлены в Требезонд.

Полагая, что эскадра может продолжать предназначенное ей плавание к эскадре вице-адмирала Нахимова под командою контр-адмирала Новосильского и что необходимо как можно поспешнее известить о турецких пароходах первого, а пароходу «Владимир» быть в Севастополе, дабы запастись углём и опять состоять наготове, я безотлагательно переехал на пароход этот и, отдав контр-адмиралу Новосильскому приказание следовать сначала на соединение с вице-адмиралом Нахимовым, а потом в Севастополь, оставив, буде потребуется, двухдечные корабли «Ростислав» и «Святослав» вице-адмиралу Нахимову, сам направился к порту Амасра…»

…Из воспоминаний Г.И.Бутакова [118]:

«На рассвете 5-го с «Владимира» увидели впереди анатолийский берег, в правой руке на горизонте эскадру, совершенно похожую на эскадру Нахимова, и в левой сзади на горизонте дым парохода [119].

Положив тотчас право на борт, я пошёл доложить об этом Корнилову. В 8 часов он вышел наверх, и так как при эскадре Нахимова не было видно его парохода «Бессарабия», а гонимый нами имел направление к Севастополю, то Корнилов и заключил, что Нахимов послал «Бессарабию» за углём, потому что у неё должно было оставаться его немного. Это мнение разделяли и другие, но по просьбе моей Корнилов согласился продолжать погоню до 9 часов. Тогда стали уже видны мачты и реи. Я просил продолжать, пока откроются кожухи, и таким образом мы наконец увидели, что бежал от нас не русский пароход; это тем более сделалось ясно, что он вдруг переменил курс вправо и потом влево, то есть засуетился, увидев наконец, что к нему идёт чужой пароход; а увидеть этого ранее он не мог, потому что наш антрацит вещь самая военная — дыма нет!

В исходе 10-го, по спуске опознавательного сигнала, на который не было ответа, я поднял флаг при звуках барабанов и горнов и пустил ядро перед носом поднявшего турецкий флаг парохода. Он не замедлил ответить тем же, и по приближении завязалась

перестрелка. Третьим выстрелом с «Владимира» сбит турецкий флаг с флагштоком. Наши обрадовались и давай кричать «ура», но турки очень скоро подняли другой флаг на гафеле и нисколько не прекращали огня, продолжали усиленно бежать. Ядра их были дурно направлены — все перелетали через «Владимир». Увидев, что противник мой не имеет кормовой и носовой обороны, я направил 268-фунт. орудия по направлению своего бушприта и стал держать ему в кильватер, уклоняясь понемногу, то в одну, то в другую стороны, чтобы удобнее было наводить каждую по очереди. Когда же он, чтобы иметь возможность навести свои (бортовые) орудия, старался принять направление поперёк моего курса, я уклонялся в ту же сторону и громил его 5-ю орудиями своего борта, именно же: двумя 84 фунт., одной 58 фунт, и двумя 24 фунт, пушками-коронадами. Хотя явно было, что владимирские ядра и бомбы производили страшные разрушения в корпусе, рангоуте, такелаже и дымовой трубе нашего отчаянного противника, что шлюпки его были избиты и, сброшенные, проплыли мимо нас, что многие ядра попадали в его кожухи и бомбы лопались в корме, неустрашимый капитан всё время был виден на площадке и от времени до времени поворачивал пароход свой, чтобы пустить несколько плохих ядер. Время между тем шло. «Однако же, скоро ли мы с ним кончим? — спросил вице-адмирал Корнилов раздражённым тоном. — Угодно сейчас? — Разумеется, угодно». Я скомандовал: «Полный ход! Картечь!» Через несколько минут адский дождь картечных пуль сотнями посыпался на египтян и треск, производимый каждым ядром нашим, был внятно слышен. Но противники наши не унывали: они также отвечали картечью, и этим снарядом действовали гораздо удачнее, нежели ядрами. В несколько секунд пролетевшей сквозь дымовую трубу, а потом между мной и адмиралом картечной пулей убило на кожуховой лодке адъютанта его Железнова в грудь навылет; под ногами моими, под площадкой, упал простреленный в голову картечью горнист, у носовой пушки тяжело ранило в голову командора, и на юте ещё двух. В то же время упал на площадке гонимого парохода, простреленный в бок, капитан его, но скоро опять поднялся. Новые выстрелы освирепелых при виде крови матросов наших и — вскоре неприятельский

капитан скрылся, раненный второй пулей, а вслед за ним опрокинуло ядром площадку, на которой он так храбро распоряжался. Ещё несколько ядер в расстоянии 50 саж., и неприятельский огонь прекратился, а вслед за тем и наш. Машины остановились, и вышедший на ют старик лоцман спустил свой флаг при восторженных «ура» нашей команды. Кроме лоцмана, не было в этот момент никого на палубе; но затем начали показываться из фор-люка команда и офицеры. Я закричал, чтобы командир приехал, но лоцман ответил, что он убит и шлюпки нет.

Посланные овладеть призом нашли на нём страшную картину разрушения и гибели: обломки штурвала, компасов, люков, рангоута и перебитые снасти, перемешанные с оружием, трупами, членами человеческими, ранеными, кровью и каменным углём, которым была завалена его палуба, чтобы иметь большой запас! И внизу лопнуло несколько бомб. В носовой каюте разорвало ядром офицера, спустившегося тушить пожар, причинённый бомбой. Ни одной переборки, которая была бы цела! И всё обрызгано кровью и мозгами! Бока, кожухи, будка избитые! Паровая и дымовая труба, как решето! Две половины перебитого у воды руля едва держались вместе! От грот-мачты отщеплено в двух местах более 3/4 толщины её, и она едва держалась! В фор-стен-такелаже нашли череп…

Не забуду никогда момента, когда на пленном пароходе подняли наш флаг, я закричал команде, указывая в ту сторону: «Ребята! Там поднимают русский флаг!» Нужно было слышать, каким единодушным «ура» мне ответили. «Поздравляю!» Новое «ура». «Спасибо!»

Замечательнее всего, что этот 3-часовой бой был слышен в то же время тремя эскадрами, которым раскаты грома бомбических орудий дали мысль, что происходит генеральное сражение, а они связаны по рукам и ногам безветрием и не могут принять участия. Одна из эскадр была вице-адмирала Нахимова, другая та, которую вице-адмирал Корнилов оставил под флагом контр-адмирала Новосильского и которую быстро приблизил попутный ветер, и третья, турецкая, которую искал взятый пароход, и оказалось, что командовавший ей Гуссейн-паша не только также слышал эти выстрелы, но с салинга его видно было, что бой происходит между двумя пароходами.

К концу боя нашего задул мягкий ветерок, а когда

пленных перевезли на «Владимир» и наша стрелковая партия заняла караул у крюйт-камеры и по всему пленному пароходу, а партия, назначенная по расписанию к заделыванию пробоин, хлопотала вокруг взятого парохода, чтобы привести его в состояние продолжать путь — с салинга закричали, что видны две эскадры! Одна была к стороне берега, другая несколько ближе первой к нам. Пленные показали, что у них в море две эскадры. Которая же наша из видимых? Это сделалось самым интересным вопросом. Имея в руках избитый приз и своих людей, утомлёнными продолжительной работой у тяжёлых орудий, не обедавшими (до 6 часов вечера) и не евшими ничего с 6 часов утра. Когда я спустился в каюту доложить об этом Корнилову, он лежал усталый на диване. «Что бы вы сделали, если бы меня не было здесь?» — спросил он. — «Пошёл бы к ближайшей и, опознав её, действовал бы смотря по тому, чьей она окажется». — «Так и делайте».

Оставив приз исправляться и потом следовать к Севастополю, мы пошли к ближайшей из видимых эскадр, чтобы до наступления темноты опознать её. К крайнему нашему удивлению, она оказалась эскадрой контр-адмирала Новосильского, так неожиданно быстро подославшего нас до самой полосы безветрия, в которой происходило сражение. Передав начальнику её дополнительные приказания к вице-адмиралу Нахимову, вице-адмирал Корнилов приказал править к призу нашему, который уже шёл узлов 6 или 7 по направлению к Севастополю, спустить верхний рангоут и по возможности очистить палубу от убитых, щеп и обломков всякого рода, которыми она была завалена. Изрешечённая ядрами и картечью труба его не давала в печах тяги, и потому её обмотали войлоками. Машиной приза управлял отряд машинистов и кочегаров, назначенный туда с механиком-кондуктором, и в помощь им было отделено несколько человек из пленной машинной команды, а также пленный машинист-англичанин.

Подойдя к призу, мы узнали, что едва державшиеся вместе обе половины руля его отломились совсем одна от другой и что он с неимоверным трудом правит посредством руль-штенкелей. Мы взяли его на буксир и воспользовались этим временем, чтобы послать туда нашего медика, только что кончившего операцию и

перевязку своих и перевезённых с приза раненых, в числе которых был старший офицер пленного парохода. Медицинские пособия были необходимы на последнем, тем из его команды, которые по причине слишком тяжёлых ран и увечий не были перевезены на «Владимир». Большая часть из них не дожили до прибытия в Севастополь, хотя оставленный при них негр — медик мичманского чина очень усердно и ловко занимался их ранами и не без причины пользовался их доверием.

Вместе с медиком нашим съездили туда двое из пленных офицеров, чтобы привезти товарищам своим платья, подушки и одеяла, а комиссар египетский был послан привезти для своей команды белых сухарей и рису, так как пища русских матросов не шла им в горло. Что касается до офицеров, они прекрасно пообедали за столом нашего адмирала.

…7 ноября пароход «Владимир» вошёл на Севастопольский рейд, ведя на буксире «Перваз-Бахри» с русским флагом, поднятым над турецким. Недалеко позади шёл в то же время другой пленный турецкий пароход, бывший пассажирский «Медари-Тиджарет» (переименованный в «Турок»), взятый пароходом «Бессарабия» и ночью приблизившийся к Севастополю. Погода была прекрасная, и стечение народа огромное — всем хотелось поближе рассмотреть избитый и исковерканный пленный пароход…»

Так произошёл первый в истории бой паровых кораблей.

Корнилов в донесении князю Меншикову об этом бое писал: «Капитаны, офицеры и команда парохода «Владимир» вели себя самым достойным образом. Капитан-лейтенант Бугаков распоряжался как на манёврах; действия артиллерии были и быстры, и метки, чему лучшим доказательством служат разрушения, ими произведённые на неприятельском судне».

Для Владимира Алексеевича победа «Владимира» имела особое значение. Во-первых, потому, что этот прекрасный во всех отношениях корабль был построен под его личным наблюдением и при его активном участии и в первом же бою продемонстрировал свои высокие тактико-технические качества. Во-вторых, что он не ошибся, предложив Меншикову назначить командиром «Владимира» капитан-лейтенанта Бутакова как наиболее достойного этой должности офицера.

Вклад вице-адмирала Корнилова в первую победу

Черноморского флота в Крымской войне не остался незамеченным: император приказал переименовать «Перваз-Бахри» в «Корнилов».

Военный историк Е.В.Богданович писал: «За границею не верили победе «Владимира»; напротив, журналисты «привели» его в Константинополь и указывали на русскую реляцию об этом деле как на образец официальной лжи. Что касается стоявшей в Босфоре англо-французской эскадры, то вот в каком виде дошло до неё известие об этой русской морской победе: «Крейсирующею по анатолийскому берегу русскою морскою дивизией даже взято уже одно турецкое купеческое судно», — писал по поводу этого дела находившийся на французском адмиральском корабле официальный историограф предстоящей войны г. Базанкур…»

…Из письма В.А.Корнилова брату от 6 ноября 1853 года:

> «Пишу тебе на пути в Севастополь с призом — египетским пароходом, который, однако, достался нам не даром. Бой продолжался более 3 часов, покуда не убили капитана. Нам он сделал мало вреда в отношении к корпусу парохода «Владимир», и если бы не потеря моего славного Железнова, который был мне и помощником и другом незаменимым, то я бы сожалел только о несчастных турках» [120].
>
> Вот, любезный друг, пришлось начинать самому войну. Я только что оставил эскадру, с которой ходил пугать турок по румелийскому берегу, и, не найдя там никого, только что пересел на пароход, чтобы прибыть, не теряя времени, в Севастополь, как наткнулся на неприятеля, хотя и слабейшего, но который мог бы выключить из списков твоего единородного. Всё к лучшему, в списках состою, а между тем имею теперь полное понятие о сражении пароходов между собою, об особой тактике, которой они должны наблюдать, и о несовершенствах вооружения собственно наших пароходов. Уведомляю тебя о происшествии со мною в предупреждение всегдашних преувеличений.
>
> Прошу передать прилагаемое письмо и портфель отцу покойного Железнова. Узнай об этом почтенном семействе и исполни за меня этот скорбный долг с надлежащею осторожностию…»

…Из письма В.А.Корнилова жене от 6 ноября 1853 года:

«Нам они вреда не сделали в отношении к пароходу, но одна сумасшедшая картечь убила наповал нашего достойного Железнова, так что взятие парохода, доставшегося с такого отчаянного боя, не принесло мне никакого удовольствия, а напротив, на всяком шагу напоминает, что флот наш лишился офицера, много, много ему обещавшего, а я помощника и друга, каких встречаем только раз в жизни. И надо же было выбрать его, когда убитых всего он да ещё матрос и раненых трое».

Человек, о котором так скорбел Корнилов, стоит того, чтобы о нём сказать особо.

«В нём (Григории Ивановиче Железнове. — *С. К.)* было редкое сочетание всевозможных достоинств, — вспоминал в мае 1854 года капитан-лейтенант С.С.Лесовский, впоследствии адмирал и управляющий Морским министерством, — добросовестность, правдивость, непомерная деятельность, знание морского дела, охота к нему и, наконец, ко всему этому основательное образование, знание 3-х иностранных языков и охота к занятиям. Его все любили, а ещё более ценили и уважали».

…В самом начале осени 1853 года, 21 сентября, В. А. Корнилов в рапорте князю А.С.Меншикову писал, что «на пароходе «Еникале» послал адъютанта своего лейтенанта Железнова в Редут-кале для следования в Тифлис с письмом Вашим к кавказскому наместнику М.С.Воронцову».

По словам лейтенанта 43-го флотского экипажа Владимира Титова, умершего от ран, полученных при защите Севастополя в марте 1855 года, Железнов, при возвращении из Тифлиса, приобрёл кавказскую шашку. Любуясь чудным булатным клинком, Титов поинтересовался его ценой. Узнав, что шашка обошлась всего в 13 рублей, удивился:

— Почему так дёшево?

— Может, она стоит и дороже, но мне уступили за эту цену и рады были сбыть: никто её не покупал.

И Григорий Железнов поверил товарищу легенду: шашка эта носит дурную славу. Говорят, будто бы каждый, кто пойдёт с ней в дело, будет непременно убит или смертельно ранен. И уже несколько её былых владельцев отошли в мир иной. Выслушав, Владимир Титов заметил Железнову, что не стоит иметь такую шашку, но получил ответ: «Я не верю предрассудкам».

…5 ноября лейтенант Железнов с самого начала боя с «Перваз-Бахри» наблюдал за действиями наших ядер, находясь на правом кожухе парохода «Владимир». В 12 часов 15 минут дня

Железнов, решив, что приходит время абордажа, вынес из каюты шашку и тут же свалился замертво от батального огня картечью.

Князь А.С.Меншиков в донесении от 7 ноября назвал Железнова офицером «много обещавшим от службы и подававшим большие надежды».

Рескрипт генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича на имя отца убитого от 19 ноября 1853 года был напечатан в «Морском сборнике»:

> «Я приказал внести имя лейтенанта Железнова на мраморную доску в церкви Морского кадетского корпуса, дабы морские офицеры наши с детства привыкали произносить оное с уважением».

После погребения Г.И.Железнова на севастопольском городском кладбище его личные вещи — портфель и орден — были переданы его отцу, тайному советнику Ивану Григорьевичу Железнову.

Но злой рок преследовал его и после смерти: на могильной плите стоят даты: 1825–1854, а не 1853.

И это не всё. Кавказскую шашку в память о своём верном адъютанте Владимир Алексеевич Корнилов оставил себе. 5 октября она была на адмирале. Ядро перебило клинок и бедро.

Елизавета Васильевна, вдова Корнилова, долгое время хранила обломки шашки у себя…[121]

…В том же письме брату от 6 ноября 1853 года Корнилов приписал:

> «Прощай, будь здоров. Благодарю, много благодарю и тебя и Sophie за Алёшу, но до сих пор не знаю, как он отправился».

В.А.Корнилов благодарил брата и его жену Софью Дмитриевну за хлопоты, связанные с отправкой его старшего сына Алексея в кругосветное плавание на фрегате «Диана» под командованием капитан-лейтенанта С.С.Лесовского.

19 августа 1853 года В.А.Корнилов обратился с неофициальной запиской к управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу с просьбой о зачислении в юнкера старшего своего сына Алексея, *«вступившего в тот возраст, с которого дед его и отец начали императорскую службу». «Предназначая его во флот,* — писал В.А.Корнилов, — *и желая, чтобы он с ранних лет свыкся с морем, я счёл бы за особое счастье, если бы мальчик начал своё морское*

поприще на фрегате «Диана» под командою капитан-лейтенанта Лесовского, офицера, мне лично известного своей преданностью службе Государя Императора и своей заботливостью о том, чтобы подчинённые ему не только исполняли свои обязанности безукоризненно, но и несли бы их с любовью к своей профессии».

По этому письму и ходатайству А.С.Меншикова великий князь Константин Николаевич сообщил последнему: «Высочайше разрешено сыну Корнилова идти на «Диане», но не юнкером, а волонтёром, не в военном мундире, с тем, чтобы по достижении 16–летнего возраста он был зачислен юнкером на действительную службу во время бытности на фрегате».

Эти корниловские слова почти в точности повторяются в его завещании, написанном им 7 сентября 1854 года. Владимиру Алексеевичу остаётся жить меньше двенадцати месяцев, и его сын Алексей больше не увидит отца, плавая в далёких морях. Но жизнь должна была продолжаться.

Глава десятая

В самом начале кампании, после того как в Севастополе и Николаеве стали известны подробности нападения турок на русские суда Дунайской флотилии и Корнилову удалось убедить Меншикова в необходимости активных действий русских кораблей, крейсирующих под флагом П.С.Нахимова у анатолийских берегов Турции, 17 октября он сообщает Нахимову, что князь наконец разрешил «при встрече с турецкими судами: военные разрушать или брать военнопленными, отсылая в Севастополь…». 18 октября фрегат «Коварна» пошёл к Нахимову с этим письмом, но уже через несколько часов после ухода фрегата из Николаева от Меншикова было получено распоряжение царя, запрещавшее боевые действия против турок. Правительство колебалось даже после объявления войны первыми решительно начать действовать на море. Корнилов был вынужден послать к Нахимову корвет «Калипсо» с отменой ранее отданного приказа. Зная нетерпеливый характер Владимира Алексеевича Корнилова, его кипучую деятельность, его лихорадочное стремление успеть как можно больше сделать для флота и Севастополя в условиях назревших грандиозных событий, просто будет понять ту горечь, которая сквозит в строках его письма, посланного с царским приказом к Нахимову: «Только что отправил Вам, любезный Павел Степанович, решительную бумагу о Ваших отношениях с турками с фрегатом «Коварна», как должен послать корвет «Калипсо» остановить Ваше благородное стремление поколотить басурман… Нечего делать, будем ждать у моря погоды. С удовольствием ожидаю с Вами встретиться, и может, свалять дело вроде Наваринского…»

Двум друзьям — адмиралам не удалось сразиться с турками вместе, но каждый из них в отдельности, почти в одно и то же время — за один лишь ноябрь, выиграли два сражения, которые ознаменовали собой в летописи мировой истории морских битв смену эпох: 5 ноября 1853 года Корнилов выиграл *первый в истории* бой паровых кораблей, а 18 ноября Нахимов одержал блестящую победу в *последнем в истории* сражении парусного флота — при Синопе.

…8 ноября русские корабли прошли мимо бухты Ак-Лиман, оставили позади себя мысы Инджебурну и Пахнос и приблизились к Синопу. В предвечерней мгле Нахимов с севера подошёл к перешейку и через него осмотрел бухту. С русских кораблей ясно различили мачты турецких судов — в Синопе укрывалась неприятельская эскадра.

Эскадра состояла из 16 кораблей, некоторые из них были паровые. В её состав входили два пароходофрегата, семь больших парусных фрегатов, три корвета и четыре транспорта. Всего на турецкой эскадре, которой командовал Осман-паша, имелось 472 орудия. Кроме того, на берегу было установлено шесть батарей, имевших 38 орудий. Итого турки имели 510 орудий.

Корабли стояли недалеко от берега, построенные в виде полумесяца с выдвинутыми к выходу с рейда флангами. Вторую линию обороны составляли береговые батареи, надёжно прикрывавшие корабли. Осман-паша имел все основания считать, что Нахимов не рискнёт ввести свои корабли на акваторию порта и атаковать там турецкую эскадру. Но он жестоко ошибся.

Около двух суток не утихал шторм. Нахимов приказал своей небольшой эскадре держаться соединённо: суда легли в дрейф. Командиры доносили флагману о повреждениях: оказалось, что на всех кораблях ветром изорвало паруса, расшатало такелаж, появились течи, а на «Святославе» и «Коварне» повреждения были настолько серьёзны, что понадобился срочный ремонт. Павел Степанович решился отправить эти корабли в Севастополь. Вечером 10 ноября «Святослав», «Храбрый» и «Коварна», обменявшись прощальными сигналами с эскадрой, взяли курс на Севастополь. Спустя несколько часов вслед за ними ушёл и пароход «Бессарабия», чтобы пополнить запасы угля, с командиром которого адмирал отправлял донесение об обнаруженных им на Синопском рейде кораблях неприятеля.

11 ноября за четыре часа до прихода «Бессарабии», доставившей записку Нахимова, на Севастопольском рейде встала на якорь эскадра контр-адмирала Новосильского. Расставшись с Нахимовым 6 ноября в районе Амасра, Новосильский уже к вечеру 7 ноября был в тридцати милях от Херсонесского маяка, но встречный ветер до 11 ноября мешал подойти к главной базе. Моряки с кораблей контр-адмирала только и мечтали, что о спокойном отдыхе в Севастополе. Но командование флотом, узнав об обстановке у берегов Турции, уже приняло решение, и «командир Севастопольского порта вице-адмирал Станюкович, — читаем в шканечном журнале флагмана Новосильского «Три Святителя», — на шлюпе подъехал к нам, передал приказание, чтобы корабли «Три Святителя», «Париж», «Великий Князь Константин», «Варна» и «Гавриил» завтрашний день следовали в море и присоединились к эскадре вице-адмирала Нахимова на место повреждённых его кораблей, возвратившихся в Севастополь».

Сразу же все принялись готовиться к выходу в море. Каждый понимал, что от быстрого выхода кораблей из Севастополя во

многом зависит теперь успех грядущих боевых действий. К 12 часам ночи эскадра была полностью готова к походу. Контр-адмирал Новосильский перенёс свой флаг с корабля «Три Святителя» на линейный корабль «Париж», командиром которого был капитан 1-го ранга Владимир Иванович Истомин [122].

12 ноября в 7 часов 30 минут утра корабли снялись с якоря. 16 ноября в 11 часов на расстоянии 17 миль от берега они встретились с эскадрой Нахимова.

Теперь в эскадре Нахимова стало шесть линейных кораблей и два фрегата с общим артиллерийским вооружением в 720 орудий, из них 76 орудий были бомбическими пушками.

Таким образом, соотношение числа орудий к началу Синопского сражения сложилось в пользу Черноморской эскадры — на 210 орудий больше. Однако если учитывать только ту артиллерию, которая могла быть использована в бою, то соотношение выглядело несколько иначе: в русской эскадре в бою могло участвовать 358 орудий одного борта, турки же могли использовать 236 орудий, то есть уже не на 210, а на 144 орудия меньше. Так выглядело количественное сравнение артиллерии. Преимуществом русских кораблей являлось и наличие на них бомбических пушек крупных калибров, которых у турок не было. Зато береговая артиллерия турок могла использовать в бою раскалённые ядра, представлявшие большую опасность для деревянных кораблей. Кроме того, у них имелось два пароходофрегата, которые могли свободно маневрировать вне зависимости от ветра на ограниченной акватории Синопского рейда и вести бой на наиболее важном направлении.

Старые, заслуженные, опытные офицеры командовали кораблями нахимовской эскадры. П.Барановский, А.Кузнецов, В.Микрюков, В.Истомин, А.Кутров, А.Спицын были участниками ещё Русско-турецкой войны 1827–1829 годов. Очень хорошо знали они неприятеля, с которым предстояло сразиться в Синопской бухте, помнили повадки, хитрость и коварство турок ещё по Наваринской кампании.

Уже само место, выбранное для будущего сражения, словно бы обещало победу русским. Эскадра, блокируя турок в Синопе, крейсировала у тех мест, которые были давно известны отважным и предприимчивым русским мореходам. К жёлтым скалам возле обширной бухты Ак-Лиман и живописным долинам к юго-востоку от Синопа ещё в XVII веке подходили казацкие «чайки», на которых запорожские казаки смело преодолевали Чёрное море и высаживались на анатолийском берегу Турции. В 1616 году целая флотилия казацких «чаек» неожиданно прорвалась в Синопскую бухту. Казаки стремительным броском овладели городом и,

уничтожив турецкие суда, на которых изнывали от тяжкого рабства русские невольники, освободили своих сородичей.

Спустя много лет, в мае 1790 года, у Синопа вновь появились русские корабли. Знаменитый Фёдор Фёдорович Ушаков крейсировал у турецкого берега с целью помешать неприятелю сосредоточить свои силы для перевозки десанта в Крым. Корабли непобедимого «Ушак-паши» навели на турок «великий страх и беспокойство».

…Вице-адмирал Павел Степанович Нахимов в своих размышлениях в конце концов пришёл к следующему, единственному, по его мнению, выводу: столкновение с противником должно произойти не в открытом море, а здесь, в бухте. Упорное пребывание в бухте турок, не сделавших даже попытки прорвать блокаду, свидетельствовало в пользу той мысли, что противник полагается на силу своих береговых батарей. Думая о том, в какой день дать сражение, Нахимов тревожился: англо-французский флот, находившийся всего в двухдневном переходе от Синопа, в любую минуту мог подойти на помощь турецкой эскадре. И это было не всё, что беспокоило тогда опытного флотоводца. Каждый лишний час мог использоваться турками для усиления обороны базы. И Павел Степанович не стал медлить — это было не в характере решительного адмирала.

Утром 17 ноября он собрал всех командиров кораблей на «Императрице Марии» и объявил, что атака неприятеля назначается на утро следующего дня. Совместно было решено: прорваться на рейд, ошеломить турок быстротой и внезапностью; был установлен порядок, которым корабли должны следовать на сближение с противником. В 8 часов утра по сигналу флагмана эскадра была построена в две колонны и Нахимов специальным сигналом приказал командирам — «заметить порядок ордера похода двух колонн». Первую колонну составили корабли «Императрица Мария», «Великий Князь Константин», «Чесма», вторую — «Париж», «Три Святителя» и «Ростислав».

Построение эскадры в две колонны сокращало время пребывания кораблей под огнём противника в период сближения с ним и в то же время позволяло в кратчайший срок ввести в бой все линейные корабли.

В 11 часов по эскадре было объявлено: «Завтра вице-адмирал Нахимов с судами, с ним плавающими, намерен идти в Синоп для истребления стоящего там на якоре турецкого флота».

Приказ П.С.Нахимова заканчивался словами: «…Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота; от нас зависит оправдать ожидания».

…В бурную и дождливую ночь перед решающим сражением русская эскадра продолжала блокаду Синопской бухты. Корабли лежали в дрейфе. Свободные от вахты матросы отдыхали; вахтенные офицеры старались вглядеться в мглистую даль, время от времени окликая часовых на баке. Все были готовы по первому сигналу броситься по своим местам. В каюте флагмана на линейном корабле «Императрица Мария» за тяжёлыми занавесями долго горел свет: Павел Степанович Нахимов обдумывал снова и снова диспозицию своей эскадры в завтрашнем… нет, уже в сегодняшнем бою — адмирал засиделся за полночь.

Утро 18 ноября 1853 года. Серыми тучами затянут горизонт, в парусах шумит холодный осенний ветер, льёт дождь. В туманной мгле скрылись очертания турецких берегов. В безмолвной тишине, прерываемой лишь порывами ветра и равномерным глухим шумом, на палубах шести русских кораблей стояли тысячи матросов, внимая напутственным словам своих командиров. Потомки тех, кто ходил против врагов России с Ушаковым, Спиридовым, Сенявиным, они знали, что в этом бою нужно будет сражаться насмерть: как и прежде, трубачи будут играть «до последнего».

Все ждали сигнала с флагмана. И вот наконец в 9 часов 30 минут взвились долгожданные флаги; Нахимов, как всегда, лаконичен: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд». Две колонны в строгом порядке двинулись в бухту, ветер бешено трепал бело-голубые флаги.

Во главе правой колонны на линейном корабле «Императрица Мария» шёл вице-адмирал П.С.Нахимов. Левую колонну возглавлял контр-адмирал Ф.М.Новосильский, державший свой флаг на линейном корабле «Париж».

Стремительный прорыв русских кораблей оказался внезапным для турок. С берега, конечно, следили за манёврами русской эскадры, но противник совсем не ждал сражения уже на второй день после того, как прибыло подкрепление из Севастополя.

В ненастное утро 18 ноября турки меньше всего опасались атаки; расчёты береговых орудий были застигнуты врасплох: на батареях 1, 2, 3 и 4-й не было ни малейшего движения, но бежавшие из лагеря Ада-Киой турки спешили занять свои места. Корабли Нахимова уже успели пройти мимо.

«Дождь прошёл, и солнце ярко осветило незнакомый, живописный азиатский город, — вспоминал один из участников этого великого сражения. — Я с жадностью смотрел на грозно стоявший полукругом вражеский флот. Гордо алели турецкие

флаги с полумесяцем; внушительно смотрели на нас жерла неприятельских орудий, Быстро уменьшалось расстояние между нами, уже видны люди, наводящие на нас орудия; казалось, каждое жерло смотрит на тебя. Поразительно, неблагоразумно близко подпустили нас турки. Вдруг на адмиральском турецком судне показался белый клуб дыма; не успело ядро пролететь над нашими головами, как турецкая эскадра опоясалась белой пеленой и ураган ядер прогудел над нами».

Бой начался в 12 часов 28 минут, когда турецкий флагманский корабль «Ауни-Аллах» дал первый залп по входившим на Синопский рейд кораблям. Вслед за ним огонь открыли и другие корабли и береговые батареи неприятеля. Огонь они вели главным образом по рангоуту и парусам, стремясь затруднить движение русских кораблей на рейд и заставить П.С.Нахимова отказаться от атаки. Особенно сильный огонь противник вёл по линейному кораблю «Императрица Мария», который буквально был засыпан ядрами и книппелями. По приказанию командующего эскадрой русские корабли открыли ответный огонь, продолжая следовать к своим огневым позициям.

…Капитан Истомин точно привёл свой корабль на заранее указанную позицию: «Париж» встал против центра боевой линии турок и начал разворачиваться против фрегата «Дамиад» и корвета «Гюли-Сефид». Шедшие за «Парижем» корабли «Три Святителя» и «Ростислав» развернулись веером… Грохот 600 орудий потряс Синопскую бухту, скрывшуюся в сплошных облаках порохового дыма. Гром выстрелов, крики людей, стоны раненых — всё слилось в один общий адский гвалт. Бой был в разгаре. На «Париже» повреждения всё увеличивались.

К этому времени меткий огонь русского флагмана уже определил участь турецкого фрегата «Ауни-Аллах». Снаряды «Императрицы Марии» отлично накрывали цель, разрывали палубу; не выдержав обстрела, адмирал Осман-паша решил выйти из боя. Несмотря на поддержку других турецких фрегатов и мощной батареи, «Ауни-Аллах» оказался бессильным; он продрейфовал к западной части бухты, где надеялся укрыться от метких русских выстрелов. Но в тот момент, когда он проходил мимо «Парижа», Владимир Иванович Истомин вдогонку ему дал прощальный залп, довершивший разгром. «Ауни-Аллах», разбитый и усеянный трупами, выбросился на берег.

«Париж» вёл огонь в двух направлениях, обстреливая «Дамиад» и «Гюли-Сефид» с одного борта и отвечая батарее № 5 с другого. Мужество моряков «Парижа» среди всеобщего мужества и героизма было всё же поразительным. Под смертоносным

чугунным градом неприятельских ядер матросы Истомина со своим шкипером Иваном Яковлевым быстро исправляли такелаж и заделывали пробоины. Раненые отказывались уходить с боевых постов. Разорвавшийся на юте неприятельский снаряд осколком ранил в лицо штурмана Семёна Родионова, охранявшего кормовой флаг корабля, но он и не подумал отойти от этой святыни флота. Доблестного моряка смогли увести только после второго ранения — ему оторвало руку.

Орудия правого борта «Парижа» безостановочно громили неприятельские суда. Через полчаса после сражения турецкий корвет «Гюли-Сефид» был уже сильно повреждён русскими снарядами. Командир его, Сали-бей, оставил свой корабль, спасаясь бегством. Вскоре на корвете вспыхнул пожар и в 1 час 30 минут он взлетел на воздух.

Уничтожив неприятельский корвет, Истомин оказал поддержку своему флагману, одновременно усилил огонь по «Дамиаду», не забывая отвечать и батарее. Бомбическими орудиями, только недавно введёнными на вооружение Черноморского флота Корниловым, производились страшные разрушения. «Дамиад», не выдержав, вышел из боевой линии «полумесяца».

После перестрелки с «Дамиадом» «Париж» стал разворачиваться, чтобы направить огонь всех своих бортовых орудий против «Низамие». Сражение продолжалось. Гром артиллерийской канонады потрясал Синопскую бухту, и громадные языки пламени тут и там прорывались сквозь сплошную завесу дыма; бухта кипела от горящих обломков и всплесков, поднимаемых снарядами.

Пушки ещё гремели, но успех нахимовской эскадры уже ясно определился: к исходу первого часа дня боевая линия турок была окончательно расстроена — четыре больших боевых корабля «Ауни-Аллах», «Дамиад», «Навек-Бахри» и «Гюли-Сефид» перестали существовать; около 300 неприятельских орудий было выведено из строя.

Смелая до дерзости инициатива, находчивость, мгновенная решительность — этим отличались моряки черноморской, лазаревской школы при Синопе. Высокое их мастерство, русская удаль решили исход сражения. И ещё одно — взаимная поддержка. Капитан Истомин, увидев своего флагмана, находившегося под жестоким огнём, избрал основной мишенью для орудий своего «Парижа» не правый фланг вражеской эскадры, против которого он должен был бы действовать по диспозиции, а корвет «Гюли-Сефид», обстреливавший «Императрицу Марию» Нахимова. И только после того, как положение русского

флагманского корабля улучшилось из-за выхода из боя «Навек-Бахри», «Гюли-Сефид» и «Ауни-Аллах», командир «Парижа» перенёс огонь на «свой», правый фланг. «Владимир Иванович Истомин, — напишет потом в донесении Нахимов, — проявил примерную неустрашимость и твёрдость духа, благоразумные, искусные и быстрые распоряжения во время боя».

…Моряки «Парижа» посылали последние снаряды по турецким кораблям. Командующий эскадрой вице-адмирал Павел Степанович Нахимов, теперь уже — герой одной из величайших морских битв, почти не скрывал своего душевного волнения, глядя на корабль Истомина. «Все тут богатыри, все герои, — думал он, — но Владимир Иванович… Вот посмотрел бы на него незабвенный Михаил Петрович».

«Я приказал изъявить ему свою благодарность во время самого сражения, но не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты», — напишет в рапорте Нахимов.

Адъютант флагмана сумел исполнить это его желание: подойдя на шлюпке к борту «Парижа», под непрерывным обстрелом противника, он передал морякам Истомина благодарность их командующего…

Не менее успешно действовали и другие корабли: в трудном положении оказался линейный корабль «Три Святителя» — у него перебило шпринг; корабль развернуло кормой к береговой батарее № 6, которая вела по нему сильный огонь. Заметивший это командир «Ростислава» капитан 1-го ранга Кузнецов немедленно пришёл на помощь «Трём Святителям». Временно прекратив огонь по турецкому фрегату, он подверг мощному обстрелу вражескую батарею № 6. Это дало возможность линейному кораблю «Три Святителя» исправить повреждение и продолжить бой.

Прекрасно действовал в бою линейный корабль «Великий Князь Константин» под командованием капитана 2-го ранга Ергомышева, который одновременно вёл бой с фрегатами «Навек-Бахри» и «Несми-Зафер» и береговой батареей № 4. Через 20 минут после открытия огня он уничтожил фрегат «Навек-Бахри», а затем заставил выброситься на берег второй фрегат.

…Турки ещё ожесточённо сопротивлялись. Уже второй час оба дека фрегата «Низамие» озарялись вспышками выстрелов и весь корпус корабля содрогался от непрерывной надрывной стрельбы. Но не было уже подмоги отчаянно дравшемуся фрегату — вокруг горели и взрывались турецкие суда. Истоминские матросы не замедлили приблизить конец: к двум часам пополудни разрушения на фрегате приняли катастрофический характер. Его капитан Гуссейн-паша, начавший свою неудачную

карьеру при Наварине, совсем уже бесславно закончил её в Синопе: он утонул, пытаясь спастись бегством со своего корабля.

…Когда бой на Синопском рейде был уже в полном разгаре и подожжённые огнём русской артиллерии турецкие корабли один за другим стали выбрасываться на берег, к Синопу подошёл возглавляемый В.А.Корниловым отряд пароходофрегатов «Одесса», «Крым», «Херсонес».

Когда пароходофрегаты приблизились к Синопу, Корнилов заметил неприятельский пароход «Таиф», вышедший с Синопского рейда и удалявшийся в западном направлении. Как выяснилось впоследствии, на нём спасался военный советник турецкого флота англичанин капитан Слэйд, которого в Турции называли Мушавер-паша. Для перехвата парохода, имевшего 22 орудия и скорость хода 10 узлов, Корнилов выделил пароходофрегат «Одесса», на котором было шесть орудий. Несмотря на то, что «Одесса» почти в четыре раза уступала противнику в артиллерийском вооружении и могла дать ход лишь 8,5 узла, она всё же попыталась вступить с ним в бой. Но «Таиф», произведя несколько орудийных выстрелов с предельной дистанции, не принял бой, воспользовался преимуществом в скорости, оторвался от преследования и ушёл в Константинополь.

«Пароходы наши под командой адмирала Корнилова, возвратившись из погони за «Таифом», пришли к концу боя, — вспоминал участник Синопского сражения, — и оказали большую нам помощь, вывели все наши корабли подальше от пожарищ к выходу из бухты…»

…Между тем Нахимов не знал о выходе из Севастополя отряда пароходофрегатов Корнилова. Поэтому с русских кораблей внимательно следили за следованием паровых судов. Вскоре все сомнения исчезли: на головном пароходе развевался флаг вице-адмирала Корнилова. Владимир Алексеевич спешил на помощь своему соратнику. Пароходы полным ходом шли к бухте, огибая Синопский полуостров. Корнилов стоял на борту с подзорной трубой и заметно волновался. Его флаг-офицер Жандр вспоминал: «Владимир Алексеевич намерен был поднять свой флаг на корабле «Великий Князь Константин», вступив под команду Нахимова как старшего вице-адмирала».

…Корнилов, приказавший повернуть на Синопский рейд, был заметно расстроен — его не покидала мысль о слабости флота, о недостатках имевшихся пароходов… Ведь результатом всех его долгих усилий, просьб, рапортов ещё до войны было разрешение на постройку только двух винтовых кораблей и на переделку в винтовые двух парусных линейных кораблей. Тогда же на верфях

за границей были заложены для Черноморского флота свыше десяти винтовых кораблей, но (как горько было об этом вспоминать!) с началом войны все они были конфискованы, включены в состав английского флота и позже приняли участие в боевых действиях против русского же флота!..

Когда эскадра Корнилова входила в Синопскую бухту, перед ней предстало следующее зрелище: «Большинство турецких фрегатов ещё горело, и когда пламя доходило до заряженных орудий, происходили сами собой выстрелы, и ядра перелетали над ними… Весь рейд и наши корабли ярко были освещены пожаром…»

Один из очевидцев описал встречу двух друзей-адмиралов: «Мы проходим совсем близко вдоль линии наших кораблей, и Корнилов поздравляет командиров и командиры отвечают восторженными криками «ура». Подойдя к кораблю «Мария» (флагманскому Нахимова), мы садимся на катер нашего парохода и отправляемся на корабль, чтобы поздравить… Мы поднимаемся, и оба адмирала кидаются в объятия друг друга…»

«Бой в 2 часа 30 минут почти прекратился, — записано в шканечном журнале корабля «Три Святителя». — Правый фланг турецкой эскадры был окончательно сломлен, между тем как на левом были слышны изредка выстрелы с фрегата «Дамиад»; «Париж» продолжал бить по нему из всех орудий».

«К трём часам канонада смолкла, бой был окончен совершенно. **Неприятельской эскадры не существовало».**

15 уничтоженных судов из 16. Ни один русский корабль не потерян.

Проста до какого-то гордого, справедливо гордого лаконизма эта последняя фраза.

«Михаил Петрович Лазарев, вот кто сделал всё-с», — скажет потом его гениальный ученик Нахимов.

Вот оно — русское искусство побеждать и только русским присущее умение скромно замалчивать заслуги.

После окончания Крымской войны, когда печальная слава Черноморского флота была на устах у оставшихся в живых свидетелей севастопольской эпопеи, в течение почти двух десятилетий страниц русских журналов, альманахов и газет не покидал жанр воспоминаний. В них близкому эху недавно отгремевших орудий отзывались дневниковые записи и мемуары флаг-офицеров, капитанов и других служивых людей. Героические военные будни можно было воссоздать по ним день за днём. Те же, кто лично знал, служил под начальством или даже просто слышал о Корнилове и Нахимове, старались силами своего

творчества внести лепту в увековечивание этих исторических деятелей. Долгое время почти ни один выпуск «Морского сборника» [123] не выходил без публикации, где бы не упоминалось об адмиралах. И безусловно, что любой новый штрих, любая новая их оценка, появлявшиеся в печатных органах, приобретали особенно важное значение и получали широкий отклик общественного мнения.

В этой связи и стоит обратиться к одной забытой на сегодняшний день полемике, которая проливает дополнительный свет как на историю тех славных дней, так и даёт нам новые сведения для биографии её видных участников — адмиралов В.А.Корнилова и П.С.Нахимова. Сама эта полемика началась необычно. В конце 1867 года, в период благоговейного почитания знаменитых соотечественников, в журнале «Русский Архив» была опубликована статья «Из записок севастопольца», принадлежавшая перу анонимного автора и содержавшая ряд откровенно клеветнических высказываний в адрес героев обороны Севастополя [124].

Эта публикация явилась поводом для написания целого ряда статей, полных благородного негодования и опровержений всего её содержания:

«…Дерзкое анонимное сочинение, осмеливающееся называть себя историческими записками», «уродливое явление нашей современной литературы»; «нашим морякам никогда и в голову не приходило, чтобы было возможно так непочтительно, так дерзко, так оскорбительно относиться к памяти тех из славных защитников Севастополя, именами которых по всей справедливости более всего гордится наша морская семья. Эти имена — имена наших героев, адмиралов Нахимова и Корнилова!..» — писал «Кронштадтский вестник», первым откликнувшийся на появление «Записок».

Сюжет той «пьесы», которую сочинил автор «Записок», сводится, в сущности, к одному эпизоду — блестящей победе русского флота при Синопе 18 ноября 1853 года. Но автор начинает издалека и прослеживает служебную деятельность обоих адмиралов — Корнилова и героя Синопа Нахимова, «разрабатывая» их характеры. Первый предстаёт перед читателями карьеристом и честолюбцем, второй — аморфным, безвольным и недалёким служакой, жертвой честолюбивых помыслов первого.

Автор одной из ответных статей писал, что аноним «делает нас свидетелями той потаённой шахматной игры, которая будто бы разыгрывалась тогда между знаменитыми защитниками Севастополя… Для успеха этой жалкой пьески, очевидно

диктованной чувствами зависти и злости и составляющей самую заметную часть сочинения, автору необходимо было выставить Нахимова… неопасным противником Корнилова, который собирался разыграть «ту увертюру начинавшейся кампании», исполнение которой он якобы предоставлял собственно себе»; лица, описанные анонимом, «вовсе не походят на те, какими были в действительности».

Нетрудно представить, каким оскорблением чести Черноморского флота прозвучало это публичное выступление. Оно вызвало бурю возмущения. «Кто и во имя какого права смеет бросать в эту свежую могилу доблести камень позора? И неужели наши общесознанные в народе заслуги не могут охранить нашу святыню от кощунства?» — такие гневные возгласы в тот момент были не редкостью.

Выражением общего негодования, своеобразным его манифестом можно назвать письмо управляющего Морским министерством Н.К.Краббе к издателю и составителю журнала «Русский Архив», где была опубликована клеветническая статья:

> «Милостивый государь Пётр Иванович. Из возражений, появившихся в газетах и других периодических изданиях против статьи «Из записок севастопольца», помещённой в 12-м «Русского Архива» за 1867 год, Вам известно, какое сильное всеобщее негодование возбуждено лживыми показаниями этой статьи. Чувство это проявилось ещё с большей силою в кругу моряков и, особенно, в среде офицеров прежнего Черноморского флота, близко знавших покойных адмиралов: Лазарева, Корнилова и Нахимова не по одним только служебным отношениям, но и в домашнем их быту. В телеграммах, протестах и заявлениях, получаемых мною со всех сторон от лиц служащих и служивших в морском ведомстве, выражается общее негодование, возбуждённое статьёй, набрасывающей тень на имена людей, составляющих гордость и славу русского флота. Главный начальник флота Великий Князь Генерал-Адмирал, разделяя чувства своих сослуживцев и при том имея в виду, что для истории государственных деятелей драгоценны правдивые заявления современников, хорошо знакомых с их общественною и частною деятельностью, изволил поручить мне просить Вас, милостивый государь, поместить настоящее письмо моё на страницах вашего журнала, имеющего целью добросовестным собранием

материалов облегчить труды будущих историков. Честь нашего флота и справедливость требуют, чтобы рядом со статьёй, выражающей личное воззрение одного неизвестного лица, историк (на долю которого выпадет нелёгкий труд составления биотрафии творцов нравственной силы Черноморского флота, бессмертных в памяти моряков, доблестных граждан и славных адмиралов: Лазарева, Корнилова и Нахимова) имел перед собою единодушное заявление полнейшего негодования всего русского флота к лживым обвинениям со стороны анонимного автора, тщательно скрывающего своё имя.

Н.Краббе

С.-Петербург, 6 марта 1868 г.».

Первым откликнулся «Кронштадтский вестник», 21 января 1868 года опубликовавший текст заявления офицеров Черноморского флота.

«Грустно подумать, — читаем там же, — что 14 лет после славной защиты Севастополя нашим морякам пришлось защищать память лучших и самых славных из его защитников». Совершенно та же мысль в статье капитан-лейтенанта Афанасьева «Ответ моряка «Русскому Архиву»», появившейся вслед 26 января в «С.-Петербургских ведомостях»: «Нельзя, к сожалению, не заметить, что древний военный клич наших предков — «мёртвые срама не имут» — в наше время забывается и находятся такие отщепенцы, которые осмеливаются клеветать на свежую память народных героев».

С.Крашенников, бывший редактором «Морского сборника» в период с 1850 по 1852 год, выступивший в том же «Сборнике» с опровержением, не оставил без внимания ни одного утверждения анонима.

«Корнилов, по словам автора, — пишет Крашенников, — был человек *ловкий*(пожалуй бойкий), *способный*(и весьма), *довольно образованный*(нет, очень образованный и весьма сведущий), *но сухой*(скорее серьёзный). «В начале осады Севастополя удивлялись его деятельности, но всё-таки это была не любовь». Это личный взгляд автора… По его мнению, Корнилов «мог быть хорошим командиром порта, по крайней мере, лучше его не было». Корнилов служил 30 лет морским офицером с постоянным отличием во всех чинах и должностях. Мичманом был в Наваринском сражении на славном корабле «Азов»; с лейтенантского чина начал командовать военными судами от тендера и до 120-пушечного корабля, и командовал ими 16 лет

сряду; два года был в командировке в Англии, наблюдал за постройкой и вооружением четырёх пароходов того времени (1848). В декабре произведён был в контр-адмиралы (на 26 году офицерства), а в апреле следующего года назначен начальником штаба Черноморского флота. Через 2 года умер Лазарев, место его занял престарелый Берх, а управление флотом лежало вполне на Корнилове. Так вот какая служба давала Корнилову все права на пост главного командира, а не та пустая причина, что лучше его не было!

…По ходу событий автор берётся опять за Корнилова и говорит, что *«он был действительно самый способный для управления флотом и всем, однако, а он был далеко не то, что требовалось тогда Севастополю. Требовался новый, ясный луч для озарения этого хаоса, а им-то не мог быть Корнилов, всосавший в себя с колыбели стародавние русские порядки».* Мы поняли это так, что автор находит Корнилова старым для выполнения должности главного командира и что её бы лучше исправил человек молодой, которому ещё некогда было набраться старых русских порядков. Корнилову в конце декабря 1853 года (время, о котором говорит автор) было 47 лет, по-нашему, это лучшие годы для главного начальника на таком важном посту, а заменить его человеком молодым, хотя и гениальным (у автора, верно, есть таковые в запасе), — откуда же он возьмёт житейский опыт, необходимый для управления людьми, особенно в такую трудную эпоху?..

Но главное дело не в летах, а в способностях, в которых сам автор не отказывает Корнилову, а всё-таки подавай ему другого…»

Капитан-лейтенанту Афанасьеву принадлежит первая встретившаяся в развернувшейся полемике характеристика Корнилова, которую приведём здесь полностью: «Живой, пылкий, горячий, с блестящими талантами, он, с увлечением принимаясь за всякую деятельность, работал до истощения и был разностороннее Нахимова; зато не был так глубок в морском деле. При своих замечательных административных способностях он был хороший, опытный моряк и достойный адмирал, но далеко был от той типичности, которая выработалась в Нахимове при исключительном морском направлении последнего. Нахимов охотно подчинялся первенству Корнилова в последнее время в ежедневной деятельности по устройству флота и защиты Севастополя, подчинялся столько же по своей прямодушной скромности, как и по сознанию высоких достоинств и полезных действий Корнилова. С своей стороны, Корнилов умел понимать эту уступчивость Нахимова и, ценя в нём по справедливости

редкие морские дарования, сознавал неподражаемость Нахимова во всём, что касается моря и боевой жизни на нём, и уступал ему на этом поле. Вот причина редкого согласия и честного единодушия, ознаменовавшего совокупную деятельность соперничествовавших в славе адмиралов и доставившего нашей истории блестящие страницы Синопа и Севастополя».

В феврале в «Николаевском вестнике» (№ 16) появилось ещё одно опровержение на статью «Русского Архива». Автором был капитан-лейтенант Ф.Нарбут. Мы уже знаем, что аноним оговорил Корнилова в корыстном стремлении присвоить себе лавры победы при Синопе, для чего Корнилов якобы «бросил Нахимова на произвол судьбы». Нарбут приводит точнейший фактический материал и неоспоримые доказательства лживости такого обвинения.

«До войны, — писал аноним, — *Корнилов давным-давно метил в командиры портов».* Всю свою энергию он подчинил достижению этой цели. *«Но вот войной уже сильно пахло…Чёрное море курилось от дыма пробных выстрелов… У Корнилова сильно зудели руки подраться и, как он надеялся, разбить басурман. Он взял четыре парохода из Севастополя, чтобы лететь с ними якобы «для рекогносцировки турецких берегов», но собственно для того, чтобы свободнее распоряжаться в море и в случае битвы поспеть на место».* Тот же аноним писал одновременно о вице-адмирале: *«Корнилов, возвышавшийся над всеми образованием, умом и талантами, никогда и не думал состязаться в чём бы то ни было с Нахимовым».* Но затем давал такое «уточнение»: *«Да и никому из мало-мальски вникавших в дело не приходило и в голову ставить их на одну доску. Если Нахимов при Корнилове даже и после Синопа был почти не виден, что же он был бы во время боя при Корнилове до Синопа!»*

В месяцы, о которых идёт речь, у берегов Турции крейсировала эскадра под командованием Нахимова, посланная туда по приказу Корнилова. По этому поводу аноним писал: *«Корнилова не могло заботить нисколько, что Нахимов разгуливает в море: он знал, что одному Нахимову ничего не сделать. Другие же эскадры постоянно держались вдали, а эскадра Новосильского сидела в Севастополе, вследствие расчётов того же Корнилова, дабы в случае надобности взять эту эскадру и идти с нею против турок… 5 ноября с рассветом «Владимир «увидел 6 больших судов, которые были не что иное как часть турецкого флота, открытого Корниловым ещё прежде, до ухода его в Севастополь, и составлявшего теперь предмет его исканий. Но как-то случилось, что эти 6 судов показались ему эскадрой Нахимова. Нужно было явиться именно такому числу!*

Корнилов, без сомнения, пошёл бы к этой эскадре и тогда бы всё разоблачилось, но тут мелькнул перед ним пароход, признанный неприятельским. Захотелось взять приз, а потому, отложив предполагаемое свидание с Нахимовым, погнались за пароходом. Он был взят и сильно избит. Возня с ним заняла всю ночь и следующий день, а это были в общем счёте роковые сутки. Партия в шахматы была проиграна. Затем, не видя турок и притом нуждаясь в топливе (да тут ещё приз!), Корнилов решился смахать в Севастополь. Но что делать с кораблями Новосильского, которые в угле не нуждались и могли очень легко выждать возврата Корнилова в море? Но так же легко они могли случайно или не случайно соединиться с Нахимовым и разыграть ту увертюру, исполнение которой Корнилов предоставлял себе. Задумываться нечего: отдать приказ по эскадре, чтобы она шла в Севастополь, — и приказ был отдан. Как приняли этот странный приказ, неизвестно, но делать было нечего: Новосильский скрепя сердце поворотил домой. 5 ноября он сошёлся нечаянно с Нахимовым, они вздохнули друг о друге, выпили по чарке-другой марсалу и расстались. К рассвету 6 ноября Новосильский вышел из виду эскадры Нахимова. Нахимов был брошен совершенно один и… пошёл к Синопу. Я думаю, что всякий, кто не может быть равнодушен к успеху русского оружия, в высшей степени заинтересован этой минутой. Всякого дерёт по коже приятный мороз, и всякому хотелось бы в эту славную минуту быть на палубе «Императрицы Марии» подле добродушного адмирала Нахимова, который служил свою службу отечеству без малейших видов, которому и во сне не снились приказы, подобные отданному сейчас эскадре Новосильского».

Если опустить длиннейшее описание «севастопольцем» подробностей «игры в шахматы», то смысл его повествования сводится к следующему: начальник штаба, имевший в своём распоряжении практически всю боеспособную часть Черноморского флота, вероломно поступает со своим соратником вице-адмиралом Нахимовым, не давая ему помощи, в которой тот нуждается, и выжидает случая, чтобы воспользоваться самому находящейся в его распоряжении военной мощью. Корнилов со своей эскадрой ищет турецкий флот в открытом море. Но случилось так, что этот флот, открытый в Синопской бухте малочисленной эскадрой Нахимова, был разбит ею. Корнилов же, опоздав к месту сражения, понял, что «проиграл партию в шахматы».

И вот здесь автор даёт волю своему и без того разыгравшемуся воображению, описывая состояние души Корнилова, когда тот с опозданием приплыл к Синопской бухте

на пароходе «Одесса» и увидел горящие турецкие корабли — свидетельство полной победы Нахимова. Какую бурю чувств живописует туг автор! *«Только два часа опоздал Корнилов!* — восклицает он. — *Какой урок! Когда, кипя и терзаясь, стоял он на палубе своего парохода, вперив глаза в победоносный пламень и дым».*

«После подобного словоизвержения, — пишет капитан-лейтенант Ф.Нарбуг, — всякий должен назвать Корнилова человеком в высшей степени честолюбивым, у которого все помышления были лишь только о своём возвышении и что польза Отечеству и долг гражданина и воина ему были решительно неведомы. И это всё о том Корнилове, который создал впоследствии всю оборону русской Сарагоссы; о том Корнилове, который говорил нам на бастионах «отступления не будет; коли меня, если велю отступать» — слова знаменательные. О том Корнилове, который был всё: и опытный адмирал, и образованный генерал, и наилучший администратор, и отличный инженер. Кому из нас не приходилось видеть, и весьма часто задолго до высадки союзников в Крыму, этого великого человека и за военной историей, и за фортификацией, несмотря на многотрудные и разнообразные его занятия. В книге Жандра ещё недостаточно собраны все материалы для составления биографии этого редкого и великого человека; ещё не настало время для его историка. Корнилов был не только уважаем своими подчинёнными за свои глубокие познания по всем отраслям морского и военного дела и за редкую справедливость в оценке подчинённых ему людей, — но мы утвердительно говорим, что он был искренне любим всеми теми, кто сам честно служил, а их был легион.

Теперь рассмотрим, насколько справедливы «Записки севастопольца» в отношении того, что Корнилов якобы бросил Нахимова на произвол судьбы перед Синопским боем. Приводим для этого официально засвидетельствованную выписку из шканечных журналов, из которой всякий увидит, что Корнилов послал к Нахимову эскадру Новосильского и вменил ей в исполнение дать Нахимову такие силы, какие потребуются, и что встреча эскадр не была случайная, и что действительно та эскадра, состоящая из 6 судов, которую счёл Корнилов за эскадру Нахимова, была не турецкая, а Нахимова. Нахимов слышал выстрелы сражения «Владимира» с «Перваз-Бахри» и даже буксировался на эти выстрелы. Откуда же взял Севастополец, что виденная эскадра была турецкая?..

…Выписки из шканечных журналов: 120-пушечный корабль «Великий Князь Константин».

Под флагом вице-адмирала Корнилова.

4 ноября с полудня случаи.

…В час прибыл на корабль контр-адмирал Новосильский… после этого отбыл на свой корабль «Три Святителя», а начальник штаба Черноморского флота и портов перешёл со своим штабом на пароход «Владимир» — эскадра же, построившись в 2 колонны, последовала на R OSO3/4O.

5-го с полуночи случаи.

Находясь в эскадре в Чёрном море и следуя на соединение с крейсирующим отрядом (Нахимова. — С. К.) ***у мыса Керемпе.***

120-пушечный корабль «Три Святителя».

Под флагом контр-адмирала Новосильского.

5 ноября с полудня случаи.

В $^{3}/_{4}$ 1-го часа контр-адмирал Новосильский воротился с парохода «Владимир» на корабль со словесным приказанием начальника штаба «следовать к эскадре вице-адмирала Нахимова для перемены его кораблей другими кораблями, если будет нужно, а уж потом возвратиться в Севастополь».

6 ноября с полуночи случаи.

В 8 часу утра по распоряжению вице-адмирала Корнилова корабли нашей эскадры «Ростислав» и «Святослав» и бриг «Эней» поступили в эскадру вице-адмирала Нахимова, а корабль «Ягудиил» и бриг «Язон» в нашу эскадру».

В марте 1868 года в «Морском сборнике» появляется статья Н.Рыкачёва по поводу «Записок севастопольца». Рыкачёв стремится воссоздать образ Корнилова, «если возможно, из того же материала, которым пользовался автор (аноним. — *С.К.*)»: «Таким можно изобразить Корнилова, пользуясь красками автора «Записок севастопольца»: Из этих отрывочных фраз перед читателем возникает образ необыкновенно энергического, талантливого и способного военного человека. Его военные дарования и необыкновенная деятельность известна всем… Он наследник знаменитого Лазарева, и он знает, какую нравственную ответственность берёт на себя вместе с этим наследством… Наследство выпадает ему на долю в минуту самую критическую. Сильно пахнет войною. Чёрное море курится от дыма пробных выстрелов. Но Корнилов не упадает духом, он работает ещё сильнее».

Рыкачёв, отдавая должное его несомненно блестящим талантам, выводит и чисто человеческие качества адмирала, тактично касаясь такой тонкой материи, как служебное честолюбие: «…В лихорадочной деятельности Владимира Алексеевича, появляющегося почти одновременно в Николаеве и в Севастополе и успевающего в то же время выследить турецкий

флот, взять приз после упорного боя и затем готовиться к защите Севастополя и Крыма, — мы видим только понятное военное честолюбие человека, которому был поручен… Черноморский флот, завещанный ему же М.П.Лазаревым, преемником Грейга». Рыкачёв снова возвращается к этому мотиву несколькими страницами позже: «…Мы уже говорили, что не берём на себя смелость определить те чувства, которые руководили адмиралом Корниловым… Мы даже допускаем мысль, что честолюбивый, энергический, умный и талантливый начальник штаба Черноморского флота *скорбел душой,* что ему не удалось принять участие в славном морском сражении, при подготовке которого он сделал так много. Соревнование не есть зависть. В этом случае мы верим в соревнование и не допускаем зависти. Нам известно положительно, что Корнилов первым отдавал должную справедливость значению Синопского боя. Он не только в Севастополе говорил с увлечением о поведении нашего флота и наших адмиралов в Синопе, но успевал ещё при всех своих громадных трудах извещать своих далёких знакомых и друзей о славном сражении, о котором писал сам с увлечением, с восторгом. Такое письмо было написано им вскоре после сражения к командиру фрегата «Диана», капитану С.С.Лесовскому, находившемуся в то время на пути из Рио-Жанейро в Тихий океан».

Итак, перед нами «портрет после реставрации». На этом можно было бы и закончить. Но хочется внести одно дополнение. Статья «Русского Архива», получившая такую скандальную известность, думается, появилась не случайно. Предположение выступавших против неё о том, что она была вызвана «чувством зависти, злости к мизантропическим, больным настроением ума», отнюдь не исключается, но кажется малоубедительным и немного наивным объяснением. Конечно, это останется областью домыслов, но, должно быть, в русском обществе были лица, заинтересованные в том, чтобы очернить славу недавних героев.

В статье капитан-лейтенанта Ф.Нарбута читаем такую фразу: «Пусть пишут все, кто что знает о знаменитой обороне Севастополя и о деяниях черноморцев, правда выяснится сама… но зачем же скрывать своё имя в таком случае?» Словно в ответ на это иронически замечает Рыкачёв: «Мне решительно неизвестно, кто автор рассматриваемой статьи. Но должен быть русский, потому что устыдился подписать своё имя под таким творением».

Вот что писал капитан-лейтенант Афанасьев в «Ответе моряка» «Русскому Архиву»: «Это поразительное явление (статья анонима. — *С. К.*)ещё более возбуждает чувство крайней обиды, что оно прикрыто знаменем «Русского Архива», который, по

подстрочному замечанию редакции, признал полезным закрепить печатью эти отрывки в том убеждении, что они *будут иметь цену на весах последующей беспристрастной истории.* Мы понимаем, что «Русский Архив» есть сборник материалов для русской истории и было бы странно с нашей стороны требовать от него исторической критики для очистки помещаемых в нём статей, но мы совершенно вправе ожидать от всякой редакции деликатности, требовать, чтобы заявлением очевидно ложного отзыва о наших адмиралах без имени автора и, следовательно, на полную ответственность редакции, не раздражали в нас чувства справедливости».

Возникает вполне обоснованное предположение, что аноним был поддержан в «Русском Архиве» и что он был не одинок. На эту же мысль наводит и отрывок одной из статей: «…решается идти один, невооружённый, жалкий против поднявшейся бури всего самого честного и горячего, что встаёт на него поголовно». Именно эта его «единичность» и кажется странной.

«Статья эта по содержанию своему не заслуживает ничего более, как полного забвения», — читаем мы у Рыкачёва. Да. Но мы скажем, что ещё она принесла пользу, как ни странно это звучит рядом со всем, что здесь уже о ней сказано. Более красноречиво, образно, чем у авторов статей, выразить это трудно, да и незачем: «А между прочим, нельзя не сказать и спасибо — через грязь проглянет золото, и мы снова напомним нашим соотчичам дорогие для всех нас русских имена наших адмиралов — Лазарева, Нахимова и Корнилова…» Это Нарбут. А блистательно — художественной аллегорией Рыкачёва мы завершим наш разговор: «И вместе с тем, из этих записок… являются ещё выше, ещё светлее два образа наших адмиралов, Нахимова и Корнилова. Как древние статуи из вечного несокрушимого мрамора, забрызганные грязью и желчью, запылённые временем, встают они перед читателем и поражают его изяществом форм и неподражаемым искусством ваятеля… Первый дождь смывает эти следы, и они восходят на свои пьедесталы непоколебимые и доступные только справедливому удивлению и поклонению потомства». И пытливому, глубокому достойному их исследованию, — добавим мы от себя.

* * *

…Синопское сражение закончилось небывалой победой Черноморского флота: турки потеряли 15 из 16 кораблей и около трёх тысяч человек убитыми и ранеными. В плен были взяты

командующий турецкой эскадрой вице-адмирал Осман-паша, три командира корабля и около 200 матросов. Черноморская эскадра не потеряла ни одного корабля.

…Из письма В.А.Корнилова жене от 22 ноября 1853 года, Севастополь.

> «…Битва славная, выше Чесмы и Наварина, и обошлась не особенно дорого: 37 убитых и 230 раненых. Офицеры все живы и здоровы, ранены только один мичман и два штурманских офицера и штурман убит. Я с отрядом пароходов пришёл в начале и потому был свидетелем великого подвига Черноморского флота. Ура, Нахимов! М.П.Лазарев радуется своему ученику!..»

За мужество и храбрость, проявленные в бою, были награждены различными орденами и медалями 170 офицеров и 250 матросов [125].

Вице-адмирал П.С.Нахимов за Синопскую победу был удостоен высшей награды — ордена Святого Георгия 2-й степени (большого креста) [126].

Вице-адмирал Корнилов был награждён орденом Святого Владимира 2-й степени. В наградной грамоте говорилось:

> «Нашему генерал-адъютанту начальнику штаба Черноморского флота и портов вице-адмиралу Корнилову.
>
> В ознаменование монаршего благоволения нашего за отличные распоряжения Ваши при военных действиях Черноморского флота Всемилостивейше жалуем Вас кавалером ордена Святого Равноапостольного князя Владимира второй степени, коего знаки, при сём препровождая, повелеваем возложить на себя и носить по установлению.
>
> Пребываем к Вам Императорскою нашею милостью благосклонный
>
> Николай».

Синоп стал «лебединой песней» парусного флота.

На юге России вспыхнуло пламя Восточной — Крымской войны.

Глава одиннадцатая

…«Павел Степанович (Нахимов. — *С. К.*)не любил рассказывать о Синопском сражении, — вспоминал его адъютант. — Во-первых, по врождённой скромности и, во-вторых, потому, что он полагал, что эта морская победа заставит англичан употребить все усилия, чтобы уничтожить боевой Черноморский флот, что он невольно сделался причиной, которая ускорила нападение союзников на Севастополь». Он оказался прав.

Реакция Лондона, а затем и Парижа последовала незамедлительно: английская и французская эскадры, стоявшие в Безике, были переведены в Мраморное море, ближе к Константинополю, — так сильно опекали Османскую империю «озабоченные» её судьбой две крупнейшие колониальные державы, которые нашли повод для ослабления России и уничтожения её Черноморского флота, а также отторжения от неё в пользу Турции Кавказа, Крыма. Что касается Австрии, Пруссии и Швеции, то им обещали отторгнуть от России Аландские острова, Финляндию, польские земли, Прибалтику, дунайские княжества и устье Дуная — в обмен на их согласие участвовать на стороне антирусской коалиции.

И хотя гибель турецкого флота в Синопе ровным счётом ничего для Англии не значила, для «развязывания рук» нашёлся повод, а воевать Англия была готова только опасаясь за своё собственное морское, политическое и экономическое могущество, которому угрожали притязания российского монарха на Ближнем Востоке и Балканах.

Английские солдаты, которых отправили к берегам Дарданелл, выражали своё мнение о турках открыто и в традиционно высокомерной манере: «Нас отправили воевать за неправое дело, защищать народ, презираемый любым христианином…» [127] «Однако… всем было понятно, что Англия и Франция воевали против России, а не отстаивали независимость Турции. В Лондоне и, в несколько меньшей степени, в Париже царил милитаристский энтузиазм. Никто не хотел окончания войны. Тех, кто пытался говорить о необходимости завершения боевых действий, освистывали… Газета «Таймс» писала: «Великие политические цели войны не будут достигнуты до тех пор, пока существует Севастополь и русский флот». Военная экспедиция в Севастополь называлась «основным условием достижения вечного мира». Член палаты лордов Линдхерст во всеуслышание и при всеобщей поддержке

заявил: «Мы должны пойти на заключение мира только в самом крайнем случае» — и добавил: «Было бы самым величайшим несчастьем для всей человеческой расы, если бы этой варварской нации, врагу любого прогресса… удалось закрепиться в самом центре Европы…»» [128]

«И даже сама королева (Виктория. — *С. К.*), всего несколько недель назад сомневавшаяся в том, что Англия «должна выступить на защиту так называемой независимости Турции», теперь была уверена в том, что страна просто обязана это сделать» [129].

Что касается Франции, то именно она оказала давление на союзницу, чтобы ввести объединённую эскадру в Чёрное море. Наполеон III, жаждавший реванша за позор своего тёзки в 1812 году, готов был заключить военный союз даже с исконным врагом — Англией, лишь бы против врага злейшего — России.

Россия оказалась в состоянии войны с могущественным альянсом Великобритании, Франции и Османской империи.

> «Когда мы сегодня пишем о том, что в Крымской войне участвовала Турция, мы вводим в заблуждение современного читателя. Наш современник со словом «Турция» ассоциирует средней величины государство, располагающееся между Чёрным и Средиземным морями. В середине XIX века с Россией воевала не Турция, а Высокая Порта, или Оттоманская империя, основанная турками-османами. В её состав входили громадные пространства практически от Гибралтара до Персидского залива и от Балкан до Сирии, Палестины, Египта и Судана. То же самое следует иметь в виду, говоря о Французской империи той поры (север Африки и другие колонии), о Британской империи, над которой «никогда не заходило солнце» (территории от Канады до Китая), и империи Австрийской (достаточно напомнить о её председательстве в Германском союзе, не говоря уже о Венгрии, итальянских землях и других территориях)… Территориальные и людские ресурсы напавших на Россию государств-империй фактически включали в себя преобладающую часть современной Европы (помимо собственно Великобритании, Франции, Австрии и Турции, это Молдавия, Румыния, Болгария, Сербия, Албания, Босния, Герцеговина, Черногория, Хорватия, Мальта, значительная часть Италии, а не только одна Сардиния; Чехия, Словакия, Венгрия, Пруссия, государства Германского союза и др.), большие

территории в Африке и Северной Америке (Канада), азиатские пространства, включая часть не принадлежавшего на тот момент России Кавказа (Батум, планы поддержки Шамиля и др.), Индию, Австралию и Новую Зеландию, а также другие земли.

В результате в армиях напавших на Россию государств господствовал полный антироссийский интернационал: рядом с англичанами и ирландцами, шотландцами и французами, итальянцами и турками воевали австралийцы и новозеландцы, поляки и венгры, немцы и швейцарцы, египтяне и тунисцы, горцы и североамериканцы. Французы привезли в Крым экзотических зуавов» [130].

23 декабря 1853 года флот англо-французской коалиции вышел из Босфора в Чёрное море. 27 марта 1854 года Франция объявила России войну, а 28 марта то же сделала Англия. Началась Самая Первая Мировая война.

* * *

Появление на Чёрном море флотилии союзников, почти наполовину состоявшей из современных паровых винтовых кораблей, показало, что соотношение сил на морском поле боя изменилось, и не в пользу Черноморского флота.

«Вице-адмирал Корнилов прекрасно понимал, что парусные корабли России не могут вести успешную борьбу против огромного союзного парового флота, и принял ряд срочных мер по ускорению постройки заложенных в Николаеве паровых судов. В связи с ограниченным запасом каменного угля Корнилов поставил перед Главным морским штабом вопрос об увеличении его поставок для Черноморского флота. Одновременно им были приняты меры по ремонту парусных кораблей, повреждённых в Синопском сражении и изношенных в длительных крейсерских плаваниях.

По поводу состояния Черноморского флота Корнилов писал в январе 1853 года: «Корабли наши покуда не в полной готовности. Герои Синопа потребовали мачт новых и других важных рангоутных дерев, а старики надорваны усиленным крейсерством в глубокую осень и нуждаются в капитальных

исправлениях; меры берём, но нелегко исправить без запасов».

И он принял меры» [131].

А.П.Жандр:

> «Все эти работы надлежало исполнить в самое короткое время — и Севастопольское адмиралтейство, вполне отвечая пламенному усердию к службе начальников, превратилось в огромный муравейник, в котором необычайная деятельность не прекращалась несколько месяцев сряду: люди менялись, трудясь поочерёдно, работа кипела день и ночь, и корабли выходили на рейд один за другим».

В то же время на верфях Николаева ускоренно достраивались три пароходофрегата, и ко второй половине февраля 1854 года удалось восстановить боеспособность основной части флота. Вице-адмирал начал готовить Севастополь к отражению внезапной атаки неприятеля. «Он распорядился создать и обучить резерв из моряков для обслуживания крепостной артиллерии на приморских батареях. Для отражения нападения с моря корабли Черноморского флота, имевшие на вооружении около 2000 орудий, были расставлены по диспозиции, составленной Корниловым: 6 лучших кораблей находились в постоянной готовности к выходу в море; 3 корабля встали на линии между Графской пристанью и Павловской батареей; в глубине Южной бухты находились малые корабли, пароходы и транспорты; остальные суда стояли на рейде, взаимодействуя с приморскими батареями. Чтобы заградить вход на рейд, начали устанавливать новый бон. Из экипажей ремонтирующихся кораблей сформировали команды для поддержки гарнизонов Николаевской, четвёртой и построенной плавучей батареи на 10 орудий. Для усиления позиций судов в глубине рейда силами моряков кораблей «Париж», «Двенадцать Апостолов» и «Святослав» были возведены западнее «Голландии» и Килен-балки три земляные батареи, вооружённые 59-ю орудиями…» [132]

А.П.Жандр:

> «Утром 23 декабря впервые подошёл к Севастополю английский пароход «Ретрибюшен» с депешами из Константинополя. Зимняя пасмурность помешала телеграфам увидеть издали его приближение; однако ж три выстрела Николаевской батареи успели остановить

его вне рейда. Дежурный пароход «Бердянск» послан немедленно на взморье принять депеши, и англичанин, по ответе нашем на его салют, ушёл в море. Видя в этом дерзкую попытку осмотреть рейд, князь Александр Сергеевич приказал прибавить к назначенным при тревоге на батареи № 10, Александровскую и Константиновскую лейтенантам ещё по два на каждую; с тем чтобы офицеры эти дежурили по очереди на батареях днём и ночью, и, в случае появления иностранных военных судов, останавливали бы их вне батарей до разрешения высшего начальства. Кроме того велено: снять вехи со взморья; закрыть хворостом створные Инкерманские маяки, указывающие курс на рейд, дабы днём с моря нельзя было различать створа; не зажигать ночью огней на Херсонесском и створных маяках и разделить рейд на внешний и внутренний, поставив поперёк его бон, предназначенный для Южной бухты. Владимир Алексеевич приказал устроить этот бон из старых корабельных мачт и бушпритов, связанных между собою цепями, и поставить его на якорях восточнее Артиллерийской бухты. Для быстроты изготовление разных частей бона возложено на флотские экипажи, из которых каждый обязан был доставить, корабельными средствами, свою часть бона на место, где капитан-лейтенант Попов устанавливал их в должном направлении. Через два дня большая часть бона была готова, а 30 декабря он окончательно установлен так, что, по надобности, его удобно можно было разводить и заводить в двух местах.

…29 декабря Командир Севастопольского порта вице-адмирал Станюкович отдал приказ о том, что Его Светлость предоставил ему, как Военному Губернатору города, принять на себя общую оборону южной стороны Севастополя, а 2 января Нахимов поднял свой флаг на «Двенадцати Апостолах» и вступил в командование кораблями и фрегатами, стоявшими в боевой позиции в глубине рейда. Таким образом, защита Севастополя с моря лежала на вице-адмирале Нахимове как старшем флагмане, а оборона порта с сухого пути — на вице-адмирале Станюковиче; Корнилов же, по званию Начальника Штаба Черноморского Флота, обязан был иметь высший надзор за всем, относящимся до морского дела, и специально заниматься обороной Севастопольской гавани».

«Прежде всего необходимо было исключить для врага малейшую возможность ворваться на рейд. 17 марта 1854 года Корнилов произвёл рекогносцировку побережья от Херсонесского маяка до мыса Лукулл. Оказалось, неприятельские корабли могут подойти к побережью в тыл Константиновской батарее и держать под обстрелом не только это укрепление, но и флот, находящийся на рейде. А так как два орудия в «башнях Мортелло» не могли серьёзно противостоять этим действиям, было принято решение о срочном строительстве земляной батареи и каменной башни в этом районе.

Солдаты полковника артиллерии Карташова быстро возвели земляную батарею на пять орудий, а вот строительство каменного укрепления требовало немалых средств. У строителя крепости генерал-лейтенанта Павловского таких денег не было, не имел их и главнокомандующий (князь А.С.Меншиков. — *С. К.*). И тогда вице-адмирал Корнилов обратился за помощью к отставному подпоручику Даниилу Волохову, который был подрядчиком у Морского ведомства… и слыл весьма состоятельным человеком… Волохов оказался настоящим русским патриотом и взялся своими силами и средствами построить башню. 31 марта приступили к работам, а 21 апреля 1854 года укрепление было завершено… В бою 5 октября 1854 года орудия башни Волохова — так её именовали в крепости — нанесли большие повреждения кораблям союзников, имея незначительные потери» [133].

«Почти в это же время союзная эскадра появилась близ Севастополя. В течение десяти дней, удерживаясь за пределами дальности стрельбы береговых батарей, она крейсировала на подходах к Севастополю, но не решалась атаковать город с моря. В связи с появлением крупных сил союзного флота в районе Севастополя Корнилов в приказе по флоту писал: «Появление англо-французской эскадры у самого входа в Севастополь требует со стороны судов флота особой бдительности и совершенной готовности в самое короткое время сняться с якоря и следовать для атаки неприятеля». Сторонник решительных наступательных действий, также всегда и трезво оценивая обстановку и не предпринимая опрометчивых действий, которые могли бы привести к неоправданной гибели кораблей и личного состава,

Корнилов, правильно оценив соотношение сил, не стал вступать в бой с мощной эскадрой паровых кораблей, длительное время маневрировавших на подходах к Севастополю.

Но, несмотря на присутствие в Чёрном море крупных сил союзного флота, русские корабли не отстаивались в Севастополе, а активизировали боевую деятельность. Они вели разведку у побережья Крыма и Кавказа, противодействовали попыткам отдельных вражеских кораблей приблизиться к Севастополю, поддерживали связь между главной базой флота, Николаевом и Одессой, развернули активные бои на морских коммуникациях противника.

По инициативе В.А.Корнилова впервые предпринимались набеговые действия пароходофрегатов на удалённых участках вражеских коммуникаций. В них участвовали пароходофрегаты «Владимир», «Эльборус», «Тамань». Эти действия паровых судов проводились в условиях, когда на Черном море господствовал англо-французский флот. Однако он оказался не способным надёжно защитить турецкие прибрежные морские коммуникации» [134].

«Перед каждым выходом судов в море Корнилов лично осматривал выделенные для набега корабли и инструктировал командиров. Опираясь на Севастополь, пароходофрегаты скрытно проникали в такие удалённые районы турецких коммуникаций, как Синоп, Босфор, Варна и другие. Появляясь неожиданно для турок и союзников в этих районах, они наносили короткие внезапные удары по вражеским судам и быстро уходили в море.

Летом 1854 года пароходофрегаты «Владимир» и «Эльборус», выйдя из Севастополя, совершили скрытый переход к анатолийскому побережью Турции и нанесли внезапный удар по прибрежной коммуникации противника, уничтожили шесть вражеских судов и благополучно вернулись в Севастополь. Набеги пароходофрегатов на прибрежные коммуникации держали турок в постоянном напряжении. «Воображаю, — писал один из участников похода, — какие ужасы ходят в Константинополе о первом партизанском набеге и с какими прибавлениями и украшениями передаются эти новости из уст в уста».

И в условиях войны Корнилов не забывал и о

повседневной боевой подготовке кораблей и соединений Черноморского флота: несмотря на боевые действия и на господство англо-французского флота, корабли и эскадры постоянно выходили в море на учебные стрельбы и для отработки маневрирования.

Для лучшей организации боевой подготовки крупных артиллерийских кораблей Корнилов в июне 1854 года свёл все линейные корабли в четыре отряда (по три корабля в каждом отряде). Эти отряды поочерёдно выходили из Севастополя в море для отработки учебных задач. После возвращения отряда в базу на смену ему выходил другой. И так продолжалось до второй половины августа. Подводя итоги боевой подготовки кораблей и соединений Черноморского флота, вице-адмирал Корнилов в приказе от 18 августа 1854 года писал: «Удовлетворительное состояние морских работ на кораблях даёт возможность прекратить ежедневный выход корабельного отряда для крейсерства в виду Севастополя… Объявляя о сём прекращении крейсерства корабельных отрядов, пользуюсь случаем, чтобы объявить флагманам, командирам, офицерам и командам признательность начальства за то усердие, с которым корабли в продолжение трёх месяцев поддерживали крейсерство» [135].

А.П.Жандр:

«Отличительный характер действий Корнилова состоял в том, что он имел способность увидеть с первого взгляда главные, существенно необходимые, по обстоятельствам, распоряжения; энергически приводил их в исполнение, а потом, если время позволяло, переходил от главного к подробностям, рассматривал тщательно всякую частность и постепенно дополнял и совершенствовал первые распоряжения…

Враг апатии во всём, и более всего — апатии в исполнении, казнивший беспощадно своим едким словом тех распорядителей, которые ограничивали свои действия подписью на бумаге и не понимали разницы между написанным и сделанным, — Корнилов был человек энергический по преимуществу, любил собственными глазами видеть, как приведены в дело его распоряжения, и на месте решал, что в них надобно изменить или дополнить. Как человек практический, он

ничего не изобретал в кабинете, а извлекал свои предположения из самого опыта, и в этом отношении были чрезвычайно полезны беспрерывные смотры, которым он умел придать особенное значение, из которых каждый имел непременным следствием улучшение осматриваемой части…

Как человек, с любовью взявшийся за какой-нибудь труд, не ограничивается уже сделанным, потому только, что оно одобрено другими, но рассматривая предмет со всех сторон, старается отыскать недостатки собственного дела, отстранить их и усовершенствовать своё создание, — так Владимир Алексеевич Корнилов, постоянно обдумывая средства Севастополя к защите и живя одною мыслью — усилить их, постепенно, как мы видели выше, исправлял и, пользуясь обстоятельствами, совершенствовал им же предложенные распоряжения к морской обороне порта. Постоянно проникнутый желанием общей пользы, совершенно уверенный в том, что во всяком деле тогда только достигается полный успех, когда частные начальники вполне понимают намерения главного распорядителя, Владимир Алексеевич составил подробную инструкцию командирам судов, на рейде стоявших, и командирам береговых батарей при разных случаях отражения неприятеля и объявил по Севастопольскому порту 18 марта:

«Манифест 9 февраля объявил России возможность войны с Англией и Францией.

Предприимчивый и притом сильный на море неприятель может против Севастопольского порта предпринять следующие действия:

a) Правильную атаку десантом и флотом самого порта и флота в нём стоящего.

b) Внезапную атаку внешних укреплений.

c) Истребление стоящих в порте судов брандерами, и

d) Бомбардирование с внешних рейдов…»»

«Наиболее вероятным Корнилов считал внезапное нападение на внешние приморские батареи (Константиновскую и № 10) с последующим прорывом кораблей в Севастопольскую бухту. В этом случае, по мнению Владимира Алексеевича, особую опасность представляли паровые суда, которые могли прорваться на рейд под покровом ночи или днём в плохую видимость. «Быстрота, с которой пароходы могут

переноситься с места на место, и определительность их плавания, — писал Корнилов, — особенно благоприятствуют внезапным атакам».

Чтобы защитить Севастополь от внезапного нападения противника с моря, он предложил предусмотреть: развёртывание сети береговых постов для наблюдения за подходами с моря с целью информации командования о передвижениях неприятельских кораблей в районе Севастополя; поддержание повышенной боевой готовности приморских батарей к отражению возможных внезапных атак противника; взаимодействие береговой и корабельной артиллерии при отражении внезапных атак; создание отрядов гребных судов для уничтожения десантно-высадочных средств противника: назначение пароходофрегатов для поддержки гребных судов и нападения на паровые суда противника.

Им же были разработаны два варианта боевого расписания кораблей и береговых частей флота для отражения атаки союзников со стороны моря и суши. В каждом из этих вариантов перечислялись конкретные сила, средства, задачи и способы их решения.

Сторонник активной обороны главной базы флота, Корнилов предусматривал не только использование корабельных сил с якорных позиций в Севастопольской бухте, но и выходы кораблей в море для атаки неприятельских судов на подходах к Севастополю. В приказе об усилении бдительности и повышении готовности кораблей к выходу в море с целью атаки противника он писал: «Появление англо-французской эскадры у самого входа в Севастополь… требует со стороны судов флота особой бдительности и совершенной готовности в самое короткое время сняться с якоря и следовать для атаки неприятеля»» [136].

А.П.Жандр:

«Самый смелый из неприятельских пароходов подходил к Севастополю 31 марта. В 5 ¼ часа утра, при очищавшемся тумане, он был замечен телеграфами, и на корабле «Великий Князь Константин» подняты сигналы: «Пароходу 'Херсонес' развести пары, фрегатам 'Кулевчи' и 'Коварна' приготовиться к походу, брандвахте развести бон». Пароход имел австрийский флаг и шёл мимо Качи

и Бельбека; миновав последний, он лёг на NW к русскому купеческому судну «Святой Александр Невский», шедшему в Евпаторию…. Между тем неприятельский пароход навалил на купеческое судно, взял его на буксир, дал ход и поднял английский флаг. В 7 часов фрегат «Коварна» вышел из-за Константиновской батареи и неприятель тотчас отрубил буксир, спустил флаг и побежал в море; фрегаты были на ветре, сближаясь с неприятельским пароходом, а бриги и пароход «Херсонес» следовали за фрегатами. За Херсонесским маяком ветер стал стихать, и англичанин, пользуясь этим, лёг круче, стараясь выйти на ветер у фрегатов; в 9 ¼ часа он снова поднял английский флаг и сделал 4 выстрела по направлению между фрегатами; снаряды его не долетали до них кабельтова на полтора, так же как и два ядра, которыми «Кулевчи» отвечал на его вызов. Ветер стихал, ход фрегатов уменьшился, и пароход уходил всё более и более; в 11 ½ часа он скрылся, а наши суда поворотили к Севастополю.

Князь Меншиков и Корнилов смотрели на погоню с городского центрального телеграфа, который был поставлен на самом возвышенном месте Севастополя и принимал сигналы окрестных телеграфов; горизонт с него открывался весьма обширный, но по тесноте верхней площадки телеграф был неудобен для переговоров военными морскими сигналами с плававшими в виду порта судами. Для этой цели, по распоряжению Владимира Алексеевича, на площадке, возвышавшейся над портиком Севастопольской морской офицерской библиотеки, поставлен был флагшток, который, подобно шлюпочной мачте, легко мог быть убран и вновь поставлен. Площадка шла по всей длине здания; с неё были видны, как на ладони, рейд, взморье и весь город, и потому она была превосходным пунктом для присутствия главного начальника в случае битвы у Севастополя. С тех пор движения всех судов, принадлежали ли они к эскадре Корнилова или к эскадре Нахимова, направлялись сигналами библиотеки…»

При постоянной угрозе нападения на Севастополь Владимиру Алексеевичу приходилось заниматься столь различными по характеру делами, что остаётся удивляться, как хватало ему времени и терпения уладить, разрешить, добиться, перестроить

всё то, что через несколько месяцев должно будет называться «обороной».

А.П.Жандр:

> «В остальные дни апреля месяца союзный флот не подходил к Севастополю ближе 25–ти миль. Он держался преимущественно в виду Георгиевского монастыря, но густой туман, не прекращавшийся до первых чисел мая, препятствовал нам знать с точностью число судов флота: иногда с Георгиевского телеграфа видно было 31 военное судно, в другой раз насчитывали только 27 судов. В Севастополе же — ученья, пробы, смотры, работы, а с удалением флота и ночные крейсерства мичманов, на вооружённых катерах, между Песочной бухтой и Константиновской батареей, — продолжались по-прежнему.
>
> Для исследования причин увеличения, с наступлением тёплых дней, больных в Черноморских экипажах в половине апреля назначена была комиссия из контр-адмирала Истомина, двух командиров кораблей, медицинского Инспектора порта и Главного доктора госпиталя. Посетив ночью несколько кораблей, комиссия удостоверилась, что не везде требуют, чтобы матросы спали непременно в подвешенных койках: некоторые командиры 84-пушечных кораблей не дозволяли подвешивать коек в верхней батарее или опередек, а так как в одной нижней батарее нет возможности подвесить койки всей команды, то часть экипажа, по необходимости, должна была спать на палубе. Докладывая Владимиру Алексеевичу мнение комиссии об устройстве временных лазаретов на окрестных хуторах, свежий и здоровый воздух которых мог скоро восстанавливать силы слабых и выздоравливающих, Истомин намекнул, что не все матросы спят в подвешенных койках. Корнилову было довольно этого намёка. Деликатный в обращении с подчинёнными, которых уважал, он редко делал выговоры за небольшие неисправности, а рассказывал обыкновенно в таком случае анекдот о каком-нибудь старом корабле и, сравнивая тогдашние порядки с нынешними, ловко объяснял виноватому, что ложный взгляд его на предмет производит беспорядок, нетерпимый на исправных судах, — и догадливый командир, понимая, что

Корнилов не хочет только назвать его, не ожидал повторений. К такого рода выговорам можно отнести и следующий приказ о койках, отданный по флоту 24 апреля; из него все поняли, что Корнилов считает своим долгом искоренить вкрадывающийся на флоте беспорядок, и в то же время, сохраняя уважение подчинённых к своим капитанам, не хочет назвать виноватых.

«Во всех военных флотах, не исключая турецкого, принято, чтобы нижние чины на судах спали в подвешенных известной формы койках, и к особенной заботливости капитанов отнесено наблюдать, чтобы подвешивание непременно исполнялось.

В русском военном флоте койки введены с его основания и по штату всегда полагались. Штатом же 1840 года постановлено отпускать на каждого человека по две койки из парусины, собственно для коек отделываемой, дабы, во время мытья одного комплекта, на другом спали.

…Всякий из нас помнит, как настоятельно он требовался (порядок. — *С. К.*) покойным адмиралом Лазаревым; опытный адмирал отдавал много приказов и подробных инструкций о подвешивании коек и обращении с ними, видя в сей принадлежности морской жизни матроса предмет, наиболее способствующий к сохранению его здоровья; ибо адмиралу Лазареву, как много плававшему, известно было лучше чем кому-либо: 1) что в койке только матрос может заснуть сухо; 2) что в койке только матрос непременно разденется, ибо иначе в неё трудно лечь, и 3) в койке только он будет спать на месте, ему определённом, что всегда важно для судового порядка.

Непомерное умножение больных в некоторых экипажах флота и особенно появление худосочия, к развитию коего ничто столько не содействует как не натуральный сон, и притом на сырой палубе, наводит меня на мысль, что не на всех судах строго наблюдают, чтобы нижние чины непременно спали в подвешенных койках и раздевшись; а потому я вынужденным нахожусь напомнить командирам судов, что таковое несоблюдение правил морской жизни, заведённых с давних времён всеми нациями, с пожертвованием значительных денег, отнесено будет начальством к неспособности к командованию, ибо нераспорядительность или

беспечность, в отношении к сохранению здоровья команды, не должна быть ни чем извиняема»».

* * *

Но как бы ни был энергичен, вездесущ, распорядителен вице-адмирал Корнилов, два обстоятельства были безраздельно властны над ним: Время и главнокомандующий Крымской армией и Черноморским флотом князь А.С.Меншиков. Если первое было неумолимо и необратимо, то второй был даже страшнее, потому что при своём самодовольно-капризном барском дилетантстве он был главнокомандующим.

Е.В.Тарле:

«Верил ли князь Меншиков в сбыточность высадки союзных войск? Допускал ли возможность потерять Севастополь и флот?…За два дня до высадки союзных войск в Крыму он писал генерал-адъютанту Анненкову: «Предположения мои совершенно оправдались, неприятель никогда не мог осмелиться сделать высадку, а по настоящему позднему времени высадка невозможна».

И, к сожалению, именно этот роковой, легкомысленный оптимизм вдруг овладел Меншиковым как раз перед катастрофой, перед десантом и Альмой. Достаточно прочесть о том, что когда Корнилов хотел показать Меншикову список офицеров и жителей Севастополя, давших добровольные пожертвования из личных средств на предстоящую оборону города, то Меншиков, отрицавший возможность высадки и осады, ответил: «Я не хочу видеть списка трусов…»» [137]

«…Ничто так не раздражало Меншикова в черноморцах, как выпестованный в них Лазаревым дух строптивости, своевольства, своеумствования, которым покойный Михаил Петрович дерзал испытывать даже и Высочайшее терпение; Бог весть, отчего государь император в своём неизречённом великодушии прощал ему такие вещи, за которые у других отскакивали эполеты от плеч. Продолжения лазаревщины на Черноморском флоте светлейший начальник главного морского штаба ни в коем случае не намерен был допускать, — а всё, что должно было опочить с

Лазаревым, своевольство его и самоумство, отошли от него, как по завещанию, к сухощавому и моложавому Корнилову, которого недаром молва и нарекла *преемником* ещё при лазаревской жизни…

…Достоинства Корнилова Меншиков знал не хуже других. Да, Владимир Алексеевич умён и знающ в делах флота, как никто, поглощён делами до того, что доводит себя до изнурения, до горловых кровотечений и чуть ли не до обмороков, поскольку лишает себя и сна, и отдыха, говорят, даже не крадёт ни копейки, как и Михаил Петрович, что великая редкость в империи, даже величайшая редкость… Но замкнутость Корнилова не мешала проницательному князю читать и сокровеннейшие движения души Владимира Алексеевича. Глаз он прятать не умел, а в свои годы светлейший верил не словам, а глазам людей, как и слушал не то, *что* они ему говорили, а то, *как* ему говорили… Глаза выдавали Корнилова с головой. Он, худородный дворянчик, адмирал с подтянутым кошельком, получавший от государя меньше, чем камергер светлейшего от светлейшего, смел судить в душе своей высших, сановных, сильных мира сего, не изымая из суда своего и самого светлейшего. Разумеется, Меншиков не мог знать, что в письмах к брату Корнилов титулует его светлость «болваном, брошенным царствовать над нашими болотами», но он и не нуждался в столь грубых подтверждениях своему чутью… Самовольство и самоумство!..

…Меншиков не мог обойтись без Корнилова в делах по флоту, но это не значило, что он должен был лишать себя удовольствия попортить кровь *преемнику,* когда тот *подставлялся.* Светлейшему доставляло утончённое наслаждение цинически творить зло под видом блага, ибо зло это бесило Корнилова, безнаказанно изводить его ханжескими речами… Разве это не являлось шедевром злословия — выставить севастопольцев, то есть прежде всего офицеров флота во главе с Корниловым, трусами, которые затряслись от страха ещё до первого пушечного выстрела в Крыму?.. Светлейший сделал всё от него зависящее, чтобы его *словцо* имело огласку и докатилось до Петербурга» [138].

В злополучной бумаге, предложенной Корниловым вниманию князя, речь шла о возведении оборонительной башни на

Малаховом кургане. Владимир Алексеевич, обладавший мужеством не опускать рук в обстоятельствах, когда другого душили бы гнев, бессилие и отчаяние, довёл задуманное до воплощения: были собраны необходимые средства, на которые был выкуплен участок земли у жителей слободы, которые имели там подсобные хозяйства, и приступили к строительству укрепления. Башня Малахова кургана, хотя и отмеченная смертями всех трёх адмиралов — Корнилова, Истомина и Нахимова, — даже наполовину уничтоженная первой бомбардировкой 5 октября, служила защитникам бастиона до самого последнего дня осады…

В городе, живущем всего в 15 днях отсрочки от вражеской интервенции, главнокомандующий ведёт бесконечно отупляющую бюрократическую переписку с Петербургом, бравурно отчитываясь о якобы выполненных работах по укреплениям, когда на самом деле солдатам даже не выдали инструментов для этих работ (эти инструменты привезли только спустя 3 дня *после* высадки); а из Петербурга Николай I, ещё не осведомлённый о свершившемся факте высадки, шлёт Меншикову приказания «сделать стену из камня, вал между третьим и четвёртым бастионами из грунта, но обязательно к *будущей весне»* (то есть весне 1855 года!). Таким образом складывалась хорошо узнаваемая, типичная для нас, русских, ситуация начальственного идиотизма, так бесившая всегда М.Е.Салтыкова-Щедрина и не изживаемая по сей день.

Князь В.И.Васильчиков, сменивший погибшего Корнилова на посту начальника штаба Севастопольского гарнизона, с тяжёлым сердцем и горькой иронией спустя много лет писал в своих мемуарах:

> «Замечательно, что в то самое время, когда петербургские сановники ежеминутно ожидали высадки то у Красной Горки, то против генерала Граббе, они же оставляли без внимания донесения… доказывавшие неизбежность высадки в Крыму, и не верили в возможность такого рискованного предприятия. Эгоистический Петербург видел одного себя и забыл о России. Итак, принятая нами система действий была чисто оборонительная; о каком-либо наступательном действии не было речи. Везде собраны войска, от Дуная до Финляндии и Кавказа; везде мы ожидаем почина со стороны врагов; везде стоим мы ружьё у ноги, ждём нападения. Но вместо того, чтобы сгруппировать свои силы, чтобы в данную минуту явиться на угрожаемом

пункте с достаточными для отражения врага средствами, мы везде разбрасываем наши силы и поэтому мы везде слабы.

Постоянно неудачные дела (в Дунайскую кампанию. — *С. К.*) сильно оскорбили сердце Николая Павловича. К его негодованию присоединилось тягостное чувство всего русского народа, скорбевшего о неуспехах нашего оружия, и все стали безотчётно требовать какого-либо дела, лишь бы победы. С этого времени водворился обычай требовать чего-нибудь, то есть не исполнения подробно обдуманного плана действий, долженствующего привести к предусмотренной цели, а блестящего действия какого бы то ни было рода, могущего служить рекламой и наделать шума.

…Итак, страна с 80–миллионным населением, страна, по преимуществу, военная, страна, жертвовавшая самыми жгучими своими потребностями и интересами для создания сильной многочисленной армии, в минуту развязки оказалась несостоятельной на том именно пункте, где ей угрожала действительная опасность, и постыдно проиграла сражение…»

Владимиру Алексеевичу оставалось жить меньше двух месяцев. Этого он не мог знать, но мог предчувствовать. Отправив в конце апреля из Севастополя детей и Елизавету Васильевну, беременную их последним ребёнком и ожидавшую родов в сентябре, он остаётся один. Одному Богу известно, что передумал вице-адмирал в эти дни и откуда брал силы, физические и душевные, для дел исполняемых и дел грядущих. За семнадцать лет счастливой супружеской жизни он, всегда писавший почти ежедневно жене, находясь с ней в разлуке, теперь завёл привычку отсылать ей дневник записей за несколько дней как одно письмо. В своём «июльском дневнике» Корнилов, как солдат перед боем, который может оказаться последним, пишет о самом для него дорогом; как истинно верующий человек осознанно спокоен перед Всевышней волей; полон достоинства и мужества как русский офицер. И ещё здесь простая человеческая — беззащитная перед ужасными событиями, ясно читаемая тревога, страдание и печаль из-за невозможности продлить семейное бытие, — этот очень личный мир со своими радостями и потерями, в суть которого не допускается чужой, который и не поймёт никогда всего этого мира, этих отношений, дорогих и

мучительных, переплетённых совместно пережитым, что и является *семьёй* и что теперь неминуемо, неотвратимо должно будет прервано войной. «Тяжело нам под старость разлучаться, но что же делать! Зато ты и я исполняем свои самые священные обязанности: я — к службе, а ты — к детям… Мне бы приятно было сопутствовать вам (жене и сыну Александру. — *С. К*) в Одессу, но Богу, верно, угодно иначе — Богу угодно назначить мне другое призвание… Да исполнится Его Святая воля!.. Атмосфера сгущается, и скоро будет гроза; дай Бог, чтобы она скоро пронеслась и солнце Русское по-прежнему бы осветило бы Русь Православную».

…Из письма В.А.Корнилова брату А.А.Корнилову:

1 сентября 1854 г., Севастополь.

«…Затем прощай, устал до смерти, глаза слипаются. Да! На днях должно решиться: быть или не быть, надеюсь, Черноморскому флоту, а не России. Для *матушки* России временная потеря и Крыма и флота ничего. Она не в таких казусах была и выходила славнее и сильнее, а будущее не кончилось, она слишком молода и крепка. Бог да хранит всех вас.

В. Корнилов».

Глава двенадцатая

> «…Сначала незаметно стало заволакивать горизонт к юго-западу — Севастопольскую бухту, северное укрепление: густые тучи поднимались и расширялись. «Посмотрите, — сказал капитан, — как заволокло горизонт. Что-то уж очень черны облака и быстро так подвигаются…» Да ведь этот дым — от ружей… Высадка!»

Эти строки из воспоминаний черноморского офицера возвращают к событиям 150-летней давности.

1 сентября 1854 года около полудня пост оптического телеграфа на мысе Лукулл сообщил, что в море виден огромный неприятельский флот. Подсчитать корабли было невозможно. Как оказалось потом, союзный флот насчитывал более 360 вымпелов — английской, французской и турецкой эскадр. Вся армада двигалась в сторону Евпатории. Корнилов и Нахимов с Башни Ветров Морской библиотеки увидели это через подзорные трубы. «Когда неприятель приближался к берегу, то издали казалось, что подходит большой движущийся город со множеством дымовых труб, фабрик и заводов», — написал очевидец. Как вскоре стало известно, англо-французское командование избрало Евпаторию районом высадки своего экспедиционного корпуса, предназначенного для захвата Севастополя.

> «Высадить крупный морской десант непосредственно в Севастополе неприятель побоялся: овладеть главной базой Черноморского флота он решил ударом по Севастополю с суши и одновременной атакой кораблей с моря.
>
> Надо сказать, что союзники действовали не лучшим образом. Посадка союзных войск на транспорты в Варне, переход судов морем и высадка десанта в Евпатории производились крайне неорганизованно и неумело. Переход десантного отрада морем не обеспечивался разведкой и необходимым охранением. Связь между отдельными отрядами транспортов, растянувшихся на много миль, отсутствовала.
>
> Первый эшелон десанта, размещавшегося на 54 французских судах, в течение трёх дней, не имея никакого охранения, находился без движения в море в ожидании выхода из Варны английских судов с

главными силами десанта. Почему же русское командование не использовало столь благоприятный момент для атаки неприятельского десанта на переходе морем? Эта грубая оперативная ошибка была допущена по вине главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму адмирала А.С.Меншикова, который в свою очередь руководствовался указаниями Николая I, изложенными им в личном письме от 3 декабря 1853 года. «Ежели точно англичане и французы выйдут в Чёрное море, — писал царь Меншикову, — с ними драться не будем, а пусть они отведают наших батарей в Севастополе, где ты их примешь салютом; иного они, может, и не ожидают. Высадки не опасаюсь, а ежели бы попытка и была, то кажется, и теперь отбить их можно; в апреле же будешь иметь всю 16-ю дивизию с её артиллерией, бригаду гусар и конные батареи, более чем нужно, чтобы заставить их хорошо поплатиться».

Из письма Николая I видно, что он, будучи уверенным в неприступности Севастополя с моря и считая, что Меншиков имеет достаточно сухопутных сил для отражения наступления союзного десанта на побережье Крыма, был против активного использования Черноморского флота в борьбе с англо-французским флотом на Чёрном море. Поэтому князь Меншиков, слепо выполнявший любые распоряжения царя, запретил использовать Черноморскую эскадру для атаки союзного десантного отряда на переходе его морем. Он не воспользовался также и благоприятным случаем для атаки неприятельских транспортов с десантными войсками, когда они в ожидании высадки в течение суток находились без движения в районе Евпатории. Нахимов по собственной инициативе и с одобрения Корнилова пытался выйти со своей эскадрой парусных кораблей в море и атаковать англо-франко-турецкий десант в момент высадки его в Евпатории. Но противный ветер не позволил парусным кораблям выйти из Севастополя» [139].

Поскольку севастопольская крепость не была готова к отражению атак десанта, необходимо было остановить врага на подступах к городу, чтобы дать возможность гарнизону укрепить свои позиции.

«Главнокомандующий князь Меншиков имел в своём распоряжении на территории Крымского полуострова

около 51 тысячи человек сухопутных войск, из них менее 30 тысяч находились вблизи Севастополя, остальные размещались в Керчи, на Перекопе и в других местах. Для сражения с экспедиционным корпусом князь Меншиков выбрал удачную позицию на реке Альме: левый фланг позиции у устья реки защищал холм с крутым, обрывистым склоном. Противник, продвигаясь к Севастополю, должен был форсировать под артиллерийским и оружейным огнём речку, а затем атаковать русские войска, взбираясь вверх по склону холма. Со 2 сентября на месте будущего сражения стали сосредоточиваться войска. У них было достаточно сил и средств, чтобы должным образом укрепить выбранный рубеж, однако был сделан только эполемент [140] на 12 орудий в районе главной дороги; ни траншей, ни завалов, ни брустверов не возводили, так как главнокомандующий не придавал этому серьёзного значения. Был допущен и второй крупный просчёт, имевший в дальнейшем роковые последствия: посчитав кручи холма на левом фланге неприступными для противника, главнокомандующий не поставил там ни одного солдата.

В сражении, начавшемся 8 сентября, со стороны русских участвовало около 33 тысяч человек с 84 полевыми орудиями, союзники же имели почти 62 тысячи человек и 134 полевых орудия. Русские войска, нередко побеждавшие противника и при худшем соотношении сил, на этот раз столкнулись с хорошо вооружённым и сильным врагом. Дело в том, что в русской армии нарезное оружие только ещё начало поступать на вооружение. В армии Меншикова было всего 2 тысячи штуцеров, а у противника — до 30 тысяч; русские гладкоствольные ружья поражали противника на расстоянии 300 шагов, а штуцеры в четыре раза дальше. Построенные в колонны русские полки сразу попали под губительный артиллерийский огонь англичан, наступавших в центре и на правом фланге. Только при сближении и в штыковом бою русские солдаты могли проявить свои лучшие качества и отбросить противника назад. Тем временем наступавшие на левом фланге французы, с трудом вскарабкавшись по круче, оказались на холме, и будь здесь хоть небольшое количество наших войск, они легко сдержали бы французские дивизии. Теперь же русские войска оказались под перекрёстным

штуцерным огнём и несли большие потери. Князь Меншиков пытался исправить положение, но сражение практически вышло из-под контроля главнокомандующего и было проиграно. Русские войска отступили, потеряв в бою около 6 тысяч человек, в том числе 5 генералов и почти 200 офицеров. Экспедиционный корпус потерял 3,5 тысячи человек» [141].

Теперь обратим особо пристальное внимание на драгоценный документ, по счастливому случаю дошедший до наших дней. Я имею в виду письма Владимира Алексеевича Корнилова к жене в период с 3 сентября по 4 октября (то есть за день до гибели) и называемые им самим «журналами». Академик Е.В.Тарле в своей монографии назвал их «дневником» и апеллировал к этим записям как к историческому источнику, когда хотел подтвердить правильность своей аргументации. Вот пример.

> «Можно проследить все перипетии начала севастопольской драмы по смене настроений Корнилова, как она рисуется в наших документах.
>
> До Альмы Корнилов *бодр* (слова выделены мной. — *С. К.*), *хотя лучше других знает безобразное состояние севастопольских укреплений.* Под 4 сентября Корнилов записал в *дневнике:* «По слухам из лагеря, неприятель высадил свежие войска и готовится атаковать наших. Позиция, избранная князем, чрезвычайно сильна, и потому *мы совершенно спокойны*… Наш Севастополь готовится к обороне, многие выезжают, но есть такие, которые приезжают… Пошли работы с большим успехом…» 5 сентября Корнилов пишет *жене, жившей в Николаеве: «У нас в Севастополе всё благополучно, всё спокойно* и даже одушевлено. На укреплениях работают без устали, и они идут с большим успехом. Надеемся, что князь Меншиков обойдётся без них». Другими словами, Корнилов надеется, что десант, высаженный маршалом Сент-Арно 2 сентября и уже двинувшийся берегом моря на юг, к Севастополю, будет разбит в открытом бою войсками Меншикова и не начнёт осады. 6 сентября Корнилов *совсем было приободрился.* Меншиков заразил на миг даже его своим бесконечным оптимизмом: «Со светом пустился в наш лагерь, расположенный на реке Альме. *Нашёл там всё как нельзя в лучшем духе. Князь спокоен и даже весел.* Шатёр его

раскинут на такой высоте, что кругом видно на 30 вёрст. Телескоп огромной величины наведён на неприятельский лагерь и флот. Войска много, и подходят свежие». Правда, на другой день (уже канун Альмы) есть и такая наводящая на размышление фраза: *«Бог не оставит правых,* а потому *ожидаем развязки со спокойствием и терпением.* В 1812 году Россия была в худшем положении и отстояла своё величие, даже умножила его…»»

Постараемся показать, что ни «перипетии», ни «смену настроений» Корнилова как раз и нельзя «проследить» по этим строкам «дневника» именно потому, что это не дневник, а письма — «журнал» вице-адмирала к жене, как уже упоминалось выше, и именно поэтому Корнилов не сообщает в них правды, вернее, всей правды о положении в Севастополе и в армии. Такая трепетная забота о жене может казаться странной нам сегодняшним, у которых брак — это равноправие разделяемых обязанностей, ответственности за принимаемые решения, равноправие в семейной иерархии. Не то было прежде, и Владимир Алексеевич — это глава семьи, мужчина — оберегающий, предупредительный, надежда и опора для Елизаветы Васильевны на всю жизнь. Хотя доверие его к жене абсолютно и безусловно, что подтверждает «журнал», но информация «процежена» и самые тяжёлые эмоционально события вообще им не упоминаются; именно поэтому Корнилов «бодр» и «совсем было приободрился», поэтому в приводимых Тарле записях он *четырежды* пишет о «спокойствии», царящем якобы среди севастопольцев. На самом деле этот человек, действительно *«лучше других знающий безобразное состояние севастопольских укреплений»,* настолько ясно понимает сложившуюся уже к 8 сентября тревожную ситуацию, что 7 сентября пишет своё завещание.

«7 сентября 1854 г., Севастополь

Моя последняя воля.

Полагал бы семейству нашему, пока дочери малы и лучшее для них воспитание есть домашнее под наблюдением и в правилах и в примере такой редкой и заботливой матери, жить в сельце Ивановском. Там могли бы несколько устроиться дела и отклониться недостаток предстоящий при всякой городской жизни.

Всё моё движимое и недвижимое должно поступить в полное распоряжение моей супруги, с которой мы в продолжение 17 лет жили в любви, дружбе и, могу

сказать, в примерном согласии.

Детям завещаю: мальчикам — избрав один раз службу Государю, не менять её, а приложить все усилия сделать её полезною обществу, не ограничиваясь уставом, а занимаясь с любовию, изучая всеми своими способностями то, что для полезнейших действий пригодно. Лучший пример для них в отношении последнего их дед, и дядя, и, могу смело сказать, — отец. Дочкам следовать во всём матери.

Мои бумаги все собраны, равно как бумаги и всё то, что относится к благодетелю моему Михаилу Петровичу Лазареву, к семейству которого желал бы, чтобы дети мои сохранили особую дружбу и старались быть ему при всяком случае полезными. Извлечение из бумаг этих, особенно последних, может быть полезным.

Затем, благословляя жену и детей, я со спокойствием готов кончить, как жил для блага моей родины, которую Бог не оставит и которая, конечно, по окончании неправедно начатой с нею войны станет ещё выше в судьбах наций.

В. Корнилов».

Только после его смерти Елизавета Васильевна узнает, как в действительности прожил последний месяц своей жизни её муж, отец её детей — человек, о котором Лев Толстой напишет: «герой, достойный Древней Греции»; которому Николай I повелит поставить памятник на том месте, где он погиб; которого скульптор М.Микешин увековечит вместе с М.П.Лазаревым и П.С.Нахимовым на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде.

До 8 сентября 1859 года это человек, которого знал флот, после — вся Россия и Европа.

…Из «журнала»:

«8 сентября. Тяжёлый день и по предсказанию Афинского календаря, и по всем соображениям, надо было ожидать наступления неприятеля. Утром явился князь Ухтомский с пленным французским полковником графом Лажанд, состоявшим при лорде Раглане. Этот молодец наткнулся на гусар наших и был ими взят. С Ухтомским мне князь прислал сказать, что дела не ожидать, но во 2-м часу прислал сказать, что слышна пальба, и я, проглотив несколько ложек супу, поскакал в лагерь. Можно себе представить, какое чувство

> волновало меня: на Лукулле или на Альме разыгрывалась участь Европы. Подъезжал, пальба редела, и я вскоре увидел наших в ретираде, но ретирующимися в порядке. Тяжела была эта картина, но воля Божия для нас неисповедима. Неприятель после кровавой сшибки оттеснил нас, обойдя левый фланг при помощи пароходной артиллерии, но по уступлении позиции, не преследовал. Со всем тем надо было ретироваться. Князь решился сначала на Качу, но потом на Бельбек. Потери с обеих сторон были значительны…»

«Корнилов и его товарищи, — писал Е.Тарле, — уже с этого момента увидели, что отныне им следует рассчитывать на самих себя и ни на кого больше…

Что такое Меншиков, как он устраивает армию и руководит ею, это Корнилову стало совершенно ясно, уже когда севастопольцы увидели, в каком состоянии пришли к ним отступавшие от Альмы войска: «Ни госпиталей, ни перевязочных пунктов, ни даже достаточного количества носилок для раненых не было, и этим объясняется огромное количество раненых, оставленных на поле сражения… Вместо интенданта был в армии подрядчик, и не знал солдат, где его каша»» [142].

Воочию убедившись в поражении наших войск на Альме, Корнилов спросил у князя Меншикова:

— Что делать с флотом?

— Положите его себе в карман, — ответил Светлейший — остряк.

«Корнилов, как и все жители Севастополя, узнал об уходе Меншикова с армией к Бахчисараю только после того, как это событие совершилось, — отмечал Е.Тарле. — Корнилов настойчиво требовал приказаний насчёт флота, и приказание было Меншиковым отдано: «Вход в бухту загородить, корабли просверлить и изготовить их к затоплению, морские орудия снять, а моряков отправить на защиту Севастополя»» [143].

Вопрос, который не давал Корнилову заснуть всю ночь, стоил того, чтобы самый молодой вице-адмирал пошёл на невиданный шаг: нарушая субординацию, иерархию и устав, Корнилов созвал военный совет.

С каким презрительным недоумением и подобострастным негодованием говорили об этом его шаге те, кто в это время отсиживался в штабе у Меншикова или в далёкой столице! Они не понимали, как это какой-то худородный бедный выскочка посмел строить из себя военачальника, когда был же всё время рядом Его Светлость князь Александр Сергеевич — как-никак

главнокомандующий?!

«Но неужели после альминского сражения власть главнокомандующего поколебалась до того, что приказания его, по важности своей не терпящие отлагательства, не считались уже для его подчинённых обязательными, а им позволительно было совещаться, следует или нет приводить их в исполнение?» — надменно вопрошает П. Хомутов в своих воспоминаниях.

…Рано утром 9 сентября в обширную кают-компанию флагманского корабля Корнилова «Великий Князь Константин»один за другим, в парадной форме, входили флагманы и капитаны 1-го ранга. Рассаживались молча, с тревогой вглядываясь в бледное, посуровевшее, с воспалёнными глазами лицо Корнилова. Встав со своего почётного председательского кресла, нервно теребя в тонкой руке карандашик в серебряной вставочке, он заговорил. Голос его звенел от внутренней решимости сказать то, о чём он думал все эти последние часы.

…В документах того времени часто описывается этот совет, и неизменно одинаково, стратегически верно и исторически выверенно расставлены в них акценты. Множество строчек исподволь, тактично и сочувствующе подводят к самому «больному» моменту, чуть не промаху, как считается, в стратегии Корнилова тех дней. Что же произошло?

— Господа! Наша армия отступает к Севастополю, вследствие чего неприятель легко может занять южные Бельбекские высоты, распространиться к Инкерману и к «Голландии», где ещё не кончена постройка оборонительной башни, и, действуя с высот по кораблям эскадры Павла Степановича, принудить наш флот оставить настоящую позицию. С переменой боевой позиции наших судов неприятельскому флоту облегчается доступ на наш рейд, и если союзная армия успеет в то время овладеть северными укреплениями, то даже наше геройское сопротивление не спасёт Черноморского флота от гибели и позорного плена.

Корнилов обвёл всех собравшихся внимательным взглядом и вдруг подумал: «Сколько их будет на моей стороне всего через минуту?..»

— Господа. Я предлагаю всем нам выйти в море и атаковать врагов, столпившихся у мыса Лукулл. Рассчитываю, что при счастии мы разметаем неприятельскую армаду и тем лишим союзную армию продовольствия и подкрепления, а при неудаче — избежим постыдного плена, сцепившись абордажем с кораблями неприятеля, взорвёмся вместе с ними. Спасая честь русского флага, наши моряки защитили бы грудью и родной свой порт, ибо союзный флот, оставшись даже победителем, так был

бы обессилен гибелью большей части своих кораблей, что уже не дерзнул бы атаковать остальные приморские батареи Севастополя, а без содействия флота, как вы все понимаете, господа, союзная армия, конечно же, не овладеет городом…

Безмолвие повисло в кают-компании. От начальника штаба исходила такая взволнованность, такой отвагой веяло от его слов. Не так были воспитаны черноморцы, чтобы не предпочесть, хотя и безрезультатную, но славную гибель в борьбе с врагом перспективе сдаться живыми в руки противника.

«Какой неувядаемый блистательный венок, — писал лейтенант Асланбеков, — готовился Черноморскому флоту: 14 кораблей, 7 фрегатов и 10 пароходов хотели сразиться с 33 кораблями и 50 пароходофрегатами. С какой дивной чудной памятью погрёб бы себя в волнах Чёрного моря Черноморский флот! Если ему уже назначено погибнуть, что может ли быть славнее смерти? И какие чудеса храбрости увековечил бы за собой этот сонм героев, эта горсть храбрых? Россия бы отпела по нас вечную память…»

И всё же…

«…но с выходом флота и удалением армии что бы последовало? Город был бы взят, и неприятель торжествовал бы занятие первого русского порта. А что важнее для России: порт или флот? Конечно, порт, — это ключ Чёрного моря».

Долгое время никто не осмеливался первым нарушить молчание, хотя стало очевидным другое решение.

Затопление входа на рейд — вот о чём подумалось многим тогда на совете. Но как решиться на эту жестокую меру? Запрудить порт и безвыходно запереться в нём — не значило ли признать своё бессилие бороться с врагами на море, отречься от самого звания моряка?.. Своей любовью к делу черноморцы довели свои корабли до высокого совершенства в боевом порядке, в артиллерии и в искусстве управления — и в то время, когда выросло и окрепло создание их рук, надлежало принести его в жертву, своими руками потопить в волнах родного порта прекрасные корабли. Это походило на самоубийство: речь шла не о том даже, чтобы принести на алтарь Отечества имущество моряков, — нет, надлежало смять безжалостной рукой всё то, к чему направлены были все нравственные силы, в чём видели они своё призвание, свою будущность, славу России.

Поднялся со своего места капитан 1-го ранга А.А.Зорин.

— Ваше Превосходительство, позволите ли мне сказать слово?

— Прошу вас, Аполлинарий Александрович.

— Мы все понимаем, что ваше предложение — благородный,

мужественный порыв, и это достойно нашего любимого начальника. Но выполнимо ли это? Мы находимся под непрерывным наблюдением противника. Мы не успеем даже выбуксировать наши корабли с помощью пароходов, а если и успеем, то не защищены от возможного штиля. И тогда… Но если уж выходить, то немедля: не сегодня, так завтра неприятель может появиться с моря в виду Севастополя. Но силы наши неравны…

Что же вы предлагаете? — Корнилов резко подался вперёд.

— Необходимо затопить старые суда, поставив их поперёк бухты и тем самым загородить вход на рейд. В этом случае мы сохраним орудия, порох, и главное — людей для обороны города.

Послышались голоса:

«В этом плане много правды…»

«И я согласен с капитаном Зориным!»

Корнилов встал. Он был потрясён.

— Это невозможно! Готовьтесь к выходу в море. Будет дан сигнал, что кому делать. Я еду к князю в ставку.

Распустив совет, Корнилов поспешил к князю Меншикову и объяснил своё намерение выйти в море.

— Всё это вздор. Я уже сказал вам, что делать: затопите фарватер, — насмешливо и неторопливо произнёс главнокомандующий.

Корнилов побледнел, узкие губы упрямо сомкнулись, воспалённые от бессонниц глаза пылали.

— Я… я не выполню этого. Вы заставляете меня спустить флаг без боя…

— Вот как? Ну что же, Владимир Алексеевич, можете тогда отправляться отсюда в Николаев, к своему семейству.

— В Николаев! На старое место службы! На ваше место заступит адмирал Станюкович.

Корнилов решил, что ослышался. Впервые в жизни почувствовал, что растерялся. Подавленный, униженный, он вдруг осознал, что перед ним человек, от одного слова которого здесь, теперь, зависит всё: его судьба, судьба Севастополя, судьба России…

— Остановитесь! Это самоубийство, то, к чему вы меня принуждаете! Но чтобы я оставил Севастополь, окружённый неприятелем, — невозможно! Я готов повиноваться вам.

…«Ваше Превосходительство! — хочется крикнуть ему через 150 лет. — Ваше Превосходительство, я так понимаю Вас, что и сейчас, читая воспоминания Ваших современников — Ваших почитателей или завистников, которые были равны в одном: своими причёсанными строками они «загоняли» Ваш трепет в

гладкий образ этакого идеального служаки, — и сейчас я понимаю горечь Ваших дум, разочарование, уязвлённость самолюбия… и решительность. Вы, блистательный офицер, ученик адмирала Лазарева, видевшего в Вас «надежду Черноморского флота», самый молодой вице-адмирал, едва не первый авторитет на Черноморском флоте, облечённый властью в осаждённом городе; честолюбивый, вспыльчивый, полный нервной энергии, подтачивавшей Ваше некрепкое здоровье; порывистый, горячий, не терпящий промедления, волокиты; сгоравший на службе, не знавший часто сна и отдыха, Вы, при всеобщей российской неспешности, поражали быстротой достигнутых успехов; в минуты крайнего напряжения и опасности становившийся хладнокровным, распорядительным, не дававшим поблажки ни себе, ни подчинённым, успевавшим везде и всюду, — как не понять Вашу скорбь моряка, которого заставляют топить свои корабли? Как не понять горечь в душе человека, чьи надежды рушились? Ибо, Ваше Превосходительство, Вы прежде всего — человек. Вот в чём увидели Вашу «слабость» те мемуаристы, которых радовал факт присутствия у Вас хоть какой-нибудь да слабости; Вашу душевную драму свели к гневу самолюбивого начальника, с мнением которого не посчитались подчинённые; постарались исчерпать душераздирающими описаниями Вашей начальнической печали о решении затопить флот. Уличив Вас в слабости, радуясь тому, что и лучших она уравнивает с прочими, почему не удивились Вашему смирению покорившегося, отчего же не дали себе труда задуматься, чего стоило Вам пережить эти несколько часов: решиться и продумать героический шаг схватки с неприятельским флотом, заранее зная, что гибель неминуема; испытать жестокий удар, оказавшись в меньшинстве среди своих боевых соратников; перенести унижение и бессилие в кабинете князя, зная при этом, что если сейчас Вы не подчинитесь приказу о затоплении и уедете в Николаев, то город, оставляемый на волю такого главнокомандующего, каким уже показал себя при Альме Меншиков, падёт уже в ближайшие часы. Именно такой исход Вы имели в виду, сказав, что это самоубийство!..»

Но Корнилов не был бы Корниловым, если бы он, даже морально истерзанный, не вернулся и не начал бы действовать.

Вице-адмирал приказал поставить десять новых кораблей на позиции для обстреливания северной стороны в случае нападения на неё неприятеля, а корабли «Три Святителя», «Уриил», «Селафиил», «Варна» и «Силистрия», фрегаты «Флора» и «Сизополь» — затопить поперёк рейда между Константиновской и Александровской батареями. В приказе говорилось:

«По случаю ожидания сюда неприятеля, который, пользуясь своим числительным превосходством, оттеснил наши войска и грозит атакою северному берегу Севастопольской бухты, следствием которой будет невозможность флоту держаться на позиции, ныне занимаемой; выход же в море для сражения с двойным числом неприятельских кораблей, не обещая успеха, лишит только бесполезно город главных своих защитников — я, с дозволения Его Светлости, объявляю следующие распоряжения, которые и прошу привести немедленно в исполнение…»

А.Жандр:

«Грустный и задумчивый вошёл Владимир Алексеевич на библиотеку в 6 часов вечера, и по его приказанию взвился над городом русский национальный флаг — сигнал, что *решение* топить принято безвозвратно. С библиотеки он поехал на корабль «Ростислав» к контр-адмиралу Вукотичу и приказал собранным там командирам судов, обречённых на жертву, свезти на берег что можно в течение вечера и ночи, а на рассвете — срубить мачты и погрузить корабли на дно. Дома Корнилова ожидали несколько офицеров, горячо преданных морскому делу: они пришли просить его отвести удар, грозивший нашему званию, они говорили о невыгодном впечатлении, которое произведёт самозатопление на севастопольцев. «Надо покориться необходимости», — отвечал Корнилов».

Наступило 11 сентября. Один из очевидцев описал затопление судов в своих мемуарах:

«На кораблях, назначенных к затоплению на фарватере, отвязывались паруса, спускались стеньги. Около трёх часов корабли, буксируемые гребными судами, тихо подвигались к своему кладбищу. По всему рейду тянулась печальная процессия. Ещё не прошло года, как некоторые из этих развенчанных героев прославили свои имена, в несколько часов уничтожив турецкий флот, а теперь, общипанные, с голыми мачтами, уподоблялись преступникам, идущим на казнь в непригожем виде. В общем эта картина производила

впечатление похоронного шествия, которое сопровождалось искренней печалью и слезами родственной семьи моряков, а также и посторонней публики, пришедшей в последний раз взглянуть на своих любимцев…

…Шлюпки, наполненные оставившими свои суда командами, плывут к берегу; на месте, занятом накануне «Сизополем», «Варной» и «Силистрией», плавали обломки рангоута; «Уриил» и «Селафиил» были затоплены вслед за ними; около 8 часов волны поглотили «Флору», но корабль «Три Святителя» ещё борется за жизнь; он лёг на левый бок и не идёт ко дну; ветеран, казалось, не желает умирать такой позорной смертью; в своей смертельной агонии он как будто ждёт более почётного смертельного удара. Подходит пароход «Громоносец», пускает в него несколько ядер; зашатался великан, медленно скрывается под водой и, точно последним вздохом, взбурлил над собой морскую пучину…»

В этот печально памятный день черноморцы узнали, что вице-адмирал Корнилов — всегда холёный, подтянутый, светский в обхождении и манерах; строгий и нередко весьма язвительный в речах с нерадивыми подчинёнными, нетерпимый к лености, тупости, воровству и подхалимству; Корнилов, всегда сохранявший достоинство и присутствие духа; Корнилов, который при частых недомоганиях держался так мужественно, что никто из ближайшего окружения не мог похвастать тем, что видел его физически или душевно страдающим, — может плакать. Но когда зашатался под выстрелами корабль «Три Святителя», он заплакал. Это видели, и видели в первый и последний раз. «Я потерял нервы», — сказал о себе тогда Корнилов.

В тот же день Корнилов обратился к гарнизону осаждённого города с речью. Он, превозмогая в самом себе неизжитую горечь, понимал, что нельзя дать укорениться этой горечи в других — во всех тех, на чьи плечи ляжет вся тяжесть защиты. В этом он видел свой долг до последних минут жизни.

Вот что было объявлено им по Севастополю в приказе 11 сентября:

«Товарищи! Войска наши, после кровавой битвы с превосходным неприятелем, отошли к Севастополю, чтобы грудью защищать его.

Вы пробовали неприятельские пароходы и видели

корабли его, не нуждающиеся в парусах? Он привёл двойное число таких, чтоб наступить на нас с моря. Нам надо отказаться от любимой мысли — разразить врага на воде! К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства.

Главнокомандующий решил затопить 5 старых кораблей на фарватере: они временно преградят вход на рейд, и вместе с тем свободные команды усилят войска.

Грустно уничтожить свой труд. Много было употреблено нами усилий, чтобы держать корабли, обречённые жертве, в завидном свету порядке. Но надо покориться необходимости!

Москва горела, а Русь от этого не погибла! напротив встала сильнее. Бог милостив! Конечно, Он и теперь готовит верному Ему народу Русскому такую же участь.

Итак, помолимся Господу и не допустим врага сильного покорить себя! Он целый год набирал союзников и теперь окружил царство Русское со всех сторон. Зависть коварна! Но Царь шлёт уже свежую армию; и если мы не дрогнем, то скоро дерзость будет наказана и враг будет в тисках!»

После сражения на Альме русские войска отошли к Севастополю. Корнилов ожидал нападения союзников сразу же начиная с 8 сентября. Как оказалось, на помощь войск он рассчитывал напрасно: 9 и 10 сентября князь Меншиков ещё пробыл в Севастополе, но 11-го приказал армии выступать из города к Бельбеку, а 12-го уехал и сам. Накануне отъезда он вызвал Корнилова к себе и объявил ему своё намерение оставить в Севастополе моряков, сапёров и резервные батальоны 13-й пехотной дивизии. Корнилов резко возразил на это, что Севастополю не устоять, если войска оставят его, что горсть моряков не в силах остановить напора многочисленной союзной армии на Северные укрепления, а в случае взятия их нельзя будет долго держаться и в самом городе. Светлейший князь, как всегда, презрительно и надменно отвечал непонятливому вице-адмиралу: «Неприятель не может повести решительную атаку на Северные укрепления, имея у себя на фланге и в тылу нашу армию», а кроме того, отступая к Бельбеку, он-де сохранит сообщение с Россией.

Владимир Алексеевич был потрясён: город, в котором всего-то оставались 4 десантных батальона и 4 резервных, был фактически бросаем на произвол судьбы. Сразу же он издал

приказы о формировании 17 батальонов из личного состава флота.

…Из «журнала» Корнилова:

> «11 сентября. С утра замечено движение в неприятельском флоте и армии, движение это кончилось тем, что и флот и армия перешли на Качу. Наши также потянулись к нему навстречу. Мы, моряки, остаёмся защищать Севастополь. Бог да поможет нам устоять против двадесяти языцев. В городе суета, на рейде — ещё большая. К этому ещё передвижение войск и их повозок. Кирьяков с своей дивизией вперёд, Горчаков с своими войсками обойдёт Инкерманом. Князь ночует в Севастополе, но завтра рано отъедет. Что-то вы поделываете в Николаеве? Там, конечно, всё спокойно. Как я доволен, что вовремя отправил тебя, друг мой драгоценный, отсюда. Сколько теперь семейств желали бы не быть в нашем каменном лагере. Боюсь, что недостаток известий отсюда тебя растревожил, но что же делать, когда на настоящее сообщение полагаться невозможно и это писание, не знаю, доберётся ли до тебя».

Но трагическим потоплением своих кораблей и внезапным уходом всей армии не исчерпалась для севастопольцев роковая чаша событий того же дня 11 сентября.

Перед отъездом к армии князь Меншиков поручил командование над оставшимися в Севастополе войсками начальнику 14-й пехотной дивизии, дряхлому и бездарному генерал-лейтенанту Ф.Ф.Моллеру.

…Из «Записок» В.И.Дена:

> «Ф.Ф.Моллер командовал дивизией, расположенной уже несколько лет в Крыму, и потому случайно очутился начальником Севастопольского гарнизона, к чему не имел ни малейшего призвания. Фигура его напоминала тех, о которых Император Павел говорил, что они как наводящие уныние не должны быть терпимы».
>
> Особым приказом № 40 князь установил такой порядок:
>
> «1) Генерал-лейтенанту Павловскому, окончившему возложенное на него поручение по Северному укреплению, сдать начальство над оным генерал-

адъютанту Корнилову, на которого возлагается оборона всей северной части Севастополя

и 2) Заведование морскими командами, отделёнными для защиты южной части Севастополя, поручается вице-адмиралу Нахимову.

О чём объявляю по Севастопольскому гарнизону и вверенным мне войскам».

По поводу этого распоряжения Е.Тарле писал, что «Меншиков, уходя и уводя прочь армию, сделал, в сущности, такое дело, которое могла бы подкосить оборону в корне, если бы Корнилов и Нахимов не были Корниловым и Нахимовым, а были бы средними адмиралами или генералами, которые затеяли бы ссоры и пререкания, ведь оба они были оставлены с равными правами, и старшим над ними Меншиков не назначил, собственно, никого. Старшим по чину, правда, был Моллер, командующий войсками в Севастополе…» [144].

«Своим учреждением трёх начальников, разобщённых, почти равновластных или, что точнее отражает суть меншиковской интриги, практически равнобезвластных, светлейший подводил под Севастополь самую мощную мину, какая только была в его распоряжении… Ситуация окончательно запутывалась тем, что главным командиром над портом и военным губернатором Севастополя являлся вице-адмирал Станюкович, отношения которого к *триумвирату* ничем и никак не были определены. А в руках Станюковича находилась материальная ткань обороны: арсеналы, склады, мастерские, запасы леса, свинца, железа, продовольствия, снарядов и пороха. Станюковичу как старшему морскому начальнику подчинялся Нахимов с его эскадрой. Станюкович был независим от Моллера… Станюкович, наконец, состоял в весьма сложных служебных отношениях к Корнилову, который как начальник штаба флота имел формальное право отдавать распоряжения Станюковичу по его кругу обязанностей, но тут была особая ситуация. Ни в каком документе не было ни слова об отношениях главного командира над портом к начальнику штаба флота при сухопутной атаке на город, а кроме того… у любого портового начальника всегда хватало поводов, чтобы оставить без внимания или до крайности затруднить исполнение любых распоряжений, не идущих к видам портового начальника. А в тех чрезвычайных

обстоятельствах Станюкович обладал старшинством над Нахимовым и Корниловым, что, по положению о прохождении службы, давало ему *законное* право претендовать на первенство… И вот о нём-то, о сварливом, властолюбивом и могущественном вице-адмирале Станюковиче, отбывающий восвояси Меншиков не делает абсолютно никакого распоряжения, предоставляя их превосходительствам решать вопросы силой личных амбиций.

В целом ситуация, обдуманная Меншиковым, должна была выглядеть так:

— Корнилову предписано оборонять наиболее угрожаемую Северную сторону, но никаких войск, по букве приказа, не подчинено;

— для защиты Южной части отряжены морские команды, но им де-факто не дано командира, ибо Нахимову устным приказом и письменной резолюцией двух старших над ним начальников назначено оставаться на рейде, командуя эскадрой;

— оставлены независимые друг от друга начальники, Моллер и Станюкович, при символическом первенстве Моллера, наиболее способного парализовать всякую деятельность.

Меншиков состоял на военной службе пятьдесят лет, проделал не одну боевую кампанию, реальное значение единоначалия он недопонимать не мог. Распоряжения князя при уходе из Севастополя имеют совершенно прозрачный смысл: раздробить оборону, создать начальников без прав и без войск, учредить войска без начальников, посеять раздоры между старшими командирами, подготовив тем самым неотвратимо быстрое падение Севастополя при его штурме союзными армиями.

А приказ был фикцией для отвода глаз.

Надо понять выгоду такого плана для Меншикова лично.

После Альминского потрясения в возможность успешной защиты Севастополя, не имеющего крепостных укреплений, князь не верил. Свою армию он считал слабой; своих генералов (многих справедливо) презирал; дух войск был низок, а русского солдата их светлость, не обинуясь, в глаза ругал «трусом» и «скотом»».

То, что князь А.С.Меншиков мало походил на Суворова или

Кутузова, красноречиво свидетельствует, среди прочих, такая запись у В.И.Дена:

> «16 или 17 октября 1854 года главная квартира передвинулась к селению Чоргун, где сосредоточивались все войска, прибывающие к нам на подкрепление. Тут мне случилось объезжать в свите князя Меншикова вновь пришедшие войска, при приближении главнокомандующего к одному из пехотных полков солдаты со всех концов своего расположения бегом бросились навстречу главнокомандующему; это, видимо, не понравилось А.С., который несколько раз сказал: «Qu'est-ce qu'ils me veulent?» [145], потом как бы нехотя тихим голосом поздоровался — и уехал. Я себе при этом тщетно задавал вопрос: русский ли это главнокомандующий? Мне было и больно, и грустно, и жаль бедных недоумевающих солдат».

> «После Альмы князь ни минуты не намеревался оставаться в Севастополе, к которому откатывались его полки. Армия не участвовала в оборонительных работах, начатых моряками. Падение Севастополя князь считал неизбежным, но между падением Севастополя при распорядительстве его обороной другими лицами существовала очень значимая для князя разница. В первом случае — катастрофа и позор непреходящий, особенно нестерпимый для потомка полтавского героя, одного из высших сановников империи. Во втором случае — сохранение армии в Зимнем дворце всегда будет сочтено за полководческую мудрость. А коль скоро противник не оцепенеет от фланговой угрозы и возьмёт Севастополь на штык, существует тысяча извинительных для князя причин: отсутствие у города долговременной фортификации для сухопутной обороны, нераспорядительность частных севастопольских начальников, *трусость* его защитников, непригодность импровизированных флотских батальонов к полевому регулярству, зримая несоразмерность сил… Но самым благополучным для репутации князя был бы полный развал обороны при первом же натиске врага. Тогда бы никто не посмел бы сказать, что князь проспал штурм под Бахчисараем, а было бы сказано, что по слабости защиты всё было кончено гораздо прежде, чем светлейший мог успеть подать помощь» [146].

А.П.Жандр, которому мы обязаны бесценным преимуществом узнать о Владимире Алексеевиче Корнилове «из первых рук», в той части, где приводит сведения об этом пресловутом приказе № 40, высказывает свою весьма странную мысль:

> «Корнилов *с радостью принял почётное назначение: встретить с несколькими батальонами моряков 60–тысячную отборную армию и удержать своим искусством стремительный натиск её, пока князь Меншиков ударит во фланг и в тыл* самонадеянных союзников, или умереть геройскою смертью Леонида на рубеже родного города — казалось ему равно завидной долей».

Хотелось бы думать, что Жандр, флаг-офицер штаба Корнилова, прекрасно осведомлённый обо всём, что тогда происходило, написал это, восхищаясь своим героическим адмиралом (особенно после его речи на совете 9 сентября) настолько, что приписывал ему немыслимо искажённые порывы и мысли какого-нибудь персонажа из третьесортной напыщенно-одиозной пьески; или же, что гораздо неприятнее для нас, он сочинил этот насквозь фальшивый опус для одобрения высшего начальства, на что угодливо указует выражение «пока князь Меншиков ударит во фланг и в тыл». И именно потому, что Жандр круглосуточно находился при Корнилове, удивительно, как он не понял, что князь не только не «ударит», но подставляет его вице-адмирала и попросту бросил город. Удивительно, потому что уже на следующей странице Жандр вспоминает о разговоре в тот же день:

> «Владимир Алексеевич долго беседовал со мною, передал вышеприведённый разговор с князем Александром Сергеевичем, заключив его словами: «С Северной стороны ретирады нет; все, кто туда попал, ляжем навеки», и потом прибавил: «Смерть не страшит меня, а беспокоит одно только: если ранят… не в состоянии будешь защищаться… возьмут в плен!..» На вопрос, не прикажет ли он и флаг-офицерам перебраться с корабля на Северную сторону, Корнилов отвечал: «Я бы не хотел, чтобы со мною и вас всех истребили; лучше вы разделитесь так: один на телеграфе, один на корабле, один при переправе и один при мне». Я возразил, что добровольно никто из флаг-офицеров не останется на Южной стороне, когда *он* будет на Северной. «Ну, так и отдам приказ, где кому быть», — сказал Корнилов».

Северное укрепление…

В фортификационных планах оно выглядело внушительно — сомкнутая позиция, вооружённая 29 орудиями. В действительности же «позиция являла собой мелкий ров, выкопанный вокруг каменно-земляной стенки; стенка была в человеческий рост, с участками по грудь и даже по пояс». «В Северном укреплении едва успели довести полуразвалившийся бруствер до полевой профили, — повествует историк, — чтобы закрыть стрелков от неприятельских выстрелов. При насыпке бруствера старые эскарповые стены, не выдерживая давления земли, обрушивались, засыпая узкий ров, отчего в западном бастионе образовался готовый обвал в то самое время, когда появились неприятельские колонны на пространстве между Качей и Бельбеком» [147].

А.П.Жандр:

> «На рассвете 12 сентября 5 морских батальонов свезены с кораблей и посланы в Северное укрепление. Приняв начальство над войсками Северной стороны, Корнилов отдал следующий приказ:
>
> «Объявляю, к надлежащему исполнению, до кого касаться будет:
>
> 1) Контр-адмиралу Истомину состоять при мне в звании Начальника штаба войск, на севере расположенных; флаг-офицеру лейтенанту Жандру находиться на Южной стороне на городовом телеграфе или на корабле 'Великий Князь Константин', для переговоров с городом; капитан-лейтенанту Лихачёву заведовать гребными судами и пароходами для переправы; капитан-лейтенанту князю Барятинскому и лейтенанту барону Крюднеру находиться по очереди при наблюдательном пункте на Северной стороне, поставив на оном флагшток, и давать знать сигналом, или чрез казаков, о движениях неприятеля; сигнальным офицерам мичманам: Скарятину быть на Южной стороне, а Сербину и князю Ухтомскому на Северной — в помощь флаг-офицерам сим.
>
> 2) Инженер-подполковнику Тотлебену заведовать всеми оборонительными работами; инженерным и сапёрным офицерам получать все приказания от подполковника Тотлебена.
>
> 3) В крепости быть комендантом капитану 1-го ранга Бартеневу, которому подчиняются все войска, гарнизон

составляющие.

4) Штабс-капитану Пестичу заведовать артиллерийскою частью.

5) Младший врач 35-го флотского экипажа Андреев назначается медиком при Штабе моем. Для него отвести перевязочный пункт в Северном укреплении.

6) Гарнизону состоять из батальонов 1, 2, 3, 5-го первого стрелкового и одного батальона Литовского.

7) По орудиям находиться команде корвета 'Калипсо' и части рекрут, под командою капитана 2-го ранга Коцебу.

8) На правом фланге состоять капитан-лейтенанту Ильинскому, которому подчиняется рота второго стрелкового, резерв — 4-й абордажный.

9) На левом фланге должны быть три роты 2-го стрелкового и 3-й абордажный, а главный резерв — 4-й морской батальон.

10) Роте сапёр и части рекрутского батальона для работ иметь же местопребывание в 4-м нумере (то есть на батарее № 4. — *С.К.*)

11) При Главнокомандующем будет находиться на казацкой пике флаг красный с синим вдоль, и

12) Так как люди, на северных укреплениях находящиеся, заняты работой, то производить им по две чарки в день водки».

В это утро неприятельская армия продолжала своё наступление. С библиотеки было видно, как союзники спустились в Бельбекскую долину, направляясь, по-видимому, к Инкерману. В то же время к юго-востоку от библиотеки виднелись и наши войска, спускавшиеся с Сапун-горы в долину Чёрной речки».

Ещё в первых числах сентября, сразу после высадки Корнилов призвал на защиту всех жителей и, как пишет современник, «по первому призыву его о высылке рабочих людей для постройки укреплений на Северной стороне весь Севастополь ожил и стал на ноги». К 13 сентября в Северных укреплениях уже был расположен гарнизон в одиннадцать с половиной тысяч человек. 1500 человек неутомимо работали и днём и ночью.

А.П.Жандр:

«В продолжение дня 12 сентября, в подводной части кораблей и фрегатов наших прорублены отверстия на случай потопления судов, если неприятель возьмёт

город; отверстия эти заделаны пробками и законопачены.

В Северное укрепление, по распоряжению Владимира Алексеевича, подвозили с кораблей и фрегатов цистерны для воды, воду и провизию, а для перевязки раненых доставлено с каждого судна по бочонку уксуса, смешанного с пенной водкой, на перевязочные пункты, которые учреждены: для гарнизонов укреплений — в самых укреплениях, для войск же, находившихся вне укреплений, — вблизи батареи № 4 и на пароходах.

Около 6 часов вечера шесть неприятельских пароходов подходили к Волоховой башне и Константиновской батарее; перестрелка их с нашими батареями была без всяких последствий. К вечеру союзная армия расположилась на высотах левого берега Бельбека, по дороге к Инкерману. Ожидая на другой день атаки на Северную сторону, Корнилов потребовал туда батальоны вице-адмирала Новосильского, которые и заняли на ночь позицию в тылу Северного укрепления.

Мы видели уже, что для вспомоществования войскам, защищавшим Северную сторону, поставлены были, 9 сентября, на позиции десять кораблей, которые могли огнём своей артиллерии поражать неприятеля при появлении его на высотах, обстреливать обращённые к рейду балки и овраги и прикрывать отступление наших войск с Северной стороны, если бы неприятель осилил. Дабы воспрепятствовать неприятелю — в случае завладения Северной стороной — действовать по городу из наших же северных укреплений, все орудия, обращённые на рейд и город, были сброшены к бухте, и амбразуры их разрушены, а для большего обеспечения ретирады, Владимир Алексеевич поставил пароходы: «Бессарабия», «Одесса», «Громоносец» и «Эльборус» — у северной пристани, а пароходы: «Херсонес», «Грозный», «Владимир» и «Крым» — возле батареи № 4, и отдал, утром 13 сентября, следующие два приказа по войскам Северной стороны:

Приказ № 4.

«В случай отступления, войска от левого фланга ретируются к Сухой балке, переменяя фронт таким образом, чтобы, остановившись на высотах, прикрыть Сухую балку. В это время пароходы: "Громоносец",

'Бессарабия' и 'Одесса' открывают огонь по преследующему неприятелю, направляя его без вреда своим и Северному укреплению; в случае отступления правого фланга, войска оного переменяют фронт по высотам от батареи капитан-лейтенанта Ильинского, по направлению к батарее № 4. Корабли, по своему усмотрению, обстреливают всё пространство правее укреплений Ильинского, стараясь также действовать, не причиняя вреда своим.

Корабли: 'Храбрый' и 'Гавриил' наблюдают с своих салингов движение неприятельских войск по лощине, где стояли лагерем Тарутинский и Бородинский полки, бросая туда навесными выстрелами бомбы и ядра, которые однако же должны не делать вреда своим войскам.

Войска, предназначенные на высотах прикрывать ретираду, должны держаться, покуда им не будет приказано отступить и покуда не все свои отступят».

Приказ № 5.

«Ежедневно на ночь батальонам занимать следующие позиции: 4-й абордажный — у батареи Ильинского, на правом фланге.

3-й абордажный у батареи левого фланга.

29-й занимает высоту левее балки B.

45-й занимает высоту E и высылает цепь от батареи Ильинского до хутора 41-го экипажа.

При ретираде:

29-й экипаж занимает высоту D и прикрывает отступление войск, ретирующихся с левого фланга в Сухую балку, к батарее № 4.

43-й экипаж занимает высоту E и прикрывает ретираду войск правого фланга к батарее № 4.

Войска левого фланга подчиняются вице-адмиралу Новосильскому.

3-й абордажный батальон и 4–й морской должны быть готовы в ротных колоннах, а 32-й и 34-й в колоннах к атаке.

Войска правого фланга подчиняются капитану 1-го ранга Варницкому.

4-й абордажный батальон должен быть готов в ротных колоннах, а 36-й и 42-й — в колоннах к атаке.

29-й и 43-й батальоны ни в каком случай не оставляют высот D и E, разве по особому от меня

приказанию».

Окончив все свои приготовления, Корнилов спокойно (sic! — *С. К.*) ожидал неприятеля.

Утром 13 сентября прибыл в Севастополь офицер, посланный князем Меншиковым: он привёз вице-адмиралу Станюковичу приказание поставить батарею для защиты Инкерманского моста, сломать посты и запрудить Чёрную речку у плотины, дабы возвысить воду в реке и тем затруднить переход чрез неё неприятеля; князь советовал также укрепить, по возможности, Малахов курган и Килен-балку, указывая на местность между Доковым оврагом и Килен-бухтой — как на слабейший пункт оборонительной линии города. Тот же посланный провёз Корнилову следующую записку князя Александра Сергеевича:

> «Бивуак при сел. Ортакой на Бельбеке, 13 сентября 1854 года.
>
> Мы прибыли сюда в 8 часов утра и двинули вперёд казаков; дальнейшие предприятия наши зависеть будут от положения неприятеля, почему и желательно иметь повременные сведения из Севастополя о положении наших противников; для сообщения между этим городом и армией будет выставлен казачий пост на р. Чёрной, недалеко от резервуара водопроводного канала, близ большой дороги, пересекающей сей канал.
>
> Я поручил Старченке (командиру инженерной команды. — *С.К.*) построить батарею против Инкерманского моста и просил Станюковича помочь ему в этом.
>
> *Неприятеля мы здесь не видим и ничего о нём не слышим;* надеюсь, что завтра форпосты сойдутся для первой рекогносцировки».

Между тем неприятельские войска двигались от бивуака на южных Бельбекских высотах по почтовой дороге, спускающейся с Инкерманских высот к каменному трактирному мосту на р. Чёрной. Там и сям, по Мекензиевой даче, виднелись красные мундиры, и тысячи штыков ярко блестели на полуденном солнце; казалось — весь лес в движении. Новый посланный привёз Владимиру Алексеевичу следующую записку князя Меншикова:

> «13 сентября 1854 г.
>
> Я сего дня писал Вам, что нет ничего нового, но

после последнего моего письма, вот что случилось.

Запасный парк наш, прикрываемый Черноморским резервным линейным батальоном, остановился кормить лошадей, без всякой предосторожности; разъезд неприятеля, с двумя орудиями, этим воспользовался и напал на них врасплох, и истребил у нас несколько повозок, и, кажется, взял несколько пленных.

Это происшествие затрудняет наше сообщение с Севастополем»

Курьер от командира порта к Князю не нашёл Главной квартиры и возвратился с известием, что неприятель отбил часть обоза нашей армии и отрезал её от Севастополя.

Около 2-х часов пополудни, пароход «Владимир» послан Корниловым к Инкерману для наблюдения за неприятельской армией и для обстреливания плотины и моста через Чёрную речку. В три с половиною часа семь неприятельских пароходов подошли к Константиновской батарее и завязали перестрелку, не причинившую нам никакого вреда.

Неприятельская армия перешла створную линию Инкерманских маяков; в сумерки большая часть её находилась ещё на Мекензиевой даче, и только передовые войска спустились в долину Чёрной речки».

Страшно себе представить, что было бы с Севастополем, Крымом, да и с Россией, если бы союзническая армия предприняла наступление уже 12 или 13 сентября 1854 года на Северное укрепление…

Корнилов и защитники Севастополя понимали, что обречены.

К.Хибберт пишет, что в союзническом стане «каждый думал, что в течение нескольких дней, максимум одной или двух недель, Севастополь будет взят штурмом. На немедленном штурме, исключавшем укрепление обороны русских войск, настаивали Раглан и адмирал Лайонс. Позже русские офицеры сами признавались, что при немедленном наступлении Севастополь обязательно бы пал» [148].

Сам Владимир Алексеевич напишет позже в своём дневнике-«журнале»: «К вечеру явился на наши аванпосты французский артиллерист, кажется, бежал от голода, потому что пище обрадовался, как ребёнок. Он сказал, что St.Arnaud умер и что неладно между Canrobert'ом и Рагланом и что эти нелады причина их медлительности. Должно быть, Бог не оставил ещё

России. Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошёл на Севастополь, то легко бы завладел им».

> «Совсем неожиданная, чреватая неисчислимыми последствиями ошибка союзного командования предупредила неминуемую катастрофу» [149].

К.Хибберт:

> «Ранним утром на следующий день после битвы (на реке Альме. — *С.К.*) адмирал Лайонс нашёл лорда Раглана в очень плохом расположении духа. В течение утра Раглан дважды безуспешно пытался убедить маршала Сент-Арно немедленно начать преследование врага и попытаться с ходу овладеть северными фортами Севастополя. Сент-Арно заявил, что французские войска слишком устали для того, чтобы немедленно продолжить наступление. Им нужно время для отдыха и реорганизации… Раглан был огорчён таким мнением француза, однако не стал настаивать на собственной точке зрения, чтобы не вносить раскол в ряды союзников… Однако маршал Сент-Арно был не единственным, кто возражал против атаки на Севастополь с севера. Британскую армию сопровождал в качестве советника 72-летний генерал инженерных войск Бэргойн, чей опыт и советы считались бесценными… Он высказал ряд логичных доводов в пользу того, что наступление на город с юга было бы предпочтительнее. Он настаивал на том, что противник ожидает атаки союзников с севера. Двигаясь с юга, можно не только достичь эффекта неожиданности, но и воспользоваться тем, что ни одно из инженерных сооружений с этой стороны до сих пор не было достроено. К тому же кораблям легче осуществлять прикрытие наступающих с юга, чем с севера. И наконец, при возможной затяжной осаде города лучшим местом базирования союзного флота, без всякого сомнения, будет Балаклавская бухта. Она удобна и расположена на оптимальном расстоянии от лагеря союзных войск. И всё же, несмотря на доводы Бэргойна, Раглан предпочёл бы немедленную атаку на город с севера, прежде чем русская армия успеет изготовиться к обороне… Он отправил во французский лагерь генерала Бэргойна, который должен был отстоять точку зрения Раглана… На следующий день Раглан…

сам отправился к французскому командующему… Раглану показалось странным равнодушие старого маршала, его безучастная поза со скрещёнными на коленях руками. Когда англичане вышли из палатки Сент-Арно, один из офицеров обратил внимание на необычное поведение французского командующего. В ответ Раглан печально заметил: «Разве вы не видите, что он умирает?»

Через несколько часов у маршала открылась тяжелейшая холера. На следующее утро он был настолько болен, что не смог встретиться с Рагланом. В половине девятого утра начался обходной манёвр армии союзников вокруг Севастополя» [150].

…«И другие защитники Севастополя не переставали дивиться этой грубой ошибке французского и английского верховного командования и благодарить судьбу за эту совершенно нежданно-негаданную милость, — пишет Е.Тарле. — Павел Степанович Нахимов сказал тогда: «Знаете? Первая просьба моя к Государю по окончании войны — это отпуск за границу: так вот-с, поеду и назову публично ослами и Раглана и Канробера…[151]"»

…Когда Наполеон III, уже после окончания войны и заключения Парижского мира, узнал от одного из русских великих князей об истинном положении защитников в те дни и о последствиях принятого тогда союзниками решения, он побелел, затрясся и пробормотал:

— Негодяй! Я должен был его повесить, а не хоронить с почестями.

Французский император имел в виду маршала Сент-Арно.

Глава тринадцатая

Итак, союзники приняли решение и начали продвижение своих частей по направлению к Южной стороне, к Балаклаве, подарив тем самым осаждённому городу неприятеля шанс выстоять. Свой же, русский главнокомандующий князь Меншиков, напротив, усугублял и без того тяжёлое положение установленным им троевластием, и тревожным симптомом этого троевластия (читай — безначалия) стал приказ П.С.Нахимова № 129 от 14 сентября.

> «Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизону; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой; нас соберётся до трёх тысяч; сборный пункт на Театральной площади. О чём по эскадре объявляю».

«Нахимов, — объясняет А.П.Жандр появление этого невероятно обречённо-упаднического документа из-под пера знаменитого флотоводца, — был в мрачном раздумье: он знал, что сильная неприятельская армия приближается к Севастополю и что, кроме пяти с половиной резервных батальонов, стоявших на Театральной площади, — по всей Южной оборонительной линии нет ни одного солдата, готового встретить штыком неприятеля. **Предполагая, что Корнилов не решится оставить вверенную ему Северную сторону**, и не имея в своём распоряжении никаких войск, чтобы противостоять врагу, Нахимов усомнился не только в возможности отстоять Севастополь, охранение Южной стороны которого было возложено князем Меншиковым преимущественно на него, **но и в том, что Корнилов отделит для защиты Южной стороны собранные на Северной морские батальоны.** В этой тяжкой крайности он видел один честный исход — смерть с оружием в руках на батареях Севастополя…»

> «Иными словами, Нахимов не смел и надеяться на чью-то помощь, что было прямым следствием… меншиковского приказа № 40 и всей ситуации троевластия… Но если Моллеру удивляться не приходится, ибо это был чужак всем и вся, не имевший

никаких моральных обязательств перед Корниловым и Нахимовым, то о самих адмиралах сказать то же самое невозможно. Более того: Нахимов и Корнилов состояли в самых приязненных отношениях более двадцати лет. Никакие события и обстоятельства не могли разорвать дружбу этих выдающихся людей: ни соперничество в храбрости смолоду; ни конкуренция в должностях командиров стопушечных кораблей, когда корниловский «Двенадцать Апостолов» и нахимовский «Силистрия» поражали знатоков и приводили тех к ожесточённым спорам, чей же корабль ближе к идеалу, — зато уж весь флот знал, что выше «Двенадцати Апостолов» и «Силистрии» никакому другому кораблю стать невозможно, ибо там достигнут предел; ни возвышение более молодого годами Корнилова по служебной лестнице; ни огромная синопская слава Нахимова, блеску которой позавидовали многие, — ничто и никогда не остудило взаимной приязни Корнилова и Нахимова, никогда их благородное соперничество не выливалось в зависть и неприязнь. И что бы ни мололи злые языки, как бы ни исхищрялась интрига стравить адмиралов, Корнилов, приезжая в Севастополь, останавливался гостем в скромном домике Нахимова, а Нахимов, наведываясь в Николаев, бросал якорь только на корниловском домашнем рейде. После смерти М.П.Лазарева, выпестовавшего обоих, наверное, только они сами понимали истинный масштаб личности каждого из них. Ни Нахимов, ни Корнилов не поколебались бы минутой — расстаться со своей жизнью, если бы от этого зависело спасение жизни другого…

…И вот при таких-то отношениях Нахимов не смеет надеяться, что Корнилов сочтёт возможным **без приказа** что-то предпринять для усиления защиты его, нахимовской, Южной стороны. Неизгладимую печать николаевских времён, меншиковских нравов, моллеровского эгоизма — вот что запечатлел на веки веков нахимовский приказ…» [152]

В связи с этим представляется весьма странным то, что Е.Тарле в своей монографии назвал приказ Нахимова «знаменитым», а затем продолжил так: «Потопление оставшихся судов было приостановлено, как только появилась слабая надежда на то, что неприятель по какой-то непонятной причине отказывается от мысли немедленно штурмовать Севастополь»

[153].

То, что эти утверждения не совсем соответствуют истинному положению дел, мы увидим из свидетельства Жандра:

> «Но Корнилов не терял времени: убедившись, что главная союзная армия переходит на Южную сторону, он приказал перевезти с рассветом на пароходах в город одиннадцать флотских батальонов: 1, 2, 3 и 4-й десантные, 4-й и 5-й морские, 29, 32, 34, 45-й и Сизопольско-Флорский. **Святая ревность гражданина говорила ему, что его долг не оставаться на Северной стороне, хотя он и назначен начальником её, что его место там, где он наиболее нужен; и Корнилов, не колеблясь, поручил Северную сторону капитану 1-го ранга Бартеневу и поехал к Нахимову на «Двенадцать Апостолов».** В это время писаря со всех кораблей выписывали на «Двенадцати Апостолах» приказ Нахимова. Переговорив с Владимиром Алексеевичем о его намерениях, Павел Степанович приказал потребовать немедленно мичманов и объявить им, что истребление кораблей должно совершаться по сигналу и что для этого учреждаются два условные сигнала: 2-й заменительный флаг будет значить *затопить,* а 4-й знак — *сжечь.*
>
> Тогда Нахимов приказал свезти на площадь первой 3-этажной казармы по 300 матросов с 3-х стопушечных, и по 100 с 6-ти осьмидесятных кораблей, и сформировал из них два сводных батальона: 1-й — капитана 2-го ранга Спицына — из команд кораблей: «Париж», «Гавриил», «Чесма», «Храбрый» и «Ростислав»; 2-й — капитана 2-го ранга Винка — с кораблей: «Двенадцать Апостолов», «Великий Князь Константин», «Императрица Мария» и «Святослав». Оба батальона поручены капитану 1-го ранга Ергомышеву и в помощь к нему назначен Чернышёв; офицеров и унтер-офицеров велено назначить с кораблей по мере возможности. «Остальные затем» (нижние чины), сказано было в повестке дежурного штаб-офицера эскадры Нахимова о месте сбора сводных батальонов, «должны быть свезены тогда, когда по сигналу будут затоплены корабли».
>
> От Нахимова Владимир Алексеевич поехал в город на свою квартиру, куда вскоре собрались приглашённые им: генерал-лейтенант Моллер, вице-адмирал Нахимов и состоящий по сапёрным батальонам подполковник Тотлебен. По обсуждении, как лучше расположить

войска по оборонительной линии, командующий войсками, с общего согласия, отдал следующий приказ [154].

Тогда П.С.Нахимов снова доказал готовность жертвовать для отечества своими личными интересами. Он и генерал Моллер, забывая своё старшинство и власть, данную им Главнокомандующим, покоряя человеческие страсти долгу чести и присяги, просили Владимира Алексеевича принять на себя общие распоряжения по обороне города, тем более что две трети гарнизона составляли моряки. На замечание Корнилова, что сухопутные войска не обязаны выполнять его приказания, генерал Моллер предложил отдать приказ, что Корнилов принимает на себя должность Начальника Штаба Севастопольского гарнизона, и присовокупил: «Тогда все войска будут непосредственно подчинены Вам». На сём основании гарнизону объявлено в приказе № 30:

«Предлагаю всем гг. Начальникам войск исполнять все приказания Господина Вице-Адмирала Генерал-Адъютанта Корнилова, принявшего на себя обязанность Начальника Штаба всех войск, расположенных в городе Севастополе, как утверждённые распоряжения.

Генерал-Лейтенант Моллер».

Распоряжение это, свидетельствуя о том, как далеки были севастопольские начальники от взаимных распрей, так часто появляющихся в подобных обстоятельствах, служило залогом доблестного будущего, ибо единодушие начальников порождает силу подчинённых.

Между тем на эскадре получены и приказ Нахимова о затоплении судов, и приказание, отданное мичманам, что истребление должно совершиться по сигналу, нарочно установленному. Это последнее приказание привезено на «Ростислав» в 8 часов утра, а в половине 9 часа, прочитав приказ о затоплении, на корабле этом открыли отверстия, прорубленные в подводной части, стали свозить с него багаж и провизию на берег, и контр-адмирал Вукотич 1-й явился к Владимиру Алексеевичу в то самое время, когда диспозиция войскам была решена — с донесением, что корабль «Ростислав» затоплен. «Как! — воскликнул Корнилов. — Кто вам велел?» — «Его Превосходительство Павел Степанович Нахимов». — «Это недоразумение, я сейчас всё улажу», — возразил Нахимов и бросился к двери. Настала минута, когда Корнилов явил всю

энергию своего характера. Вспомнив, что транспорт «Кубань», наполненный скорострельными трубками и разными артиллерийскими снарядами, и брандеры «Кинбурн» и «Ингул», столь драгоценные для города в осадное время, только что затоплены *именем Нахимова* потому, что стоя в Килен-бухте, внизу 1-го и 2-го бастионов, они могли взрывом своим нанести вред прислуге орудий наших батарей, — как будто не было возможности отбуксировать эти суда из Килен-бухты — Корнилов подозвал меня и сказал: «Поезжайте ко всем командирам батарей и скажите им, что если хоть одна подводная пробка будет открыта без *моего* приказания, то я признаю командира того корабля за государственного преступника и в кандалах отправлю к Государю!» Исполняя приказание, я тотчас поехал на «Ростислав», и затем на другие корабли, кроме «Двенадцати Апостолов», на котором был Павел Степанович, и, передав слова Владимира Алексеевича, присовокупил, что во избежание недоразумений приказание о затоплении кораблей будет передано сигналом корабля «Великий Князь Константин»».

Как мы смогли убедиться, пресловутый нахимовский приказ вряд ли стоило называть «знаменитым», а потопление судов было приостановлено вовсе не потому, что «появилась слабая надежда» на отказ неприятеля немедленно идти на штурм, а потому, что эта мера была проявлением единоличной воли Павла Степановича, который сам, с явным облегчением, и отказался от её исполнения, когда с его плеч была снята колоссальная ответственность за судьбу Южной стороны. Но значимость, исключительная роль и ценность такой исторической личности, как Нахимов, только неизмеримо возрастает, когда читаешь о его здравом решении, высказанном им на совете того же дня. И нам необходимо подробнее остановиться на событии, так непростительно скупо описанном Жандром, тогда как именно день 14 сентября можно считать важнейшим рубежом; «четырнадцатым сентября исчерпало себя, иссякло окончательно меншиковское начало севастопольской обороны. Четырнадцатым — вступило в права корниловское — гражданское, патриотическое и народное — начало **севастопольской эпопеи**, которое с остротой гения воспринял и передал во всех севастопольских рассказах Л.Н.Толстой, а затем перенёс его и в «Войну и мир»» [155].

В корниловском «журнале» за 13, 14, 15, 16 и 17 сентября почти дословно повторяются такие фразы: за 13-е: «О князе самые сбивчивые слухи. Что будет, то будет, а надо брать меры, если князь отрезан и к нам опоздает»; за 14-е: «Но что будет, то будет.

Положили стоять. Слава будет, если устоим, если же нет, то князя Меншикова можно назвать изменником и подлецом, впрочем, я всё не верю, чтобы он продал… О князе ни слуху, ни духу»; за 15-е: «О князе ни слуху, ни духу… Князь должен дать отчёт России в отдаче города. Если бы он не ушёл Бог весть куда, то мы бы отстояли. Если бы я знал, что он способен на такой изменнический поступок, то, конечно, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше вышел дать сражение двойному числом врагу… Вечер в чёрных мечтах о будущем России. Неужели все её войска похожи на армию князя Меншикова? А Меншиков состоит в числе лучших генералов!»; за 16-е: «…Бог да благословит и да подкрепит нас, и если бы князь Меншиков вместо того, чтобы потеряться после несчастной Альминской битвы, привёл бы войска в порядок на Северной стороне и решился бы, вместо разных стратегических маршей, защищать донельзя порт и город и оставил бы наш флот целым, с его командой и в его сфере, то, я уверен, мы не были бы накануне разрушений. Постыдно!»; за 17-е: «О князе ни слуху, ни духу…»

«Корнилов распустил по городу слух, главный смысл которого заключается в том, что Светлейший будто бы бежал со своими войсками из Севастополя, оставляя его в жертву неприятелю, и что теперь гарнизону предстоит изыскивать самому средства отстаивать родной город», — с возмущением и раздражением писал адъютант Меншикова А.А.Панаев, которому, штабному карьеристу под крылом князя, было не дано ни испытать, ни понять всё то, что двигало умом, сердцем и рукой Корнилова, оставившего эти горькие строки. Но кой-какая польза от его воспоминаний, опубликованных в 1877 году, всё же есть: иногда ненависть наперекор своей крайней субъективности проливает на события больше истинного света, чем самая полезная дружба, и Панаев, сам того не желая, подарил нам подробнейшее описание совета 14 сентября в отличие от преданного, но благоговевшего перед цензурой Жандра.

Панаев пишет, что князь Меншиков послал своего старшего адъютанта Лебедева в Севастополь 14 сентября (и это при том, что о местонахождении самого главнокомандующего и армии в городе только могли гадать) и что этот Лебедев явился к Корнилову на квартиру, застав там собравшихся командиров. Хотя Корнилов и допустил его на совет, но, как страшно возмущался мемуарист, «Лебедев был очень сухо принят». Корнилов обратился к собравшимся с таким вопросом: «Что предпринять по случаю брошенного на произвол судьбы князем Меншиковым Севастополя?» Нахимов, замечает Панаев, не разделял умышленной невнимательности Корнилова к

посланнику, усадил его подле себя и стал расспрашивать про движение нашего действующего отряда. «Лебедев, по окончании вопросов, спросил Нахимова, в свою очередь, что же ему доложить Светлейшему о действиях в Севастополе? «А вот скажите, что мы собрали совет и что здесь присутствует наш военный начальник, старейший из нас всех в чине, генерал-лейтенант Моллер, которого я охотно променял бы вот на этого мичмана», — и Нахимов указал на входившего Костырёва. Генерал Моллер, услыхав, что речь идёт о нём, приподнявшись, обратился к Павлу Степановичу, но, узнав о предмете разговора по заключению, опять сел». «Надо заметить, — с какой-то безнадёжно-отчаянной решительностью пытается извернуться Панаев, — что Моллер, по назначении его главным начальником Севастополя, очень добросовестно и не будучи в себе уверен, предоставил Корнилову пользоваться его, Моллера, именем, когда он сочтёт нужным, заранее изъявив на все его распоряжения своё согласие. И в совете Моллер не принимал участия в толках, сказав заблаговременно, что он будет слушать и учиться (sic!); поэтому присутствовавшие действовали по их усмотрению, не ожидая мнения». (!!!)

> «Деморализация Моллера была столь велика, а беспомощность его и бесполезность столь очевидны, что Панаев испытывает потребность хоть как-то оправдать выбор светлейшего и ставит в параллель Моллеру главного командира Черноморского флота вице-адмирала Морица Борисовича Берха! Обе меншиковские креатуры были рукоположены им в прямые начальники Корнилову по такому, оказывается, тонкому умышлению светлейшего, как заранее им принятая во внимание «расположенность этих старых развалин вверяться способностям Корнилова»! Самое забавное в этом адъютантском софизме то, что он, неведомо для самого Панаева, совпал с мыслями Корнилова, который тоже усмотрел в Моллере «моего нового Морица Борисовича по обороне Севастополя». Берха же Корнилов считал «старой бабой», поставленной, чтобы убить дух и дело М.П.Лазарева на Черноморском флоте. Моллеру была отведена роль — погубить Севастополь со всем Черноморским флотом в его бухтах… Как бы то ни было, начиная с 14 сентября Корнилов имел честь распоряжаться от имени уже двух облечённых властью неспособностей» [156].

Моллер, как пишет Е.Тарле, «не только «опять сел», но

заявил, что добровольно подчинится младшему в чине Корнилову. Да и как после подобных комплиментов Нахимова мог бы он поступить иначе? Кстати скажем, что вытесненный Нахимовым из Севастополя за полной ненадобностью Моллер в конце концов был сбыт с рук Меншиковым, который тоже хорошенько не мог уяснить себе, что ему делать с этим генералом. «Не знаю, как быть с Моллером: он самый старый из генерал-лейтенантов. Не можете ли вы, чтобы скрыть намеренное удаление, потребовать его у меня?..» — просил Меншиков командующего Дунайской армией Горчакова» [157].

…«Появление Корнилова во главе севастопольцев совершилось вовсе не оттого, что частные начальники, как уверяет Жандр, покорились «долгу чести и присяги». Всё наоборот. В безвыходных и грозных обстоятельствах у них хватило мужества преступить через «долг присяги», заключавшийся для слуг императора Николая Павловича в слепом повиновении старшему начальнику… Совет частных начальников действовал не только без санкции главнокомандующего князя Меншикова, но и своим волеизъявлением отменил все письменные и устные распоряжения светлейшего от 11 сентября, что являлось покушением на священные прерогативы верховной власти. Избрание 48-летнего Корнилова главным распорядителем обороны города явилось попранием не только принципа **старшинства**, но и низвержением другого священного принципа империи, о котором Николай Павлович твердил всё своё царствование: «Мне нужны не умники, а верноподданные», «мне нужны лбы, а не головы», «мне нужны исполнители, а не салонные философы» — вот лишь малая толика его личного евангелия. Считая себя первым дипломатом, администратором, стратегом, фортификатором, кораблестроителем, финансистом, законоведом, архитектором, моралистом и даже беллетристом империи — империи, в которой вторых номеров не допускалось, а сразу начинались…надцатые, Николай сделал всё, чтобы упразднить значение ума, способностей, характера, почина и подготовки для военной и государственной карьеры. «Неспособность есть как бы патент на получение значительной должности, — обобщал осведомлённый современник и освещал причины. — Неспособный человек не имеет большей частью ни самостоятельного характера, неприятного властям, ни убеждений, не согласующихся с правительственной системой. Он на всё согласен… Ему можно поручить целое Министерство, и всё пойдёт своим обыкновенным порядком. Нужно только, чтобы при нём был человек, посвящённый в тайны бюрократической рутины

и умеющий дать делу ловкий оборот, так, чтобы интересы высших сановников не пришли в столкновение». Кто сей едкий критик? Отнюдь не нигилист, не красный, не худородный зоил, обнесённый на пиру казённых раздач. Великий князь Константин Николаевич, второй сын Николая I, стало быть, человек сведущий, из какого теста батюшка выпекал своих министров и генералов, губернаторов «и полицмейстеров, попечителей и главноуправляющих. Возвышение Корнилова как лица способнейшего отвечало потаённым мечтам Толстого: «…звание командира пусть приобретается даровитостью», — но никак не господствовавшим принципам власти» [158].

…Из дневника Корнилова с 14 по 18 сентября:

> «…Целый день занимался укреплением города и распределением моряков, за исключением 4 батальонов, переведённых на городскую сторону. Итого у нас набирается 5 тысяч резервов Аслановича и 10 тысяч морских разного оружия, даже с пиками. Хорош гарнизон для защиты каменного лагеря, разбросанного по протяжению многих вёрст и перерезанного балками так, что сообщения прямого нет.
>
> Войско кипит отвагой, но всё это может только увеличить резню, но не воспрепятствовать входу неприятеля.
>
> …Наши дела улучшаются, инженерные работы идут успешно. Укрепляем, сколько можем. Но что ожидать, кроме позору, с таким клочком войска, разбитого по огромной местности, при укреплениях, созданных в двухнедельное время.
>
> …Мы здесь не унываем, укрепляемся, как умеем и как средства позволяют. Непрерывная цепь редутов и бастионов и разного рода батарей представляет непрерывную линию пушечного огня, но эта линия на 7 верстах. Есть высоты, на которых легко воздвигнуть батареи против нас, и кроме — три или четыре пути, прорваться коими легко, ибо защитников немного: моряков (матросов) 10 тысяч, да 5 тысяч резервных солдат.
>
> …Наши укрепления улучшаются по возможности: прибавляем батареи из морских орудий, соединяем их траншеями, в амбразурах делаем щиты от штуцеров, кругом обставляем и батареи, и траншеи мешками и кулями с землёй».

К 18 сентября князь Меншиков подошёл наконец с войсками ближе к Севастополю. Всё, что перенесли, пережили севастопольцы за эту неделю, дало Корнилову нравственное право на резкий разговор при встрече с главнокомандующим, и отголоски этого «разговора начистоту» нашли своё отражение в нескольких строках дневника:

> «18 сентября.
>
> …К вечеру князь приехал на Северную сторону, куда приближаются войска. С ним прибыл и курьер николаевский. Князь очень жалуется на слабость войск своих и считает неприятеля очень сильным. Собирается опять сделать движение, предоставив Севастополь своим средствам. Если это будет, то прощай, Севастополь! Если только союзники решатся на что-нибудь смелое, то нас задавят. Это мною было представлено князю. Он обещал военный совет, которого мы и ожидаем. Держаться с войсками в Севастополе весьма можно, и держаться долго, но без войск — дело другое».

Без преувеличения можно сказать: к концу этой встречи Корнилов был взбешён. На следующее утро он намеревался представить князю следующую докладную записку:

> «19 сентября 1854 г., Севастополь.
>
> Кажется, важность недопущения неприятеля проникнуть в Севастополь не подлежит суждению. Она ясна из самого стремления врагов наших завладеть городом и массою казённых заведений и кораблей, в нём находящихся. Потеря и того и другого невозвратима для России; даже последующее истребление всей неприятельской армии на развалинах Севастополя не вознаградит Государю конечное разрушение этого важного порта, всего Черноморского флота не только с кораблями, но и с офицерами и матросами, приготовленными такими долговременными, постоянными трудами.
>
> Отстоять Севастополь с настоящими силами невозможно. Оборонительная линия идёт на протяжении 7 вёрст, пересечена глубокими балками и имеет многие подходы, где всё препятствие состоит из артиллерийского огня и простых, временных, из земли накиданных завалов. Три колонны, каждая в 15 000, могут легко спуститься тремя путями с высот, занимаемых неприятельским лагерем, и с небольшим

пожертвованием раздавит каждая своих противников, как бы они отчаянно ни сопротивлялись, ибо моряков и резервов, ныне составляющих гарнизон, едва насчитывается до 15 000. Увеличение гарнизона таким же числом, т. е. дивизиею, полагаю совершенно необходимым для обеспечения города; тогда только, имея моряков в резерве и употребляя их на сапёрные работы, как для поддержания укреплений, так и для усиления обороны, к чему матросы особенно способны, можно будет надеяться восторжествовать над натиском и отстоять дело.

Движение армии, хотя и полезно для отклонения неприятеля, но оно может иметь неудачу и тогда откроет путь неприятелю к цели всех его усилий, и к тому же движение это, по малочисленности войск, не может быть грозным. Неприятель, имея лазутчиков, скоро удостоверится в слабости гарнизона и самой армии и, понимая важность для себя времени, под носом у нашей армии вырвет и город, и флот.

Затем обеспечение войсками обороны Севастополя и наблюдение остальными Северной стороны, куда могут быть направлены следующие из России подкрепления, считаю единственными средствами обороны и даже полагаю её не только возможною, но и верною.

Генерал-адъютант Корнилов».

…Александр Сергеевич Меншиков был весьма озадачен, если не сказать поражён этим новым Корниловым, всегда прежде сдержанным, корректным, державшим дистанцию в отношениях как с подчинёнными, так и с начальниками. Тот же А.Панаев, верный меншиковский подпевала, будучи свидетелем того разговора, пишет об этом с подхалимной ноткой грусти: «… Корнилов не сочувствовал никаким диверсиям, не оценил по достоинству стратегических соображений Светлейшего и смотрел на него как на возвратившегося из бегов». Из этого причёсанного пассажа можно ясно понять, что Корнилов почти открыто назвал Меншикова предателем или изменником. С присущим обычно холопам «в случае» высокомерием и наглостью Панаев пытается взять реванш за оконфуженного Меншикова и объясняет нам, что Корнилов, плохо верящий в стратегический талант главнокомандующего, настаивал на усилении гарнизона войсками, и тогда князь, **«снисходя на односторонний взгляд ещё не опытного в военном деле адмирала, уважая**

лихорадочную его заботливость о сосредоточении себе под руку всех средств к обороне Севастополя, главное же — сознавая, как важно ободрить столь незаменимого своего сподвижника», — согласился.

«Конечно, никому Меншиков не продавался и изменником вовсе не был, — читаем у Е.Тарле. — Просто, ему было всё равно. И если от него действительно происходит такой вред, как будто бы это были сознательно изменческие действия, всё равно. И если его считают изменником, хотя он вовсе не изменник, — тоже всё равно. И если Корнилов волнуется и сумасшествует, не получая целыми днями никаких известий от ушедшей к Бахчисараю армии, — тоже всё равно. Поволнуется и перестанет. Князь Меншиков, правда, мог бы хоть записку в Севастополь переслать — сообщение вовсе не было отрезано. Это он признал. Ну, что же, забыл как-то. Но и это всё равно». И далее историк подводит итог: отсутствие князя в осаждённом городе с 11 по 18 сентября объясняется «полнейшим равнодушием и апатией» [159].

Думается, что это не похоже на всегда язвительного, остроумного, самодостаточного вельможу и сановника, в действиях которого, напротив, видна своя логика, расчёт и ловкость по части увиливания от всякой ответственности за происходящее. Так было в Константинополе, на Альме и на Бахчисарае, откуда он, перестраховываясь, посылал Николаю I письма, в которых, по выражению самого же Е.Тарле, «готовил царя к сдаче Севастополя». И настал однажды день, когда сам Александр Сергеевич всё объяснил навестившим его в марте 1855 года в Николаеве новому главнокомандующему М.Ф.Горчакову и полковнику Генерального Штаба П.К.Менькову.

«Я уверен, — сказал он — все меня обвиняют в неудачах, но никто не дал себе труда поверить мои средства! В самой армии вы найдёте ещё крикунов, а спросите их — кто были помощниками мне? Назовите мне хоть одного генерала! Князь Пётр Дмитриевич (Горчаков) — старый суета в кардинальской шапке, или Кирьяков и двусмысленной преданности к России Жабокрицкий, или, наконец, **бестолковый Моллер?..**Меня винили в бездействии… **Я не хотел брать на себя потерь Севастополя, флота н армии».**

В эту схему продуманного уклонения от ответственности прекрасно вписывается и однодневное возвращение князя в Севастополь из страха прослыть всамделишным предателем — действие тоже противоположное «полнейшему равнодушию и апатии».

…На полях той самой гневной корниловской докладной записки есть такая помета, сделанная его рукой: «Было

изготовлено для подачи в совете, который не состоялся. Три полка Кирьякова даны без этой бумаги. 1854 год».

Очевидно, князю было достаточно и одного достопамятного разговора…

Подробнее об «уступке» главнокомандующего — в «журнале»:

> «19 сентября. Князь совета не собирал, но войска дал. К нам перевезли три полка 17–й дивизии: Тарутинский, Бородинский и Московский. Теперь войска много, надеюсь, что будем стоять и тогда отстоим. Укрепления улучшаются…»

…«Долженствовавший погубить Севастополь княжеский уход, скорее всего, в объективном смысле, способствовал полному успеху новой организации его обороны. Никакое 14 сентября с избранием Корнилова распорядителем всех частей обороны при Меншикове было бы невозможно. Меншиков бы и сам не проявил бы никакой энергии и предусмотрительности (как было уже при Альме, когда войска трое суток занимали в ожидании сражения позицию, которую князь **не позволил** укреплять инженерными работами), и Корнилова бы вязал по рукам и ногам, не давая ему развернуться, не говоря уже о том, что не допустил бы его и выдвинуться на первую роль. Вернувшись же из недельного путешествия, князь обнаружил, что неотложные важнейшие дела по гарнизону устроились без него, что укрепления возводятся на полный ход… И всё это чопорный властолюбивый князь вынужден был воспринять как нечто должное. «По возвращении в Севастополь, — смягчает Жандр, — князь Александр Сергеевич нашёл весьма естественным (!!!), что Корнилов распоряжается собранными на Южной стороне войсками», — тогда как светлейший предусматривал держать его на Северной без всяких войск. Отсюда, если верить Жандру, следует, что ревизия приказов главнокомандующего советом частных начальников была настолько обычным делом в николаевскую эпоху, что Меншиков даже не поинтересовался знать, почему и как произошло удивительное это дело, за которое, по букве закона, частные начальники подлежали не более и не менее как суду военного трибунала» [160].

…Англичанин Александр Кинглейк, современник и историк крымских событий, тогда же издал свои записки о Крымской войне. Его оценки, переданные с эмоциональным накалом, подчас просто поражают сходством с подходом и глубиной толстовского гения. «Народ твёрдо и решительно занял пост, оставленный главнокомандующим и его армией, — пишет он о происходившем в те судьбоносные для города и Корнилова дни. — Блистательный

фасад обрушился, но за ним высились гранитные стены. Корнилов с гордостью людей различных сословий, но взаимно связанных призывом отечества, имел право сказать, что **защита будет русская».**

…В Севастополе, на городском холме, на пересечении тихих тенистых улиц стоит старинный особняк, двухэтажный, пыльно-розового цвета, с потрескавшимся фасадом, с распахнутым внутренним двором, когда-то запиравшимся чугунными воротами. Не задерживая шага, окинешь взглядом эти останки былого и пройдёшь дальше, потому что этому беглому взгляду не открывается ничего особенного: доживающий свой, правда, уже второй век дом в стиле классицизма. Ничего, кроме мемориальной доски, которую не сразу-то и выделишь на побуревшей стене, на которой читаешь: «В этом доме на втором этаже находилась последняя квартира вице-адмирала В.А.Корнилова…»

Сколько раз я совершала паломничества к этому дому… Но только останавливалась не с фасада, где находится эта мемориальная доска, установленная в 1904 году, к 50-летию Севастопольской обороны. Я обхожу с торца, потому что, стоя там, возле чудом сохранившегося после многих перестроек крыльца с высоким портиком, под увитым диким виноградом изящного чугунного литья балконом на втором этаже, я жду, когда же снова меня посетит здесь видение: сквозь проём крыльца возникает и вниз, по ступеням, лёгкой поступью сходит стройный, высокий, чуть сутулый человек и подходит к своей гнедой белогривой лошади… На нём немыслимой красоты мундир, но его лицо бледно, почти болезненно, линия высоких скул нисходит к впалым щёкам, под холёными усами угадываются сжатые губы. Глаза усталые, но внимателен взгляд. Его уже ждут: его штаб, его пятнадцать адъютантов смотрят на этого человека с такой любовью, надеждой и преданностью, словно на некое высшее существо. Вот он уже в седле, и вся кавалькада исчезает за поворотом…

…Прибывая из Николаева, где находилось Главное управление Черноморского флота и портов, Владимир Алексеевич Корнилов обычно останавливался у Нахимова на Екатерининской улице или совсем рядом, в небольшом доме Истомина, недалеко от Графской пристани (оба здания не сохранились). В доме Истомина Корнилов поселился и в ноябре 1853 года, с началом военных действий.

Начиная с 14 сентября, когда он стал во главе гарнизона, вице-адмиралу оставалось прожить 21 день и менее двенадцати

часов. Десять последних дней Корнилов провёл в этом доме.

…Из «журнала» от 28 сентября 1854 года:

> «…Мой день проходит совершенно однообразно, если не считать ночных тревог, которые не всякие сутки случаются. С раннего утра мы все, а нас более дюжины, садимся на коней. Я объезжаю линию, начиная с батарей № 10 и кончая Малаховым курганом, так что прямо возвращаемся обедать. После обеда, после краткого отдыха, новые кони — и вновь на них по тем из укреплений, которые требуют или нового осмотра, или новых наставлений, или каких-либо распоряжений на ночь. Возвращаемся к 7 вечера. Тут я застаю и Моллера — нашего главнокомандующего, моего нового Морица Борисовича по обороне Севастополя, и героя Синопского Нахимова, и Кирьякова, и разных лиц с отчётами и за приказаниями [161]. По отправлении последних мы принимаемся за чай, и тем кончается день, буде не нарушит спокойствие наше ракета. Вот третий день, что я оставил дом Истомина и перебрался к Волохову, на горе возле телеграфа, чтобы быть в центре действий и наблюдений. Тут поместился и весь штаб мой, а он не мал, как я уже сказал (15 человек). Итак, до следующего письма, добрый друг мой. Последние твои строчки были от 25–го. Ты окрестила Лизу? Бог да благословит её будущее. Перекрести её за меня. Когда-то я увижу вас всех? Господь милосерден. Прощай, будь здорова, не допускай расстраивать себя мрачными думами о предстоящем. Не забывай, что у тебя на руках длинная вереница детей. Твой весь. Благословляю вас всех. Алёше напиши за меня несколько слов.
>
> В. Корнилов».

Приводим здесь список офицеров штаба вице-адмирала [162]:

Офицеры для поручений:

капитан-лейтенант И.Ф.Лихачёв

капитан-лейтенант А.А.Попов

капитан-лейтенант В.И.Барятинский

штабс-капитан корпуса морской артиллерии Ф.В.Пестич

Флаг-офицеры:

лейтенант А.П.Львов

лейтенант А.П.Жандр

лейтенант П.П.Крюднер

лейтенант Н.Д.Скарятин

лейтенант П.А.Шестаков

Сигнальные офицеры:

мичман А.Д.Скарятин

мичман Я.П.Сербин

мичман кн. Э. А. Ухтомский

…Сами собой всплывают в памяти пленительно-тревожные строчки «Батального полотна» Булата Окуджавы, особенно эти:

> …Следом — дуэлянты, флигель-адъютанты.
> Блещут эполеты.
> Все они красавцы, все они таланты,
> Все они поэты.

Как не связать их с батальным полотном осени 1854 года, как не вообразить другую кавалькаду всадников свиты вице-адмирала и генерал-адъютанта Владимира Алексеевича Корнилова…

…Из воспоминаний бывшего офицера штаба В.А.Корнилова И.Ф.Лихачёва «В Севастополе — 50 лет тому назад»:

> «Я приехал в Севастополь в начале 1854 года как турист и некоторое время оставался без дела; перевод мой из Балтийского флота в Черноморский, о котором я хлопотал, долго не осуществлялся, и только весной В.А.Корнилов взял меня в должность своего «флаг-офицера». Нас, «флаг-офицеров», было четверо, в том числе 2 штаб-офицера (я и ещё здравствующий сослуживец мой, кн. В.И.Барятинский) и 2 лейтенанта, но обязанности наши были несколько различны и значительно шире тех, которые обыкновенно возлагаются на «флаг-офицеров». Весь флот стоял вооружённым на рейдах Севастополя, подразделяясь на две эскадры: в глубине Большого рейда стояла эскадра Нахимова; в Южной бухте и ближе к выходу в море — эскадра Корнилова, который имел флаг на корабле «Великий Князь Константин». Адмирал жил на берегу, но приезжал каждый день к 8 часам утра и оставался на корабле часа два или более; затем он съезжал на берег, и все текущие распоряжения по эскадре оставались до следующего утра на ответственности дежурного флаг-офицера. Сверх того, в его же распоряжении состоял главный наблюдательный пост на крыше офицерской библиотеки, с высоты которого открывался далёкий горизонт моря. Там постоянно находился один из младших офицеров, причисленных к нашему штабу с

несколькими сигнальщиками с корабля.

Но наши занятия как флаг-офицеров не ограничивались, однако, этими дежурствами. Каждый из нас имел специальные поручения Корнилова. Сам неутомимо деятельный, он умел заставлять осмысленно работать и всех окружающих. Когда Владимир Алексеевич сделался de facto начальником сухопутной обороны Севастополя, то он окончательно поселился на берегу, проводя целые дни в объезде различных частей нашей оборонительной линии. Мы все должны были следовать за ним и обзавестись верховой лошадью — и даже не одной, а двумя, потому что одной часто оказывалось недостаточно. Корнилов занял дом подрядчика Волохова, самый большой дом в то время в Севастополе, в котором нашлось довольно места и для всех нас.

Вначале адмирала сильно беспокоило положение нашего левого фланга (то есть Корабельной стороны с Малаховым курганом), который до тех пор оставался вовсе не укреплённым и, будучи совсем отрезан от главной позиции Южной бухтой, более всего подвергался опасности. Я помню, что мне было поручено составить план эвакуации нашей позиции на Корабельной стороне и переправы оттуда войск к главным силам в городе. К счастью, этого не понадобилось, и через несколько дней был уже готов плавучий мост через Южную бухту, подавший через несколько месяцев идею большого моста через Главную, или Большую Севастопольскую бухту, по которому совершилось отступление наших войск из Севастополя 27 августа 1855 года.

Если Корнилов старался одушевить войска своими пламенными речами, если он говорил солдатам: «Отступления ни в каком случае не будет» и пр., то, как трезвомыслящий предводитель, он не мог этого думать в душе и заботился о возможном упорядочении отступления, если бы оно сделалось неизбежным. Надо было разработать и приготовить на всякий случай план отступления с Городской стороны и переправы гарнизона на Северную. Было сделано полное расписание этой операции, в которой должны были принять участие все наши средства — немногочисленные пароходы, имевшиеся при эскадре, и все гребные суда, сколько их можно было набрать. Корнилов желал, чтобы всё, касающееся этого плана, содержалось в полном секрете.

Я должен был приходить со своим докладом по этому поручению только поздно вечером, когда все расходились и сам адмирал удалялся на покой в свою спальню. По наружности, я занимался устройством и урегулированием ежедневного правильного сообщения по бухте между осаждённым городом и его базой, то есть Северной стороной, откуда шло всё снабжение и всё подкрепление гарнизона. Таким образом, все переправочные и перевозочные средства оставались с этого времени и до конца обороны на моих руках, и я старался их поддерживать, сохранять и исправлять, насколько это было возможно. Но, конечно, не будь построен мост через Большую Севастопольскую бухту, этих средств было бы далеко не достаточно, чтобы позволить нам, после взятия Малахова кургана, совершить эвакуацию города так успешно, как это удалось сделать».

…Д. В. Ильинский впоследствии вспоминал:

«Корнилов совершал свой ежедневный объезд по оборонительной линии в сопровождении многочисленной свиты; при нём всегда был казак со значком, чтобы всякому было возможно его отыскать во всякое время. В свите его состояли подполковник Тотлебен, капитан-лейтенант Попов и четыре флаг-офицера: князь В.И.Барятинский, барон Крюднер, Лихачёв и Жандр. Многие, читая про оборону Севастополя по Тотлебену, сочтут, что свита есть приличная обстановка начальствующего лица; но у Корнилова это вынуждалось необходимостью и много способствовало к быстроте и успешному вооружению Севастополя. Приведу пример о моей личности. Я оставил команду и офицеров брига «Эней» на командуемой мной правой фланговой батарее Северного укрепления, а сам присоединился к свите адмирала. Подъезжая к месту, где назначено было устроить 5-й бастион, Тотлебен изложил Корнилову необходимость выдвинуть на правый фланг его люнет, выясняя выгоды его, определил число и калибр орудий. Корнилов, вполне убедившись в пользе, сделал расчёт необходимого числа прислуги при орудиях, и так как расчёт этот близко подходил к числу команды брига «Эней», то туг же назначил меня командиром предназначенного к постройке люнета; вместе с тем

поручено было капитан-лейтенанту Андрею Александровичу Попову снабдить люнет орудиями и всем для вооружения необходимым артиллерийским материалом. Тотлебен отбил колышками длину и направление фасов люнета, записал количество инструментов и имя назначенного им сапёра, а я через 4 часа перевёл с Северной стороны всю команду с багажом. Мы расположились на ночь на биваках, с рассветом дружно принялись за дневную работу всей командой, а на ночь разделили работу повахтенно…»

Они были «питомцами Корнилова гнезда»; каждый из них оставил свой заметный след на поприще морской службы; все они доказали собственным примером, что достойный удивления в николаевскую эпоху духовный, даже душевный сплав «адъютантов и их превосходительств» существовал в действительности.

«Я знаю, — говорил Кутузов своему адъютанту князю Болконскому в 1812 году, — твоя дорога — это дорога чести». Какую же иную дорогу могли избрать Лихачёв, Попов, Жандр, Львов, Шестаков и другие, если круглосуточно видели перед собой эталон русской чести?!.. Они по праву достойны того, что их слово о последних днях жизни В.А.Корнилова станет в этой книге решающим.

В сердцах своих офицеров он жил доброй памятью и щемящей печалью.

Глава четырнадцатая

Последние выстрелы той войны раздались 29 декабря 1855 года, а уже 8 января 1856–го всё тот же благородный, верный и безутешный капитан-лейтенант И.Ф.Лихачёв возьмёт перо и напишет:

«Если кто-нибудь был в состоянии заменить собою отсутствие главнокомандующего и спасти тогда Севастополь, то один Корнилов. Присутствие его в городе внушало жителям спокойствие и доверенность. Самое удаление армии и отъезд главнокомандующего не произвели смятения и страха, столь естественных в подобных обстоятельствах, и большая (бесполезная) часть жителей оставила город не тогда, а только когда вновь открылось сообщение с армией, то есть не прежде 19 или 20 сентября, и то по приказанию самого Корнилова.

Горячо принялся Корнилов за дело: день и ночь свозились орудия и снаряды с кораблей, заготовлялись склады и депо, устраивались средства сообщения и доставки; запасы, из мест, ещё не занятых неприятелем, забирались в город; формировались вновь и вооружались команды; устраивались управления. В несколько дней воздвигалась громадная защита города: несколько тысяч человек были заняты день и ночь земляными работами, батареи росли и покрывались сотнями орудий; число вооружённых защитников Севастополя прибывало ежедневно, и удивился неприятель, когда, обойдя Севастополь с востока, он собрал свои силы к югу от города, на возвышенной плоскости Херсонеса Таврического. Там, где он рассчитывал найти, где в своих рекогносцировках с моря сам видел только несколько довольно слабых полевых укреплений, он встретил почти сплошной ряд земляных работ, покрытых орудиями самого большого калибра, и всё это росло и продолжало усиливаться в глазах его: Только тот, кто видел действия Корнилова в это время, может вполне понимать великость потери нашей в день 5 октября. И все эти страшные средства, открытые и двинутые его волею, обдуманно и безошибочно были направлены к цели.

Корнилов нашёл человека, деятельность и энергия

которого были в состоянии выполнить задачу, который не затруднился краткостью времени, не запутался в обширности средств, но сразу понял всё, что можно было извлечь из них, и всю особенность положения, который пришёлся по плечу великому начальнику: в Севастополе случился инженер, имя которого должно было приобресть громкую известность в Европе и сделаться предметом национальной гордости для России…»

Продолжает лейтенант П.А.Шестаков:

«…Я не стану повторять, что, не случись Корнилов в Севастополе, никогда бы не могла организоваться титаническая оборона, прославившая мощь нашей силы сопротивления. Примеров личной храбрости нам не стать искать, но никто другой на его месте из лиц, которых я видел тогда на деле, не сделал бы ничего подобного. Но Корнилов был не только организатором материальной части обороны, не только инициатором и вдохновителем геройского духа в личном составе, надо ещё прибавить, что по какому-то счастливому случаю открыл Тотлебена и призвал его к деятельности. В самом деле, материальные средства, высокий дух гарнизона — всё это хорошо, но всё это только средства, которым не доставало руководителя — и таким руководителем явился Тотлебен…»

Об Эдуарде Ивановиче Тотлебене следует сказать особо: он считается одним из первых инженеров в летописи русского военно-инженерного искусства; на его идеях была основана признанная за границей русская фортификационная школа.

Прибалтийский немец, он родился в 1818 году и получил военное образование в Николаевском инженерном училище, окончив которое, два года проходил службу в инженерных командах, где освоил крепостное строительство; затем он почти десять лет изучал минное дело, возведение полевых укреплений, осадные работы и прочие многочисленные функции сапёрных войск. В 1848 году капитан Тотлебен командируется в действующую армию на Кавказ. Здесь он отличился в боях, участвовал в штурме укрепления Ахты против 10-тысячного отряда горцев Шамиля, а в последние четыре месяца заведовал всеми осадными работами. Служба на кавказском театре военных действий помогла Тотлебену развить тактические способности, чувство местности и понимание того, что использование выгодных позиций позволяет и слабым войскам бороться с

сильным противником. Зарекомендовав себя как мужественный и распорядительный офицер, он, вернувшись в 1850 году с Кавказа, был назначен адъютантом при начальнике инженеров генерале Шильдере [163] в Петербурге, а затем перевёлся в гвардейский сапёрный батальон, где заведовал практическими занятиями. В начале Крымской войны генерал Шильдер, получив назначение начальником инженеров в Дунайскую армию, предложил и Тотлебену прибыть на новый театр военных действий. В январе 1854 года Э.И.Тотлебену присваивают звание подполковника сапёрных войск, и с середины февраля он — в действующей армии. При осаде Силистрии подполковник Тотлебен состоял помощником Шильдера по осадным работам и, когда генерал был смертельно ранен, Тотлебен был назначен непосредственным руководителем. С началом осадных работ начальник инженеров Э.И.Тотлебен большую часть суток проводил в траншеях. 7 июня 1854 года под его руководством минёры взорвали турецкий форт Араб-Табия, создав условия для успешного штурма Силистрии. Войска уже готовились к атаке, но в это время пришёл приказ отступить на левый берег Дуная, а затем, под давлением Австрии, русская армия и вовсе покинула пределы Дунайских княжеств.

Командующий Дунайской армией князь Горчаков [164], желая помочь своему старому товарищу князю Меншикову, решает направить в Севастополь подполковника Эдуарда Ивановича Тотлебена. В сопроводительном письме он характеризовал его как лучшего ученика генерала Шильдера, разумного, деятельного и храброго офицера. Тотлебен прибыл 8 августа и конечно же встретил у главнокомандующего светлейшего князя очень холодный приём. Верный себе и своим «патриотическим» взглядам на положение Севастополя, Меншиков предложил Тотлебену… вернуться назад, так как считал (как мы помним), что никакой высадки десанта союзники осенью не предпримут, а в его подчинении имеется сапёрный батальон, укомплектованный офицерами. В конце концов, смилостивившись, князь разрешил подполковнику задержаться для «ознакомления с Севастопольской крепостью» словно туристу.

П.А.Шестаков:

> «Князь Меншиков брал его с собой, когда объезжал наши позиции, толковал с ним о фортификационной науке, о Монталамбери и т. д. — и только. Дела ему никакого не давалось, и Тотлебен, тяготясь такой неопределённостью положения, начал думать о своём возвращении к Дунайской армии, когда последовала высадка неприятеля на Альме. Тотлебен поехал в

главную квартиру и просил князя Меншикова дать ему назначение или разрешение уехать. Князь разрешил последнее. Возвратясь в Севастополь, Тотлебен отправился сделать прощальный визит Корнилову и сообщил ему, что князь отпустил его из Севастополя. «Как это можно! — воскликнул Корнилов. — Если вы князю не нужны, то вы мне будете нужны. Мне поручена теперь оборона Северных укреплений. Мои силы состоят из флотских батальонов, наскоро сформированных; при мне нет ни одного офицера Генерального Штаба и мне неоткуда его взять. Я причисляю поэтому вас к себе». Таково было начало славного поприща Тотлебена в Севастополе».

Трудолюбивый офицер быстро составил план усиления обороны города, наметил конкретные меры для его исполнения и свои соображения изложил в записке, поданной вице-адмиралу Корнилову. Вскоре даже Меншиков смог оценить незаменимость Тотлебена и недели через две писал о нём в Петербург (правда, в своей полунасмешливой, полуоскорбительной манере), что «это весьма деятельный офицер, с военным взглядом, который ставит его выше обычных кирпичных дел мастеров».

Месяц спустя после приезда Тотлебена в Севастополь вице-адмирал Корнилов, выбранный Советом быть во главе обороны, поручает Тотлебену заведовать всеми инженерными работами, и ещё 4 сентября 1854 года в своём письме-журнале Владимир Алексеевич напишет: «В неделю сделали больше, чем прежде делали в год».

В письме другу от 18 сентября 1854 года Тотлебен пишет: «Начертание укреплений и расположение войск поручено мне генерал-адъютантом Корниловым. Нам помогает также храбрый адмирал Нахимов, и всё идёт хорошо. Невозможное делается нами».

А.П.Жандр:

«Сделавшись, силою энергии и способностей, властным распорядителем в Севастополе, Корнилов поручил ближайший надзор за инженерными работами состоящему по сапёрным батальонам подполковнику Тотлебену, призвал к себе капитана над Севастопольским портом, капитана 1-го ранга Ключникова, строителя доков инженер-подполковника Гору и командира инженерной команды подполковника Старченко и, обратясь к подполковнику Тотлебену, сказал: «Составьте ведомость: какие материальные

средства нужны для успешнейшего хода работ — и средства явятся: чего нет в порте, то дадут нам доки, а чего недостаёт в доках, то пополнит инженерная команда». Сапёры и инженеры были распределены по дистанциям…

С того же дня, по мере надобности орудий на какую-нибудь батарею, начали сводить с кораблей пушки большого калибра, станки и снаряды; от порта стали отпускать, по требованиям подполковника Тотлебена: лес, такелаж, шитые мешки, железные водяные цистерны, плотничные инструменты, дельные железные вещи, гвозди и т. п.».

«Начальник инженеров гарнизона организовал работы на укреплениях беспрерывно в две смены. В каждую смену назначалось до 6 тысяч рабочих из сапёров, солдат и матросов. На Городской стороне в центре внимания были 4-й и 5-й бастионы. Здесь трудилась основная масса рабочих. В промежутках и рядом с бастионами заложили несколько новых батарей для обстрела лощин и подступов к этим укреплениям.

Для поддержки 3-го бастиона у вершины Южной бухты стал на якорь 84-пушечный корабль «Ягудиил». На Пересыпи и рядом с ней заложили три новые батареи. Вместе с кораблями они организовали вторую линию обороны в тылу у 3-го бастиона. На укреплении установили орудия, фланкирующие [165] Малахов курган и 4-й бастион. По обе стороны 3-го бастиона начали рыть траншеи для ведения огня по прилегающим склонам балок.

У одиноко стоящей башни на Малаховом кургане с обеих сторон возводились пятиорудийные батареи № 17 (Сенявина) и № 18 (Панфилова). Их 24-фунтовые пушки были направлены по фронту, а для фланкирования 2-го и 3-го бастионов установили на оконечностях гласиса [166] по два орудия. С кургана начали отрывать траншеи в сторону Докового оврага и 2-го бастиона. Каменный завал, обсыпанный грунтом, превратили в батарею с нормальным профилем, получившую название «Жерве» [167]. На 2-м бастионе приступили к удлинению левого фланга для установления четырёх орудий. От этого укрепления повели траншею по направлению к 1-му бастиону.

Тем временем баркасы подвозили к Екатерининской, Павловской и Госпитальной пристаням орудия, снятые с

кораблей, а от пристани смекалистые и ловкие матросы перевозили пушки весом более трёх тонн на бастионы и батареи. Порой приходилось преодолевать крутые подъёмы и кручи не только при помощи конных артиллерийских повозок, но и вручную, однако делалось это лихо и с умом, так что задержек с вооружением укреплений не было.

Для доставки артиллерии, боеприпасов и строительных материалов были задействованы все армейские повозки. Но их не хватало, не хватало и людей…» [168]

Владимир Алексеевич призвал на защиту родного города его жителей.

Современник записал: «По первому призыву его о высылке рабочих людей для постройки укреплений весь Севастополь ожил и встал на ноги».

«Руки эти нашлись, — вспоминал один из участников обороны, — благодаря примеру, энергии и воодушевлению Корнилова; всякий видел его кипучую деятельность и постоянное присутствие на работах. Днём он, не сходя с лошади, переезжал с одной позиции на другую, а вечером все собирались к нему за приказаниями. Благодаря этому высокому примеру начальника не только солдаты и матросы выбивались из сил на работах, но в них приняли участие вольные мастеровые, мещане, лавочники, лакеи, словом, все свободные жители города, женщины и дети. Из порта и арсенала, раскрытых настежь, тащили всякие снаряды, лафеты, материалы и инструменты, и всё это тянулось к укреплениям… В то же время в городе для занятия караулов формировалась милиция из граждан, которой командовали два актёра».

«Работали, — свидетельствует очевидец, — не переводя дыхание и день и ночь, и в два дня южная оборонительная линия была уже неузнаваема. Все кинулись к бастионам, стар и млад, стараясь помогать своим же, родным матросам, кто отцу, кто дядьке… Дети тащили лопаты, женщины носили воду и пищу… Пока Южная сторона не укрепилась твёрдо, женщины копали землю на бастионах».

…В «журнале» Корнилова за 14 сентября есть такая фраза: «… По укреплениям работа кипит, даже арестанты усердствуют». Находим то же у Жандра: «…Арестанты просили, чтобы их употребили в дело…» В одном из томов «Морского сборника» за 1856 год я нашла воспоминания человека, пожелавшего подписаться лишь «А-й В-в», под названием «Сутки на Малаховом кургане», которое привожу здесь полностью.

«20 мая 1855 года.

Солнце ещё не всходило, когда мы вышли из своего домика у Павловского мыса и отправились на Малахов курган; доктор В. на дежурство, а я — ради сильных ощущений. В природе так всё было хорошо, тихо и мирно, а мы готовились быть зрителями и участниками кровавых сцен… Мы отправились по продольным улицам Корабельной слободки, стараясь держаться как можно ближе к строениям, чтобы в случае опасности, как, например, появлении бомбы или гранаты, иметь хоть какое-нибудь убежище под ненадёжным кровом лачужек. Прошли мы небольшую площадку, с конца которой местность начинала возвышаться и образует далее большой холм, имя которого сделалось историческим; потом поднялись в гору между развалившихся, разбитых, расстрелянных домиков, встречая буквально на каждом шагу под ногами то ядро, то картечную пулю, то осколки бомб; место было, как видно, не совсем безопасное. Но мы были уже у цели нашего путешествия; на последней улице, которая опоясывает внутреннюю сторону кургана, увидали мы у одной хаты красный изорванный флаг и близ него — кучу окровавленных носилок; — то был передовой перевязочный пункт.

У дверей хаты была толпа какого-то странного народа, костюм и лица этих людей говорили вовсе не в пользу их; так что, если бы я увидел себя среди такого общества не в Севастополе, а где-нибудь в лесу, то счёл бы себя в большой опасности. К этим суровым и мрачным лицам, освещённым первым лучом солнца, a la Rembrant, недоставало только пейзажа Сальватора Розы. Это были арестанты, освобождённые в помощь гарнизону. Много следов страстей, заблуждений, тревог и бурь житейских можно было отыскать на их лицах; почти каждое из них имело что-нибудь особенное, что приковывает внимание, заставляет разыгрываться воображение или пробуждает участие. «Что вы за люди?» — спросил я. «Арестанты, ваше благородие», — отвечал один из них; другой поспешил прибавить, что они именно из тех арестантов, которых покойный адмирал Корнилов освободил 4 или 5 октября прошлого года, — чтобы заслуживали прощение. Когда этот арестант говорил, остальные понемногу подходили ко мне, невольно выражая этим своё сочувствие к тому, что передавал мне их словоохотливый товарищ. Я живо

помню его лицо, худое, бледное, с каким-то тревожным и вместе грустным выражением; видно было, что он провёл не один бурный день и не одну страшную ночь. Но мне казалось, я был почти уверен, что если он преступник, то не природа, а люди и обстоятельства вовлекли его в преступление, и очень рад был потом, что разговорился с ним.

«Думали, — говорил он, — что уж мы и не люди, коли арестанты; что в нас и души-то человеческой нету и чувствия никакого нету, коли арестанты. Дай Бог вечную память и царствие небесное покойному адмиралу Корнилову! Если бы не он, до сих пор не ведали бы люди, что мы тоже не звери какие. Ну, — один то сделал, другой тоже виноват; а ведь иные-то, Бог знает… и лукавый попутает. Да, согрешишь один раз, а на всю жизнь пропал и что дальше, то хуже; как будто из мира выбыл; и на людей-то смотришь не как на себя или на своего брата арестанта; а только помнишь, что сам тоже был человеком… А что же, ваше благородие, вот вы изволите нас слушать, — разве мы не показали 5 октября, во время *блендировки,* что и мы не хуже солдат, когда палил француз, шибко палил, и с моря, и с окопов. Мы и раненых носили без устали и без смены, и в самом что ни есть огне бывали, не робели». — «Да, ничего, был денёк, — прибавил стоящий сзади старик, — будет что порассказать и внучатам». — «И говорил покойный адмирал, — продолжал первый, — сам я слышал, ваше благородие, так близко был; говорил эдак: братцы, не отступать, не будет отступления, и не слушай, говорит, кто скажет отступать; не смей, говорит, слушать, и коли я, говорит, скажу, чтобы отступать, — убей, говорит, меня. Вот как! Сам так и сказал. Сел он на коня и поехал верхом; тогда ещё башня цела стояла на кургане…»

Арестант рассказал мне по-своему смерть адмирала и, поверят ли? голос его дрожал от волнения и слеза готова была покатиться по лицу. Завидна слава человека, оставившего о себе действительно блаженную память даже между людьми, отверженными обществом и, казалось, недоступными для нежных человеческих чувствований. Сколько величия и силы в этой переданной арестантом речи, которая напоминала слова Святослава: когда я паду, — помышляйте о себе; или слова Петра при Пруте: не слушайте меня и выберите себе другого государя. Сколько гуманности в идее

выпустить арестантов и сделать из них людей! Блажен кто так верует, в человека, кто заблудшую овцу возвратит стаду».

…Рано утром 15 сентября войска были поставлены на боевые позиции: одни батальоны раскинуты цепью по оборонительной стене и завалам; другие собраны в ротные колонны и колонны к атаке. По распоряжению вице-адмирала Корнилова духовенство с образами, хоругвями и крестами совершало крёстный ход по Южной оборонительной линии, на дистанциях отслужили молебны и окропили войска святой водой.

Корнилов сказал своему окружению:

— Пусть прежде напомнят войскам слово Божие, а потом я передам им слово царское.

Одетый в блестящую генерал-адъютантскую форму, в окружении многочисленной свиты, Корнилов осматривал войска. Все взгляды были прикованы к высокой худой его фигуре. Настала полная тишина, и тогда раздался его голос:

— Товарищи! Царь надеется, что мы отстоим Севастополь. Отступать нам некуда — позади нас море, впереди неприятель. Будем драться до последнего! Помните же: не верьте отступлению! Пусть музыканты забудут, как играть ретираду, и тот изменник, кто протрубит ретираду. Заколите такого изменника. И если я сам прикажу отступить — заколите и меня!

«Порывом восторга отвечали войска на речь начальника, и стоило взглянуть на эти лица, чтобы убедиться, что меж ними не было малодушных», — говорит очевидец.

…Жандр вспоминал:

> «Повторяя эти достопамятные слова каждому батальону, Владимир Алексеевич разнообразил их, применяя к характеру людей: армейским батальонам он толковал: «Ваше дело сначала строчить неприятеля из ружей, а если ему вздумается забраться на батареи, так принимайте его по-русски; тут уж знакомое дело — штыковая работа». Батальону капитана 2-го ранга Винка, состоявшему преимущественно из матросов 38–го и 41-го экипажей, сказал, что давно знает их за молодцев, а с молодцами и говорить много нечего. Вообще он говорил с матросами менее, надеясь более на их стойкость. «Умрём за родное место!» — отвечали моряки на слова адмирала.
>
> Речь его была проста, доступна пониманию солдата и затрагивала такие душевные струны, которые всегда будут дороги русскому человеку.

— Московцы! — сказал он однажды, обращаясь к нижним чинам Московского полка. — Вы находитесь здесь на рубеже России, вы защищаете дорогой уголок русского царства. На вас смотрит царь и вся Россия. Если только вы не исполните своего долга, то и Москва не примет вас как московцев.

Понятно, как должны были принять такие слова русские воины перед лицом неприятеля. Одушевление войск и желание, постояв за себя, отмстить врагу, сделалось всеобщим. Уверенность в своей силе солдат и радостные крики их на приветственные слова Корнилова закончили этот величественный день в жизни севастопольского гарнизона. В это время о князе Меншикове никто не вспоминал, имя его произносилось с неудовольствием и все симпатии стремились к Корнилову, на которого смотрели, как Богом вдохновенного человека, и действительно, в эти славные дни своей жизни Корнилов сделался неизмеримо выше обыкновенного».

…Вот об этой речи вспоминали с умилением арестанты, о ней высоким слогом отозвался очевидец этой мизансцены; об этой речи писали и пишут все иностранные историки в своих трудах о Крымской войне; этой речью восторгались воспитанницы Смольного института в своих дневниках; эту речь до конца своих дней помнили те, кто слышал её сам; эта речь, дошедшая в пересказах, воспламенила и околдовала молодого офицера Льва Толстого.

Сам вице-адмирал в письме жене от 15 сентября ни словом о ней не упомянул.

Первым делом, как уже говорилось выше, Корнилов усилил войска гарнизона за счёт перевода на берег корабельных команд. По его приказу вначале было сформировано 17 морских батальонов общей численностью 12 тысяч человек; затем их число было увеличено до 22. Первые батальоны формировались из моряков различных кораблей по мере перехода их на берег, но в дальнейшем, по указанию Корнилова, они были переформированы на основе сохранения единства корабельных экипажей. Это его решение заложило одну из главнейших, если не главную, основу будущей обороны и явило подлинный, прозорливый, зрелый талант Корнилова как стратега и, можно сказать, полководца.

Участники обороны высоко оценили это решение: «Адмиралы

— начальники дистанций — имели под командой свои же экипажи и, поручив командование бастионами и батареями капитанам и экипажным командирам со своими же людьми, ввели и на суше те же порядки, которых привыкли придерживаться на море. Это имело ещё одно большое нравственное значение в том отношении, что командиры приняли на полную свою ответственность состояние порученных им укреплений и с привычной инициативой заботились и принимали меры, как для фортификационного усиления пункта, так и для снабжения его артиллерийским вооружением со всеми необходимыми запасами, равно как и для полного снабжения и благоустройства гарнизона. Тут не было места той разъединённости, какая часто случается от недружных действий инженерного, артиллерийского и интендантского ведомств. Всё было объединено в единых руках, сознававших полную свою ответственность по всем частям и привыкших в море, где никогда нельзя рассчитывать получить своевременного указания, к полной инициативе во всех своих распоряжениях. Этим-то отличным решением нелёгкой в виду неприятеля задачи, исполненным Корниловым, и создали моряки при осаде Севастополя ту нравственную силу, которая держалась во все 11 месяцев обороны и была главным залогом её неслыханного успеха».

…Один офицер напишет, уже после войны, о Севастополе накануне первой бомбардировки: «И вот внезапно предстал врагам на суше, будто по манию волшебного жезла окаменелый флот. Бортами повёрнутые к врагу, неподвижно стоят стопушечные земляные корабли, люки открыты, фитили горят, всё готово… Идите, дорогие гости!..»

«Матросы особенно одушевлены и с жаждою помышляют о битве за родину», — читаем в письме Владимира Алексеевича жене от 18 сентября.

…Офицер Черноморского флота, участник обороны размышлял в своих позднейших записках: «…Мы имеем у себя таких матросов, на которых можем положиться… Теперь мы видим, что если матрос поступит к орудию, то уж не отступает, пока его не сразит неприятельское ядро. Трудно только довести дух в матросах до этой степени; а поддерживать его, имея такую хорошую закваску, уже не трудно. Тем-то и дороги для нас Лазарев и Корнилов, которые собственными своими трудами вселили в нас не только рвение к службе, но и чувство собственного достоинства и непобедимости…»

Вот хроника тех дней, как она изложена А. Жандром: «Утром

14 сентября два неприятельских корабля, несколько пароходов и купеческих судов, следуя от Качи, обогнули Херсонесский маяк и направились, по-видимому, в Балаклаву. Около полдня в стороне этого городка слышались пушечные выстрелы: то полковник Манто, командир Греческого Балаклавского батальона, сопротивлялся лорду Раглану. Скоро горсть балаклавцев была взята англичанами, которые ввели в Балаклавскую бухту свои суда с разными припасами для союзной армии. В продолжение дня несколько французских пароходов осматривали Камышовую и Казачью бухты, а два из них пробрались и в Стрелецкую. Наши батальоны размещались на назначенных им позициях…

Поутру, 16 сентября, прибыл из армии князя Меншикова лейтенант Стеценко, посланный князем узнать о состоянии Севастополя. Главная квартира была в это время в 3 верстах от Бахчисарая, и Стеценко пробирался мимо неприятеля ночью, пешком. Он принёс нам известие о присоединении к нашей армии 10 тысяч отряда генерал-лейтенанта Хомутова, и о скором ожидании 12-й пехотной дивизии, по прибытии коей князь Александр Сергеевич намерен атаковать врагов. Как бы в подтверждение своих слов, сказанных накануне войскам о нашей армии, Владимир Алексеевич объехал рядом с посланным князя Меншикова всю оборонительную линию, рассказывая главным начальникам вести из армии.

В продолжение дня союзники делали рекогносцировку. Кавалерийские их отряды появлялись на Симферопольской и Балаклавской дорогах, и к вечеру другой передовой неприятельский отряд занял возвышенности к юго-западу от бастиона № 4, между дорогами в Балаклаву и Георгиевский монастырь. Корабль «Ростислав», стоявший против артиллерийской бухты, перешёл к Килен-бухте, по сигналу корабля «Великий Князь Константин», на буксире парохода «Бессарабия», и стал против Килен-бухты, между кораблями «Храбрый» и «Гавриил». Ночью лейтенант Стеценко отправился в Главную квартиру.

Между тем на батареях работа кипела день и ночь; укрепления становились грознее, а войска ежеминутно были готовы отразить внезапное нападение. Заботливостью Владимира Алексеевича армейские раненые были призрены в морских казармах и госпитале; в городе и Корабельной слободке устроены перевязочные пункты; Георгиевский пороховой погреб очищен, дабы не дать неприятелю завладеть им; Сухарный завод переведён с Северной стороны; лес с делового двора, находившегося вне оборонительной линии, перевезён в адмиралтейство, и на всех дистанциях учреждены условные

сигналы о месте появления неприятеля, о мере досягания наших ядер и о направлении огня наших пароходов, при действии их по Карантинной балке — вдоль оборонительной стены нашего правого фланга, и по Килен-балке — для фланкирования 1-го и 2-го бастионов.

…17 сентября, в начале 3 часа пополудни, три неприятельских парохода и канонирская лодка подошли на пушечный выстрел Александровской батареи и открыли огонь бомбами; батареи № 10, Александровская и Константиновская отвечали им, и через полтора часа неприятель отошёл. При перестрелке одна коническая бомба, пущенная с канонирской лодки, попала в лафет 36-фунтовой пушки на батарее № 10 и разрывом своим оторвала руку и раздробила череп одному канониру, ранила другого, раздробила лафет и пушечную раму: это был первый неприятельский снаряд, брошенный удачно в Севастополь.

Союзники снова делали рекогносцировку; значительный отряд их поднялся из кладбищенской балки на гору, по дороге к Херсонесскому маяку, и в то же время несколько пароходов перешли от Качи в бухты Херсонесского полуострова. К вечеру третий неприятельский отряд занял Панютин хутор и расположился лагерем между ним и верховьями Стрелецкой и Камышёвой бухты.

Для воспрепятствования неприятелю предпринять ночью какое-либо покушение, на шлюпках, внутрь рейда — по оконечностям бона поставлены пароходы «Громоносец» и «Херсонес», и с этого дня очередной пароход постоянно дежурил ночью у бона.

Вечером прибыл из главной квартиры офицер гусарского Саксен-Веймарского полка с запиской от адъютанта князя Меншикова барона Виллебранта к Владимиру Алексеевичу о том, что князь приказал перевезти обозы армии на Северную сторону, куда следует наша армия, и с рассветом должен подойти авангард под начальством Г.М.Жабокритского.

…С 5 часов утра 18 сентября пароходы «Дунай», «Турок» и «Грозный», боты и гребные суда перевозили обозы нашей армии с пристаней: Екатерининской, Адмиралтейской и Ушаковой балки — на Северную сторону. От неприятельского флота отделились два винтовых корабля и 6 пароходов: они вели на буксирах 15 купеческих судов от Качи к Херсонесу. На Северной стороне, по дороге от Инкермана к Северному укреплению, тянулись наши войска: эта неожиданность всех обрадовала.

…В половине 2 часа ночи неприятельский корабль подошёл к батарее № 10 и пустил бомбу. Через минуту батареи № 10,

Александровская и № 8 открыли по ним сильный огонь, и неприятель, не выдержав и получаса пальбы, удалился.

…Князь Меншиков уже двинул к Севастополю полки 17-й пехотной дивизии: Московский, Тарутинский и Бородинский, 6-е резервные батальоны Волынского и Минского пехотных полков и лёгкие № 4 и 5 батареи 17-й артиллерийской бригады. Все пароходы наши развели пары: «Громоносец», «Бессарабия», «Одесса» и «Херсонес» стали перевозить первые два полка на городовую сторону; «Владимир» и «Крым» — Бородинский полк в Ушакову балку, а малые пароходы — артиллерию и разные тяжести с Северной стороны на Екатерининскую и Адмиралтейскую пристани.

Батареи наши так же усиливались и распространялись: на многих из них появились 68-фунтовые бомбические пушки, доставленные с кораблей вместе со станками, снарядами…

В неприятельских войсках заметно было движение весь день 19 сентября: одни колонны направлялись к Херсонесскому маяку, а другие к востоку от Симферопольской дороги. С бастионов № 4 и 5 бросали по ним бомбы так удачно, что отряд, стоявший у хутора Уптона, около Балаклавской дороги, отошёл от города и скрылся за возвышенность. Ночью двое англичан хотели пробраться через нашу цепь, но боцман 32-го флотского экипажа заметил их и заколол одного штыком, а другой успел убежать».

Увеличение гарнизона потребовало составления новой диспозиции. Для управления войсками и работами с 20 сентября оборонительную линию Корнилов разделил на четыре отделения. Первое и второе на Городской стороне сохранялось без изменений и под прежним командованием; линия обороны Корабельной стороны делилась теперь на две части. От Городской высоты до Докового оврага был участок третьего отделения с главным опорным пунктом на 3-м бастионе; начальником отделения был назначен вице-адмирал Панфилов. От Докового оврага до рейда протянулось четвёртое отделение под командованием контр-адмирала Истомина; основными укреплениями на этом участке были 1-й, 2-й бастионы и Малахов курган.

К диспозиции была приложена следующая инструкция начальникам дистанций:

> «При наступательном движении неприятеля на Севастополь, каждому начальнику линии:
>
> 1) Сосредоточить свои войска и придвинуть резервы к тем пунктам, которые угрожаются атакою. Войска при этом, по возможности, расположить скрытно от

неприятеля, дабы не подвергнуть их действию его артиллерии.

2) Артиллерия открывает огонь ядрами и гранатами соответственно калибра орудий, на таком расстоянии, на котором *действительно* можно вредить неприятелю, и при приближении его на картечный выстрел, ускорять по возможности пальбу. Для верного действия артиллерии, предварительно, перед каждой батареей, шагами отмерить и определить расстояние до окружающих предметов местности, и заметить дальность картечи.

3) Пехота, густо рассыпанная по траншеям в две или более шеренги, с расстояния 500 шагов производит частую пальбу. При этом первая шеренга стреляет через бойницы, а прочие заряжают и подают ружья.

4) Если неприятель где-либо прорвётся через нашу траншею, то батальоны, в колоннах к атаке, встречают его штыками. В это же время рассыпанные роты быстро строятся в ротные колонны и также ударяют в штыки; равно и артиллеристы на своих батареях собираются в кучки и отстаивают орудия штыком.

5) При отбитии штурма отнюдь не преследовать неприятеля за линию наших окопов, дабы не закрыть огонь нашей артиллерии и пехоты; прежде рассыпанные роты снова рассыпаются и производят вслед за неприятелем сильный ружейный огонь. Артиллерия провожает его картечью, а потом ядрами и гранатами».

Самыми яркими, проникновенными, глубокими строками, написанными когда-либо о Владимире Алексеевиче Корнилове в последние дни его жизни, мы обязаны возвышенному и благородному перу… нет: сердцу его офицера И.Ф.Лихачёва:

«Жертвовать собою, умереть готовы были все, но поднять на свои плечи начальство, распоряжения, ответственность решился один Корнилов. Римский сенат благодарил Варрона за то, что в критическую минуту он не отчаялся в спасении отечества. В незабвенные дни сентября 1854 года, когда перед грозою обстоятельств самые мужественные сердца поколебались и не нашлось у них ничего, кроме личной храбрости, кроме готовности умереть, Корнилов один с своею несокрушимою энергиею взял на себя борьбу с обстоятельствами.

Только в таких случаях резко выходит вперёд личность великого человека. Быстротою соображения и

деятельностью заменить недостаток времени, изобретательностью ума — недостаточность средств, увлекательным примером и красноречивым словом вселяя во всех геройские чувства, одушевлением восполнить малочисленность войска — все эти качества и способности полководца и великого человека с блеском явил тогда Корнилов, и если он говорил войскам «отступления не будет» и войска ему верили и готовились умирать, то тем не менее в тылу все средства, какие можно было принять в случае неудачи, были обдуманы и подготовлены, лица, которые должны бы были действовать, предуведомлены и им даны были наставления.

Можно, не боясь обвинения в пристрастии, сказать, что вся беспримерная оборона Севастополя была создана Корниловым. До последнего дня система, порядок сохранились так, как они были им заведены, и хотя нередко случалось слышать впоследствии справедливые жалобы на неудобства некоторых частностей, но к ним как будто боялись прикоснуться: так глубоко было во всех сознание совершенства системы, направления, оставленного Корниловым…

Всегда необыкновенная физическая деятельность Корнилова в это время поражала всех удивлением. Слабый и больной телом, он предавался таким трудам, которые часто бывали не под силу окружавшим его людям в цвете лет и здоровья, и у коих также не было недостатка в усердии. Адмирал вставал часу в 6-м утра и через полчаса уже начинал принимать лиц, в продолжение дня спешивших с разных сторон за приказаниями. В 8-м часу, напившись чаю, он садился на коня и отправлялся осматривать оборонительные работы. Эти поездки продолжались обыкновенно часу до первого, иногда и более; возвратясь домой, он занимался ещё час или полтора бумагами и потом садился обедать с своим «военным семейством», как он делал честь иногда называть состоявших при нём. Часа в 4 адмирал был уже опять на коне и спешил куда-нибудь на укрепления и возвращался домой не ранее, как по наступлении уже совершенно темноты, т. е. в 7-м или 8-м часу вечера. Здесь опять целая толпа разных лиц ожидала его. Кто знает, с каким вниманием Владимир Алексеевич всегда выслушивал всех, как он входил во все подробности и никогда не отпускал от себя никого

без полного наставления, не убедившись, что тот будет действовать именно так, как нужно, — тот поймёт, что это занятие поглощало немало времени.

Многих, переговорив, он отпускал; других же, с которыми хотел ещё говорить, оставлял пить чай. В это же время обыкновенно и большая часть начальников собиралась в маленький домик, в котором жил он. Истомлённый, измученный, садился адмирал пить чай и оставался за столом часа два, занятый в это время обыкновенно разговором с Павлом Степановичем Нахимовым и другими лицами, не переставая и тут делать распоряжения и отдавать приказания. Наконец, наступала очередь получать приказания и для тех, которые имели счастье состоять при нём. Потом, отпустив всех, адмирал садился ещё за бумаги и писал, обыкновенно за полночь, часто и гораздо позже. Так проходил день, но и короткий промежуток ночи, остававшийся для отдыха и сна, был часто нарушаем фальшивыми тревогами, случавшимися очень нередко по ночам, частью от действительного понимания опасности, в которой находился город, от нечаянного нападения, частью, конечно, и от неопытности войска. По два и по три раза в ночь случалось адмиралу вставать, и он спешил верхом к тому пункту, откуда начиналась тревога. И каково бы ни было физическое истомление сил, каковы бы ни были страдания душевные, никто не может похвастать, что видел их. Всегда сохранявший наружное достоинство, адмирал и тут не изменял себе: когда другие смущались и падали духом, Корнилов думал или распоряжался».

Казалось, больше сделать было уже невозможно, люди выбивались из сил, но, видя воодушевлявшего своими постоянными трудами, присутствием и словом Корнилова, снова брались за дело.

«Крепко любили его солдаты за привет и доброе слово, — писал один из севастопольцев. — При каждой встрече и прощанье с ним солдаты говорили между собой: «Вот так енерал; отец, а не енерал!»»

«Корнилов не сходит с лошади, — писал один из участников этих горячих дней в Севастополе. — Распоряжения самые быстрые, благоразумные, внимание ко всему и во всём доставили ему доверенность не только моряков, но общую. В Севастополе не найдётся ни одного человека, который бы не чувствовал, не

понимал благодетельного влияния на все дела нашего несравненного адмирала».

«Корнилов, — пишет его биограф, — глубоко продумал и разработал обширный комплекс мероприятий, направленных на мобилизацию всех сил и средств для защиты города. В основу их было положено взаимодействие армии и флота. Сам Корнилов, как образно выражались севастопольцы, «совокуплял в себе взаимодействие всех отраслей обороны: инженерной, морской, сухопутной и артиллерийской».

Оставшиеся в строю парусные корабли и пароходофрегаты было решено использовать для усиления обороны города с моря и артиллерийской поддержки сухопутных войск. Для этого все они были расписаны по огневым позициям, которые назначались с учётом наиболее эффективного использования корабельной артиллерии и на самых ответственных участках обороны.

Как всегда, Корнилов уделил особое внимание разработке инструкций и наставлений по использованию разнородных сил в обороне базы и способах их действий. В одной из первых инструкций, введённой в действие 26 сентября, Корнилов писал: «При дневной атаке батарейным огнём или при бомбардировании иметь необходимых людей при орудиях, кои по своему положению могут отвечать неприятелю; остальных же всех стараться расставить так или удалить, чтобы неприятельские ядра и бомбы как можно менее вредили войску». В другой инструкции Корнилов вновь напоминал начальникам: «При предстоящей осаде и бомбардировании, как я уже объявлял, главная забота дистанционных и других начальников должна состоять в сбережении людей».

Эта забота о подчинённых и их безопасности в предстоящих кровопролитных боях красной нитью проходит через все боевые инструкции, составленные Корниловым в период подготовки Севастополя к обороне. Эту же цель он преследовал, выступив в качестве одного из инициаторов широкого строительства блиндажей при создании сухопутной обороны города.

В приказах, инструкциях и наставлениях, изданных и разработанных Корниловым, давались подробные указания защитникам Севастополя об использовании артиллерии и стрелкового оружия, о способах отражения атак противника, о взаимной выручке в бою. Например, о применении артиллерии он писал: «При дневной атаке штурмованием артиллеристам должно быть внушено, чтобы палили в толпы или колонны по мере достигания ядрами или бомбами и гранатами, и, когда неприятель подойдёт на картечный выстрел, то картечью, продолжая действия даже и тогда, когда часть неприятеля

ворвётся; когда же он отобьёт от орудий, то, не оставляя их, обороняться холодным оружием… Действовать артиллерией против неприятельских работ только тогда, когда ею можно принести действительную пользу; в других случаях стрелять без видимой пользы воспрещается».

В отражении атак противника важное значение имели стрелковые части. «Стрелки, — писал Корнилов, — обязаны держать беглый огонь, направляя его в подступающие массы, и когда неприятель взойдёт в ров и на вал, то отражать его штыками, не покидая мест и не собираясь в кучки… При отбитии штурма войскам не увлекаться и не выходить из оборонительной линии, дабы не мешать действию артиллерии, которая должна преследовать отступающего неприятеля».

Вице-адмирал Корнилов был моряком и большим знатоком военно-морского искусства, но тактикой сухопутных войск он никогда не занимался. Однако, возглавив оборону Севастополя, он с большой ответственностью отнёсся к выполнению возложенных на него обязанностей и в короткий срок, напряжённо работая, преимущественно по ночам, он настолько глубоко и всесторонне изучил тактику сухопутных войск, что смог разработать ряд тактических документов, сыгравших важную роль в подготовке войск к обороне Севастополя и в ходе самой обороны».

Офицер его штаба обороны Попов вспоминал: «В те сентябрьские дни на рабочем столе морского шефа нашего вместо истории Нельсоновских сражений теперь можно было видеть описание кампаний Веллингтона в Португалии и его знаменитой защиты оборонительных линий Террас-Ведрас».

Корнилов стал волей и мозгом укрепляющегося города.

Всё, что было намечено им в начале обороны, как прочный фундамент, выдержало последующие 11 месяцев, что простоял Севастополь. Нахимов говорил, что созданный Корниловым план обороны существовал в том же виде и весной 1855 года. «Этот плод продолжительных трудов и глубоких соображений, — повторял герой Синопа, — увенчанный уже успехом, заслуживает только удивления».

Приведу здесь один занимательный эпизод из воспоминаний штабного офицера, относящийся к последним месяцам обороны Севастополя 1855 года:

> «Мне лично стоило немало изобретательности и хлопот, чтобы исправлять и поддерживать наши перевозочные средства, которые надобно было, однако, содержать в возможной исправности. Павел Степанович,

который в это время уже заменил адмирала Станюковича и сделался в свою очередь главным начальником морской части, видел, конечно, и сознавал сказанное неудобство, и вот что он мне раз сказал:

— Ну, вот-с, ваш Владимир Алексеевич наделал разных распоряжений, а сам и умер…

Удивлённый этой выходкой, я ответил адмиралу, что если Владимир Алексеевич и сделал в этом случае ошибку, то я не сомневаюсь, что он её давно бы уже и исправил, если бы был жив. Теперь же, от него, Павла Степановича, и ни от кого другого зависит сделать все перемены, какие он сам признает за нужное. Адмирал подумал и сказал:

— Нет-с; знаете, что Владимир Алексеевич сделал, то нам, маленьким людям, трудно переделывать…

В этой наивной форме выразилась, с одной стороны, мальчишеская слабость критиковать действия своего соперника, а с другой, искреннее, чистосердечное признание его высоких способностей, а для нас делается привлекателен и люб доблестный образ Нахимова, со всеми его маленькими человеческими слабостями».

Глава пятнадцатая

Тем временем союзники, поражённые размахом оборонительных работ осаждённых, решили, что сразу им будет трудно штурмовать Севастополь. Если ещё 1 сентября генерал Кэткарт категорически отвергал решение объединённого командования подготовить штурмовые орудия, негодуя: «Ставить на платформы осадные орудия! Но, мой дорогой лорд Раглан, какого чёрта они должны будут здесь разрушать?» [169] — то уже через неделю, наблюдая этих «проклятых русских», которые, как писал корреспондент «Таймс», работали, как пчёлы, командование было обеспокоено. «Женщины и дети подносят новые корзины с землёй, и вот уже можно видеть, что высящуюся перед нашими позициями белую башню окружают двойные ряды укреплений для пехоты и артиллерии» [170]. К тому же артиллерийский обстрел из города становился день ото дня всё более сильным, а по ночам русские солдаты совершали разведывательные вылазки.

Наконец союзное командование приняло решение: приступить к установке осадных батарей, затем — подавить русские орудия, разрушить укрепления и с малыми потерями занять город.

> «Разделив свою армию на две части — осадный и обсервационный корпуса, они с 19 сентября начали занимать позиции. Французские дивизии осадного корпуса стали лагерем перед 4, 5, 6 и 7-м бастионами на расстоянии трёх вёрст от города. От Сарандинакской балки до Чёрной речки расположились английские войска, они также входили в состав осадного корпуса. Над обрывами Сапун-горы, фронтом к Балаклаве и Федюхиным высотам, обосновались французские дивизии обсервационного корпуса под командованием генерала Боске. Его задача заключалась в охране осадного корпуса от нападения русских войск со стороны Балаклавской долины и Чёрной речки. В случае необходимости обсервационный корпус должен был оказать помощь английской армии. Турецкая дивизия, расположенная на правом фланге обсервационного корпуса, находилась в резерве.
>
> Закончив обустройство лагерей, союзники с 27 сентября приступили к установке осадных батарей. Французы заложили траншеи на Рудольфовой высоте в

450 саженях [171] от 5-го бастиона, а англичане — на Зелёной горе в 1200 саженях от 3-го бастиона и 1050 саженях от Малахова кургана. Такое значительное удаление осадной артиллерии от русских позиций на Корабельной стороне свидетельствовало о её большой мощи.

29 сентября французы приступили к устройству ещё пяти батарей, а англичане начали рыть траншеи на Зелёной горе в 600–700 саженях [172] от 3-го и 4-го бастионов» [173].

В «журнале» от 21 сентября Владимир Алексеевич провидчески записал: «Я не ожидаю от неприятеля решительного наступления, а думаю, что он ограничится бомбардированием».

О распоряжениях вице-адмирала в последние перед бомбардировкой дни читаем у А.Жандра:

«В ночь с 22 на 23 сентября два раза произведена была в городе тревога, по донесениям казачьих разъездов о приближении неприятеля: в половине 12 часа сигнал общей тревоги дан Севастопольским комендантом, а в три четверти 2 часа вся оборонительная линия всполошилась по канонаде, открытой 5-м бастионом. Подобные тревоги происходили оттого, что в первое время осады все ожидали атаки открытой силой и полагали, что неприятель предпримет её ночью, в надежде захватить нас врасплох; это ожидание, заставляя всех жить начеку и забывать о сне, не могло не изнурить гарнизона, и потому Владимир Алексеевич приготовил следующий приказ:

«В прошлую ночь два раза была произведена тревога: первая — по распоряжению генерал-лейтенанта Кизмера, вторая — по канонаде, открытой на дистанции генерал-майора Аслановича.

Хранение спокойствия гарнизона, обязанного нести утомительную службу, города, осаждённого неприятелем, составляя первую заботу начальства, вынуждает строго подтвердить гг. дистанционным начальникам никак не дозволять на дистанциях, им вверенных, преждевременных тревог и особенно неосмотрительного действия артиллерией; для чего точно держаться постановленного уже правила: в случае открытой атаки неприятеля извещать начальство и прочие части обороны ракетой или несколькими, и тогда

уже дозволять, буде обстоятельства того потребуют, действовать из пушек со всей осторожностью, чтобы не сделать вреда своей цепи или объездам.

Кроме сего, для спокойствия войск, расположенных на позициях, дозволяется, буде есть, разбивать палатки и балаганы и помещаться в смежных строениях, буде они никем не занимаемы.

Для спокойствия войск равномерно необходимо, чтобы казачьи ведеты сторожили неприятеля, особенно ночью, как можно далее от цепи, ибо тогда только вовремя будет предупреждён гарнизон о каких-либо ночных покушениях, и потому полковнику Маркову вменяется в обязанность внушить казакам важность их обязанности, строго наблюдать за исполнением таковых внушений и самому ездить и посылать доверенный разъезд для поверки казацкой службы.

Прежнее распоряжение: бить общую тревогу на главной гауптвахте, остаётся в полной силе, но оно не иначе должно быть произведено, как по разрешению г-на командующего войсками»».

…Из «журнала» Корнилова:

«24 сентября. Третьего дня поздно вечером с Швейковским отправил тебе журнал мой, из него ты узнаешь, что мы подкреплены войсками, в сообщении с главной квартирой и, несмотря на скопище неприятеля, обложившего Севастополь кругом с Южной стороны бухты, нисколько не отчаиваемся отстоять его, разве Бог нас оставит; тогда его святая воля, дело смертного ей покоряться со смирением — она всегда праведна.

Вчерашний день, т. е. 23 сентября, прошёл совершенно спокойно. Неприятель продолжал занимать свои позиции. Партии его, в малом числе, являлись по высотам. У нас работали над укреплениями, и я на Малаховом кургане, где Истомин делал репетицию сражения; потом толковал с солдатами и матросами. Все оживлены самым лучшим духом, особенно матросы, приняли с «ура». Со всем тем раскинутая местность на большое протяжение указала недостаток войск; я писал об этом князю Меншикову, и сегодня же вечером он дал для защиты ещё Бутырский полк, который и перевезли ночью на позицию. На правом фланге, т. е. там, где в начале нашей жизни в Севастополе жил полковник Фохт. Посылал батальон матросов с сапёрами, горстью казаков

и 2 пушками разорить хутор, надоедавший нам своим приютом неприятелю, пользовавшемуся длинной стенкой, протянутой параллельно линии нашей. Молодцы наши отогнали 2 батальона французов и эскадрон их конницы и сделали своё дело в глазах неприятеля, т. е. срыли стенки и сожгли дом. Это чрезвычайно развеселило гарнизон, прибавлений же тут быть не могло, потому что произошло в виду нашем. Севастополь опустел, лавки заперты, кроме некоторых исключений, женщины редки, но продовольствие есть, кроме сена для скота, в котором затруднение. Скоро надеемся восстановить подвоз через Северную сторону, потому что там сообщение совершенно в наших руках. Флот неприятельский часто двигается; так как мы преобразились в сухопутных, то движение его мало нас интересует, разве перестрелка пароходов с нашими наружными фортами, которая почти ежедневно бывает, но всегда без вреда друг другу, по крайней мере, нашим. Одобряю, что ты не спешишь с Сашей, всё он тебе утешение. *Письмо моё или журнал с Швейковским держи в секрете до времени (прочитай только его Н.Ф.Метлину). Может быть, в минуту испытания я был слишком откровенен и, может быть, и несправедлив в некоторых суждениях, там изложенных.* У нас был Шеншин, которого я почти не видал. Прощай, милый, дорогой друг, благословляю вас всех. Надейся на Бога и молись, чтобы он не допустил только твоему мужу оставить детям позорное имя и дурной пример. Что за красавица Лиза, все об ней толкуют. Когда-то я её и всех вас увижу. Пишешь ли Алёше? Александру-брату — пиши обо мне.

…Неприятель не делал никаких движений, кроме французских стрелков, показывающихся против правого фланга нашего, т. е. на протяжении от Балаклавской дороги к морю, где кладбище. Стрелки эти было отогнали казаков, но когда мы выслали своих, то исчезли. На флоте заметно беспрерывное движение; корабли и суда и прибывают и уходят. На Каче продолжают стоять большой массой, и потом французские корабли и пароходы против Херсонесского маяка, и последние в Трёхрукавной бухте, где, кажется, устроены пристани. Слух носится, что флот для армии доставляет воду с реки Качи. Наши войска продолжают занимать высоты Бельбека и Мекензиеву дачу, а мы усиливать нашу оборонительную линию. Я ездил

довольно далеко за город и по Килен-балке и по дороге к шоссейному домику, против бастиона № 3, и видел английский лагерь: небольшой, должно быть наблюдательный отряд, прямо против Малаховой башни, а от него к западу большой лагерь, вероятно, главный английский и потом французский. Ибо известно, что французы расположились по балаклавской дороге и к маяку. Вечером было получено от князя Меншикова письмецо, коим он извещал о преднамерении рекогносцировки всей его кавалерией в числе до 6 тысяч и о сделании от нас диверсии, почему и хлопотал об исполнении этой диверсии.

25 сентября. Со светом надо было катить на Малахов курган, откуда должна быть диверсия. Она состояла в выходе дивизии пехоты с генерал-лейтенантом Кирьяковым и с 2 батареями артиллерии на полупушечный выстрел от батареи на время перестрелки наших рекогносциров, что продолжались недолго, всего выпалено было с дюжину выстрелов и потом притихло. Молчание было нам сигналом возвратить наши войска. Кроме этих занятий, было ещё одно: французский пароход-бриг, подбитый нашими батареями, вбежал в Стрелецкую бухту. Желалось его выжить или сжечь. Ильинский с казаками подскакал к бухте, взял в приз книжку, брошенную на пикет, и, возвращаясь, чуть не был настигнут французскими всадниками. Экспедицию не умели придумать с шансом удачи и потому отложили. Между тем французы, ожидая покушения ночью, послали отряд к пароходу, что произвело две тревоги по нашей линии, и, следовательно, нам до полночи не дали покоя ради умных распоряжений начальника правого фланга генерала Аслановича. Последняя тревога была, кажется, от своего же секрета, им, Аслановичем, посланного. Этот секрет был встречен нашей цепью как неприятель, и, кроме того, с бастиона и редута по нему выпалили. Жертвой этого замешательства были офицер и 4 рядовых матроса, двое ранены смертельно, а офицер и другие двое опасно. Недостаток размышлений наших генералов губит нашу армию. Надо видеть, в какой степени люди одушевлены, а им за то платят картечью. По сведениям от князя рекогносцировка кончилась взятием в плен двух английских гвардейских драгун, которые показали, что английского войска от 17 до 18 тысяч, а французов вдвое и что при Альме англичане и французы много потеряли.

Тоже замечены два редута и два ложемента по линии от Балаклавы к Севастополю, вероятно, чтобы обеспечить отступление и амбаркацию в случае неудачи».

О событиях ночи 25 сентября Жандр записал:

«Разгневанный торопливостью артиллерии 1-й дистанции, Корнилов сменил начальника батареи этой линии и командиров 5-го бастиона и редута и назначил: капитан-лейтенанта Тироля — в помощь начальнику 1-й дистанции, по заведованию им батареями правого фланга; капитан-лейтенанта Ильинского — командиром 5-го бастиона и люнета, а лейтенанта Шварца — командиром редута. Для предупреждения же на будущее время всяких недоразумений Владимир Алексеевич отдал 26 сентября по гарнизону такой приказ:

«Несчастный случай против бастиона № 5 доказывает, что частные начальники ещё не вникнули в план предположенных действий против неприятеля и не берут надлежащих мер, чтобы согласовать взаимные свои действия; это вынуждает меня повторить к строгому и точному исполнению следующее:

1) При дневной атаке батарейным огнём или бомбардированием — иметь необходимых людей при орудиях, кои по своему положению могут отвечать неприятелю; остальных же всех стараться расставить так, или удалить, чтоб неприятельские ядра и бомбы как можно менее вредили войску; при сём должны быть взяты предосторожности против пожара, и выведены заблаговременно партии для потушения оного.

2) При дневной атаке штурмованием: a) артиллеристам должно быть внушено, чтобы палили в толпы или колонны, по мере досягания, ядрами или бомбами и гранатами, и когда неприятель подойдёт на картечный выстрел, то картечью, продолжая действие даже и тогда, когда часть неприятеля ворвётся; когда же он отобьёт от орудий, то, не оставляя их, обороняться холодным оружием, ибо, при могущем случиться отбитии штурма, артиллерия должна будет его преследовать. b) По всей стене должны быть густо рассыпаны стрелки где можно в три ряда, а в местах более важных и удобных для штуцерных — штуцерные. Стрелки обязаны держать беглый огонь, направляя его в подступающие массы, и когда неприятель взойдёт в ров и на вал, то отражать его штыками, не покидая мест и не

собираясь в кучки, которые тут не будут уже соответствовать своей цели. c) Первые же массы, которые должны встретить ворвавшегося неприятеля штыками, должны быть резервы, построенные в ротные колонны, а за ними резерв постоянный и направленный от центрального резерва — колоннами к атаке. d) При отбитии штурма войскам не увлекаться и не выходить из оборонительной линии, дабы не мешать действию артиллерии, которая должна преследовать отступающего неприятеля. e) В случае прорыва неприятеля войска наши должны собираться в улицах и препятствовать распространению неприятеля, ударяя в него по возможности; стрелкам же пользоваться всем, что встретится: домом, хатой и забором, ибо в случае прорыва неприятель будет также расстроен, и, следовательно, рукопашный бой должен решить окончательно дело.

3) При ночной атаке надлежит соблюдать те же правила, какие предписаны при дневной, с присовокуплением, что если ожидается общее наступление, то бросать ракеты, отзывать цепь, секреты и казаков, и когда все свои взойдут и неприятельские массы приблизятся, открыть артиллерии огонь, сначала ядрами, а потом, буде неприятель подходит на картечный выстрел, то картечью. При ночных тревогах надлежит быть крайне осмотрительным, ибо часто таковые производятся неприятелем для утомления гарнизона, дабы встретить его к рассвету уставшим; в лунные ночи, подобно нынешним, так легко отличить движущиеся массы, что в самую плохую трубу можно распознать их численность, и стоит только иметь в соображении, что для нападения на Севастополь требуется армия, а не батальоны, чтоб не нарушить бесполезно сон людей».

«…Утром 26 сентября появился от NW турецкий 4 мачтовый винтовой фрегат; он подошёл сначала к Каче, а в 2 часа пополудни скрылся за Херсонесский маяк. В этот день неприятель разобрал стропилы и балки строений для служб на Панютином хуторе и перевёз весь лес за вершину горы против Южной бухты, на которой сначала был расположен неприятельский лагерь, удалившийся от наших бомб; туда же перевезены четыре воза туров, а в 5 часов вечера, на телеграфе усмотрено, что союзники понесли до четырёх тысяч туров от

Панютина хутора на восток. Замечены также земляные работы немного правее Инженерной казармы по Симферопольской дороге: солдаты рыли землю, таскали камни и насыпали вал; но несколько бомб, удачно брошенных нашими бастионами, разогнали рабочих.

Предупреждая покушения неприятеля на город со стороны Южной бухты, мы возвели за бараками, расположенными сзади 4-го бастиона, на вершине горы, уступ, который занимал бульвар, бомбическую батарею — для действия по высотам, между коими тянется Лабораторная балка. К шести 68-фунтовым орудиям её назначена 26 сентября команда брига «Язон», с командиром капитан-лейтенантом князем Ширинским-Шихматовым 2-м.

В десять с половиной часов ночи того же дня Истомин доносил Владимиру Алексеевичу:

«Мне сейчас дали знать из цепи, что против нашей позиции показались неприятельские колонны с артиллерией; прискакав к цепи, я стал расспрашивать солдат и цепных дежурных, полковника и офицеров, и они единогласно утверждали, что слышали шум, как от артиллерийских колёс; солдат же, который видел колонны, показал их в таком направлении, которое может их вывести на Килен-балочную новую дорогу. Я пробыл в цепи более часа, но войска не видал и шума колёсного сам также не слышал; уехав из цепи к себе на башню, я осматривал в ночную трубу всю местность, но ничего не видал; между тем как подполковник Ползиков, который после меня оставался в цепи, слышал вдали шум, похожий на передвижение войск. На башне у меня две ночные трубы и сигнальная часть очень исправна, ночь светла, и, следовательно, при исправной цепи, нечаянного нападения опасаться нечего; но может случиться, что они выбираются на Килен-балочную дорогу, и потому я послал на «Владимир» к Кутакову офицера, предупредить его об этом. Быть может, они готовятся к рассвету; а может также быть, что они втаскивают артиллерию на свои батареи; впрочем, утро покажет, в чём дело, а мы зевать не будем. Тревоги я никакой не произвёл, и пока у меня всё покойно, чего и Вашему Превосходительству на всю ночь от души желаю»».

…Из «журнала» Корнилова:

«27 сентября. Наконец, свежий NO ветер. Неприятельский флот на своих местах, но без всякого движения, даже сообщение прекратилось, впрочем, волнение небольшое. Войска неприятельские продолжают занимать те же места, их 6 или 7 лагерей: 1-й самый большой у Дергачёва хутора, 2-й между двумя почтовыми дорогами в балке, 3-й немного правее 2-го — на возвышенности, 4-й у хутора Сарандинаки, 5-й у Панютина хутора, 6-й у Балаклавы и 7-й на высотах между бухтой и Георгиевским монастырём. Первые три, полагаю, английские, а последние, кроме Балаклавского, французские. Говорят, что у Балаклавы — турецкий. Ночью было заметно движение от первого лагеря к Килен-балке, но бомбы «Владимира» его остановили. Наши укрепления всё усиливаются, гарнизон устраивается. Здоровье солдат как нельзя лучше, несмотря, что всё это живёт на воздухе и многие без крыш и несут самую тяжёлую беспрерывную службу. Войско князя Меншикова расположено на Бельбекских высотах и Мекензиевой даче и растёт подкреплениями. Сообщение с Россией восстановлено совершенно, даже начинают подвозы на Северную сторону, так что прекращаем вынужденную крайностью фуражировку. Если бы союзники дали нам в таком положении дождаться дивизии Липранди [174] и других подкреплений, а сами бы дождались осенних погод, то надо надеяться, что с милостию Божиею мы бы отстояли это сокровище России — Севастополь. После обеда нам надумалось выбить французских штуцерных из разорённого хутора против бастиона № 5. Они отгоняли наших казаков, и под их прикрытием, кажется, затевается батарея. Была снаряжена экспедиция из двух батальонов, резервного Виленского и Морского абордажного с 4 орудиями и штуцерными Московского полка. Только что наши, отправленные в обход, появились на высоте, как высыпала на высотах стая стрелков и весь лагерь на Панютином хуторе пришёл в движение. Наши, дав несколько картечных выстрелов по засевшим в развалинах стрелкам, отретировались в порядке под крепостные выстрелы и пошла перестрелка. Стрелки неприятельские снабжены такими штуцерами, что могут безнаказанно действовать по крепостной прислуге вне картечных выстрелов из орудий, а ядром что им сделаешь, когда они рассыпаны и укрыты

пригорками и каменьями. Пули французские долетали в бастион, и одна ранила Тироля, одного из лучших офицеров флота, в живот и двух из прислуги у орудий. Тут мы увидели, что Севастополь кругом обложен и на Панютином хуторе есть много пехоты и есть кавалерия. По захождении солнца всё успокоилось. Против штуцерных неприятельских мы выставили своих за стенкой, и это было действительнее артиллерии. Стрелки французские скоро ушли. Ночь зато прошла покойно…»

А.Жандр:

«…Ночь с 27 на 28 сентября была холодная и пасмурная; облака покрывали всё небо, и крепкий северо-восточный ветер, с сильными порывами, дул из города во французский лагерь. Покровительствуемые погодой, французы закладывали свою первую параллель; работа длилась всю ночь — и ни звука, ни тени не было замечено нашими аванпостами.

С рассветом, на том самом месте, куда накануне была сделана вылазка, мы увидели неприятельскую параллель, тянувшуюся по возвышенности, на которой находился сожжённый 29-м экипажем дом, на протяжении версты от ограды разорённого хутора к Карантинной бухте. У англичан также заметны были насыпи на двух отдалённых возвышенностях: вал, начатый 26 сентября, против 3-го бастиона, правее Инженерной казармы на Симферопольской дороге, и другая насыпь — между верховьями доковой и Килен-балок — превращённая к 5 октября в пятиглазую батарею. Наши бастионы и батареи стали изредка стрелять по работам, но, невзирая на наши ядра и бомбы, французы продолжали углублять свои траншеи. В Инкермане неприятель два раза принимался строить укрепление над спуском в долину близ каменоломни; генерал-лейтенант Жабокрицкий, занимавший с нашим авангардом противоположные высоты, рассыпал штуцерных стрелков по развалинам, и неприятель, не выдерживая огня парохода «Херсонес», батареи у нижнего створного маяка и наших штуцерных — оба раза прекращал работу и удалялся. В полдень на батарею № 10 явился бежавший французский артиллерист.

Но не одними только редкими выстрелами крепостных укреплений проявилось внимание

севастопольцев к осадным работам. Над кремальерной линией 4-го бастиона, за бараками, недалеко от Язонской батареи, мы соорудили 28 сентября новую бомбическую батарею в восемь 68-фунтовых пушек, направленную на правый фланг французских работ — между 4-м и 5-м бастионами. Имея в виду, по мере обозначения неприятельских батарей, усиливать те наши укрепления, на которые французы направят свои орудия, Корнилов сделал распоряжение, чтобы орудия и снаряды батареи № 4 служили резервом 4-му бастиону, а батареи Михайловской — резервом 5-му и 6-му бастионам, — и в тот же день шесть бомбических орудий Михайловской батареи перевезены на 6-й бастион.

Владимир Алексеевич отдал 28 сентября ещё следующий приказ:

«У каждого из бастионов: № 4, 5 и 6, и на Малаховом кургане, иметь запасный парк из восьми 36-фунтовых орудий, которые и будут устанавливаться по мере надобности.

К этим орудиям сформировать заранее и прислугу, и принять снаряды и принадлежность.

Орудия должны быть взяты с кораблей, по назначению вице-адмирала Нахимова, и средствами соединения команд, на кораблях находящихся, — должны быть доставлены до пристаней, откуда брать обязываются начальники дистанций оборонительной линии своими уже людьми.

Действовать артиллерией против неприятельских работ только тогда, когда сим можно принести действительную пользу: или разрывами снаряда над рабочими, или разрушением амбразур и поставленных в амбразуры орудий; но в других случаях стрелять без видимой пользы воспрещается. Вообще на батареях днём и ночью надлежит иметь на каждом фасе, на коем можно предполагать действие, очередное орудие под управлением очередного офицера, которое бы было всегда готово, по требованию, выстрелить; остальная затем прислуга может отдыхать.

Во время пальбы с неприятельских батарей оставлять только прислугу у орудий, действующих против стреляющих; остальных стараться укрыть, имея однако пожарные партии для потушения пожаров.

Для снабжения артиллерией тех батарей, которые потребуются, по обстоятельствам, усилить равно

снарядами и принадлежностью как из морского, так и из сухопутного ведомств, назначается капитан-лейтенант Попов, и помощником к нему лейтенант Львов и штабс-капитан Пестич».

Князь Меншиков придвинул на Северную сторону Минский пехотный полк — в резерв Севастопольскому гарнизону, и Корнилов приказал, чтобы, для перевоза его в город, корабли высылали свои баркасы во время тревоги к батарее № 4.

Для анфилирования французских работ, с нашего правого фланга, и для обстрела кладбищенской балки, мы заложили, вечером, новую 6-орудийную батарею — на пригорке, выходящем вперёд нашей оборонительной линии, к югу от батареи № 10, между нею и 6-м бастионом. Работа кипела всю ночь, и к 8 часам утра три амбразуры уже были готовы».

…Из «журнала» Корнилова:

«29 сентября. С утра было открыто, что англичане в ночь провели длинную траншею по направлению к высоте, командующей Южной бухтой, оставив то, что насыпали против Малаховой башни в начале Килен-балки. Французы продолжают утолщивать свою насыпь. Мы палили в тех и других изредка и ночью, и днём. Наши инженерные работы также идут. Теперь те места, против которых делает насыпь неприятель, усиливаем артиллерией. Князь Меншиков приезжал в город, был на правом фланге, посмотрел на французские работы, но на левый фланг для английских не ездил, а взглянул их от казарм 43-го экипажа. Наши штуцерные во всё время на дистанциях Новосильского и Истомина были снаружи. Новосильского — в моих глазах убили французского, а потом говорили, будто убили ещё двух и лошадь. Французский штуцер, взятый вчера, не показал, чтоб был лучшего устройства, чем наш. Бутырского полка штуцерный, у Истомина, подстрелил и привёз английского 77-го полка. Штуцер английский похож на французский. Кроме того, были посланы две экспедиции: батальон тарутинцев разрушил и разрыл строение против бастиона № 4 из опасения, чтоб оно не могло служить неприятельским стрелкам, а два морских батальона (Лесли и Рачинский) с охотниками из штуцерных бородинцев и бутырцев, при взводе сапёр, ходили в ночную — к английским траншеям и разрыли

дом, к которому англичане подбирались. Экспедиция возвратилась ранее полуночи, успешно окончив своё дело. К вечеру перевезли с северного берега Минский полк, который поставлен для защиты редута и бастиона № 5. Нас теперь до 35 тысяч».

А.Жандр:

«В час пополуночи передовой секрет 45-го флотского экипажа, под командой унтер-офицера Петренко, заметил человек 30 англичан в Лабораторной балке; подозвав к себе другой секрет, Петренко дал неприятелю приблизиться, сделал залп из своих 11 ружей и с криком «ура» бросился в штыки. Неприятель ответил несколькими выстрелами и побежал в разные стороны; а Петренко подобрал потерянные врагами: офицерскую шинель и фуражку, 10 солдатских шинелей и 6 фляжек с водой, — и отступил к цепи. В это время на 3-м бастионе ударили тревогу и отозвали цепь, а англичане — с противоположной горы — открыли штуцерной огонь. Скоро дело объяснилось, английские штуцерные разогнаны гранатами, и наша цепь снова разведена. В 2 часа ночи тот же Петренко с 10 матросами открыл на Симферопольской дороге неприятельский разъезд и атаковал ехавшего впереди кавалериста; всадник быстро повернул лошадь и ускакал вместе с другими кавалеристами к английскому лагерю, оставив в руках Петренко свою меховую шапку.

Впереди нашего правого фланга шла всю ночь усиленная работа у новой батареи, между 6-м бастионом и батареей № 10; зато к утру она была совершенно готова принять орудия, и в 8 часов приступили к вооружению её семью 36-фунт[овыми] короткими корабельными пушками. Командиром назначен лейтенант Белавинец.

В эту же ночь англичане продолжили свою параллель к востоку от Симферопольской дороги, по вершине горы, между Лабораторной балкой и доковым оврагом, и с рассветом 30 сентября мы заметили, что на этой высоте устраивается большая батарея, один фас которой будет действовать по Малахову кургану, а другой по 3-му бастиону; и что в параллели, заложенной накануне, англичане сооружают батарею для действия по правому фасу 3-го бастиона и по батарее у артиллерийских казарм, а в насыпи, начатой 28

сентября, у верховья Килен-балки — прорезаны 5 амбразур против Малахова кургана. Французы же — продолжают сооружать батареи, утолщать и распространять свои траншеи. Наши батареи и ночью, и днём продолжали, изредка, стрелять по союзным работам, а штуцерные, выдвинутые вперёд, — подстреливать по временам врагов».

…Вечером того же дня, 30 сентября, Владимир Алексеевич писал в «журнал» отчёт о проведённом дне в осаждённом Севастополе:

«Мы стреляем, стараемся мешать их работам и ядрами, и бомбами, экономничаем, однако, в снарядах: прибавляем, где указывает надобность, орудия: подводим под систему ход отражения — остальное всё в руцех Божьих. Будем брать меры также для укрытия войск, которых у нас довольно много. Так прошёл день, и мы вступили в 1 октября; ровно месяц нашествия двадесяти языков. Происшествий никаких 30 сентября не было. Погода стоит на заказ, как будто в июле месяце, только не так жарко».

Отвлекая внимание жены от главного, страшного и необратимого, он словно чувствовал, что «вступление» в октябрь — это оставшиеся ей и ему неполные пятеро суток его жизни; последние часы, когда ещё можно **вместе** о чём-то мечтать, пусть даже на расстоянии — но пока ещё вместе…

…И.Ф.Лихачёв вспоминал впоследствии:

«За несколько дней до бомбардировки возвращались с одного из объездов оборонительной линии. Мы выехали сначала, как обыкновенно, в довольно большом числе, но мало-помалу Корнилов, по своему обычаю, разослал всех с разными поручениями: «Вы поезжайте к тому-то и скажите то-то; съездите туда-то, узнайте или справьтесь о чём-нибудь» и т. д., и под конец я, будучи в тот день дежурным флаг-офицером, остался с ним один. Сзади ехали один или два казака, и Корнилов начал говорить так:

— Ну, кажется, мы сделали теперь всё, что возможно было сделать, и всё, что могла указать человеческая предусмотрительность. Остаётся ожидать, что будет.

Действительно, всё, казалось, было сделано. Все огромные средства флота были обращены на защиту

города, оборона наша была теперь твёрдо организована, и всё это сделал один этот человек, но в словах его теперь как будто слышалась (в первый и единственный раз) некоторая усталость и невольный упадок духа. И мне в эту минуту стало жаль великого подвижника. Я сказал, что у меня есть как бы предчувствие, что к концу года всё окончится благополучно и на Рождество, когда церковь благодарственно молится за избавление от нашествия 1812 года, мы присоединим нашу новую молитву за избавление от нашествия англо-французов на Севастополь.

— Нет, — возразил Корнилов, — для меня это был бы слишком долгий срок. Разве вы не замечаете, видя меня каждый день, что вся моя настоящая деятельность поддерживается искусственным напряжением, которое долго продолжаться не может. Так или иначе, но для меня развязка должна прийти скорее.

И действительно, ему недолго пришлось ожидать развязки…»

…Из октябрьского «журнала» вице-адмирала В.А.Корнилова:

«1 октября. Продолжение тех же событий. Неприятель роется, а мы ему стараемся мешать своей артиллерией и вместе с тем усиливаем свою оборону и числом, и калибром орудий, и утолщением брустверов, и насыпью траверзов и т. д. Теперь не подлежит сомнению, что англичане взяли на себя восточную сторону, а французы — западную, т. е. город. Удаль наших штуцерных продолжает нас тешить и надоедать неприятелю. После полудня 8 минцев пробрались под самые насыпи французов против бастиона № 5, и двое вскочили на ров, где рассмотрели до 8 мортир, ещё не установленных, вырытые канавы и что вбивают сваи, орудий не заметили. На левом фланге две партии охотников подходили к самым укреплениям, сооружённым англичанами, и тревожили их всё послеобеденное время. Перестреливались более часу с их цепью. Бутырские охотники бросились в штыки, заставили англичан отступить и взяли в приз белое одеяло. Горько подумать, что с таким войском потеряли Альму.

2 октября. Неприятель продолжает те же работы. Французы распространили свои батареи и возвели амбразуры, обложив турами. Англичане продолжают

насыпи. У англичан обозначились, кроме отдалённой батареи, ими брошенной, две батареи: одна на возвышенности, в конце которой стоит бастион № 3, другая на возвышенности, выдающейся крутым мысом к Пересыпи, где была бойня. Наши укрепления тоже усиливаются: открыли новую батарею из 7 орудий на правом фланге, между бастионом № 6 и батареей № 10. Новая батарея обстреливает длинную и широкую лощину против оборонительной стены и кладбища; в других же укреплениях наставили пушки большого калибра и готовим мортиры. Во 2-м часу открыли огонь против французских работ со всех орудий, которые по ним могли действовать, и продолжали с час. Пальба эта была сколько для разрушения работ, столько для приучения артиллеристов, она имела полный успех: из работ сделалась каша. Минские охотники с присоединением моряков и флотских офицеров ходили опять почти под самый вал французов и потому только возвратились, что были отозваны. На левом фланге бутырцы и несколько матрос делали экспедицию во время обеда англичан, схватив у них ранцы и другие вещи, в том числе собачку с именем Morison, а те бежали; только потом высыпали в больших силах, причём произошла перестрелка; один из наших убит и 4 ранены легко. Наши отретировались с ранцами и даже с собачкой, положив многих неприятелей на месте. Вообще неприятельские стрелки перестали приближаться к ним и если показываются, то с большею осторожностью.

3 октября. Французы всю ночь усиленно работали и несколько исправили вчерашнее разрушение. Наши охотники не могли проникнуть, — цепь была густая и сильный отряд прикрывал рабочих. Англичане также увеличивают свои работы и поднимают насыпи, употребляя фашины и мешки. Теперь, кроме отдельной батарейки при Килен-балке, у них в трёх местах похоже на батареи, третья против бастиона № 4, вдоль его правого фланга. У нас поставлены 4 трёхпудовые пушки на бастионе № 6. Две при бастионе № 5 и ставят мортиры в 5-м и 4-м. Перестрелка. Никаких происшествий не было, кроме того, что палили очередные орудия в работы, этот огонь замедляет работы неприятеля, но ему не мешает рыться. Приезжал свиты Государя князь Радзивилл и флигель-адъютант князь

Васильчиков; первый с лестными для меня словами царя».

3 октября Корнилов отдал свой последний приказ:

«С первого дня обложения Севастополя превосходным в силах неприятелем, войска, предназначенные его защищать, выказывали решительную готовность умереть, но не отдать города, завещанного нам любимым Царём нашим и всею Русью Православной.

В продолжение короткого времени, неутомимой деятельности всех, и офицеров и нижних чинов, выросли из земли сильные укрепления, и пушки старых кораблей расставлены на этих грозных твердынях.

Вскоре начались встречи с неприятельскими разъездами и партиями стрелков, и вместе с тем удалые подвиги наших.

Боцман 32-го экипажа Халюта заколол штыком пробиравшегося к нашей цепи английского солдата.

Разъезд из 2-х казаков 67-го полка, осматривая положение неприятеля за развалинами Херсонеса, взял в плен французского артиллериста у самых аванпостов.

Разъезд гусар, завидя французских кавалеристов, атаковал их. Неприятель рассыпался и бежал; цепь 34-го экипажа схватила заскакавшего к ним офицера и привела его в бастион № 4.

Бутырского пехотного полка унтер-офицер Ланин ранил английского стрелка; несмотря на превосходство сил и близость неприятеля, бросился на него и овладел раненым.

45-го экипажа унтер-офицер Петренко с секретом 10 человек ударил в штыки на неприятельский пикет, много превосходивший его силами, что доказывает числом захваченных им вещей; вслед за этим атаковал английский разъезд, не решившийся сразиться с ним.

Минского пехотного полка унтер-офицер Никифор Петров, с 8 человеками, вызвался идти вперёд к неприятельскому лагерю, смело вскочил на вал, за которым производились работы, и доставил об них сведение.

Таковые ежедневные подвиги, видимо, обескуражили неприятеля и, вероятно, один стыд удерживает их от бегства.

Вчера был в Севастополе флигель-адъютант Государя

Императора, отправляющийся в С.-Петербург. Царь нетерпеливо желает знать всё о приступе врагов к дорогим для него городу и флоту Черноморскому. Я поручил доложить Его Величеству, что войска рвутся сразиться и на всяком шагу выказывают свою удаль; что они, по примеру отцов, не хотят и знать о числе неприятелей, а обещают отстоять доверенное им Государем сокровище. Да благословит нас Русский Бог! Ура!

Помни каждый, что для успеха надо думать не о себе, а о товарище.

Генерал-адъютант Корнилов».

Третьего же октября на военном совете союзников было решено, что на рассвете 5 октября осадные батареи, насчитывавшие к этому времени уже более 115 орудий крупных калибров, должны начать общую бомбардировку Севастополя, чтобы разрушить укрепления оборонительной линии города, подавить или сильно ослабить крепостную артиллерию севастопольцев и, таким образом, обеспечить условия для штурма Севастополя. Вместе с сухопутными войсками противника в атаке на город должен был принять участие весь союзный флот, насчитывавший свыше 50 кораблей различных классов с 2680 орудиями.

А.Жандр:

«…Утром 4 октября, на 5-м бастионе заметили, что в неприятельском вале, к северу от противолежащего бастиону французского укрепления, устроены 8 амбразур, заложенных земляными мешками. Мы увидели также, что французы распространяют траншейные работы вправо, т. е. к юго-востоку от своего укрепления, для соединения своей параллели с английской; новый окоп тянулся на значительное расстояние и был обложен поверху земляными мешками для прикрытия стрелков. У англичан не было ни новых амбразур, ни новых линий; только старые насыпи становились всё толще и выше.

Начальникам дистанций объявлены следующие приказания Корнилова:

«1) К 9-ти часам утра навести все орудия с 4, 5 и 6-го бастионов и с новой батареи близ 6-го бастиона — на французскую батарею, по которой стреляли 2 октября.

2) Все орудия левого фаса 4-го бастиона, бульвара и батареи на высоте бульвара — на английскую батарею,

расположенную по продолжению правого фаса 4-го бастиона, на пологости горы, перед Южной бухтой.

3) Все орудия правого фаса 3-го бастиона и шесть орудий с батареи около артиллерийских казарм направить на английскую батарею, расположенную по продолжению левого фаса 3-го бастиона, на высоте перед Южной бухтой.

4) Для начатия стрельбы красный флаг будет поднят на 4-м бастионе; по этому сигналу произвести залп из всех, заблаговременно точно наведённых орудий, а потом продолжать стрельбу медленно и верно, стараясь каждым снарядом попасть в насыпь батареи, и преимущественно в щёки амбразур — если они обозначены турами.

5) Из мортир, единорогов и бомбических пушек выпустить по 25 бомб; из прочих орудий — по 10-ти разрывных снарядов и 15 ядер.

6) Из батареи близ 6–го бастиона, после первого залпа, стрелять правее — для поражения резервов, а мортирам исключительно действовать по тем пунктам, где расположены неприятельские резервы. Вообще лучше, если снаряд перелетает, чем не долетает до насыпи батареи.

7) С Малаховой башни, с которой не видны вышеозначенные неприятельские батареи, произвести обыкновенную пальбу как в предыдущие дни».

По открытии канонады оказалось, что у неприятельских батарей нет рабочих, и Владимир Алексеевич прекратил пальбу, сомневаясь, чтобы вред, который мы могли нанести работам союзников, отвечал количеству потребных для того снарядов и пороху, о сбережении коих он особенно заботился.

Владимир Иванович Истомин обыкновенно дополнял свои официальные донесения о ходе дел на 4-й дистанции частными письмами к Корнилову, в которых безыскусственно выражал свой взгляд на вещи. Некоторые из этих писем приведены выше. Они написаны не для огласки, не для того, чтобы привлечь к себе подчинённых, показав свою заботливость о них, — как пишутся иногда официальные донесения; и потому эта искренняя беседа двух безвременно почивших адмиралов служит теперь лучшим свидетельством сердечного участия их к подчинённым. Вот отрывки из двух последних писем Истомина к Владимиру Алексеевичу:

«По Вашему приказанию имею честь представить при

сём рапорт командира Бутырского полка, с покорнейшею просьбою сделать в пользу трёх молодцов что-нибудь. И если Высшему начальству покажется такая просьба неуместною, то оправдываю себя тем, что в настоящее время нужно привести защитников Севастополя, так сказать, в лихорадочное состояние храбрости, а этого можно достигнуть только оценкой, пожалуй выше заслуг, их поступков и наградами в ту же меру. На случай, если Ваше Превосходительство найдёте неудобным наградить офицера и двух солдат, о которых прошу, обыкновенным образом, решаюсь доложить, что приказ об них по армии произведёт также немалый эффект». (Из письма от 5 октября.)

«Имею честь представить, вместе с сим, рапорт казачьего полковника, который просит сапогов, холста и ниток для своих подчинённых; считаю лишним просить Ваше Превосходительство по этому предмету, зная как близко к Вашему сердцу лежат такие дела.

Имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга

В. Истомин.

4 октября 1854 г. 7 часов утра».

Ходатайство о подчинённых и в особенности о нижних чинах было действительно близко сердцу Корнилова. В последние дни жизни, среди бесконечных трудов и забот о защите Севастополя, Владимир Алексеевич не раз вспоминал и об улучшении быта защитников: 23 сентября он испросил у князя Меншикова разрешение довольствовать морской провизией флотских чинов, суда которых затоплены; 27-го — подал князю Александру Сергеевичу докладную записку о производстве рабочим нижним чинам, служащим на батареях, заработных денег, положенных им за адмиралтейские работы; 28-го — сделал распоряжение об отпуске в полки парусов для палаток, 29-го — об отпуске тёплых рубах морским нижним чинам. По его ходатайству, князь Меншиков дозволил 28 сентября отпустить казакам Черноморских пеших № 2-го и 8-го батальонов, пришедшим в Крым почти нагими, мундирного сукна, подкладочного холста и сапожного товара от Морского ведомства, а 4 октября — разрешил считать эту выдачу безвозвратной. Посещая госпитали, Корнилов ободрял раненых при Альме офицеров и нижних чинов и шутя убеждал лежавших в морском госпитале скорее выздоравливать, чтоб очистить место защитникам Севастополя;

он заботился также о переводе сухопутного госпиталя из здания около 5-го бастиона в морские казармы на Павловском мысе и о призрении там больных; он отправил в Симферополь раненых при Альме офицеров и нашёл время написать губернатору письмо, прося его покровительствовать раненым. Последние два отношения Владимира Алексеевича к командиру Севастопольского порта от 4 октября были: об отпуске винной порции для чинов Арсенальной № 7 и Лабораторной № 2 рот и для части арестантов — по случаю усиленных работ по артиллерийской части, и об отпуске 350 пар сапожного товара, подкладочного холста и ниток, для шаровар и шинелей казакам Черноморского пешего № 8 батальона; отданные вследствие их командиром порта приказы № 1150 и 1152 начинались, по обыкновению, словами: «Начальник штаба Черноморского флота и портов просит» — и, читая их 5 октября, уже после смерти Корнилова, казалось, что и за могилой он не перестаёт думать о товарищах.

Следующее письмо князя Александра Сергеевича, разрешающее различные представления Корнилова, служит новым подтверждением вышесказанного:

> «Препровождаю к Вам предписанное моё генералу Пихельштейну об удовлетворении всех требований морского начальства насчёт снарядов, имея в виду, что в настоящее время главное дело есть защита Севастополя.
>
> Я получил Рескрипт от Государя, в котором Его Величество поручает мне Вам сказать, что он Вас обнимает, а относительно войск употребляет нижеследующие выражения, которые будут мною сделаны известными в особом по флоту приказе:
>
> «Благодарю всех за усердие; скажи нашим молодцам морякам, что Я на них надеюсь на суше, как на море. Никому не унывать, надеяться на милосердие Божие; помнить, что мы, Русские, защищаем родимый край и Веру нашу, и предаться с покорностью воле Божией! Да хранит тебя и вас всех Господь; молитвы Мои за вас и наше правое дело, а душа Моя и все мысли с вами».
>
> …Что касается продовольствия, то к генерал-лейтенанту Моллеру уже отправлена часть партионного скота и внушено, чтобы заблаговременно давал знать о предстоящих потребностях.
>
> Вино в откупе есть; не покупают его за недостатком не высланных ещё войскам, для покупки вина, денег. Предписывается откупу удовлетворять требования войск,

отпуская вино как на чистые деньги, так и под квитанции.

В тех случаях, когда Вы найдёте полезным уделять сухопутным войскам продовольствие из Морского ведомства — не затрудняйтесь, принимая во внимание количество наших запасов и необходимых, взаимных теперь содействий.

Государь, по донесению о трудах Тотлебена и Ползикова, — изволил произвести их в полковники. Отберите и доставьте ко мне список и других инженеров-пионеров, отличившихся при работах, дабы я мог исходатайствовать и им награды.

Унтер-офицерам Бутырского полка Клементию Иванову и Николаю Шадрину посылаю прилагаемые у сего знаки военного ордена, а поручику Максимову отдана будет благодарность в приказе.

Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич должны были вчера прибыть в Одессу, и поэтому со дня на день можно ожидать их и сюда.

4 октября 1854, на Бельбеке»».

…4 октября в стане неприятеля начали прорезать амбразуры для установки орудий. Севастопольский гарнизон успел к этому времени завершить 20 новых батарей и установить на них орудия крупного калибра. Также были заложены камнемётные фугасы перед 3-м и 4-м батальонами, Малаховым курганом и редутом Шварца. На вооружении оборонительной линии было 341 орудие, половина из них большого калибра. На случай выхода из строя установленных орудий, на основных бастионах и самом Малаховом кургане был приготовлен резерв из сорока восьми 68-фунтовых пушек с прислугой. С наступлением сумерек береговые посты доложили, что неприятель установил на акватории буйки перед рейдом до башни Волохова. Вице-адмирал и гарнизон понимали, что они **накануне** решающего дня.

«…Вечером 4 октября, — вспоминал А.Жандр, — я читал Владимиру Алексеевичу извлечение из ежедневных заметок, сделанное вследствие записки князя Меншикова от 2 октября, для представления Государю Императору. Он приказал мне дать другой оттенок тем местам рассказа, которые выказывали степень влияния его на ход дела в Севастополе, и опустить то, что могло более или менее компрометировать некоторые распоряжения других лиц. После меня вошёл к нему капитан-лейтенант Попов, с докладом по артиллерийской части, и, отпуская его поздно вечером, Корнилов сказал: *«Завтра будет жаркий день, англичане*

употребят все средства, чтобы произвести полный эффект, я опасаюсь за большую потерю от непривычки; впрочем, наши молодцы скоро устроятся — без урока же сделать ничего нельзя, а жаль, многие из нас завтра слягут». Попов напомнил ему приказание Государя — чтобы он берёгся, но Владимир Алексеевич возразил: *«Не время теперь думать о безопасности; если завтра меня где-нибудь не увидят, то что обо мне подумают?»»*

И вот последняя запись Владимира Алексеевича, прочтённая Елизаветой Васильевной в дневнике-«журнале», который её муж вёл только для них двоих:

> «4 октября. День прошёл спокойно, кроме учебной пальбы по французским и английским батареям, но это не мешает и их и нашей работе, всё укрепляем и укрепляем. Погода стоит чудесная, как нарочно, пора бы, чтоб хоть NW пощипал их. К князю присоединилась дивизия Липранди. Прощайте, дорогие друзья. Бог да хранит вас. Благословляю вас.
>
> Весь ваш В. Корнилов.
>
> P. S. Благодарю тебя и Сашу за письмо, равно как присылку Лукина и Елизаветы Сергеевны. Возвращаю их и посылаю с курьером этим часы батюшки».

На самом деле это написано им на следующий, последний день его жизни, за три часа до смертельного ранения. И даже в проставлении даты предыдущего дня — весь Корнилов, оберегающий самое дорогое: покой жены и детей.

Он словно знал, что должен оградить своих любимых от страшного «вступления» в день 5 октября, и не мог поступить иначе: его письмо с пометкой «4 октября» навсегда даст надежду сердцу любящей Елизаветы Васильевны, что следующего дня не будет, не было, могло не быть…

Глава шестнадцатая

…И настал, наконец, кровавый день 5 октября, день крещения Севастополя огнём и железом [175].

В шесть с половиной часов утра раздались первые выстрелы французских осадных батарей; наши отвечали им дружно, и вся окрестность огласилась громом орудий. Утро было прекрасное, и мгла, обыкновенная в этот час дня, соединившись с дымом выстрелов, не разносимым ветром, совершенно заволокла всё пространство, отделявшее нас от неприятеля. С визгом летели снаряды с трёх сторон и перекрещивались внутри бастионов, рыли землю, коверкали брустверы, метали клочья щитов и фашин. Потеря в людях была уже очень значительная: тела убитых и раненых, которых не успевали уносить, валялись везде.

…Только первые снаряды упали на севастопольские укрепления, ни минуты не медля, Владимир Алексеевич поскакал на 4-й бастион — ближайший пункт от его квартиры; его приближённые едва могли поспевать за ним.

Когда Корнилов со своими офицерами взошёл на банкет левого фаса бастиона, канонада была уже в полном разгаре; воздух сгустился, сквозь дым солнце казалось бледным месяцем, и Севастополь был опоясан двумя огненными линиями: одну — составляли наши укрепления, другая — посылала защитникам смерть. На 4-м бастионе французские ядра и бомбы встречались с английскими, и через него же летели русские бомбы с двух батарей, расположенных за бараками.

Люди, несколько оторопевшие с непривычки, в первые минуты отстреливались горячо и быстро. Неопытные ещё для бомбардировки наши командоры, не видя цели из-за стены дыма, в горячке боя палили напропалую, едва успевая заряжать орудия, тратя порох и снаряды на воздух, и при такой трате следовало опасаться, что вскоре их не будет хватать. Неприятель же, напротив, слал свои снаряды с точностью бильярдных шаров. Их орудия, очевидно, были заблаговременно наведены на наши позиции, потому что противник был теперь невидим, а следовательно, не мог видеть и сам…

Разговаривая с командорами и указывая им, куда целить, Корнилов переходил от орудия к орудию.

— Смотри, ребята, — сказал он матросам, — палить хорошенько, без суеты: вам это дело хорошо известно! Никому не оставлять своей пушки, пока можно стоять на ногах.

Капитан-лейтенант Лихачёв, теперь только успевший присоединиться к свите, отыскал адмирала на бастионе, когда тот

стоял на банкете и смотрел за бруствер. Впечатление, которое увиденное произвело на Лихачёва, он сохранил на всю жизнь: покойно и строго было выражение лица Корнилова; лёгкая улыбка едва заметно играла на устах; глаза, эти удивительные, умные и проницательные глаза, светились ярче обыкновенного; щёки пылали. Высоко держал он голову; сухощавый и несколько согнутый стан его выпрямился: он весь как будто сделался выше ростом. Никогда не видел Лихачёв человека прекраснее адмирала в эти минуты…

Два раза прошёл Корнилов быстрыми шагами по всему фронту бастиона и по бульварной кремальерной линии, останавливаясь у орудий, заглядывая везде в амбразуры и наставляя командоров. Возвратясь на правый фланг 4-го бастиона, в исходящем углу которого стоял начальник второго отделения оборонительной линии вице-адмирал Новосильский, и переговорив с ним, Владимир Алексеевич пошёл к лошадям, оставленным за бараками позади бастиона. Кавалькада стала спускаться в лощину по кремальерной линии между 4-м и 5-м бастионами: приходилось ехать по крутой пологости холма, против которой сверкали вспышки выстрелов французских батарей; лошади упрямились, пугаясь огня и снарядов, но Корнилов принудил свою повиноваться и, усмехнувшись, сказал своим офицерам:

— Не люблю, когда меня не слушают.

В лощине он проехал возле Тарутинского батальона; солдаты провожали его глазами, и, следя за ним, Жандр слышал их слова вслед адмиралу:

— Вот этот так молодец!

Отыскивая несколько минут свою, вспугнутую канонадой, лошадь, капитан-лейтенант Лихачёв отстал от адмирала, но, зная, что он намерен был ехать на 5-й бастион, отправился прямо туда. Здесь было почти то же самое, что на 4-м бастионе, только внутреннее пространство теснее и потеря в людях, хотя тоже значительная, была, кажется, менее, чем там. Павел Степанович Нахимов был тут и распоряжался на батареях, как на корабле: деятельно и горячо, входя во все подробности и одушевляя людей всегда удачно сказанным словом привета или одобрения. Как и на корабле, он был в сюртуке с эполетами, отличавшем его от других во время осады.

Корнилов и Нахимов довольно долго разговаривали, стоя рядом на банкете, и следили за повреждениями, наносимыми врагам нашей артиллерией. В это время ядро, пролетевшее около них, сорвало голову одному из матросов прислуги и обдало мозгом и кровью некоторых офицеров свиты, стоявших у их ног.

Командир бастиона капитан-лейтенант Ильинский, боявшийся за жизнь адмирала, не выдержал.

— Ваше Превосходительство! — обратился он к Корнилову. — Простите мне мою смелость, но я прошу вас оставить бастион.

Но адмирал лишь сошёл с банкета и теперь наблюдал, верно ли командоры прицеливают свои орудия. Ильинский не отступил:

— Ваше Превосходительство, зачем вы ездите по бастионам? Вы своим присутствием доказываете, что не уверены в нас. Я вас прошу отсюда уехать и ручаюсь исполнить свой долг.

Корнилов обернулся к нему:

— А зачем же вы хотите мешать **мне** исполнить свой долг? Мой долг — видеть всех, — и взошёл на площадку над оборонительной казармой бастиона, где была батарея. На неё был сосредоточенно направлен огонь французских батарей, и она имела уже значительные повреждения; из 39 человек прислуги выбыло 19, но места живо замещались матросами 33-го флотского экипажа.

Заметив, что в пылу битвы прислуга орудий томится от жажды, адмирал поручил Жандру позаботиться о воде; трое других офицеров были оставлены для снабжения батарей снарядами, что особенно заботило Корнилова, и он сам входил во все подробности их доставки.

…Увы, Ильинский и сам знал, что адмирал прав: одним своим присутствием он вдохновлял всех вокруг себя, но вскоре, к его великому облегчению, тот простился с Нахимовым и поскакал на 6-й бастион.

* * *

…Опасаясь опоздать к адмиралу в случае его раннего выезда, капитан-лейтенант Попов ещё до рассвета отправился на 4-й бастион с штабс-капитаном Пестичем, чтобы испытать действие гранат с кранцами. Окончив опыт с открытием канонады, он поспешил к адмиралу, надеясь застать его дома, но, приехав, уже не застал. Отправясь опять на 4-й, затем на 5-й бастионы, Попов долго не мог отыскать его за дымом и встретился с ним, когда Корнилов возвращался с 6-го. Адмирал улыбнулся в ответ на поздравление своего офицера с началом канонады. Садясь на лошадь, чтобы сопровождать адмирала, Попов сказал ему, что более часа его разыскивал и что, вероятно, многие ожидают его распоряжений, а потому и нужно ему возвратиться домой. Попов пустился на эту уловку, беспокоясь за его жизнь, и, к счастью,

приведённый им довод показался Корнилову убедительным.

Вернувшись домой, Корнилов вошёл в свой кабинет и послал за капитан-лейтенантом Христофоровым, который был назначен курьером в Николаев; он сел и торопливо дописал несколько строк письма к жене, запечатал его, потом снял с себя золотые часы, доставшиеся ему от его отца, вручил и то и другое курьеру, сказав:

— Передайте, пожалуйста, жене, они должны принадлежать старшему сыну; боюсь, чтобы здесь их не разбить.

Когда лейтенант Жандр возвратился с донесением, что отправил по несколько бочек воды на каждый бастион, он застал адмирала за чаем: флаг-офицер Лихачёв говорил ему о необходимости распоряжений на рейде, в частности, вывести суда «Дунай», «Буг» и «Сухум-Кале» из Южной бухты, куда падало множество английских бомб. Корнилов согласился и, получив приказание немедленно распорядиться этим, Лихачёв вышел. Его место заступил флаг-офицер Крюднер, которого адмирал посылал с 5-го бастиона передать дистанционным начальникам, чтобы они были готовы отразить штурм. Возвратившись с Малахова кургана, Крюднер донёс, что у нас везде благополучно и что Истомин просит его не приезжать на курган. Но так как адмирал всё-таки выразил намерение ехать на левый фланг, то капитан-лейтенант Попов, желая выиграть время, предложил ему посмотреть канонаду с террасы дома. Через несколько минут Лихачёв, выходя из дома, встретил его на галерее, которая вела на крышу; адмирал остановился, сказал ещё несколько слов в дополнение уже порученного и приказал ему ехать на рейд, чтобы поспешить всё выполнить.

После этого Лихачёв уже не видел его…

Взойдя на верх дома, Корнилов приказал Попову спешить принять все меры к безостановочному снабжению батарей зарядами и снарядами и прибавил:

— Я боюсь, что никаких средств недостанет для такой канонады.

В это время князь Меншиков, осмотрев батареи левого фланга, поднялся на гору к телеграфу, напротив которого была квартира Владимира Алексеевича, подъехал к дому и приказал доложить адмиралу, что он его спрашивает. Корнилов спустился с галереи, сел на лошадь, чтобы проводить князя к Екатерининской пристани, и дорогой отдал ему отчёт о действиях 1-й и 2-й дистанций. Сопровождавший вице-адмирала Жандр видел, что Меншиков успокоился услышанным, затем сел в шлюпку и направился на Северную сторону, а Владимир Алексеевич поехал по Екатерининской улице к театру. На пути он разослал с

приказаниями, касающимися помощи раненым и доставки снарядов на бастионы, двух сигнальных офицеров и своих адъютантов Шестакова и Скарятина, и вдвоём с Жандром они въехали на 4-й бастион. Навстречу беспрестанно попадались носилки с телами убитых и раненых, которых сначала не успевали подбирать и во время первого посещения Корнилова они валялись везде, но вскоре установился порядок, и теперь бастион был очищен от тел. В это время французский пороховой погреб уже был взорван и огонь французских батарей сделался заметно слабее.

Тут им встретился полковник Генерального Штаба Попов, и они поехали вместе с ним между бараками по вершине горы, на уступе которой располагался бульвар, к двум бомбическим батареям; на них действовала команда «Язона», давшая имя редуту, построенному впоследствии из этих батарей. Спустившись с пригорка на верхнюю бульварную аллею, они поехали по ней к Театральной площади; дорогой Владимир Алексеевич передал полковнику Попову, какие первые распоряжения надлежит сделать в случае штурма 4-го батальона, и приказал ему остаться для этого на 2-й дистанции.

Стараясь держаться с адмиралом стремя в стремя, Жандр тревожно, лихорадочно размышлял, как заставить его вернуться, и у ворот бульвара он стал горячо убеждать Корнилова повернуть домой, так как ему было уже известно всё, что делалось на левом фланге.

— Оставьте это, Александр Павлович: что скажут обо мне солдаты, если сегодня они меня не увидят? — возразил Корнилов.

Да, уж Жандр-то знал, какое влияние производило на войска в последнее время его появление; и все вокруг это знали и находили необходимым одушевлять солдат, не привыкших к огромным корабельным снарядам. Не смея больше спорить, Жандр всё же рассказал адмиралу, что говорили о нём тарутинцы.

От театра Владимир Алексеевич спустился с горы на пересыпку Южной бухты и поднялся прямо к 3-му бастиону по крутой тропинке, выбитой в скале ступенями, по которой он не раз ездил в последнее время, сокращая дорогу. На 3-й бастион был устремлён перекрёстный огонь английских батарей, расположенных по обе стороны Лабораторной балки: они были сильнее и прочнее французских, действовали успешнее и продолжительнее — и к вечеру этот бастион был повреждён более других русских укреплений; на нём несли осаждённые наибольшую потерю в людях. При посещении Корнилова 3-й бастион находился ещё в должном порядке: все орудия

действовали и не очень значительны ещё были людские потери, так как высокий бруствер прикрывал орудийную прислугу, а резервы были отведены подальше. Но ластовые казармы и бараки представляли уже груду развалин, и вся площадка позади бастиона была изрыта английскими ядрами.

Начальник артиллерии 3-й дистанции капитан 1-го ранга Ергомышев, командир бастиона капитан 2-го ранга Попандопуло и капитан-лейтенант граф Паленч-Рачинский провожали Корнилова по 3-му бастиону; они выразили ему своё сожаление, что он подвергается таким опасностям, и, узнав, что адмирал направляется к Малахову кургану, предложили ехать через Госпитальную слободку, так как вдоль траншеи, окаймляющей левый фланг дистанции, проехать верхом почти невозможно. Но Корнилов только улыбнулся:

— От ядра всё равно не уйдёшь.

На прощание он обратился к матросам:

— Ребята, товарищи ваши заставили замолчать французскую батарею, постарайтесь сделать то же.

Было уже около 11 часов утра, когда вице-адмирал, Жандр и сопровождавший их казак поехали под гору вдоль траншеи — у сада полковника Прокофьева, которая не прикрывала даже их лошадей. Жандр запомнил на всю жизнь эти минуты: ему было весело ехать рядом с Корниловым, слушать его замечания о намерениях неприятеля и видеть, что ядра роют вокруг них землю и пули свистят мимо; он верил тогда в счастливую звезду своего адмирала; ему казалось невозможным, чтобы ангел смерти коснулся его так скоро…

38-й флотский экипаж стоял за морским госпиталем; Владимир Алексеевич приказал перевести за флигель Лазаревских казарм и Московские батальоны, чтобы укрыть людей от неприятельских снарядов. Когда всадники миновали доковый мост и стали подниматься по западной покатости Малахова кургана, 44-й флотский экипаж приветствовал Корнилова громогласными криками «ура».

— Будем кричать «ура» тогда, когда собьём английские батареи, а теперь покамест только эти замолчали, — отвечал адмирал, указывая на французские батареи, которые русские пушки заставили уже умолкнуть.

Владимир Алексеевич въехал на Малахов курган от Корабельной слободки и сошёл с лошади на кремальерной батарее — возле правого фланга ретраншемента, прикрывавшего Малахову башню со стороны неприятеля. Три английские батареи действовали в тот день по кургану: в 24 амбразуры, с английским флагом — на горе между Лабораторной балкой и доковым

оврагом; другая — на той же горе у шоссейной дороги, и третья, прозванная матросами «пятиглазой», — на скате холма у верховья Килен-балки. Огонь их был очень силён, и к приезду Корнилова орудия на верхней площадке башни были оставлены орудийной прислугой, но начальник обороны кургана контр-адмирал Истомин с успехом отстреливался из своих земляных батарей.

Осмотрев нижний этаж башни, Корнилов нашёл удобным перевязывать там раненых и приказал послать за доктором на ближайший перевязочный пункт. Он хотел взойти на верхнюю площадку башни, но Истомин просто загородил ему путь:

— Вам решительно нечего там делать. Владимир Алексеевич, уезжайте с этих гибельных мест. Подумайте, что есть ваша жизнь для нашего дела. Тут всё будет идти и без вас, как при вас.

Ядра и бомбы с английских батарей летели на Малахов курган одно за другим. Корнилов стоял у башни, и Жандр вдруг ясно представил себе, как должна быть хорошо видна англичанам высокая фигура вице-адмирала в этом мундире, с белым султаном на фуражке; Жандру даже показалось, что неприятель умышленно усилил огонь по месту, где стоял Корнилов: англичане там, со своих позиций, не могли не узнать начальника Севастопольской обороны, ежедневно в течение месяца посещавшего строящиеся укрепления и выезжавшего со своей свитой далеко вперёд наших аванпостов…

Уже несколько раз Жандр предлагал ему уехать домой.

— Постойте, мы поедем ещё к тем полкам, — сказал адмирал, указывая на Ушакову балку, где стояли Бутырский и Бородинский полки, — а потом Госпитальной дорогой — домой. Он промедлил ещё несколько минут.

— Ну, теперь пойдём.

Жандр на ходу вынул часы: была половина двенадцатого.

Всё слилось в одно мгновение: свист пролетевшего ядра, падающий на бок адмирал, не успевший дойти трёх шагов до бруствера, и кровь, брызнувшая на грудь Жандру.

Он бросился и подхватил голову адмиралу: ядро раздробило ему левую ногу у самого живота. Подбежавшие офицеры помогли поднять его на руки и положили адмирала за бруствером между орудиями.

— Отстаивайте же Севастополь, — сказал им Корнилов и скоро потерял сознание, не испустив ни одного стона.

…Пришли два фельдшера, за которыми послал Жандр в Корабельную слободку, и принялись за перевязку, качая головами. Жандр, заставляя себя это сделать, оставил адмирала и поехал сообщить о случившемся генералу Моллеру и Нахимову, чтобы в случае штурма они не ожидали распоряжений Владимира

Алексеевича, и, завернув по дороге в госпиталь, послал к нему лучшего хирурга Лаврентьева и носилки, но контузия, полученная им на Малаховом кургане, не позволила ему возвратиться к адмиралу; он больше не видел его живым.

…Корнилов пришёл в себя на перевязочном пункте, причастился Святых Тайн. «Скажите моим сыновьям, — сказал он священнику, — чтобы они служили верно Царю и отечеству». Он просил послать брата своей жены, юнкера Черноморской гардемаринской роты Новосильцева, в Николаев предупредить Елизавету Васильевну о своей ране. Заметив, что его хотят переложить на носилки, но затрудняются приподнять, опасаясь затронуть рану, со стороны которой были приставлены носилки, адмирал сделал усилие и перевернулся сам через свою раздробленную ногу. Его перенесли в госпиталь.

…В двенадцатом часу мичман Скарятин прискакал на Екатерининскую пристань, главное артиллерийское депо, где находился генерал-лейтенант Попов, и передал ему ужасную весть о ране адмирала, прибавив, что он требует его к себе. Тотчас же бросившись на катер, Попов поехал к доковым воротам, откуда, поднявшись к мосту, узнал, что адмирала перенесли в госпиталь. Мгновенно явившись к носилкам, которые были поставлены в одной из комнат госпиталя, Попов с рыданиями бросился к нему. Узнав своего офицера, Корнилов повторял: «Не плачьте, Попов» и старался его утешить, говоря: «Рана моя не так опасна. Бог милостив, я ещё переживу поражение англичан». Несмотря на усилия перенести боль хладнокровно, страшные мучения от раны заставляли его часто вскрикивать. Подозвав доктора Павловского [176], он просил его облегчить боль желудка; несколько ложек горячего чая успокоили его; взяв обеими руками голову Попова, он произнёс: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна». Потом, повременив, продолжал: «Благослови, Господи, Россию и Государя, спаси Севастополь и флот». Через несколько минут вбежал в комнату контр-адмирал Истомин, за которым он также посылал. Успокоив Владимира Алексеевича относительно дел на бастионе, Истомин выразил надежду, что рана не смертельна. «Нет, туда, туда, к Михаилу Петровичу», — был ответ Корнилова. Попросив благословения Владимира Алексеевича и получив его, Истомин бросился ему на шею и, рыдая, побежал на бастион. Услышав от доктора приговор немедленной смерти, Попов поспешил предложить адмиралу причаститься Святых Тайн, но он отвечал, что уже исполнил этот долг христианина на перевязочном пункте. Желая напомнить ему перед смертью о его супруге и опасаясь, чтобы вопрос не обнаружил ему последних минут жизни, Попов спросил его, не

хочет ли он, чтобы послать в Николаев курьера к ней, чтобы она приехала. Тотчас поняв настоящую цель этого вопроса, он пожал руку капитан-лейтенанту и сказал: «Неужели вы меня не знаете, смерть для меня не страшна; я не из тех людей, от которых надо скрывать её. Передайте моё благословение жене и детям. Кланяйтесь князю и скажите Генерал-Адмиралу, что у меня остаются дети». Доктор Павловский, не решаясь прямо дать ему капли для успокоения желудка, предложил выпить ещё несколько ложек чаю с тем, чтобы с чаем дать ему капли; догадавшись об этом извинительном обмане, Корнилов сказал: «Напрасно вы это делаете, доктор; я не ребёнок и не боюсь смерти. Говорите прямо, что надо сделать, чтобы провести несколько спокойных минут». Приняв лекарство, он успокоился, благословил Попова и как будто задремал; в это время пришёл лейтенант Львов с известием, что английские батареи сбиты, остались только два орудия; Попов не хотел беспокоить адмирала, но он, услышав шум за дверью, спросил его: «Что там такое?» Офицер рассказал ему; в ответ на это, собрав последние силы, он произнёс: «Ура! Ура!» — потом забылся, чтобы не пробуждаться более. Через несколько минут его не стало.

«Общее отчаяние, общие слёзы сопровождали его в могилу; узнав о его кончине, раненые, презирая собственные страдания, плакали, потеряв любимого начальника. Смотритель госпиталя майор Комаровский, всё время почти от него не отходивший, старший доктор г. Павловский, человек двое гребцов его гички и я — вот свидетели последних минут адмирала, — вспоминал А.А.Попов. — Носилки, на которых покоился отошедший в вечность, были тихо подняты мной и гребцами; мы понесли его в Михайловскую церковь. По выходе из госпиталя нас окружили несколько юнкеров нашей школы; они вместе со мной донесли прах адмирала до церкви, не уступая никому этой чести. Вместо единодушного неумолкаемого «ура», которым постоянно везде встречали Владимира Алексеевича в последнее время в Севастополе, теперь попадавшиеся нам узнавали о его смерти со слезами и рыданиями. На том месте, где был убит генерал-адъютант Владимир Алексеевич Корнилов, сложили крест из неприятельских бомб и ядер…»

…Из записок унтер-офицера Егеря:

> «Вечером, когда разнёсся слух «адмирал убит», никто не поверил. Но когда получены были достоверные сведения, то все были поражены этим несчастием. Отчаяние же матросов убедило нас в потере благородного вождя.

Вечером 6 октября были похороны адмирала Корнилова. Мало мне приходилось видеть подобных похорон. Плакали не только офицеры, к нему приближённые: плакали чужие, плакали угрюмые матросы, плакали и те, которым слеза была незнакома с пелёнок…»

…Из воспоминаний Д.В.Ильинского:

«…Весть о смерти доблестного адмирала поразила скорбью мужественных защитников Севастополя, глубоко веривших в счастье и необыкновенное дарование Корнилова, но больше всех она поразила и опечалила его сотоварища по обороне адмирала Нахимова. Сознавая необходимость скрыть от гарнизона нравственную потерю начальника обороны, он весь день неутомимо посещал наиболее угрожаемые и пострадавшие бастионы, сдал с согласия Меншикова свою 1-ю дистанцию под начальство опытного, даровитого, храброго и распорядительного артиллерийского генерала Тимофеева, а за собой оставил заботу по охранению и снабжению бастионов и батарей вообще всей оборонительной линии, где всюду при орудиях были морские команды…»

Капитан Асланбеков рассказывал, как, поехав вечером поклониться праху убитого, он, войдя в комнату, увидел Нахимова, который плакал и целовал мёртвого товарища.

Вернувшись из церкви, Павел Степанович написал письмо контр-адмиралу Метлину, с которым особенно был дружен Владимир Алексеевич:

«Г. Севастополь, 5 октября 1854 г.

Николай Фёдорович!

Владимир Алексеевич не существует. Предупредите и приготовьте Елизавету Васильевну. Он умер как герой. Завтра снова дело. Я не знаю, что будет с Севастополем без него — и на флоте, и в деле на берегу. Получил две царапины, о которых не стоит говорить.

У нас без Владимира Алексеевича идёт безначалие. Отправляется к Вам с курьером шкатулка с секретными бумагами Владимира Алексеевича за моей печатью, которая положена при свидетельстве Попова и Шестакова. Передайте её его семейству. Что будет завтра

и кто будет жив — не знаю. Ожидаю в ночь атаки и абордажа кораблей и фрегатов пароходами и шлюпками. Атака с берегу умолкла, и я еду на ночь на эскадру отражать нападение. На кораблях 150 человек, вооружённых пиками, тесаками и интрепелями [177], а на фрегатах только 60 человек с тем же вооружением.

Вам Бог дал ловкий разум. Если захотите, Вы облегчите удар семейству покойного. Ещё раз повторяю — потеря для России незаменима.

Ваш П.Нахимов».

…Из донесения князя А.П.Меншикова Николаю I:

«5 октября 1854 г., на бивуаке между Инкерманом и Бельбеком.

В течение ночи с 4-го на сие 5-е число неприятель прорезал амбразуры в устроенных им траншеях и с 6 часов утра открыл сильный и непрерывающийся огонь против наших бастионов и батарей, которые отвечали усиленно и довольно успешно.

Орудия на башне Малахова кургана к полудню были сбиты, батареи же, устроенные в той части, и все бастионы не переставали действовать и столь удачно, что под вечер у англичан осталось только два орудия для продолжения огня, французские же батареи замолкли гораздо прежде, вслед за взорвавшимся у них пороховым складом.

Потеря с нашей стороны, сколько я полагаю, до получения ещё подробных с каждого бастиона и батарей сведений, едва ли значительна, но к истинному сожалению велика тем, что генерал-адъютант Корнилов, раненный ядром в ногу, вскоре умер…»

…Из письма неустановленного лица «В.Кдт.» к неустановленному «Д.Н.К.» из Севастополя в Полтаву от 25 января 1855 года:

«Печальная весть дошла к нам на бастион вечером… Я не берусь описать впечатления, произведённого на нас смертью Владимира Алексеевича: все мы были полны того невыносимо тяжёлого чувства общей потери, которое трудно высказать словами. На другой день вечером хоронили его. При свете факелов, при зареве канонады, вынесли гроб из церкви: могильная тишина в

городе нарушалась только треском разрывавшихся бомб; дрожащие длинные тени печальной процессии подвигались тихо, тихо; лица провожавших гроб, полуосвещаемые факелами, были как-то необыкновенно угрюмы, неподвижны; голоса певчих и грустные до глубины души звуки похоронного марша от густоты воздуха, казалось, раздавались из-под земли; когда гроб опускали в могилу, нельзя было не плакать… Господи! Услыши молитвы наши за душу человека, которого все мы любили и уважали…»

…Из шханечного журнала корабля «Великий Князь Константин»:

«6 октября 1854 г., 5 час. пополуночи.

По словесному приказанию Его Превосходительства г. вице-адмирала Нахимова на корабле «Вел. Кн. Константин» спущен флаг г. генерал-адъютанта вице-адмирала Корнилова, который волею Божьей умер от полученных ран вчерашнего числа на бастионах оборонительной линии.

Следуя движению флагманского корабля для церемонии погребения тела умершего от ран г. начальника штаба Черноморского флота и портов вице-адмирала генерал-адъютанта Корнилова, мы и весь флот отопили реи [178] на разные галсы, спустили до половины гафель, флаг, гюйс и вымпел, а в 6 часов, обсервуя того же флагмана, спустили совсем флаг и гюйс, поставили прямо реи на топенанты и подняли на место вымпел».

…Из книги «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В.А.Корнилова, составленные А.П.Жандром»:

«В 5 1/4 часа вечера 6 октября, в Михайловском соборе раздались печальные звуки панихиды по Владимире Алексеевиче. Канонада гремела вокруг, но в церкви не произнесено суетного слова во время служения, по окончании которого присутствовавшие простились с усопшим начальником, как дети прощаются с любимым отцом, безвременно похищенным смертью. Вечерело. Погребальное шествие тронулось по Екатерининской улице, мимо Петропавловской церкви. Множество офицеров, с непокрытыми головами, шли

безмолвно за гробом, уносившим столько блестящих надежд; каждый искал чести нести прах адмирала, совершившего многое в короткое время, адмирала, от которого Черноморский флот справедливо ожидал ещё большего в будущем, — но те, которым посчастливилось поднять драгоценную ношу, неохотно уступали своё место. Картина была мрачная: среди тяжёлого грохота пушек, треска разрывавшихся бомб и свиста ядер неслышно двигались два батальона и четыре полевых орудия; темнота ночи, быстро сменившей сумерки, освещалась пламенем факелов и огненными полётами бомб; горе написано было на всех лицах. Мы приближались к знакомому всем склепу, где покоился тот, на кого почти четверть века с благоговением взирали подчинённые, чья память живёт в сердцах черноморских моряков, чьё имя записано в летописях Русского Флота. У склепа, в котором погребены потом ещё два адмирала, равно уважаемые черноморцами, равно любимые всеми, и где навеки соединены теперь незабвенный учитель и три героя-ученика, чувства присутствующих не могли выражаться слезами: какое-то оцепенение изобразилось на лицах, каждый как бы боялся мысли о будущем, и корабли, скрестив реи, приспустив свои флаги и вымпела, сумрачно глядели на разверзавшуюся могилу, готовую поглотить и их самих, и всё окружающее, всё — даже самое имя Черноморского флота!»

* * *

«Высочайший рескрипт на имя вдовы генерал-адъютанта, вице-адмирала Корнилова.

12 октября 1854 г.

Вдове покойного генерал-адъютанта Корнилова, павшего при обороне Севастополя, производить из государственного казначейства вместе с детьми по 5 тысяч рублей серебром, независимо пенсиона, следующего ей из Инвалидного комитета. Сыновей — в пажи.

Бастион, где он убит, назвать по нём. Витали [179] заказать памятник ему, который воздвигнуть на месте, где он погиб.

Елизавета Васильевна. Славная смерть Вашего мужа

лишила наш флот одного из отличнейших адмиралов, а меня одного из моих любимых сотрудников, которому я предназначал продолжать полезные труды Михаила Петровича Лазарева. Глубоко сочувствуя скорби всего флота и Вашей горести, я не могу более почтить память покойного, как повторив с уважением последние слова его. Он говорил: «Я счастлив, что умираю за Отечество». Россия не забудет этих слов, и детям Вашим переходит имя, почтенное в истории Русского флота.

Пребываю к Вам навсегда благосклонным
Николай.
14 октября 1854 г.
Гатчина».

* * *

В то время, когда Корнилов умирал в госпитале, сражение за город было в полном разгаре. И если бы Владимир Алексеевич смог увидеть происходившее, то удостоверился бы, что его труды не пропали даром.

В 8 часов 40 минут взорвался французский пороховой склад, с русской батареи раздалось «ура», и, по выражению корреспондента «Таймс», «русские принялись стрелять с такой силой, что заставили совершенно замолчать французский огонь, так что французы могли делать выстрелы только время от времени, через значительные промежутки, а в 10 часов почти совсем замолкли на этой стороне».

А.Жандр свидетельствует: «В это время на 3-м бастионе совершалась ужасная сцена. После сильно контуженного и раненого капитана 2-го ранга Константина Попандопуло бастион поступал в командование капитан-лейтенанта Евгения Лесли; он помогает начальнику артиллерии 3-й дистанции капитану 1-го ранга Ергомышеву поддерживать сильный огонь, но в 3 часа 17 минут бомба пробивает пороховой погреб, и страшный взрыв потрясает 3-й бастион. Контуженный в голову, Ергомышев падает в беспамятстве, а Лесли и множество нижних чинов разорваны на части. Обезображенные трупы их раскинуты вокруг во рву между орудиями; там груда рук, тут головы без трупов. Несколько минут третий бастион безмолвствует. Офицеры стоявшего вблизи 41-го флотского экипажа пополняют прислугу, одушевляют матросов; 3-й бастион открывает огонь с новою силою, силою мщения, — и снаряды наши снова поражают англичан. Малахов курган представляет иное зрелище: среди ядер и бомб там виден

священник в епитрахили, с крестом в руке, благословляющий прислугу. С городского телеграфа замечено, что более двух часов этот достойный пастырь не выходил из огня; одушевлённые его примером, матросы удваивают усилия и в 3 часа 50 минут взорван пороховой погреб на той английской батарее, где с начала дня развевался английский флаг. Вслед за тем произошёл небольшой взрыв и на Малаховом кургане, но это не остановило действия орудий. Батареи кургана 3-й и 2-й дистанции продолжают усиленный огонь по англичанам, и только к вечеру лишь два английских орудия отвечают им.

Расстреляв свои заряды, батарея № 10 умолкла в 4 часа пополудни; сообщение наше с нею было прервано тысячами французских ядер, избороздивших всё поле между этой батареей и 6-м бастионом, и несмотря на всё желание доставить ей заряды, несмотря на вызов охотников, Нахимов не решился посылать их на верную смерть, ибо корабли продолжали свой потрясающий огонь. Мы считали батарею № 10 полуразрушенною и были очень удивлены, когда возвратившиеся оттуда охотники принесли известия, что она почти невредима. Не в таком положении находилась Константиновская батарея; неприятельские корабли, атаковавшие её с фронта, стояли так далеко, что орудия нижнего этажа батареи не достигали их, и она могла противопоставить им только орудия среднего этажа и верхней площадки, а против кораблей, поражавших её с тыла, она не имела ничего, кроме батареи Карташёвского и Волоховой башни. В 4 часа пополудни на Константиновской батарее обрушилась часть угла, а к концу боя кроме взорванных 24 зарядных ящиков оказались следующие повреждения: убито 5, ранено 50 человек, на платформе сбито 27 орудий, бруствер площадки местами повреждён, в закрытых этажах разбито 13 амбразур и только одна из ядрокалительных печей уцелела. Озабочиваясь, достаточно ли на Константиновской батарее зарядов, Нахимов послал туда одного из своих флаг-офицеров, но князь Меншиков был уже там и сам следил за безостановочным действием северных укреплений.

В 6 часов вечера неприятельские корабли прекратили бой; дым скрывал от нас их движения, но заметно было, что северные наши батареи ещё 11 минут преследовали своими ядрами ретирующихся врагов. В 6 ¾ дым рассеялся, и мы увидели, что союзный флот отступил от наших батарей и следует на буксирах пароходов к Каче и Херсонесскому маяку.

Официальные донесения союзных адмиралов показали, что наши наружные укрепления имели дело с 27 линейными кораблями и множеством сильных пароходов и что флот понёс значительные потери, так что союзники принуждены были

отправить несколько кораблей в Константинополь для капитальных исправлений. «Число убитых у нас простирается до 44 человек и раненых до 266. Корабли, мачты, реи и всё вооружение более или менее пострадали, преимущественно от бомб и калёных ядер», — говорит адмирал Дундас, присовокупляя, что и французы понесли немаловажную потерю в людях, которую французский адмирал Гамелен определяет в 31 человек убитых и 185 раненых. Хвастливое донесение адмирала Гамелена заставляет, однако ж, сказать, что 14 французских кораблей имели против себя не 350 орудий, а всего две батареи, № 10 и Александровскую, вооружённые 118 орудиями, которые, конечно, не все могли быть направлены на французские суда. Наши батареи имели следующие повреждения: на № 10 убито 8, ранено 22, контужено 5 человек; подбиты винграды у одной 3-пудовой мортиры и одной 36-фунт. пушки, повреждены 5 лафетов, 5 зарядных ящиков. На Александровской убито 3, ранено 17, контужено 5 человек; подбиты одна 3-пудовая мортира, одна 36-фунт. и одна 24-фунт. пушки; повреждены 3 лафета, 6 платформ и разбита чугунная доска у 3-пудовой платформы. Сравнивая эти потери с значительными повреждениями 14 французских кораблей и огромным количеством истраченных ими снарядов и пороха, нельзя не согласиться, что всему виною неимоверное расстояние наших укреплений от союзного флота, который, за исключением нескольких английских кораблей, держался в этом деле правила: «Не подвергать себя опасности, старясь нанести возможный вред», служившего девизом англо-французских адмиралов».

После бомбардировки 5 октября французские офицеры писали, что «русские далеко превзошли то понятие, которое о них было составлено. Их огонь был убийственен и меток, их пушки бьют на большое расстояние, и если русские принуждены были на минуту прекратить огонь под градом метательных снарядов, осыпавших их амбразуры, то они тотчас же возвращались опять на свои места и возобновляли бой с удвоенным жаром. Неутомимость и упорное сопротивление русских доказали, что восторжествовать над ними не так легко, как предсказывали нам некоторые газетчики».

««Таймс» написала о первой бомбардировке в пессимистическом тоне: русские, мол, необычайно и неожиданно быстро успешно исправляют все повреждения, наносимые их веркам; отстреливаются очень хорошо; из повреждённых союзниками фортов русские почему-то «стреляют сильнее, чем когда-либо. Севастополь гораздо более сильная крепость, чем думали. Запас орудий у русских, кажется, неистощим».

Севастопольские укрепления огромны, и совсем уж необычайно, что калибр русских орудий, по крайней мере, равен калибру английских. Снарядов в Севастополе сколько угодно, «сотни пушек продолжают извергать ядра без перерыва, без замедления. Сила их гарнизона не менее удивительна»» [180].

Вот впечатления участника боя 5 октября севастопольца Славони:

> «…В час пополудни подвинулся к укреплениям и неприятельский флот и открыл по ним страшную пальбу. Закипел бой ужасный; застонала земля, задрожали окрестные горы, заклокотало море; вообразите только, что из тысячи орудий с неприятельских кораблей, пароходов и с сухопутных батарей, а в то же время и с наших батарей разразился адский огонь. Неприятельские корабли и пароходы стреляли в наши батареи залпами; бомбы, калёные ядра, картечи, бранд-скугели и конгревовы ракеты сыпались градом; треск и взрывы были повсеместны; всё это сливалось в страшный и дикий гул; нельзя было различить выстрелов, было слышно одно только дикое и ужасающее клокотание; земля, казалось, шаталась под тяжестью сражающихся. И видел это неимоверно жестокое сражение; ничего подобного в жизнь свою я и не думал видеть, ни о чём подобном не слыхал, и едва ли когда-нибудь читывал. И этот свирепый бой не умолкал ни на минуту, продолжался ровно 12 часов и прекратился тогда лишь, когда совершенно смерклось. Мужество наших артиллеристов было невыразимо. Они, видимо, не дорожили жизнью» [181].

А.Жандр:

> «…Наступила ночь; мы осмотрелись и увидели, что наши укрепления, одержавшие столь блистательно верх над неприятельскими осадными батареями, имели весьма незначительные повреждения. Более других претерпел ближайший к английским батареям 3-й бастион, как в материальных средствах обороны, так и в людях; кроме гибельного для нас взрыва, самый огонь англичан на эту местность был так силён, что на батарее Повалишина недалеко от правого фланга 3-го бастиона несколько раз пришлось переменить прислугу. Ночью были исправлены повреждения всех наших батарей, кроме Константиновской, на которой работа

продолжалась весь следующий день, и для защиты коей с тыла поставлена у телеграфа новая земляная батарея. Вот отчёт о работах, произведённых на 3-м бастионе. «5 октября. Днём 60 сапёр под выстрелами исправляли амбразуры и обсыпали пороховые погреба; ночью — возвышен и утолщён вал на всём протяжении, исправлены 13 амбразур, устроены вновь два траверза, исправлены пять; обменены 3 орудия новыми: 36-фунт. пушка, 24-фунт. пушко-карронада и 68-фунт. бомбическая; исправлено 7 платформ. Сапёр было 199, рабочих 500 человек Московского пехотного полка. Сапёр убито нижних чинов 7, ранено и контужено 18 нижних чинов, обер-офицеров контужено 3. Работа была окончена при начале бомбардировки. Ясно было, что победа осталась за нами; сами французы говорят: 'Cette journee cependant detruisait bien des illusions'" [182].

Но защитники Севастополя не радовались: Корнилова не было, и горе подавляло всех своей тяжестью.

На следующий день французы не могли ещё оправиться. Не открывая огня, они продолжали усиленные работы против 4-го бастиона; мы заметили, что они устраивают восточнее Панютина хутора новую большую батарею; и полковник Тотлебен повернул на неё 42 орудия с 4-го и 5-го бастионов, редута и люнета. Англичане открыли огонь в 6 часов утра, и в то же время батареи Малахова кургана, 3-й и 4-й бастионы возобновили канонаду. На горе между Сарандинакиною и Лабораторного балками замечена новая батарея в 10 орудий, и против неё в помощь другим нашим укреплениям поставлены две новые 4-орудийные батареи, одна у 4-го бастиона, а другая у ластовых казарм; кроме того, на 3-м бастионе прибавилась батарея на 4 орудия и две 18-фунт. пушки заменены 68-фунт. В этот день английская батарея действовала заметно слабее».

…Участник севастопольской эпопеи написал:

«Первое бомбардирование кончилось поражением неприятельской артиллерии. Неприятель, поколебленный неудачей, не отважился на немедленный штурм, и решился обратиться к постепенной атаке крепости. Это решение затянуло осаду на 11 месяцев. Дух защитников поднялся. Таким образом, доблестный

адмирал Корнилов, погибнув при первых же выстрелах неприятельских батарей, оставил свою душу начинавшейся обороне Севастополя, направив сильною рукою все вверенные средства, чтобы отстоять этот драгоценный для России пункт».

«Художник принял на себя служебную роль показа чужого подвига» [183]. Это сказано о Льве Николаевиче Толстом и его «Севастополе в декабре месяце».

Корнилов не раз предстаёт нам отлитым в бронзу и камень: и в памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, и в белоснежном барельефе на здании Панорамы, и на вершине Малахова кургана в Севастополе; и в Музее Военно-морского флота в Петербурге, и на бульваре города Николаева.

Рассказ «Севастополь в декабре месяце» — тоже памятник Корнилову. Гениальная натура Толстого смогла чутко и точно угадать среди почти что былинных героев — защитников, которых только смерть могла заставить покинуть бастионы, того, кто был душой этой обороны, явившейся венцом его многотрудной деятельности, его подвигом.

Рассказ этот написан в апреле — тяжёлом для осаждённых: неприятель захватил ложементы перед 5-м бастионом; гарнизон был возмущён, ходили слухи о предательских замыслах главнокомандующего. Запись в дневнике Толстого этих дней: «Дух упадает ежедневно и мысль о возможности взятия Севастополя начинает проявляться во многом…» Но ведь эта фраза полностью противоречит финалу рассказа, проникнутому пафосом севастопольской несокрушимости, «невозможности взять Севастополь».

Приведу отрывок из произведения военного историка А. Ткачёва «Подпоручик Севастопольский» [184]: «Такое убеждение царило в Севастополе именно в декабре — и в декабре Толстой его разделял. Именно в декабре вся атмосфера осаждённого города была ещё заряжена и питаема волей и делами вице-адмирала Корнилова. «Не видать им нашего города, как своего левого уха! — восклицал в декабре защитник 5-го бастиона П.И.Лесли. — Было время, когда могли войти в него триумфальным маршем, — да пропустили; а теперь мы ещё постоим за себя!» Сохранившаяся почта севастопольцев свидетельствует, что такое настроение владело многими. В декабре по гарнизону Севастополя и по всему Крыму циркулировали невероятные, но очень ободрительные слухи. Рассказывали, будто бы однорукий Раглан от отчаяния повесился,

а Канробер огорчился до горячки и тоже отдал Богу душу… Радовались, что флот союзников за невозможностью зимовать у крымских берегов без надёжных вместительных гаваней вот-вот уйдёт восвояси, а тогда осадная армия сама обратится в осаждённую… Ждали больших подкреплений войсками… Ждали морозов, которые поморят галло-бриттов, как тараканов… Ждали великих обозов с порохом… В декабре всем казалось, что события вот-вот примут тот же оборот, что и в 1812 году».

В начале декабря Толстой приезжал из-под Симферополя в Севастополь, и этот разлив гарнизонных надежд на перелом в войне подействовал и на него. Дневник захватил частицу той декабрьской — более неповторившейся — атмосферы: «5 декабря был в Севастополе, со взводом людей — за орудиями. Много нового. И всё новое утешительное».

В связи с корниловской темой становится прозрачна и понятна та настойчивость, с какой Толстой возвращается в рассказе к событиям 5 октября, того дня, когда севастопольцы блистательно выдержали первую усиленную бомбардировку города, дня, увенчавшего корниловскую деятельность славой военного подвига, о котором Толстой отозвался как о «самом блестящем славном подвиге не только русской, но и всемирной истории». В зале бывшего Морского собрания, обращённом в лазарет, «вы» беседуете со старым солдатом, потерявшим ногу, «как первая бандировка» была; матроска, задетая бомбой на бастионе, тоже совершила свой гражданский подвиг 5 октября. На 4-м бастионе «вы», разговорив морского офицера, услышите от него рассказ «про бомбардирование 5-го числа», про то, «как 5-го попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек», а ещё про то, «как на его батарее только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось 8 человек, а всё-таки на другое утро 6-го он палил из всех орудий. И тут же, на 4-м бастионе, первые орудия которого были установлены ещё в марте 1854 года по распоряжению Корнилова, дух адмирала, уже давно витающий над строками «Севастополя в декабре», материализуется, наконец, в зримо возникающем образе героя-гражданина, «героя, достойного Древней Греции».

И когда Толстой цитирует из знаменитых корниловских речей в финале «Севастополя в декабре» один-единственный фрагмент: «Умрём, ребята, а не отдадим Севастополя»; и когда пишет: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский…» — то здесь имеется в виду не вся история севастопольской осады, а только самый первоначальный её период, ещё до бомбардирования 5 октября, когда севастопольцы во главе с Корниловым не упали, а

возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину. А если брать смысловую сторону финала «Севастополя в декабре» целиком, то она представляет собой славу гражданским доблестям севастопольцев, из которых, вопреки невозможности, возникла вся оборона города с её вечной славой и великими трагедиями.

Теперь, когда особая роль и точный смысл корниловской фигуры в толстовских глазах нами установлен, уясняется как нельзя лучше и смысл вставки в начало рассказа «вашего» переезда через бухту на ялике с отставным матросом и Мишкой. Разговор гребцов понадобился автору не столько для того, чтобы обратить «ваше» внимание на новую артиллерийскую батарею противника, сколько для открытия в рассказе корниловской темы, идущей крещендо и достигающей апофеоза в финале.

> «— Ваше благородие! прямо под *Кистентина* держите, — скажет вам старик матрос…
>
> — А на нём пушки-то ещё все, — заметит беловолосый парень, проходя мимо и разглядывая его.
>
> — А то как же: он новый, на нём Корнилов жил, — скажет старик, тоже взглядывая на корабль».

Кистентин— 120-пушечный линейный корабль «Великий Князь Константин» — стал живым памятником, посмертной ипостасью Владимира Алексеевича. И поэтому немудрёное замечание белобрысого гребца: «А на нём пушки-то ещё все», — не лишено оттенка символичности.

…Свои гражданские и военные воззрения Толстой выражает финалом своего рассказа. Их можно сформулировать так:

1. Русский солдат (матрос) не только не хуже иноземного, но и на голову выше его по своей храбрости, потому что он сражается из любви к отечеству. И русские люди в Севастополе «ещё могут сделать во сто раз больше… они всё могут сделать», если им не мешать воевать;

2. Долг каждого защитника Севастополя, мужествуя, сражаться, а долг военачальников — отстаивать город, не помышляя о его оставлении;

3. Сражения выигрываются не столько оружием, сколько духом войск, а этот дух возвышается любовью к родине и примером исполнения своего долга военачальниками.

В деятельности Корнилова и его сподвижников Толстой увидел самой историей представленное доказательство тому, что и в более тяжких, чем ныне, обстоятельствах гарнизон может быть непобедим, если вышеназванные условия соблюдаются. И вы, делает вывод рассказчик, «вообразите себе тех людей, которых вы

сейчас видели, теми героями».

И сам выбор Толстым декабря как месяца наивысшего подъёма духа войск — исторически точен. Это в конечном счёте и решило судьбу названия.

«…Назавтра — великое утро дня Бородина. Но Пьер Безухов с простодушием штатского человека ещё сегодня, в канун сражения, хочет знать, кто победит. И князь Болконский отвечает другу, что победит завтра та армия, «которая будет себя меньше жалеть»». Перед нами мысль знакомая — корниловская.

…Кому не памятен аустерлицкий подвиг Болконского в кампании 1805 года? «Ребята, вперёд! — крикнул он детски — пронзительно. «Вот оно!» — думал князь Андрей, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль… Несколько солдат упало.

— Ура! — закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжёлое знамя, и побежал вперёд…» Батальон обогнал князя и вышиб французов с русской батареи.

…«Вперёд, ребята! Ура!» — кричит Михаил Козельцов в «Севастополе в августе» 27 августа 1855 года, в час последнего штурма Севастополя, когда противник занимает редут Шварца. «Он побежал вперёд вдоль траверса, человек 50 солдат с криками побежали за ним».

> …«— Что, выбиты французы везде? — спросил Козельцов у священника.
>
> — Везде победа за нами осталась, — отвечал священник.
>
> — Слава Богу, слава Богу, — проговорил раненый…»

Совпадают подвиги — совпадают и высшие побуждения к ним. «Я знаю, — говорит Кутузов Болконскому в 1812 году, — твоя дорога — это дорога чести». И тут, на высшем уровне, смыкаются толстовские образы князя, поручика Козельцова и Корнилова.

Когда будете в Севастополе, зайдите в Музей Черноморского флота. Здесь есть скромная витрина с личными вещами адмирала Корнилова. Вот лежит верхняя половина шашки, висевшей в тот роковой день на левом бедре Владимира Алексеевича. Её ножны развалились от удара ядром, клинок переломился пополам. Её рукоять — самая простая, бедноватая для адмиральского оружия… И будь на то моя воля, по обеим сторонам этого иззубренного клинка я бы положил томик «Севастопольских рассказов» и том «Войны и мира» — как половинки вечных ножен для этой непотускневшей стали…[185]

Когда в Москву приходит осень, я мысленно собираюсь в

дорогу в другую Осень, в другом Городе, которые однажды околдовали меня навсегда. Как булгаковский герой каждое полнолуние изнемогал от неясной полузабытой тоски, так мне с приходом октября живётся словно в двух жизнях сразу, и каждый день календаря говорит о событиях полуторавековой давности. Как заветный сокровенный талисман, как сопредельно существующая сказка; как священный алтарь, у которого возгорались высокие порывы; как мечта, которой посвящены лучшие поступки и дела, — всё это означает для меня тот Город. В нём встретились моя юность и его двухсотлетняя мудрость, на его улицах я прошла «час ученичества» и причастилась его величия.

…Только ещё подъезжаю на поезде в последних минутах сумерек, словно переплываю синие горы, — как вдруг тают звёзды и полоска розового восхода преображает таинственную молчаливость в праздничную, пронизанную птичьими голосами южную роскошь утра. Схожу с поезда — перехватывает дыхание, и день за днём стараюсь довериться собственным ощущениям, поверить, что не во сне вижу любимые холмы, дома, набережную, эти убегающие вверх и вниз улочки и этих героев, ставших бронзовыми изваяниями… Вот сейчас задену рукавом ветку знакомого платана, вот огибаю так же округло, как раньше, подстриженный лавровый куст. Вот аллея с медной картой на постаменте… Церемониальным ало-золотым ковром ложатся под ноги листья, до времени погибшие в неравной схватке с безумной сорокапятиградусной жарой того лета. Падая, они кружат, оттесняя, сбивая с ног в неожиданном ветре. Иду по прямой аллее, и лихорадка ожидания треплет каждую жилку: вот, сейчас упадёт сердце… Но нет: надо ещё набраться терпения и проделать подъём по полукружью башенной батареи — неспешно, чтобы оттянуть момент, когда захлебнусь волнением. Но предательские глаза уже увидели за деревьями Его.

Солнце царственно льёт своё слепящее золото в глаза, но это всё равно, потому что даже вслепую, наугад, по памяти смотрю Ему в лицо: на глаза, на впалые щёки, потом на слабеющую левую руку, едва удерживающую тело; ниже вижу раздробленную ядром, почти оторванную ногу. Он сейчас упадёт и потеряет сознание. Но вот перевожу взгляд на другую, простёртую вдаль, над городом, правую руку — сильную и оберегающую в последнем прощальном движении, и слышу тихие слова, с трудом произносимые побелевшими губами:

— Отстаивайте же Севастополь.

И я готова сделать всё что угодно.

Я вынесла бы Его из-под убийственной канонады; нашла бы

лучших хирургов и самые редкие лекарства; ухаживала бы, не смыкая глаз ночи и дни; предупредила бы командование о грозящих армии поражениях и спасла бы от грядущих ошибок, дойдя хоть до самого императора; привезла бы к Нему его семью. Я готова вмешаться в ход времени, сразиться с Судьбой, потягаться с Небесами…

Но ничего вернуть и изменить нельзя. Никогда, никому. Пронзённая снова и снова этой болью у вечно умирающего бронзового адмирала, окропляю тёплыми, терпкими алыми, как кровь из его раны, крымскими розами выложенный у подножия Его памятника крест, крест из ядер бомбардировки 5 октября 1854 года, каждый раз мучаясь гаданием: которое из них виновато в том, что уже двадцать лет нет мне покоя…

Более двадцати лет назад мне удалось впервые приехать в Севастополь ради того, чтобы увидеть собственными глазами место, овеянное славой Его подвига, политое Его кровью.

Как хотелось бы сказать, что вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов погиб, совершив главное дело своей жизни. Но люди, знавшие его, думали иначе. «Без преувеличения можно сказать, что это был единственный человек, таивший в себе способность дать совершенно иной ход крымским событиям, — писал участник севастопольской осады Н.С.Милошевич, — так много обещали его ум, дарования, энергия. После Корнилова у нас не осталось никого в уровень с событиями того времени, и в смерти его заключалось как бы первое зловещее указание на исход войны».

Всецело разделяя это мнение, я иногда позволяла себе представлять этот «совершенно иной ход», но мои «построения» изобиловали слишком многими абстрактными домыслами. Легче представить было то, что Корнилов остался невредим во время всей 11-месячной осады и смог даже при известном историческом сценарии, то есть последнем штурме Малахова кургана и последовавшего затем занятия союзнической армией Севастополя, — собрать все свои нравственные и физические силы, чтобы направить талант стратега, военного теоретика, искуснейшего моряка, новатора, лидера и организатора на новое поприще: строительство не только уже знакомых ему на деле паровых военных кораблей, но и новейшего броненосного флота…

Но тут же одёргиваю своё воображение, потому что понимаю, что если бы Владимир Алексеевич остался жив к моменту окончания военных действий в Крыму при **известном историческом сценарии**, то он неизбежно узнал бы, что по условиям Парижского мирного договора от 18 марта 1856 года

проигравшей России запрещалось иметь на Чёрном море военно-морской флот, кроме 6 винтовых корветов, 9 винтовых транспортов и 4 колёсных пароходов.

Страшно представить, что пережил бы и как бы перенёс вице-адмирал Корнилов, ученик и последователь М.П.Лазарева, столько отдавший флоту и **теоретически переживший** севастопольскую эпопею, доживи он в самом деле до объявления этого известия: без сомнения, оно убило бы его без всякого неприятельского ядра. Убило бы… снова.

И тогда нам остаётся заключить, что то самое, зовущееся обычно Судьбой, фатумом, роком, Всевышним, — как кому понятнее и ближе, — было милостиво к Его Превосходительству генерал-адъютанту, вице-адмиралу, мужественному человеку, любящему мужу, отцу, брату, другу, потому что, прервав на излёте его жизнь, ему всё же позволили защищать то, что он знал, ради чего жил и что любил больше всего: его сильный Черноморский флот, на который привёл его учитель Михаил Петрович Лазарев, завещавший укреплять и усиливать этот флот, что и делал Корнилов почти 20 лет; его сильный, укреплённый им же город, Город, который простоит ещё почти год после его гибели, сопротивляясь врагу, и отданный ему лишь в руинах; его сильного, всемогущего Императора, который, словно предвидя грядущую трагедию войны, сказал однажды: «Мне остаётся молить Бога сохранить мне Корнилова», но пережившего своего адмирала всего на четыре месяца; его сильную, не узнавшую ещё унижения Россию, за славу и процветание которой он молился до последнего вздоха.

1984–2006

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ ВИЦЕ-АДМИРАЛА В.А.КОРНИЛОВА

1806 — в семье сенатора Алексея Михайловича Корнилова родился младший сын Владимир.

1818 — Владимир впервые напишет прошение на имя императора о зачислении его в Морской кадетский корпус. Тогда оно не было удовлетворено.

1821 — Владимир Корнилов определён в Морской кадетский корпус.

1823 — произведён в мичманы.

1824 — плавания на фрегате «Малый» и шлюпе «Мирный».

1825 — Владимир прикомандирован к Гвардейскому морскому экипажу.

1827 — А.М.Корнилов хлопочет о назначении Владимира на корабль «Азов» под командованием капитана 1-го ранга М.П.Лазарева.

8 октября — произошло Наваринское сражение.

1828, 23 марта — кораблю «Азов» впервые в истории русского флота был присуждён кормовой Георгиевский флаг.

14 апреля — правительство России опубликовало манифест об объявлении войны Турции.

Начало блокады Дарданелл.

1829, 2 сентября — подписание мира между Россией и Портой в Адрианополе.

Возвращение мичмана В.Корнилова на Балтийский флот.

1829–1832 — служба на Балтийском флоте.

Плавания на тендере «Лебедь».

1833, январь — Корнилов прибывает в Николаев; назначается офицером для особых поручений при контр-адмирале М.П.Лазареве.

Апрель — по распоряжению М.П.Лазарева прибывает в Константинопольский пролив, где базировалась русская эскадра. Император Николай I распорядился наградить Корнилова орденом Святого Владимира 4-й степени за отличное выполнение задания по составлению карты Дарданелльского пролива и укреплений Босфора.

26 июня — между Россией и Турцией подписан Ункяр-Искелесийский договор.

1834, февраль — Корнилов назначен командиром брига

«Фемистокл» и отправился в Грецию.

1835(1836?) — женитьба на Е.В.Новосильцевой.

1836 — командование корветом «Орест».

За успешное командование Корнилов награждён орденом Святого Станислава 3-й степени.

1837 — выходит в переводе Корнилова книга капитана английского королевского флота Гласкока «Морская служба в Англии, или Руководство для морских офицеров всякого звания».

1838 — Корнилов произведён в капитаны 2-го ранга.

На Николаевской верфи заложен 120-пушечный линейный корабль «Двенадцать Апостолов».

1840, декабрь — за большие заслуги в подготовке и высадке десантов на побережье Кавказа Корнилов произведён в капитаны 1-го ранга.

1841, 15 июня — корабль был спущен на воду.

1842 — работы по отделке и оборудованию корабля «Двенадцать Апостолов» были завершены.

1837–1843 — работа Корнилова над составлением «Штатов вооружения и снабжения судов Черноморского флота».

1844, 21 марта — открытие Морской библиотеки в Севастополе.

17 декабря — пожар в Библиотеке.

1849 — открытие вновь отстроенной Библиотеки при непосредственном участии Корнилова.

1842–1846 — командование кораблём «Двенадцать Апостолов».

1847 — командировка в Англию для наблюдения за строительством пароходофрегата «Владимир», а также «Эльборус», «Еникале» и «Тамань».

1848, 17 октября — прибытие "Владимира" на одесский рейд.

Ходатайство М.П.Лазарева о производстве В.А.Корнилова в контр-адмиралы.

1849 — Корнилов исполняет обязанности начальника штаба при Лазареве.

1850, февраль — аудиенция у императора Николая I.

Инспекторские проверки Корнилова черноморских и азовских портов.

2 ноября — награждение Корнилова орденом Святого Станислава 1-й степени.

1851, февраль — смерть М.П.Лазарева в Вене.

Декабрь — Корнилов назначен в свиту императора Николая I с оставлением начальником штаба Черноморского флота.

1851–1852 — работа над проектом нового Морского устава.

1853, февраль — Корнилов едет в Константинополь в составе

чрезвычайной дипломатической миссии князя А.С.Меншикова.

Май — Корниловым составлена «Программа крейсерства между Босфором и Севастополем».

4 октября — Турция объявила войну России.

20 октября — Россия объявила войну Турции.

5 ноября — первый в истории бой паровых кораблей, в котором участвовал Корнилов на борту «Владимира».

18 ноября — произошёл Синопский бой, в котором П.С.Нахимов разгромил турецкий флот.

22 ноября — Корнилов награждён орденом Святого Владимира 2-й степени.

28 марта — Франция и Англия объявили войну России.

1854, 1 сентября — высадка неприятельских войск в Евпатории.

7 сентября — Корнилов пишет своё завещание.

8 сентября — сражение на реке Альма, в котором русские войска под командованием князя А.С.Меншикова потерпели поражение.

9 сентября — Корнилов собирает военный совет, на котором предлагает активные действия флота.

11 сентября — затопление кораблей по приказу князя А.С.Меншикова в бухте Севастополя.

Корнилов пишет обращение к гарнизону осаждённого города.

15 сентября — Корнилов обратился с речью к гарнизону.

12 сентября — 4 октября — под руководством Корнилова гарнизон и жители укрепляли Севастополь, готовясь к обороне.

5 октября — во время первой бомбардировки Севастополя вице-адмирал В.А.Корнилов был смертельно ранен и вскоре скончался.

6 октября — тело вице-адмирала В.А.Корнилова было захоронено в склепе Владимирского собора рядом с могилой М.П.Лазарева.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алабин П. Четыре войны. Походные записки в войну 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1878 гг. М., 1890.

Аркас Н.А. Из воспоминаний ген. — ад. Н.А.Аркаса. 1901.

Берг Н.В. Севастопольский альбом Н.Берга. М., 1858.

Валуева А.П. Севастополь и его славное прошлое.

Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.

Вице-адмирал Корнилов / Сб. док. под ред. Н.В.Новикова, П.Г.Софинова. М., 1947.

Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1871–1872.

Жандр А.П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В.А.Корнилова, собранные и объяснённые кап. — лейт. А.Жандром, бывшим его флаг-офицером. СПб., 1859.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т.1, 2. СПб., 1908–1913.

Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А.Корнилов. Симферополь, 1957.

Золотарёв В.А., Козлов И.А. Флотоводцы России. М., 1998.

Ильинский Д.В. Из воспоминаний и заметок севастопольца. Черноморские адмиралы. В.А.Корнилов // Русский Архив. 1893.

Коробков Н.М. Вице-адмирал Корнилов. М. — Л., 1944.

Крашенников С. Замечания на статью «Из записок Севастопольца», помещённую в № 12 «Русского Архива», 1867 // Морской Сборник. 1868. № 2.

Лазарев М.П. Документы. Т.1, 2. М., 1952, 1959.

Lambert A.D. The Crimean War. British Grand Strategy Against Russia, 1853–56. Manchester and New York, 1990.

Леонтьева Г.К Карл Брюллов // Жизнь в искусстве. Л., 1976.

Лихачёв И.Ф. В Севастополе — 50 лет тому назад // Морской Сборник. 1913. № 11.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Вып. 1–4. СПб., 1871–1874.

Милошевич Н.С. Из записок севастопольца. СПб., 1904.

Нахимов П.С. Документы. М.,1954.

Давыдов В. Путевые записки, ведённые во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году. СПб., 1839.

П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003.

Попов А.А., кап. — лейт. Ещё подробности о смерти генерал-адъютанта Корнилова, доставленные капитан-лейтенантом Поповым // Морской Сборник. 1854. № 12.

Тарле Е.В. Крымская война. Т.1, 2. 1941, 1943.

Ткачёв А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. Ч.1–11. 1995.

Тотлебен Э.И. Описание обороны города Севастополя. Ч.1. СПб., 1871.

Труайя А. Николай I. М., 2003.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1856 гг. М., 2004.

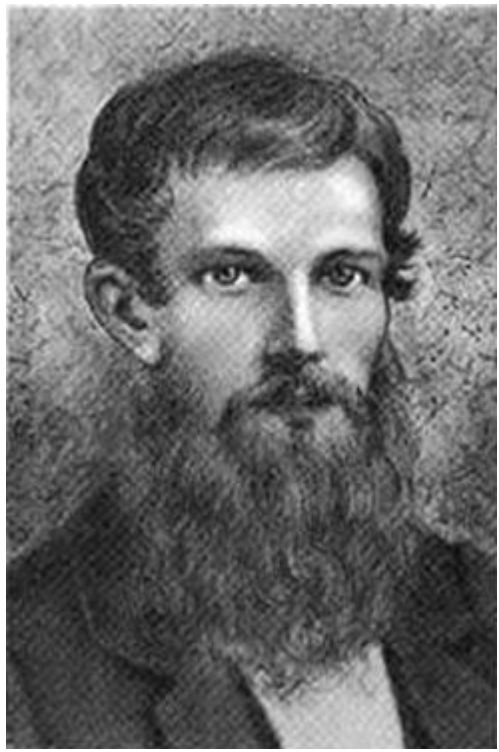
Шестаков И.А. Владимир Алексеевич Корнилов (биографический очерк) // Морской Сборник. 1855. N9 12.

Шкловский В. Лев Толстой // ЖЗЛ. М., 1967.

Иллюстрации

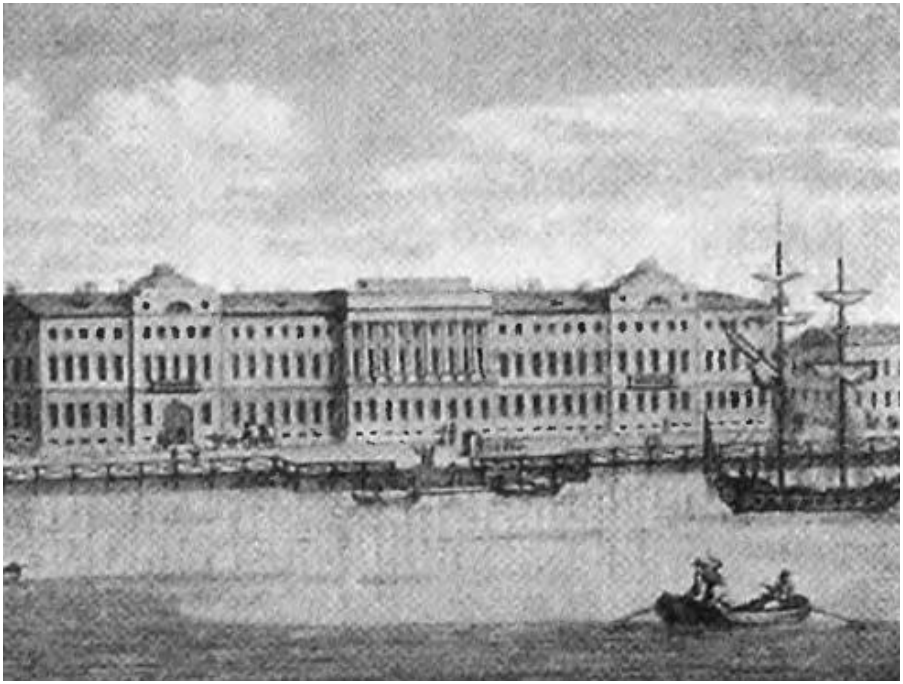
Старица. Успенский монастырь.

Река Тьма.



Д.И.Завалишин.

И.Ф.Крузенштерн.



Здание морского корпуса на Васильевском острове.

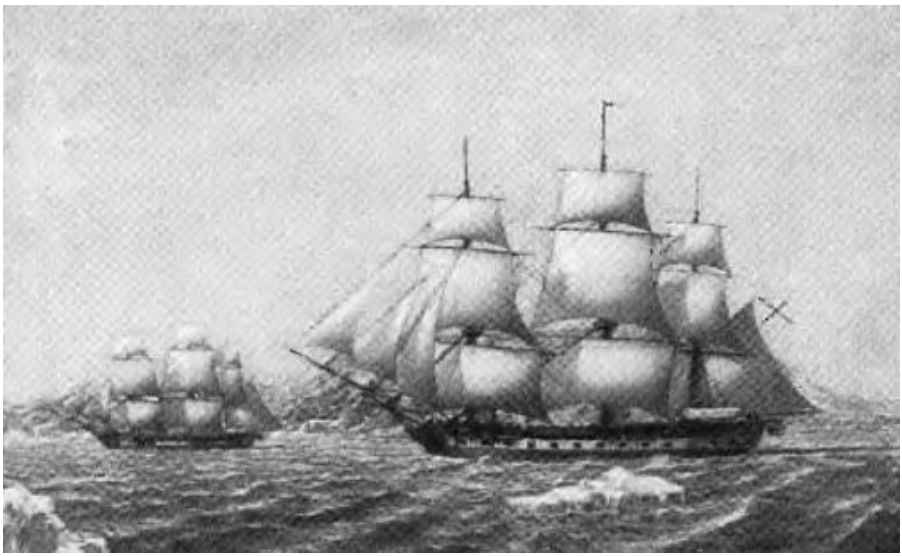
КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ.

Текст клятвенного обещания, подписанный мичманами из выпуска В.А.Корнилова.

Матрос-канонир Артиллерийской команды и унтер-офицер Гвардейской ластовой роты.

1826–1829 гг.

М.П.Лазарев.



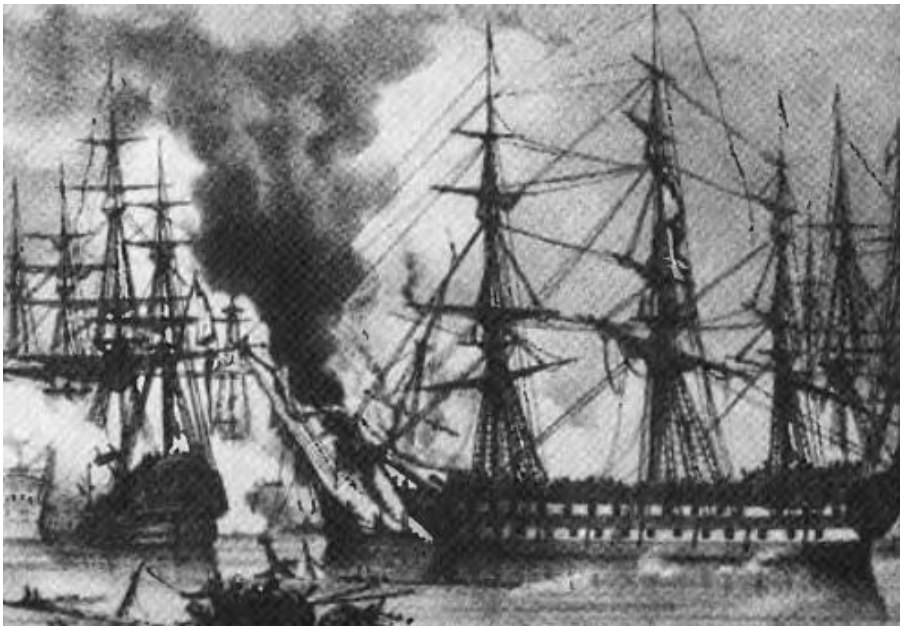
Шлюпы "Восток" и "Мирный" под командованием Ф.Ф.Беллинсгаузена и М.П.Лазарева в антарктической

экспедиции 1819 года.

Д.Н.Сенявин.

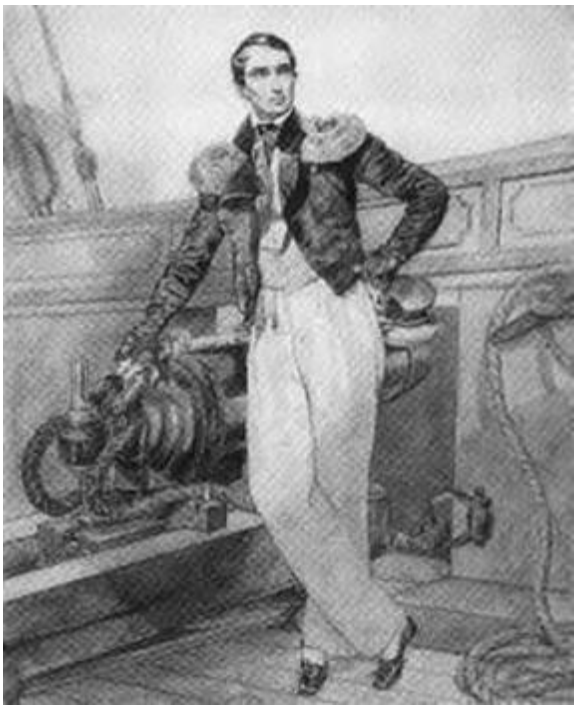
Корабль "Азов".

Л.П.Гейден.



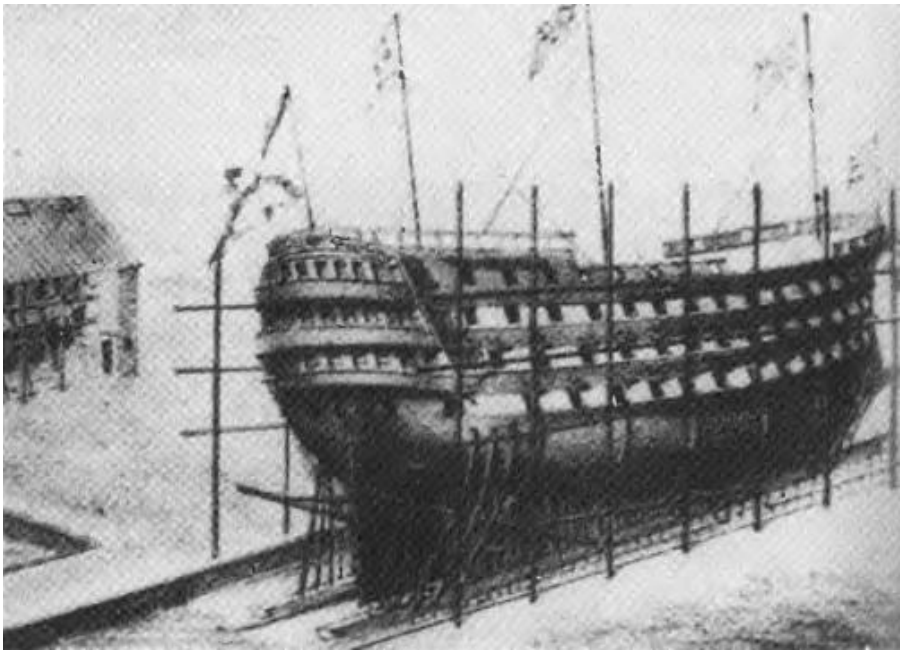
Наваринское сражение 8 октября 1827 года.

Корнилов, Брюллов и Гагарин в каюте брига "Фемистокл". *Акварель Г.Г.Гагарина.1835 г.*



В.А.Корнилов на борту брига "Фемистокл".
Портрет кисти К.П.Брюллова.1835 г.

Вид города Николаева.



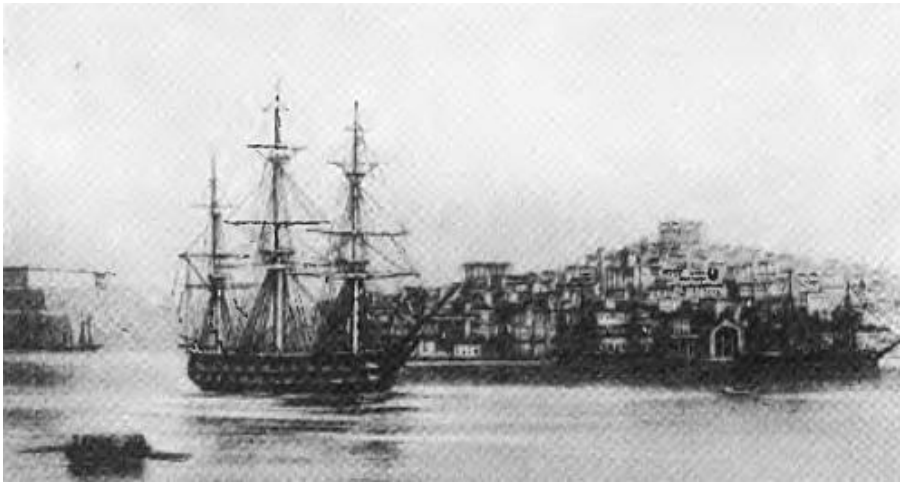
Николаевское адмиралтейство.

Спуск на воду 120-пушечного линейного корабля.

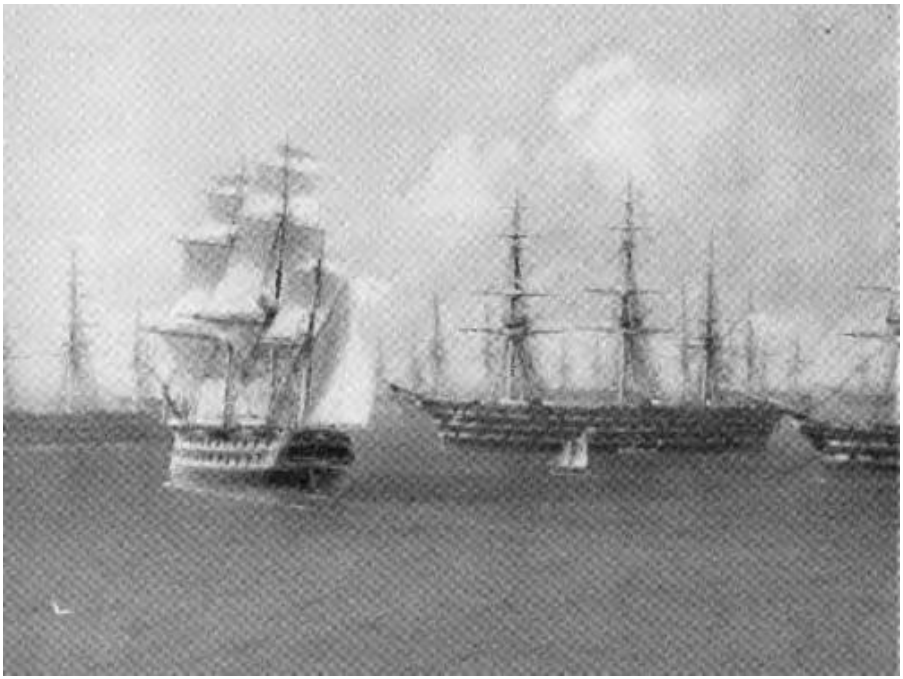
Корабль "Двенадцать апостолов"
Фрагмент картины И.К.Айвазовского.

Северная бухта в Севастополе.

И.К.Айвазовский.



Новые морские казармы и вид Севастополя с рейда.
Литография с картины И.К.Айвазовского.



Чёрное море. Флот в Феодосии. *Картина И.К.Айвазовского. 1890 г.*

Штаб-офицер флота. *1840 г.*

Матрос-комендор (артиллерист). *1850 г.*

Н.Ф.Метлин.

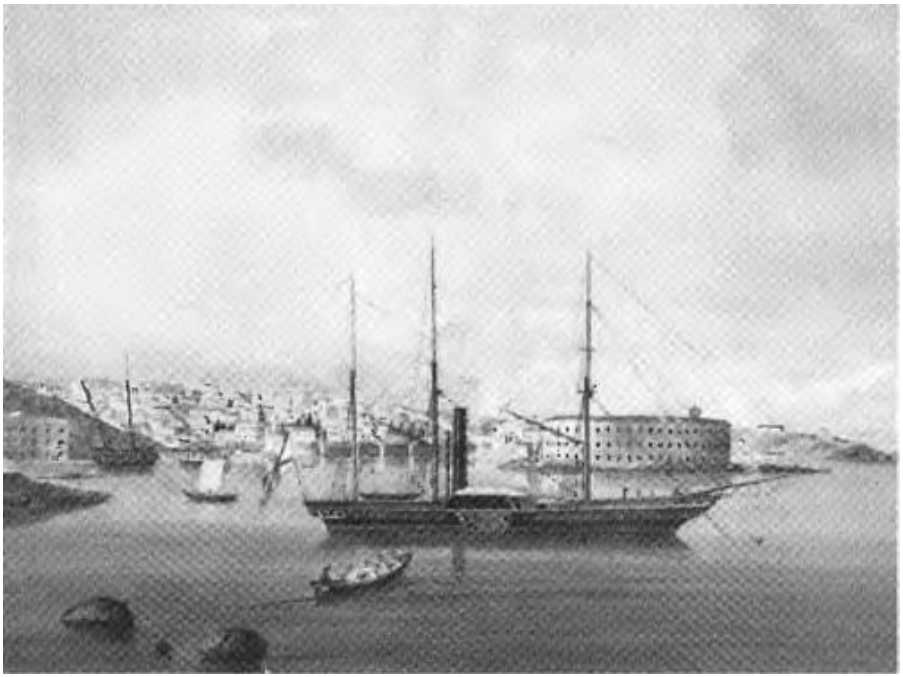
Провиантские магазины в Корабельной бухте Севастополя.

Император Николай I.

Генерал-адмирал флота великий князь Константин Николаевич.

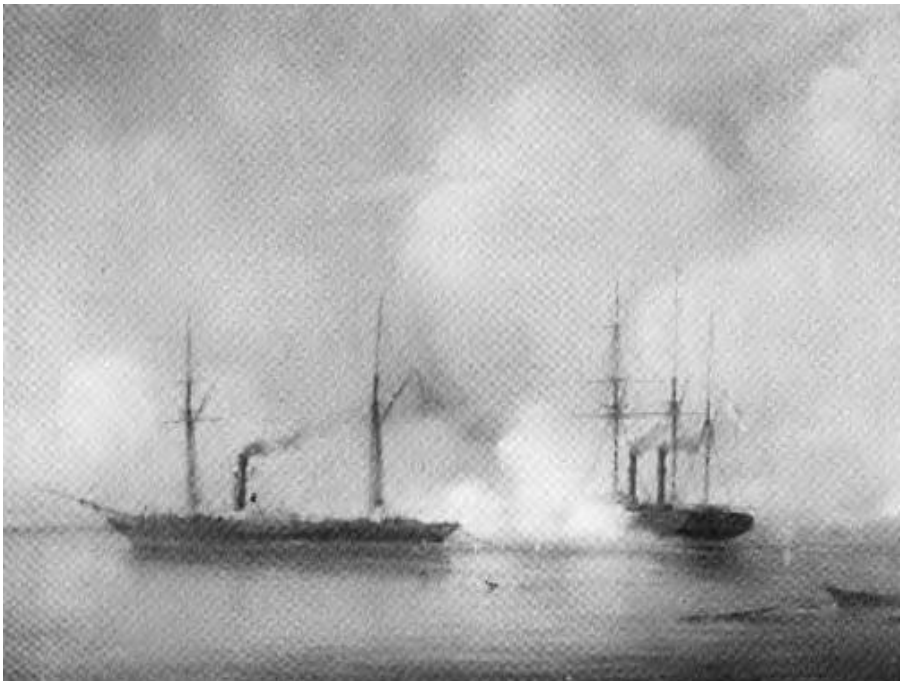
Смотр Черноморского флота. *Картина И.К.Айвазовского. 1886 г.*

Аудиенция князя А.С.Меншикова и вице-адмирала В.А.Корнилова у султана. *Май 1853 г.*



Севастополь. *Середина XIX в.*

Г.И.Бутаков.



Бой пароходофрегата "Владимир" с турецко-египетским "Перваз-Бахри" 5 ноября 1853 года.

П.С.Нахимов на палубе корабля "Императрица Мария" 18 ноября 1853 года. Синопское сражение.

Бомбардировка Севастополя англо-французским флотом в октябре 1854 года.

Здание Библиотеки до обороны Севастополя в 1854-1855годах.

На переднем плане-строительство Владимирского собора.

Здание Библиотеки повреждённое в дни обороны Севастополя.

Справа-Башня ветров, сохранившаяся до наших дней.

В.И.Истомин.

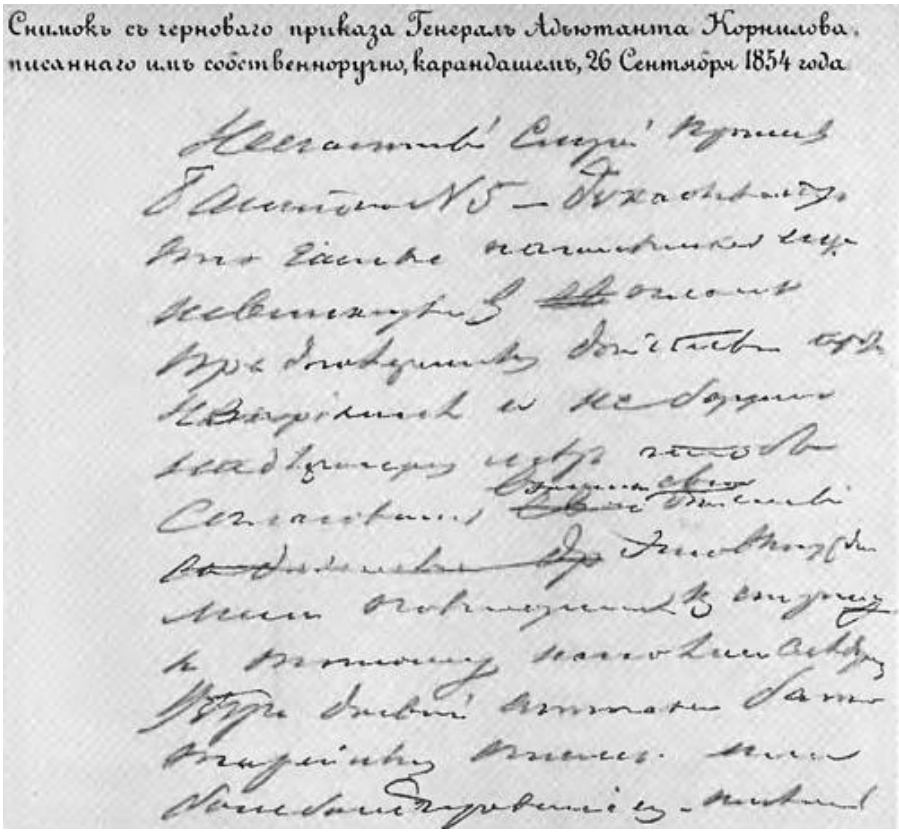
Ф.М.Новосильский.

Союзнический флот в Балаклаве. *1854 г.*

П.С.Нахимов.

Князь А.С.Меншиков.

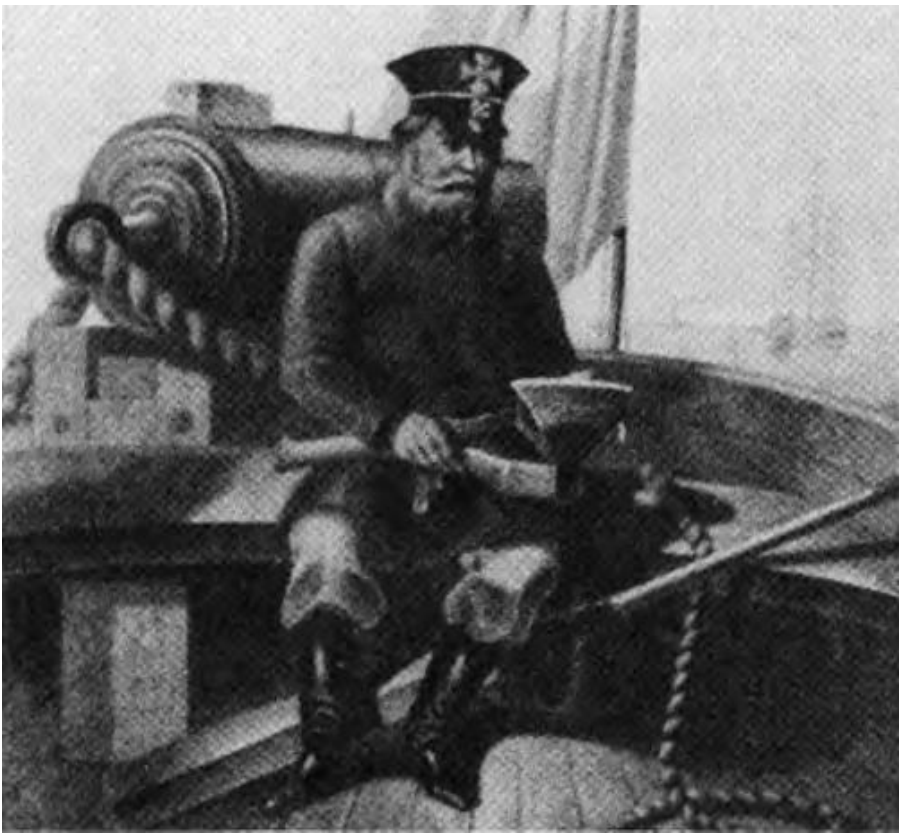
Затопление кораблей в бухте Севастополя 11 сентября 1854 года.


Снимокъ съ черноваго приказа Генералъ Адъютанта Корнилова, писаннаго имъ собственноручно, карандашемъ, 26 Сентября 1854 года

Список с чернового приказа генерал-адъютанта Корнилова.

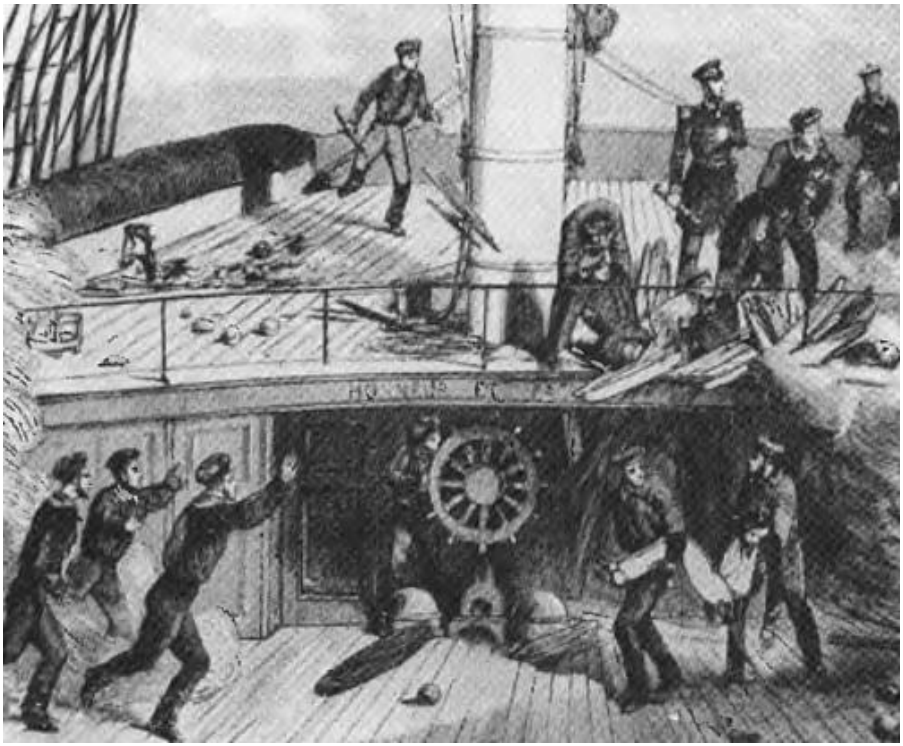
В.И.Васильчиков.

Э.И.Тотлебен.



Русский морской ополченец. *1854 г.*

Осадная батарея № 2. Крупнокалиберные английские пушки на станке и лафете. *Английская гравюра.1855 г.*



На корабле во время боя. *Французская гравюра.1854 г.*

Дом подрядчика Волохова,
в котором находилась последняя квартира В.А.Корнилова.

И.Ф.Лихачёв.

А.А.Попов.

Петропавловская церковь после бомбардировки Севастополя.

На бастионах Севастополя. *Фрагмент панорамы Ф.А.Рубо.*

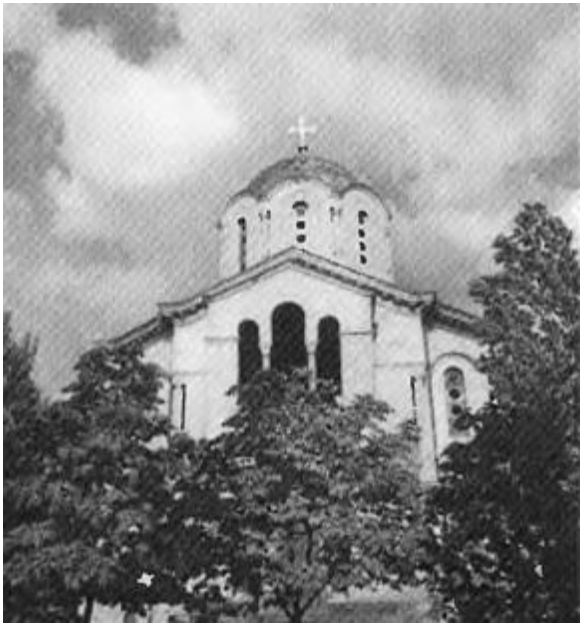
Рукопашный бой за батарею Жерве. *Фрагмент панорамы Ф.А.Рубо.*

Л.Н.Толстой в годы Крымской войны-подпоручик, участник боёв на 4-ом бастионе Севастополя.

Памятник Л.Н.Толстому на 4-ом бастионе. *Скульптор К.Д.Денисов.*

Солдаты Черниговского полка спешат на помощь защитникам

Малахова кургана. *Фрагмент панорамы Ф.А.Рубо.*



Владимирский собор.

Здесь похоронены М.П.Лазарев, В.А.Корнилов, В.И.Истомин, П.С.Нахимов.

Малахов курган. *Картина И.К.Айвазовского.1893 г.*

В.А.Корнилов.

Барельеф на памятнике "Тысячелетие России" в Великом Новгороде.

Памятник "Тысячелетие России"

Броненосный крейсер 1-го ранга "Адмирал Корнилов" во время постройки в С.-Назере, в Бретани. *1889 г.*

Сигнальщики на верхнем мостике крейсера "Адмирал

Корнилов". *1893 г.*

Памятник В.А.Корнилову на вершине Малахова кургана.

notes

Примечания

Чайковская О.Г. «Как любопытный скиф…» М., 1990.

3

Корнилова Г.В. Военная фамилия.

Цветков Д. Старица и окрестности. М., 1977.

5

Там же.

Лукин — управляющий имением В.А.Корнилова.

7

То есть табакерки, подаренные В.А.Корнилову императором Николаем I.

8

Заборовский Иван Александрович — русский генерал, в 1789 г. командовал русскими войсками во вторую русско-турецкую войну. «Однажды, командуя отдельным корпусом на турецкой границе, он получил просьбу от одного иностранного офицера принять его в русскую службу тем же чином, в котором тогда состоял. Заборовский, зная положение принимать иностранных военных чиновников не иначе, как с понижением одного чина, не мог этого исполнить, и отказал. Оскорблённый офицер хотел вступить в турецкую службу, но, утолив досаду, отложил своё намерение. Этот офицер был — Наполеон» (*Золотарёв В.А.* Помни о прошлом. М, 1994. С.234).

9

Карцев (Карцов) Пётр Кондратьевич — адмирал (1819), в 1802–1824 гг. директор Морского кадетского корпуса (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

10

Из воспоминаний Л.А.Загоскина. 1822–1826 гг. // Русская старина. 1886. С.709–717.

11

Завалишин Дмитрий Иринархович — человек энциклопедического ума, железной воли и редкой трудоспособности. В своих «Воспоминаниях» ополчился и критиковал и правительство, и Морской корпус, и бывших товарищей, и декабристов, выставляя одного себя самым умным, нравственным и проницательным. Был осуждён за идейную близость к декабристам и отправлен на каторгу. «Воспоминания» не переиздавались с 1904 г. (*Завалишин Д.* Воспоминания. М., 2003).

12

Ар. Сатин. Как я научился держать себя в сражении.

13

Так называемая «французская». Другие были немецкая, английская и русская — названия получили от того, какие языки преимущественно изучали (*Завалишин Д.* Воспоминания. М., 2003).

14

Причина была та, что во время сражения артиллериею командовали тоже морские офицеры, которые и проходили поэтому полный курс артиллерии. Собственно же артиллерийские офицеры заведовали материальною частью (*Завалишин Д.* Воспоминания. М., 2003).

15

Воспоминания В.П.Митурича. Морской кадетский корпус в 1823–1828 гг. // Исторический вестник. 1888.

16

Воспоминания А.П.Беляева // Русская старина. 1880. С.823.

17

Траверсе Жан Батист де (1754–1831) — французский моряк, ставший Иваном Ивановичем после переезда в Россию, возглавлял военно-морское министерство.

18

«Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 гг. Д.Завалишина».

19

По материалу: *Шишкова Н.* Гвардейский экипаж // Наше наследие. 2000.

20

«Ultima ratio regnum» (*лат.*) — «Последний довод королей» (то есть пушки).

21

Сенявин Дмитрий Николаевич(1763–1831) — адмирал (1826); флотоводец, ученик и сподвижник Ф.Ф.Ушакова; в 1827 г. командующий эскадрой, отправленной в Англию.

22

Лазарев Михаил Петрович (1788–1851) — адмирал (1843), крупнейший деятель Военно-морского флота России первой половины XIX в., учёный-мореплаватель. По окончании Морского кадетского корпуса в1808 г. служил на различных кораблях Балтийского флота, участвовал в войне со Швецией в 1808 г. и в Отечественной войне 1812 г. В 1813–1816 гг. совершил кругосветное плавание на судне Российско-Американской компании (РАК) «Суворов» в качестве его командира. В ходе этого плавания открыл в Тихом океане группу островов, названных островами Суворова, провёл съёмку островов у северо-западных берегов Америки и юго-восточных берегов Австралии, исследовал побережье Калифорнии, Бразилии, исправил координаты ряда островов в Тихом и Индийском океанах, собрал богатый материал по этнографии и зоологии. В 1819–1821 гг. Ф.Ф.Беллинсгаузен и М.П.Лазарев на шлюпах «Восток» и «Мирный» совершили новое кругосветное плавание, важнейшим результатом которого явилось открытие нового материка — Антарктиды. В 1822–1825 гг. Лазарев совершил третье кругосветное плавание на фрегате «Крейсер».

По возвращении из этого плавания он был назначен командиром строившегося в Архангельске линейного корабля «Азов». В 1827 г., командуя «Азовом» и одновременно исполняя обязанности начальника штаба русской эскадры, Лазарев совершил переход из Кронштадта до Портсмута и оттуда в Средиземное море. 8 октября 1827 г. принял участие в знаменитом Наваринском сражении. В 1828–1830 гг., имея свой флаг на корабле «Азов», участвовал в блокаде Дарданелл, после чего привёл эскадру из десяти кораблей в Кронштадт.

В 1832 г. Лазарев был назначен начальником штаба Черноморского флота и портов, а с осени 1833 г. стал главным командиром Черноморского флота и портов и военным губернатором Николаева и Севастополя. В последующие годы ежегодно плавал с флотом в Чёрном море. В 1838–1840 гг, командовал эскадрой, перевозившей десантные войска на Кавказ. За успешное проведение ряда десантных операций и занятие нескольких важных прибрежных пунктов укрепление, построенное при р. Псезуапе, названо «фортом Лазарев». 15 февраля 1851 г. Лазарев отправился на лечение за границу. 11 апреля 1851 г. скончался в Вене, был перевезён в Россию и похоронен в Севастополе во Владимирском соборе.

В течение двадцати лет М. П. Лазарев руководил

Черноморским флотом и превратил его в лучший парусный флот в мире, оборудованный военно-морскими базами, адмиралтейством, с сильной линией укрепления вокруг главной базы флота. Особенно велика роль Лазарева как воспитателя кадров флотских офицеров, его иногда считали основателем особой «лазаревской» школы морских офицеров, хотя заслуга Лазарева состоит не в создании новой школы, а в умелом и настойчивом возрождении взглядов и традиций таких русских флотоводцев, как Ушаков и Сенявин. Воспитанные Лазаревым в духе этих традиций моряки показали свои прекрасные качества в Синопском сражении и при обороне Севастополя. Нахимов и Корнилов высоко ценили Лазарева, считали его своим учителем и смотрели на успех Синопского сражения как на результат лазаревского воспитания.

Лазарев был награждён всеми орденами России, в 1850 г. стал кавалером ордена Святого апостола Андрея Первозванного. За заслуги перед наукой был избран почётным членом Русского географического общества, Морского учёного комитета, Казанского университета и Одесского общества любителей истории и древностей.

23

«А з о в» — линейный корабль Балтийского флота. Заложен в Архангельске 20 октября 1825 г., спущен на воду 26 мая 1826 г. Строитель — генерал-майор А.М.Курочкин. Длина 52,4 м, ширина 14,4 м, вооружение 74 орудия. За постройкой корабля наблюдал его командир, капитан 1-го ранга М.П.Лазарев. Он же внёс в проект корабля ряд новшеств по более рациональному размещению внутренних помещений, запасов пороха и продовольствия, по дополнительному укреплению корпуса корабля. Он же подобрал прекрасный офицерский состав. Именно на «Азове» получили боевое крещение будущие герои Севастополя и Синопа: лейтенант П.С.Нахимов, мичман В. А. Корнилов и гардемарин В.И.Истомин. На Мальте «Азов» подремонтировали, заменили все мачты и в 1829 г. он участвовал в крейсерских операциях в Архипелаге. В 1830 г. корабль под командованием капитана 1-го ранга С.П.Хрущёва ушёл в Кронштадт. Повреждения, полученные «Азовом» при Наварине, не прошли бесследно. В январе 1831 г. его осмотрели в кронштадтском доке, а 28 июля «Азов» было назначено разобрать. 29 августа 1831 г. он был исключён из списков (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

24

Александр Петрович Рыкачёв в 1827 г. в звании лейтенанта на корабле «Гангут» участвовал в Наваринском сражении. За проявленный героизм был награждён орденом Святого Владимира 4–й степени с бантом. В 1877 г. в Кронштадте вышло посмертное издание записок А.П.Рыкачёва.

25

Через четыре месяца к вышеназванным именам прибавлено было имя «Наварин», а буква «и» перенесена дальше.

26

Гейден Логин Петрович, граф (1772–1850) — адмирал (1833); в 1817 г. капитан-командор, главный командир Свеаборгского порта и военный губернатор; в 1827–1830 гг. контр-адмирал и вице-адмирал, командующий русской эскадрой в Средиземном море (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

27

Кодрингтон Эдуард, сэр (1770–1851) — английский адмирал, в 1827 г. вице-адмирал, командующий английской эскадрой при Наварине (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

28

Риньи де, Анри, граф (1783–1835) — французский адмирал и государственный деятель, в 1827 г. контр-адмирал, командующий эскадрой при Наварине (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

29

Ибрагим-паша(1789–1848) — египетский полководец; в 1827 г. возглавлял египетскую армию и флот; с 1844 г. — вице-король Египта, соправитель своего отца Мухаммеда-Али (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

30

Посол Великобритании в Константинополе.

31

Лайонс Эдмунд (1790–1858) — адмирал английского флота; в 1853–1854 гг. контр-адмирал, командующий английской эскадрой, действовавшей в Чёрном море; в 1855 г. главнокомандующий английским флотом в Чёрном море (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

32

«Н а в а р и н» — корвет. В составе турецкого флота носил название «Насаби-Сабах» («Восточная звезда»). Был взят в плен в ходе Наваринского сражения. Николай I, после получения рапорта Л.П.Гейдена о взятии корвета, велел причислить его к Балтийского флоту и назвать «Наварин».

3 июня 1828 г. на корвете были подняты российский флаг, гюйс и вымпел. В сопровождении корабля «Александр Невский» он отправился на Мальту для ремонта и переоборудования. 15 августа 1828 г. в гавани Ла-Валетты его принял П.С.Нахимов. Новый командир «Наварина» и экипаж предприняли все возможные меры по его очистке от крыс, мышей, тараканов, «неимоверной и крайне отвратительной нечистоты», что было особенно важным в условиях появления отдельных очагов чумы в турецкой армии и среди греческого населения.

После окончания ремонта и перевооружения «Наварин» под командованием П.С.Нахимова следующий, 1829 г., провёл, крейсируя в Средиземном море. В 1830 г. в составе эскадры М.П.Лазарева корвет совершил переход в Кронштадт и далее продолжил свою службу на Балтике. В 1853 г. под командой капитан-лейтенанта П.И.Истомина «Наварин» отправился в кругосветное плавание. Однако, попав в сильный шторм, был вынужден остановиться для ремонта в Портсмуте. В условиях начавшейся Крымской войны корабль был переправлен в Нидерланды и там продан (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

33

Адрианопольский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1828–1829 гг., был подписан 2 (14) сентября 1829 г. и состоял из 16 статей и отдельного акта. По условиям договора к России отходили устье Дуная с островами, восточное побережье Чёрного моря, от устья Кубани до Поти, крепости Ахалкалаки, Ахалцихи, Анапа. Турция подтвердила присоединение к России Грузии и предоставление широкой внутренней автономии Греции, Сербии, княжествам Молдавии и Валахии. Адрианопольский мир не имел статьи, регулирующей военное судоходство в проливах, однако он включал в себя условие о торговом судоходстве, утверждавшее принцип свободного торгового мореплавания в Черноморских проливах. Проливы объявлялись открытыми для судов всех иностранных держав, «состоявших в дружбе с Высокою Портою». В целом, Адрианопольский мир укрепил влияние России в балканских провинциях Турции, населённых православными славянами, способствовал развитию русской морской торговли и расширению международных связей (Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003)

34

Александр Александрович Домашенко окончил Морской кадетский корпус в 1822 г. Участвовал в кругосветном плавании на фрегате «Крейсер» в 1822–1824 гг., затем — в достройке корабля «Азов» в Архангельске, на этом же корабле прибыл в Кронштадт. Подвиг, описываемый Нахимовым, Домашенко совершил 9 сентября 1827 г. у берегов Сицилии. В 1828 г. на деньги, собранные офицерами корабля «Азов», в Кронштадте ему был сооружён памятник с надписью: «Офицеры корабля «Азов» любезному сослуживцу, бросившемуся с кормы корабля для спасения погибающего в волнах матроса и заплатившему жизнью за столь человеколюбивый поступок» (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

35

Тендер «Лебедь» построен на Охтинской верфи полковником В.Ф.Стоке и спущен на воду в августе 1831 г. (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

36

Материалы по Наваринскому сражению и Босфорской кампании взяты в основном из книги: *Золоторев В.А., Козлов И.А.* Флотоводцы России. М., 1998.

37

Меншиков Александр Сергеевич, светлейший князь (1787–1869) — русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1817), адмирал (1833). Правнук Александра Даниловича Меншикова, ближайшего сподвижника Петра Великого и первого губернатора С.-Петербурга. На военной службе с 1809 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813 г. С 1815 г. был близок к Александру I, но соперничество с А.А.Аракчеевым привело в 1824 г. к отставке Меншикова. Новый император Николай Павлович отозвал его из отставки в 1826 г. для участия в работе по реформированию Военного и Морского министерств. В 1827 г. Меншиков был назначен начальником Главного морского штаба и членом Кабинета министров. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. находился в действующей армии. За проведение десантной операции при взятии крепости Анапа был награждён орденом Святого Георгия 3-й степени и чином вице-адмирала. В 1830 г. Меншиков назначается членом Государственного Совета, а в 1831 г. — генерал-губернатором Финляндии и командующим в ней войсками с оставлением в должности начальника Главного морского штаба. В 1831 г. он провёл новое положение об управлении Черноморским флотом, а в 1837 г. реформировал Морское министерство. Человек, щедро одарённый от природы, он не имел ни морского образования, ни морской практики. Тем не менее это не помешало ему в течение почти 30 лет оставаться фактически полновластным хозяином морского ведомства и флота. В годы всего царствования императора Николая I Меншиков был одним из самых приближённых и влиятельных сановников. Это, безусловно, наложило свой отпечаток на характер А.С.Меншикова. Если в письмах П.С.Нахимова из Германии о Меншикове говорится как о заботливом и добром руководителе, то в документах более поздних, и особенно в документах, касающихся событий Севастопольской обороны, звучат уже другие интонации. Современники всё чаще стали замечать его самонадеянность и высокомерие, стремление к власти, недоверие к людям, игнорирование новых идей в морском деле.

В 1853 г. Николай I посылает Меншикова в Константинополь чрезвычайным послом, а с началом Крымской войны назначает главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами в Крыму, к этому следует добавить, что император сохранил за своим любимцем все одиннадцать государственных постов.

Деятельность Меншикова на посту главнокомандующего подвергалась жестокой критике. Неудачи в сражении при Альме 8 сентября 1854 г., под Балаклавой и Инкерманом, бессилие парусного флота перед паровым флотом союзников, отсутствие единого плана боевых действий, непринятие мер к укреплению Севастополя, отсутствие активности и решительности — всё это заставило Николая I сместить Меншикова с поста главнокомандующего Крымской армией. 18 февраля 1855 г. светлейший князь А.С.Меншиков был освобождён от должности по состоянию здоровья и отбыл из армии. До апреля 1856 г. он исполнял обязанности военного генерал-губернатора Кронштадта, после чего окончательно ушёл в отставку. Скончался 19 апреля 1869 г. (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

38

Подтверждал союзный договор 1798 г. о свободе плавания русских военных судов в проливах. Договор не только усилил влияние России на Ближнем Востоке, но и гарантировал безопасность всего Черноморского побережья. По истечении срока договора 1 июля 1841 г. между Россией, Англией, Францией, Австрией и Турцией была заключена Лондонская конвенция, по которой Босфор и Дарданеллы в мирное время были закрыты для военных кораблей всех держав, в том числе и русских (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

39

Унтер-лисель — парус, ставящийся сбоку фока. Фок — самый нижний парус на передней мачте (фок-мачте) судна.

Леонтьева Г.К. Карл Брюллов // Жизнь в искусстве. Л., 1976.

41

Русская Старина. Год XXXII, январь 1901. С.209–216.

42

Корнилов Фёдор Петрович (1809–1895) — член Государственного Совета; двоюродный брат В.А.Корнилова.

43

Корнилов, очевидно, спрашивает брата о картине, изображающей эпизод Наваринского сражения 8 октября 1827 г.

44

Имеется в виду так называемое «вольтеровское» кресло — с высокой спинкой и жёсткими подлокотниками, оканчивающимися украшением, часто изображающим голову животного, на которую опиралась кисть руки сидящего. Названно в честь великого французского философа Вольтера, предпочитавшего такой род кресел.

45

Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868) — писатель, драматург. Автор пьесы «Рука Всевышнего Отечество спасла», за которую Николай I подарил ему перстень; а также драм «Торкват Тассо», «Князь М.В.Скопин-Шуйский» и др.

Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т.1–3. СПб., 1900.

А.А.Шестакову.

48

Грейг Самуил Карлович (1736–1788) — адмирал (1782); командовал эскадрами в Чесменском (1770) и Гогландском (1788) сражениях.

Лазарев М.Я. Документы. Т.3. М., 1961. С.149–152.

Там же. С.17.

Там же. С.237.

52

Раевский Николай Николаевич (1801–1843) — генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г.; в 1840 г. начальник Черноморской береговой линии.

53

Материалы по командованию В. А. Корнилова кораблём «Двенадцать Апостолов» взяты в основном из книги: *Золотарёв В.А., Козлов И.А.* Флотоводцы России. М., 1998.

Артиллерийское учение, составленное по правилам, принятым на английских военных судах. СПб., 1847.

Все положения указанной книги были практически проверены В.А.Корниловым на специальных учениях, проведённых на фрегате «Коварна» (Вице-адмирал Корнилов / Сб. док. под ред. Н.В.Новикова, П.Г.Софинова. М., 1947).

То есть отца А.М.Корнилова.

Парусники, артиллеристы и абордажники (*с англ.*). В данном случае М.П.Лазарев употребляет английскую терминологию того времени, когда он вместе с А.А.Шестаковым плавал волонтёром на английском флоте (Вице-адмирал Корнилов / Сб. док. под ред. Н.В.Новикова, П.Г.Софинова. М., 1947).

Дубровин Н.Ф История Крымской войны и обороны Севастополя. Т.1. СПб., 1900. С.41.

58

The naval service or officer's manuel by capt. N. Glascock, in 2 volumes.

Морская служба в Англии, или Руководство для морских офицеров всякого звания. Сочинение капитана английского королевского флота Гласкока. Перевод с английского флота капитана 2 ранга В.Корнилова. СПб., 1839.

59

В 1835 или 1836 г. В.А.Корнилов женился на Елизавете Васильевне Новосильцевой. У Корниловых было восемь детей: Алексей, старший сын; Александр; Владимир, умерший сын; Елизавета; Варвара, умершая дочь; Мария, умершая дочь; Наташа; Софья, умершая дочь.

Шестаков П.А. // Морской сборник. 1855. № 12. С.215.

61

Материалы по Севастопольской Морской библиотеке взяты из публикаций:

Карпова С. «Буду интриговать попасть в секретари-казначеи» // Флаг Родины. 1996. 9 февраля.

Шварц Е. Одна с флотом судьба // Памятники Отечества. 1995. № 35. С.120–122.

Скориков Ю.А Севастопольская крепость. СПб., 1997. С.119–120.

62

Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1779–1852) — адмирал. В 1819–1821 гг. Ф.Ф.Беллинсгаузен и М.П.Лазарев на шлюпах «Восток» и «Мирный» совершили кругосветное плавание, важнейшим результатом которого явилось открытие нового материка — Антарктиды (П.СНахимов. Документы и материалы).

Ольшевский В. Неспущенные паруса // Памятники Отечества. 1995. № 35. С.80.

64

С датой «1849», видимо, совершена ошибка, надо: «1845». Смотры Черноморского флота производились раз в семь лет и были соответственно в 1837, 1845 и 1852 гг.

Ольшевский В. Неспущенные паруса // Памятники Отечества. 1995. № 35. С.79.

Там же. С.80.

Никульченков К.И. Адмирал Лазарев. С.168–171.

Против этого абзаца на полях документа резолюция М.П.Лазарева: «На вооружение парохода тремя мачтами согласен».

Против этих слов на полях резолюция М.П.Лазарева: «Совершенно согласен как на весьма умное и полезное улучшение».

Авинов Александр Павлович (1786–1854) — адмирал (1852); в 1827 г. в чине капитана командовал кораблём «Гангут» в Наваринском сражении, в 1834–1837 гг. контр-адмирал, начальник штаба Черноморского флота и портов; в 1838–1849 гг. вице-адмирал, командир Севастопольского порта (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

71

Хрущёв (Хрущов) Степан Петрович (1791–1865) — адмирал (1855); в 1821–1824 гг. лейтенант на шлюпе «Аполлон», затем командир шлюпа; в 1840 г. контр-адмирал, начальник штаба Черноморского флота и портов; в 1844 г. вице-адмирал, в 1849–1852 гг. командир Севастопольского порта и военный губернатор Севастополя (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

Труайя А. Николай I. М., 2002. С.15.

Скориков Ю.А Севастопольская крепость. СПб., 1997. С.90.

Там же. С.86.

Там же. С.88.

Там же. С.88.

Труайя А. Николай I. М., 2002. С.82.

78

Алабин Пётр Владимирович (1824–1896) — военный писатель и историк; в 1854–1855 гг. поручик Охотского егерского полка; старший адъютант штаба 11–й пехотной дивизии. Цитируется по книге: *Алабин П.* Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856 и 1877–1878 гг. М., 1892. Ч.III. Защита Севастополя (1854–1856). С.28–30, 40–41 (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

79

Линейный 120-пушечный корабль, спущенный на воду в 1833 г.

80

Чоргунский бассейн — район верхнего течения Чёрной речки и дер. Верхний Чоргун, где намечалось устройством плотины образовать водохранилище для питания Севастополя пресной водой (Вице-адмирал Корнилов / Сб. док. под ред. Н.В.Новикова, П.Г.Софинова. М., 1947).

81

Измаил являлся базой русской Дунайской флотилии, для обслуживания которой и было намечено создание здесь адмиралтейства (Вице-адмирал Корнилов / Сб. док. под ред. Н.В.Новикова, П.Г.Софинова. М, 1947).

82

Нессельроде Карл Васильевич, граф (1780–1862) — министр иностранных дел (1816–1856).

Зверев Б. Вице-адмирал В.А.Корнилов. Симферополь, 1957. С.74.

Там же. С.79.

Там же. С.80.

86

Истомин Константин Иванович (1805–1876) — адмирал (1870); в 1827 г. мичман на корабле «Азов»; в 1846 г. капитан-лейтенант, офицер для особых поручений при М.П.Лазареве; в 1848 г. эскадр-майор при Николае I; в 1853 г. контр-адмирал, начальник штаба главного Кронштадтского порта; в 1855 г. начальник штаба при генерал-адмирале великом князе Константине Николаевиче (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Нахимов П.С. Документы. М., 1954. С.679.

88

Берх Морщ Борисович (1776–1860) — в 1851 г. вице-адмирал, в 1852–1855 гг. адмирал, исполняющий должность главного командира Черноморского флота и портов (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

89

Метлин Николай Фёдорович (1804–1884) — адмирал (1858). В 1821 г. окончил Морской кадетский корпус, после чего служил на Балтийском флоте. В 1829 г. был переведён на Черноморский флот, где командовал различными судами; участвовал в боевых действиях против турок во время войны 1828–1829 гг. В 1838 г. во время крейсерства у кавказского побережья был начальником штаба эскадры Лазарева. С 1841 по 1849 г. командовал кораблём «Гавриил», который по организации службы считался одним из лучших кораблей Черноморского флота. На флоте пользовались широкой известностью составленные им образцовые судовые расписания. В 1851 г., благодаря репутации неподкупно честного офицера, назначен и. д. обер-интенданта Черноморского флота и портов. С началом обороны Севастополя неоднократно обращался к командованию с просьбой о направлении его на боевую службу в осаждённый город, но в ноябре 1854 г. был назначен Меншиковым и. д. начальника штаба Черноморского флота с сохранением за ним обязанностей по прежней должности. Развил энергичную деятельность по снабжению Севастополя боеприпасами, продовольствием и военным имуществом, чем в значительной степени помогал держащим оборону войскам и отрядам моряков, с П.С.Нахимовым поддерживал искренние дружеские отношения. В сентябре 1855 г. был назначен заведующим морской частью в Николаеве и николаевским военным губернатором с правами главного командира Черноморского флота, в 1857–1860 гг. — временный управляющий Морским министерством. С 1860 г. — член Государственного Совета. Скончался 15 ноября 1884 г. Имел ордена Святого Владимира 4, 3, 2 и 1-й степеней, Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 2-й и 1-й степеней, Белого орла, Святого Александра Невского, Святого апостола Андрея Первозванного (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

«Силистрия» — корабль Черноморского флота. Заложен 24 декабря 1833 г. в Главном адмиралтействе в Николаеве. Спущен на воду 11 ноября 1835 г. Строитель А.С.Акимов. Длина 59 м по гон-деку, ширина 15,9 м, вооружение 88 орудий (36 и 24-фунтовые пушки и 24-фунтовые карронады). Активное участие в постройке корабля, как ранее в случае с «Палладой», принимал П.С.Нахимов. Он же стал первым командиром корабля и на протяжении десяти лет командовал «Силистрией» (1834–1837 и 1840–1845). В 1840 г. «Силистрия» участвовала в перевозке войск и высадке десантов на кавказский берег. Три года спустя корабль снова перевозил войска из Одессы в Севастополь и обратно. Примечательно участие «Силистрии» в установке мёртвых якорей в Новороссийской бухте в 1840–1841 гг. и в мае-июне 1846 г. В 1852 г. корабль был переделан в блокшив. 11 сентября 1854 г. корабль, среди прочих устаревших кораблей Черноморского флота, был затоплен на Севастопольском рейде между Константиновской и Александровской батареями.

«Двенадцать Апостолов» — корабль Черноморского флота, заложен 4 октября 1838 г. в Главном адмиралтействе г. Николаева. Строитель С.И.Чернявский. Спущен на воду 15 июня 1841 г. Длина 64,6 м, ширина 18,1 м, вооружение 120 орудий (28–68-фунтовых бомбических пушек, 72–36-фунтовых пушки, 24–24-фунтовых карронад). Экипаж около тысячи человек. Относился к наиболее совершенным парусным кораблям российского флота. По боевым качествам не имел равных среди парусных кораблей мира, отличался изяществом форм и красотой. Первым командиром корабля был В.А.Корнилов. В мае 1842 г. корабль перешёл из Николаева в Севастополь и в последующие годы, вплоть до 1852-го, в составе эскадр и самостоятельно находился в практических плаваниях в Чёрном море. В 1853 г. под флагом П.С.Нахимова участвовал в учебном сражении, а затем в перевозке войск 13-й пехотной дивизии. С началом обороны Севастополя, П. С. Нахимов держал свой флаг на корабле «Двенадцать Апостолов», а в середине декабря 1854 г. приказал приспособить его под временный госпиталь. 13 февраля 1855 г. корабль был затоплен на рейде между Николаевской и Михайловской батареями (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

91

Краббе Николай Карлович (1812–1878) — адмирал (1869); в 1853 г. капитан 1-го ранга, офицер для особых поручений при князе А.С.Меншикове; в 1860–1876 гг. управляющий Морским министерством (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

92

Матюшкин Фёдор Фёдорович (1799–1872) — адмирал (1867), лицейский друг А.С.Пушкина. После окончания Царскосельского лицея в 1817 г. в качестве волонтёра отправился в кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка» под командованием капитана 2-го ранга В.М.Головнина. В 1825–1826 гг. совершил второе кругосветное плавание на шлюпе «Кроткий» под командованием капитан-лейтенанта Ф.П.Врангеля. Участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В 1833 гг. переведён на Чёрное море. Командуя фрегатом «Браилов», в течение 1837–1838 гг. крейсеровал у берегов Кавказа, участвовал в высадке десантов в устье рек Туапсе и Шапсухо, в 1839–1849 гг. командовал 120-пушечным кораблём «Варшава». В 1849 г. переведён на Балтийский флот и назначен командиром 3-й бригады 3-й флотской дивизии. В дальнейшем служил в Инспекторском департаменте Морского министерства, являлся членом Комитета по составлению морского устава, членом морского генерал-аудиториата. В 1856 г. возглавил Морской учёный комитет, с 1865 г, член Правительствующего Сената. Скончался в 1872 г. Награждён орденами Святого Владимира 4, 3, 2-й степеней с мечами, Святого Георгия 4-й степени, Святого Станислава 3-й и 1-й степеней, Святой Анны 2-й и 1-й степеней (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

93

Рейнеке Михаил Францевич (1801–1859), вице-адмирал (1855), выдающийся русский моряк-гидрограф. Весной 1814 г. поступил в Морской кадетский корпус, в июне 1815 г. был произведён в гардемарины, в феврале 1818 г. окончил Морской кадетский корпус по результатам экзаменов третьим и получил первый офицерский чин мичмана. Первое практическое плавание совершил на корабле «Берлин» в Финском заливе, затем неоднократно участвовал в плаваниях между Кронштадтом и Архангельском, во время которых занимался навигационными наблюдениями.

В 1826 г. возглавил экспедицию для описи и промера Белого моря, продолжавшуюся до 1832 г. В 1831 г. по результатам работы экспедиции издал «Атлас карт Белого моря и Лапландского берега» (из 17 карт), а затем подготовил к изданию гидрографическое описание Белого моря и Лапландского берега (в двух частях). В течение 1833–1852 гг. участвовал в гидрографической экспедиции на Балтийском море в качестве начальника части съёмки и промера. Итогом этой работы явились карты Финского залива и Балтийского моря, которыми мореплаватели пользовались вплоть до Первой мировой войны.

В 1850 г. Рейнеке был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, в 1855 г. возглавил Морской учёный комитет. Скончался в 1859 г. Награждён орденами Святой Анны 1, 2 и 3-й степеней, Святого Владимира 2-й и 4-й степеней, Святого Станислава 1-й и 2-й степеней, Святого Георгия 4-й степени.

Дружба П.С.Нахимова с М.Ф.Рейнеке началась ещё в Морском кадетском корпусе. Скреплённая родством душ и огромным взаимным уважением, она продолжалась до момента трагической гибели П.С.Нахимова в июне 1855 г. После окончания Морского корпуса друзья расстались. Рейнеке занимался описанием Белого моря, Нахимов отправился в кругосветное плавание, затем на театр боевых действий в Архипелаг. Редкие встречи в Кронштадте и Архангельске дополнялись активной перепиской. Благодаря ей известны многие детали кругосветного плавания на фрегате «Крейсер» в 1822–1825 гг., сражения в Наваринской бухте в 1827 г., службы на корвете «Наварин» и пребывания в Севастополе. Подробнейшие письма П.С.Нахимов отправлял М.Ф.Рейнеке из Германии, где он долгое время находился на лечении. Из этих писем можно почерпнуть много интересного о круге знакомых Павла Степановича, его интересах и

наблюдениях, встретить откровенные высказывания, объясняющие его жизненную философию, узнать подробности жизни родных и близких (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

94

Константин Николаевич, великий князь (1827–1892) — сын императора Николая I, генерал-адмирал флота. В 1852–1855 гг. товарищ начальника Главного морского штаба Е.И.В., с 23 февраля 1853 г. — главный начальник флота и управляющий Морским министерством на правах министра (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

95

Анжу Пётр Фёдорович (1796–1869) — адмирал (1866), учёный-гидрограф. После окончания Морского кадетского корпуса в 1812 г. плавал на военных судах в Финском заливе, в 1820–1824 гг. возглавил Устьянскую (полярную) экспедицию для описания северного побережья Сибири и островов Ляховских, Котельный, Фаддеевых, Новая Сибирь. В 1826–1827 гг. участвовал в военно-учёной экспедиции, исследовавшей северо-восточные берега Каспийского моря и западный берег Аральского моря. В 1827 г. на корабле «Гангут» участвовал в Наваринском сражении. Затем плавал на Балтийском море. В 1844 г. был назначен капитаном над Кронштадтским портом, с 1849 г. — член Морского учёного комитета. В 1855 г. возглавил Департамент корабельных лесов, являлся членом совета Министерства государственных имуществ. Имел ордена Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й и 2-й степеней, Святого Станислава 2-й и 1-й степеней, Святой Анны 1-й степени, Белого орла.

Обращение М.Ф.Рейнеке к П.Ф.Анжу в столь деликатном вопросе, как разговоры о противоречиях между В.А.Корниловым и П.С.Нахимовым, объяснялось огромным уважением, которым Анжу пользовался не только в среде морских офицеров, но и в кругах петербургской знати, близкой к императорской фамилии (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

«М.П» — Михаил Петрович (Лазарев).

97

Письмо написано в 1854 году.

Морской штаб Е.И.В. (с 1831 г. — Главный морской штаб) создан 24 августа 1827 г. на основе Положения о предварительном образовании Морского министерства. В результате реформы морское управление было разделено на две части: Морской штаб и Морское министерство. В состав Морского штаба вошли канцелярия начальника штаба, Управление генерал-гидрографа, Управление дежурного генерала, Инспекторский департамент, Аудиториатский департамент, Учёный комитет, с 1831 г. — Строительный комитет. В Морском штабе было сосредоточено заведование строевой частью, личным составом флота и Морского ведомства, учебной частью в морских учебных заведениях. В ведении морского министра находились канцелярия, Адмиралтейств-совет, Управление генерал-интенданта, Управление генерал-штаб-доктора, Департамент корабельных лесов. С 1 сентября 1828 г. по 5 февраля 1836 г. Морским министерством управлял адмирал А.В.Моллер.

В 1836 г. произошло окончательное образование Морского министерства: Главный морской штаб и Морское министерство объединились в одну структуру — Морское министерство, которое подчинялось начальнику Главного морского штаба (с момента своего создания и до 1855 г. им оставался генерал-адъютант князь А.С.Меншиков). В 1855 г. руководство возглавил на правах министра генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич, ему помогал помощник в лице управляющего Морским министерством (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

Неопределённость положения В.А.Корнилова на посту начальника штаба Черноморского флота в значительной мере затрудняла нормальную работу Корнилова. Во время пребывания в Крыму адмирала Меншикова Корнилов 4 августа 1851 г. представил ему докладную записку, в которой просил урегулировать его служебные взаимоотношения с главным командиром Черноморского флота. Меншиков разрешил Корнилову обращаться непосредственно в Главный морской штаб, однако реальных прав по должности не предоставил. Не изменилось положение и после посещения Черноморского флота Николаем I. В письме брату от 3 ноября 1852 г. Корнилов сообщал: «Прощаясь со мною, Государь изволил сказать: «Что, ожидал, что исполню обещанное?»

Понимай, как знаешь!

За всем тем я генерал-адъютант, вице-адмирал, но тот же начальник штаба, который должен всех уверять или всем намекать, что ему велено за всем смотреть, на всё сердиться и что всякая вина ему на спину ложится. Трусливые этому верят, а смелые или сомневаются, или вовсе не верят.

Не знаю, долго ли положено держать нас всех в этом неестественном, фальшивом положении, но я не думаю, чтоб я, несмотря на все отличия, которыми осыпан и которых, может быть, не стою, мог выдержать долго такой порядок: не станет ни сил, ни здоровья, да и боюсь ни за что ни про что попасть в ответ. Государь мне много лично задал дел здесь, а как я их выполню, когда у меня нет другой власти, как власть Берха, которого формально не слушают. Кашин подаёт в отставку, надо вместо него надлежащего человека. Того и смотри, что назначение выйдет без моего участия, подобно вышедшему уже по представлению Берха к нему в чиновники особых поручений, тогда я на всё готов, тем более что я князя Меншикова предупредил» (Вице-адмирал Корнилов / Сб. док. под ред. Н.В.Новикова, П.Г.Софинова. М., 1947).

100

Лутковский Феопемпт Степанович — контр-адмирал. Был привлечён в 1826 г. как подозреваемый в заговоре к следствию по делу декабристов, в результате чего переведён на Черноморский флот «под особенный надзор» начальства. Несколько лет состоял при генерал-адмирале в качестве начальника штаба отряда плавающих с ним судов; с 1848 г. — вице-директор Инспекторского департамента Морского министерства. Умер 20 апреля 1852 г. (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

101

Английские инженеры, служившие в Черноморском ведомстве.

102

Материалы по Морскому уставу взяты из книги: *Золотарёв В.А., Козлов И.А.* Флотоводцы России. М., 1998. С. 273–275.

103

«Великий Князь Константин» — 120-пушечный корабль Черноморского флота, однотипный с кораблём «Двенадцать Апостолов». Заложен 7 мая 1850 г. в Спасском адмиралтействе г. Николаева. Спущен на воду 29 сентября 1852 г. В июле 1853 г. перешёл из Николаева в Севастополь, с 17 сентября по 2 октября участвовал в перевозке войск 13-й пехотной дивизии из Севастополя в Сухум-Кале. 12 ноября 1853 г. в составе эскадры контр-адмирала Ф.М.Новосильского вышел из Севастополя и 16 ноября прибыл к Синопу. 18 ноября, участвуя в Синопском сражении, подбил и заставил выброситься на берег турецкий фрегат «Несими-Зефир» и корвет «Неджими-Фешан», подавил береговую батарею. В ходе сражения корабль получил 30 пробоин, на нём были повреждены все мачты. 19 ноября на этот корабль перенёс свой флаг Нахимов с ещё более пострадавшей «Императрицы Марии». После боя «Великий Князь Константин» вернулся в Севастополь и до 5 октября 1854 г. на нём держал свой флаг начальник штаба Черноморского флота В.А.Корнилов. С декабря 1854 г. по март 1855 г. «Великий Князь Константин» был флагманским кораблём командующего эскадрой вице-адмирала П.С.Нахимова. 1 июля 1855 г., в день похорон П.С.Нахимова, на нём приспустили флаг и произвели салют. 28 августа 1855 г. при оставлении города корабль был затоплен на Севастопольском рейде.

«Императрица Мария» — 84-пушечный корабль Черноморского флота. Заложен 23 апреля 1849 г. в Главном адмиралтействе г. Николаева. Строитель — подполковник И.С.Дмитриев. Спущен на воду 9 мая 1853 г. Длина 62,8 м, ширина 12,3 м; вооружение 84 орудия (8—68-фунтовых бомбических пушек, 56–36-фунтовых, 20–24-фунтовых). Экипаж 770 человек. В июле 1853 г. корабль перешёл из Николаева в Севастополь, в августе этого же года участвовал в отражении учебной атаки на Севастопольский рейд. Осенью 1853 г. в составе эскадры вице-адмирала П.С.Нахимова принимал участие в перевозке войск 13-й пехотной дивизии из Севастополя в Сухум-Кале. 9 октября 1853 г. на корабле поднял свой флаг вице-адмирал Нахимов, а уже 11 октября он вышел из Севастополя к анатолийскому берегу для поиска турецких судов. 18 ноября «Императрица Мария» возглавила правую колонну кораблей Черноморского флота, участвовавших в Синопском сражении. Огнём своей артиллерии корабль поджёг турецкий флагманский фрегат «Ауни-Аллах» и фрегат «Фазли-Аллах», заставил их

выброситься на берег. В ходе сражения корабль получил 60 пробоин, был перебит весь такелаж, повреждены корма и галереи. После сражения Нахимов вынужден был перейти на менее повреждённый корабль, а «Императрица Мария» на буксире парохода «Крым» вернулась в Севастополь и встала на ремонт. Во время обороны Севастополя корабль был переоборудован под плавучий госпиталь и 28 августа 1855 г. затоплен на Севастопольском рейде при оставлении крепости нашими войсками.

После смерти П.С.Нахимова тело его покрыли флагом «Императрицы Марии», пробитым турецкими ядрами в Синопском сражении (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Золотарёв В.А., Козлов И.А. Флотоводцы России. М., 1998. С.275.

105

Зайончковский А.М. Последний смотр Императором Николаем Павловичем Черноморского флота в 1852 году (Из рассказа очевидца) //Сб. «Николай Первый и его время». М., 2000. С.371–375.

Там же. С.373.

107

Получеловек, полубезумец (*фр.*).

Екатерина Тимофеевна — вдова М.П.Лазарева.

109

На время отсутствия В.А.Корнилова генерал-лейтенант А.Н.Лидерс, пользуясь слабым и неумелым руководством М.Б.Берха, фактически принял командование флотом на себя. Такое положение привело к тому, что по флоту был отдан ряд поспешных и непродуманных распоряжений, выполнение которых В.А.Корнилов вынужден был приостановить.

110

Имеется в виду генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич.

111

М. — мыс.

112

Материалы по крейсерству 1853 г. взяты из книги: *Золотарёв В.А., Козлов И.А.* Флотоводцы России. М., 1998. С.275–278.

113

П.С.Нахимов был награждён орденом Святого Владимира 2-й степени.

114

Панфилов Александр Иванович (1808–1874) — адмирал (1866). По окончании Морского корпуса в 1824 г. служил на Балтийском флоте, в 1828–1830 гг. на корвете «Наварин» крейсеровал в Архипелаге, по возвращении в Кронштадт был определён старшим офицером на фрегат «Паллада». В 1834 г. вместе с Нахимовым переведён на Черноморский флот и назначен старшим офицером на корабль «Силистрия», затем командовал тендером «Луч», участвовал в Константинопольской экспедиции, крейсеровал у абхазских берегов, занимался перевозкой войск для Черноморской береговой укреплённой линии. В 1849–1853 гг. командовал кораблём «Двенадцать Апостолов». В 1853 г. был назначен командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии, участвовал в перевозке войск 13-й пехотной дивизии. Имея свой флаг на пароходе «Крым», отличился 18 ноября 1853 г. при пленении турецкого парохода «Таиф». В ходе обороны Севастополя возглавлял 3-е отделение оборонительной линии. С 29 июня по 2 октября 1855 г. занимал должность командира Севастопольского порта, был помощником начальника Севастопольского гарнизона. При отступлении из Севастополя состоял в должности начальника сухопутных и морских войск и всех укреплений, расположенных на Северной стороне Севастопольской бухты. Затем — военный губернатор Николаева и Севастополя, командир Свеаборгского порта, член Адмиралтейств-совета. Награждён орденами Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, Святого Станислава 4, 3 и 2-й степеней, Святой Анны 2-й и 1-й степеней, Святого Владимира 3-й степени с мечами и 2-й степени, Белого орла (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

115

Новосильский Фёдор Михайлович (1808–1892) — генерал-адъютант (1863), адмирал (1863). В 1819–1823 гг. учился в Морском кадетском корпусе. До 1829 г. служил на Балтийском флоте, затем был переведён на Чёрное море и зачислен на бриг «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А.И.Казарского, участвовал на нём в знаменитом бое с двумя турецкими кораблями. В 1834 г. был назначен командиром этого брига, в 1837–1838 гг. крейсеровал у восточных берегов Чёрного моря, участвовал в боевых действиях против горцев. В 1838 г. произведён в капитаны 2-го ранга и назначен командиром корабля «Три Святителя», с 1840 г. — капитан 1-го ранга. В 1849 г. произведён в контр-адмиралы и назначен командиром 3-й бригады 4-й флотской дивизии. С 1853 г. — командир 4-й флотской дивизии. В Синопском сражении был младшим флагманом эскадры, держал свой флаг на корабле «Париж», за участие в истреблении турецкой эскадры был награждён орденом Святого Георгия 3-й степени.

В период обороны Севастополя командовал 2-м отделением оборонительной линии и постоянно находился на 4-м бастионе. После гибели П.С.Нахимова до оставления города был командиром порта и военным губернатором Севастополя. Затем возглавлял войска Николаевского гарнизона. В конце октября 1855 г. переведён на Балтийский флот и назначен главным командиром Кронштадтского порта и кронштадтским военным губернатором. С 1866 г. — член Государственного Совета. Скончался 8 ноября 1892 г. Имел ордена Святого Владимира 4, 3 и 1-й степеней, Святой Анны 3-й степени, Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, Святого Александра Невского, Святого апостола Андрея Первозванного (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

116

Речь идёт о крупнейших в истории морских сражениях.

Абукирское морское сражение произошло 1–2 августа 1798 г. в заливе Абукир в 13 милях к востоку от Александрии в ходе египетской экспедиции французской армии и флота. Английская эскадра под командованием контр-адмирала Г.Нельсона после двухмесячной бесплодной погони за французским флотом по Средиземному морю подошла к Александрии и, обнаружив на открытом рейде эскадру французского вице-адмирала Брюэса, атаковала её. В этом сражении французский флот потерял 11 линейных кораблей и 2 фрегата, количество погибших составило около 3500 человек. Французская армия генерала Бонапарта оказалась отрезанной, а вся египетская экспедиция — обречённой на неудачу. Потери Англии составили 218 убитыми и 678 ранеными (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

117

Трафальгарское морское сражение между франко-испанской эскадрой под командованием адмирала Вильнева и английской эскадрой под командованием адмирала Г.Нельсона произошло 9 (21) октября 1805 г. в 10–12 милях к северо-западу от мыса Трафальгар при попытке союзного флота покинуть порт Кадис и выйти в Средиземное море. Потери союзного флота составили 8 французских и 9 испанских линейных кораблей, около 7 тысяч убитых, раненых и пленных. Английский флот потерял 1700 человек. 7 английских кораблей были серьёзно повреждены. В ходе сражения погиб командующий английской эскадрой адмирал Г.Нельсон (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

118

Бутаков Григорий Иванович (1820–1882) — адмирал (1878), участник обороны Севастополя, основоположник тактики парового и броненосного флота. По окончании Морского корпуса в 1837 г. служил флаг-офицером у М.П.Лазарева, участвовал в высадке десантов на кавказское побережье Чёрного моря. В 1851 г. начал службу на только что вводившихся паровых судах, проявил интерес к ним, позднее стал разрабатывать тактику парового флота. 5 ноября 1853 г., командуя пароходофрегатом «Владимир», недалеко от Босфора провёл первый в истории флота бой двух паровых кораблей, в результате которого турецкий пароход «Перваз-Бахри» спустил флаг и был отведён в Севастополь.

Во время обороны Севастополя руководил действиями пароходофрегатов, осуществляя постоянную поддержку батарей, а также отрядов на вылазках, нанося удары по пехотным резервам противника. По окончании Крымской войны был флотским начальником в Николаеве, а потом переведён на Балтийский флот, где длительное время командовал эскадрой винтовых и броненосных кораблей. В 1863 г. издал фундаментальный труд «Новые основания пароходной тактики», принёсший ему мировую известность учёного-флотоводца. Занимался подготовкой офицерских кадров для парового броненосного флота, в их числе — его лучший ученик и последователь вице-адмирал С.О.Макаров. В последние годы жизни был начальником береговой и морской обороны Свеаборга, затем главным командиром Петербургского порта. Скончался в 1882 г.

Имел ордена Святого Георгия 4-й степени, Святой Анны 4, 3, 2-й степеней с мечами, 1-й степени, Святого Владимира 4, 3, 2-й степеней, Святого Станислава 1-й степени с мечами, Белого орла, Святого Александра Невского (П. С. Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

119

Речь идёт о турецко-египетском пароходе «Перваз-Бахри» («Морской вьюн»), который после боя с «Владимиром» был взят русскими моряками как боевой трофей.

120

За время боя на «Перваз-Бахри» был убит 151 человек.

121

По материалам газеты «Флаг Родины»:
Рыжонок Г. Адъютант адмирала Корнилова. 1997. 14 января.
Шавшин В. Роковая шашка. 1990. 25 января.

122

Истомин Владимир Иванович (1809–1855) — контр-адмирал (1853), герой Севастопольской обороны, сподвижник П.С.Нахимова и В.А.Корнилова. В марте 1823 г. поступил в Морской кадетский корпус, в мае следующего года был произведён в гардемарины. Будучи гардемарином, в 1827 г. получил назначение к Лазареву на корабль «Азов», на котором участвовал в Наваринском сражении, и за проявленную в нём храбрость был произведён в мичманы. На том же корабле плавал в Дарданеллах. Затем служил на Балтийском флоте на корабле «Память Азова». В 1835 г. по ходатайству М.П.Лазарева был переведён в Черноморский флот, где последовательно командовал кораблём «Варшава», яхтой «Резвая», шхуной «Ласточка», корветом «Андромаха». Участвовал в сухопутных боевых действиях против горцев (в осадах и штурмах укреплений Гергебиль и Салты). В 1850 г. назначен командиром 35-го флотского экипажа и корабля «Париж», на котором 17 ноября 1853 г. участвовал в Синопском сражении.

С началом обороны Севастополя был назначен Корниловым начальником отделения оборонительной линии, включавшего большую часть укреплений Корабельной стороны. Вместе с инженером полковником В.П.Ползиковым под огнём противника организовал оборону Малахова кургана и прилегающей к нему местности. 7 марта 1855 г. убит на Камчатском люнете. Похоронен во Владимирском соборе Севастополя рядом с могилами М.П.Лазарева и В.А.Корнилова. Был награждён орденами Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Владимира 4-й и 3-й степеней, Святого Станислава 2-й степени (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

123

«Морской сборник» — ежемесячный журнал, орган Морского министерства. Начал выходить в Петербурге с 1848 г.; с 1918-го — в Москве. В первое время своего существования был типичным ведомственным изданием, ориентированным на специальные вопросы военно-морского дела. Но во время Крымской войны характер «Морского сборника» существенным образом изменился: в нём стали появляться статьи о причинах поражения русского флота, о недостатках его устройства. В том числе там были опубликованы и полемические материалы.

124

Журнал «Русский Архив» в № 12 за 1867 г. поместил анонимную статью «Из записок севастопольца», принадлежащую, как считали многие, перу Н.Берга. Статья, наполненная клеветническими измышлениями в отношении П.С.Нахимова и В.А.Корнилова, вызвала негодование людей, хорошо их знавших.

Нахимов П.С. Документы. М., 1954. С.327–351.

Там же. С.321.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004. С.17.

Там же. С.35.

129

Там же. С.20.

Казарин В. Битва за ясли Господни // Роман-журнал XXI век. 2005. № 5–6. С.64.

Золотарёв В.А., Козлов И.А. Флотоводцы России. М., 1998. С.280–281.

Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997. С.143–144.

133

Там же. С.145.

Золотарёв В.А., Козлов И.А. Флотоводцы России. М., 1998. С.281.

135

Там же. С.282.

Там же. С.283–284.

Тарле Е.В Крымская война. Т.IX. М., 1959. С.102–103.

Ткачёв А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. Ч.2. 1995. С.56.

139

Золотарёв В.А., Козлов И.А. Флотоводцы России. М., 1998. С.284–285.

140

Эполемент — земляное закрытие, предназначавшееся для обеспечения орудий батарей с фланга.

141

Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997. С.156–157.

Тарле Е.В. Крымская война. Т.IX. М., 1959. С.123.

143

Там же. С.129

Там же. С.127

145

Что им от меня нужно? (*фр.*).

Ткачёв А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. Ч.2. 1995. С.59–60.

147

Там же. С.60–61.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004. С.121.

Тарле Е.В. Крымская война. Т.IX. М., 1959. С.124.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004. С.108, 113–115.

151

Канробер — главнокомандующий экспедиционной армией после смерти маршала Сент-Арно.

152

Ткачёв А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. Ч.2. 1995. С.61.

Тарле Е.В. Крымская война. Т.IX. М., 1959. С.130–131.

Оборонительная линия была разделена на три дистанции или отделения. Первое отделение от 10-й приморской батареи по редут Шварца возглавлял генерал-майор Асланович. Далее, до Южной бухты, простирались позиции второго отделения, начальником которого был вице-адмирал Новосильский. На Городской стороне находилось около 8 тысяч войск. Столько же солдат защищало и Корабельную сторону — третье отделение, которое возглавлял контр-адмирал Истомин.

155

Ткачёв А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. Ч.2. 1995. С.61–62.

Там же. С.62–63.

Тарле Е.В. Крымская война. Т.IX. М., 1959. С.133–134.

Ткачёв А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. Ч.2. 1995. С.63–64.

159

Тарле Е.В. Крымская война. Т.IX. М., 1959. С.134.

Ткачёв А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. Ч.2. 1995. С.65.

161

«Инженер-полковник Э.И.Тотлебен. Сапёрный полковник Евреинов. Младший врач Андреев». Сведения эти взяты из списка, собственноручно составленного В.А.Корниловым на рапорте поручика Кутитонского о результатах наблюдения за неприятельскими войсками и приложенного к публикуемому письму (Вице-адмирал Корнилов / Сб. док. под ред. Н.В.Новикова, П.Г.Софинова. М., 1947).

Лихачёв Иван Фёдорович (1826–1907) — вице-адмирал (1874); в 1854 г. капитан-лейтенант на пароходофрегате «Бессарабия», флаг-офицер В.А.Корнилова; в 1854–1855 гг. капитан 2-го ранга, заведовал средствами переправы и наблюдал за постройкой моста через Севастопольскую бухту; в 1858 г. капитан 1-го ранга, и.д. начальника штаба Черноморского флота и портов; автор статей по вопросам воспитания личного состава флота и боевой подготовки (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Попов Андрей Александрович (1821–1898) — адмирал (1891), кораблестроитель; в 1853 г. капитан-лейтенант на пароходе «Крым»; в 1854 г. на пароходах «Эльборус», «Турок», «Андия» и «Тамань» крейсировал в Чёрном море; в 1854–1855 гг. капитан 2-го ранга, офицер для поручений при В.А.Корнилове, затем при П.С.Нахимове устроил боновые заграждения Севастопольского рейда и организовал перевозные средства для сообщения Северной и Южной сторон Севастополя; с июля 1855 г. командир 32-го флотского экипажа (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Барятинский Виктор Иванович, князь — в 1853 г. капитан-лейтенант на пароходофрегатах «Владимир», «Одесса»; флаг-офицер В.А.Корнилова; в 1854–1855 гг. участник обороны Севастополя (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Пестич Филимон Васильевич (1821–1894) — генерал, известный деятель морской артиллерии; в 1854 г. штабс-капитан корпуса морской артиллерии, состоял при штабе В.А.Корнилова, руководил вооружением строящихся укреплений; в 1855 г. капитан, заведовал снабжением боеприпасами всех батарей оборонительной линии Севастополя (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Ильинский Дмитрий Васильевич — в 1854 г. капитан-лейтенант (1860), адъютант В.А.Корнилова, командир 5-го бастиона; исполнял должность начальника 5-го отделения оборонительной линии Севастополя (П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т.1, 2. СПб., 2003).

Львов Алексей Петрович — в 1853 г. лейтенант на пароходофрегате «Херсонес» и бриге «Эндимион»; в 1854–1855 гг. командир батареи на Малаховом кургане, состоял при штабе В.А.Корнилова; убит при отражении штурма в 1855 г. (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Жандр Александр Павлович (1825–1895) — вице-адмирал (1879); в 1844 г. по окончании Морского кадетского корпуса получил назначение на Черноморский флот; с августа 1850 г.

состоял при Корнилове для особых поручений; в 1853 г. лейтенант; в день Синопского сражения на пароходофрегате «Одесса» участвовал в преследовании турецкого корабля «Таиф»; в декабре 1854 г. был произведён в капитан-лейтенанты; после гибели В.А.Корнилова состоял при канцелярии главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму князя А.С.Меншикова; в 1857 г. назначен управляющим кораблестроительной экспедицией Черноморского интендантства, а в 1858 г. — вице-директором Кораблестроительного департамента; в 60-х гг. принимал участие в разработке реформы Морского министерства.

Ещё при жизни В.А.Корнилова Жандр занялся сбором документов для написания его биографии, фактически став первым биографом адмирала. Он проделал большую работу по извлечению документов из архива штаба Черноморского флота, походной канцелярии этого штаба, канцелярии начальника артиллерии в Севастополе. Жандр имел доступ к семейному архиву Корнилова, откуда им были извлечены письма вице-адмирала, относящиеся к периоду обороны Севастополя. Обобщив весь собранный материал, он написал книгу «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В.А.Корнилова, собранные и объяснённые кап. — лейт. А.Жандром, бывшим его флаг-офицером» (СПб., 1859). Богатый подбор документов сделал её незаменимым источником для изучения истории Севастопольской эпопеи и огромной роли, которую сыграл в ней П.С.Нахимов. Книге в то же время был присущ ряд недостатков, замеченных ещё участниками обороны Севастополя. Это касалось прежде всего той её части, где непосредственно излагались исторические документы: некоторые из них Жандр просто пересказывал своими словами, другие дополнял личными воспоминаниями и справками, из личных материалов В.А.Корнилова выпускал нелицеприятные характеристики Берха, Моллера, Меншикова (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Крюднер (Криднер) Павел Павлович, барон — капитан 2-го ранга (1857); в 1853 г. лейтенант, флаг-офицер В.А.Корнилова, плавал на пароходофрегатах «Владимир» и «Бессарабия»; в 1854–1855 гг. капитан-лейтенант, участник обороны Севастополя (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Скарятин Николай Дмитриевич — капитан 2-го ранга (1865); в 1854–1855 гг. лейтенант, командир батарей на 2-й оборонительной линии, на Малаховом кургане, на 2-м бастионе, а затем — командир Селенгинского редута; состоял при штабе В.А.Корнилова (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Шестаков Пётр Алексеевич — в 1854 г. лейтенант, состоял

при штабе В.А.Корнилова; в 1855 г. капитан-лейтенант, адъютант начальника штаба Черноморского флота и портов, командир укреплений за Килен-балкой. Погиб в 1855 г. (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

163

Шильдер Карл Андреевич (1785–1853) — инженер-генерал, генерал-адъютант.

164

Горчаков Михаил Дмитриевич, князь (1793–1861) — генерал-адъютант (1829), генерал от артиллерии (1844); в 1853 г. главнокомандующий Южной армией; с 24 февраля 1855 г. — главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

165

Фланкирование — ведение огня во фланг боевых порядков противника.

166

Гласис — пологая земляная насыпь, возводившаяся перед наружным рвом крепости, которая улучшала условия обстрела местности впереди вала и маскировку.

167

Батарея «Жерве» названа в честь Петра Любимовича Жерве; в 1854–1855 гг. мичмана, затем лейтенанта, командира батареи на Малаховом кургане (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997. С.165–166.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004. С.124.

Там же. С.133.

171

Русская мера длины, равная трём аршинам (2,13 метра). Таким образом, 450 саженей — 958,5 метра; 1200 саженей — 2556 метров; 1050 саженей — 2236,5 метра.

172

Приблизительно в 1278–1491 метрах.

Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997. С.168–169.

174

Павел Петрович Липранди — генерал-лейтенант, начальник 12-й пехотной дивизии.

175

В описании последнего дня жизни В.А.Корнилова мной не придумано ни одного слова: все подробности взяты из воспоминаний офицеров штаба вице-адмирала В.А.Корнилова. Полностью сохранена хронологическая последовательность и стилистические особенности текстов того времени. (*Прим. авт.*)

176

Павловский Василий Иванович (ум. в 1855) — в 1853 г. надворный советник, штаб-лекарь на пароходе «Одесса»; в 1854 г. старший врач 41-го флотского экипажа; оказал медицинскую помощь смертельно раненому В.А.Корнилову (П.С.Нахимов. Документы и материалы).

177

Интрепель — абордажное оружие, род топора с обухом в виде четырёхгранного заострённого зуба, загнутого назад.

178

Отопить реи — поставить реи наклонно, чтобы один нок был выше другого; в данном случае такое положение реев делалось в знак траура.

179

Витали Иван Петрович (1794–1855) — известный скульптор. Проект памятника, установленного только через сорок один год, 5 октября 1894 г., выполнили генерал-лейтенант А.А.Бильдерлинг и академик И.Н.Шрёдер. В годы Великой Отечественной войны фашисты варварски уничтожили памятник: бронзовые отливки переплавили в Германии, а цоколь и постамент взорвали. Уцелел только крест из ядер, который после Крымской войны вмонтировали в гранитную плиту. Памятник воссоздан к 200–летию Севастополя в 1983 г. по проекту скульптора М.В.Вронского и архитектора В.Г.Гнездилова.

Тарле Е.В. Крымская война. Т.IX. М., 1959. С.452.

181

«Сборник известий, относящихся до настоящей войны», изд. Н.Путиловым, кн.23. СПб., 1855. С.514–515.

182

Этот день разрушил много иллюзий (*фр.*).

Шкловский В. Лев Толстой. М., 1967. С.163.

Ткачёв А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. 1995.

185

Ткачёв А. Дорога чести.